

ЦЕНА
СЛОВА

Из практики лингвистических экспертиз
текстов СМИ в судебных процессах
по защите чести, достоинства
и деловой репутации

ИЗДАНИЕ
III

Гильдия лингвистов-экспертов
по документационным
и информационным спорам

МОСКВА
2002

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ
ФОНД ЗАЩИТЫ ГЛАСНОСТИ

ЦЕНА СЛОВА

*Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ
в судебных процессах по защите чести, достоинства
и деловой репутации*

3-е издание, исправленное и дополненное

Москва
Издательство «ГАЛЕРИЯ»

2002

УДК 801.73:347.948
ББК 67.410
Ц 37

Утверждено к печати Редакционным советом
Фонда защиты гласности

Ответственный редактор, автор предисловия и проекта книги—
профессор М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Авторы-составители —

А.Н. БАРАНОВ, Ю.А. БЕЛЬЧИКОВ, М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
Ю.А. САФОНОВА (ответственный секретарь), Б.С. ШВАРЦКОЛП

Приложение:

В.Н. БАЗЫЛЕВ, А.Н. БАРАНОВ, Ю.А. БЕЛЬЧИКОВ,
М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, Е.С. КАРА-МУРЗА, Л.П. КРЫСИН, А.А. ЛЕОНТЬЕВ,
А.С. МАМОНТОВ, А.Р. РАТИНОВ, Ю.А. САФОНОВА, Ю.А. СОРОКИН

*Издание выпущено в свет благодаря содействию
организации «National Endowment for Democracy»*

**Ц37 Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ
в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой
репутации/Под ред. проф. М.В. Горбаневского — 3-е изд., испр.
и доп. — М.: Галерея, 2002. — 424 с.**

В книге, первая часть которой — уникальная хрестоматия, собраны и прокомментированы тексты тридцати одной лингвистической экспертизы, выполненной в ходе судебных процессов по обвинению в унижении чести, достоинства и деловой репутации, оскорблении и клевете. Издание может служить справочным пособием по тем критериям культуры речи, которые должны способствовать освобождению текстов СМИ от оскорбительных выражений и оборотов, от ненормативной, инвективной и обценной лексики. Составители книги, профессиональные эксперты-лингвисты, помогают читателям лучше ориентироваться в вопросах семантической, стилистической и этимологической интерпретации отдельных пластов русской лексики. В рубрике «Компетентное мнение» представлены актуальные суждения о лингвистических экспертизах, высказанные известными правоведами, экспертами, руководителями журналистских организаций. В 3-е издание наряду с новыми текстами лингвистических экспертиз включен весьма актуальный тематический раздел «Методические рекомендации».

Издание адресовано сотрудникам печатных и электронных СМИ, следователям, дознавателям, судьям, прокурорам, адвокатам, студентам и аспирантам факультетов правоведения, филологии и журналистики, правозащитникам.

УДК 801.73:347.948
ББК 67.410

ISBN 5-8137-0083-8

© Фонд защиты гласности, 2002 г.
© Гильдия лингвистов-экспертов по документационным
и информационным спорам, 2002 г.
© М.В. Горбаневский, 2002 г.
© Издательство «Галерея», оформление, 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. *М.В. Горбаневский,*
доктор филологических наук, профессор 12

Будь осторожен, выбирая слово!
М.В. Горбаневский, доктор филологических наук, профессор 15

Часть 1. Лингвистические экспертизы**Экспертиза 1**(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф*)

Т. Турагина и А. Атанасов «Бюджет-97: пирог поделен, крошек не осталось». Газета «Нефть Приобья», № 2, 1997 37

Судебный марафон длиной в полтора года.

«Пресса и власть» («Нефть Приобья», 11.07.1998) 39

Экспертиза 2(Эксперты: *А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова*)

А. Бобров «Листопадник: Удушение родного». Газета «Советская Россия», 30.10.1997 41

Экспертиза 3(Эксперты: *А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова, Н.А. Фатеева*)

Интервью *А.В. Минкина* *А. Венедиктову*. Радиостанция «Эхо Москвы», 12.10.1997 46

Светлана Сухова «Эхо Москвы» предлагает

Анатолию Чубайсу устроить литературные чтения.

Газета «Сегодня», 11.07.1998 53

Экспертиза 4(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф*)

А. Петухов «Директорский междуособойчик». Газета «Пермские новости», 13.03.1998 54

Экспертиза 5(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Н.А. Фатеева*)

С.Ю. Садальский «Презирая смерть, или Скандальное открытие Азиы в Крещенскую ночь». «Экспресс-газета», № 3, 1998 56

«Садальский обзывал Азису безнаказанно».

Газета «Московский комсомолец», 02.10.1998 60

Экспертиза 6

(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф*)

В. Ладный «Черное золото — черным налогом». Газета «Комсомольская правда», 27.05.1998 61

Экспертиза 7

(Эксперты: *А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова*)

«Есть дела, а есть слова, или Может, перестанете лукавить, господа Троеглазов и Толмачев?». Газета «Капитал-Иваново», ноябрь 1998 66
Некоторые комментарии 72

Экспертиза 8

(Эксперты: *А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова*)

Митинг 4 октября 1998 г. в г. Москве на Смоленской-Сенной площади; митинг 7 октября 1998 г. в г. Самаре (выступления *В.М. Гунько, А.М. Макашова, А.А. Маркова, Э.В. Савенко (Лимонова), М.В. Филина*) 73

Экспертиза 9

(Эксперт: *Б.С. Шварцкопф*)

А. Цветков «С паранойяльной настойчивостью губернатора». Ярославль, 1998 83

Экспертиза 10

(Эксперты: *А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова*)

А. Гордон. Передача «Хмурое утро». Радиостанция «Серебряный дождь», 12.02.1999 85

Экспертиза 11

(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф*)

М. Александрова «Российскую рекламу делят по-братски». Газета «Известия», 18.02.1999 89

Экспертиза 12

(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф*)

А. Кузина «А король-то... того-с!». Газета «Московский комсомолец», 16.08.1999 92

Экспертиза 13

(Эксперты: *Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф*)

Пресс-конференция *Б. Березовского*. ИнформAGENTство «Интерфакс», 16.09.1999 96

Запрос Центральной юридической консультации в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина	100
Ответ специалистов Института русского языка им. А.С. Пушкина ...	101
Заключение Кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова	101

Экспертиза 14

(Эксперт: *Б.С. Шварцкоф*)

Передача «Зеркало», ведущий Н. Сванидзе (РТР), 19.09.1999	102
Запрос Юридической консультации № 12 Московской городской коллегии адвокатов	103

Экспертиза 15

(Эксперты: *Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова,
Б.С. Шварцкоф; Л.Ю. Иванов*)

Авторская передача С. Доренко на ОРТ. 05.09.1999, 26.09.1999, 03.10.1999	104
Заключение специалистов Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)	114
Определение понятий	118

Экспертиза 16

(Эксперт: *Ю.А. Сафонова*)

Рубрика «Не за семью печатями: 3 вопроса — 3 ответа» (подготовил В. Фомин). Газета «Нарьяна Вындер», 10.11.1999	119

Экспертиза 17

(Эксперт: *И.Б. Левонтина*)

<i>Н. Агарков</i> «Реформы по Талю». «Независимая газета», 28.12.1999	121

Экспертиза 18

(Эксперты: *Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова*)

<i>М. Бекетов</i> «Реванш». Газета «Химкинские новости», 12.01.2000	125
Научно-консультативное заключение сексологической ассоциации «Культура и здоровье»	127

Экспертиза 19

(Эксперт: *И.Б. Левонтина*)

«Инструмент слесаря Шандыбина». Газета «Комсомольская правда», 12.06.2000	129

Экспертиза 20

(Эксперт: *И.Б. Левонтина*)

Заметка «НИИ Минобороны растранижил бюджетные деньги». Газета «Коммерсантъ», 06.05.2000 131

Экспертиза 21

(Эксперты: *А.Н. Баранов, Л.П. Крысин, И.Б. Левонтина*)

Авторская передача С. Доренко на ОРТ, 07.11.1999 133

Экспертиза 22

(Эксперты: *Л.Ю. Иванов, Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова*)

Письмо генерального прокурора России в Госдуму, 04.06.2000 139

Экспертиза 23

(Эксперты: *Н.Д. Голев, В.А. Пищальникова*)

Телевизионная передача ГТРК «Алтай», 02.08.1999 141

Фрагмент стенограммы передачи 144

Экспертиза 24

(Эксперты: *Л.Ю. Иванов, Л.П. Крысин, Е.Н. Ширяев*)

А. Ореховский. «Живило говорил о проблемах КМК и Тулееве». Газета «Кузнецкий край», 17.07.1999 145

Экспертиза 25

(Эксперт: *М.А. Венгранович*)

И. Карасев. «Среди кандидатов на кресло в Госдуму есть богачи, нищие и бомжи». Газета «Площадь свободы», № 208, 05.11.1999 151

Фрагмент оспариваемого текста 158

Экспертиза 26

(Эксперт: *Л.Е. Кириллова*)

Л. Чеснокова. «На “Берег Надежды” родных не пустили». Газета «Комсомольская правда» в Приморье», 10.07.2001 159

Экспертиза 27

(Эксперт: *Э.Д. Головина*)

В. Ишаев. «Особый район России». Газета «Тихоокеанская звезда», 13.05.1998 162

В. Ишаев. Особый район России. Фрагмент оспариваемого текста 165

Экспертиза 28

(Эксперт: *О.Н. Матвеева*)

Д. Негреев. «Комментарий “СК”». Газета «Свободный курс», № 32, 09.08.2001 165

Текст оспариваемой статьи	170
Из отзыва представителя ответчика на исковое заявление	171

Экспертиза 29

(Эксперты: <i>Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, Ю.А. Сафонова</i>)	
<i>Е. Шилов. «Честь имею!». Газета «МК» в Пензе»,</i>	
<i>№ 4, 25.01–01.02.2001</i>	<i>172</i>

Экспертиза 30

(Эксперты: <i>Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский,</i>	
<i>Е.С. Кара-Мурза, А.С. Мамонтов, В.М. Шаكليев</i>)	
<i>С. Дылевская. «Хабаризация» всей страны. Часть 2».</i>	
<i>Электронный бюллетень представительства</i>	
<i>«Интерньюс Нетуорк» в Казахстане, № 23 (117) за 2001 г.</i>	<i>179</i>

Экспертиза 31*

(Эксперты: <i>Е.И. Галяшина, М.В. Горбаневский, Ю.А. Сафонова</i>)	
<i>В. Трифонов. «Владимир Кожухов: АИСТ будет объявлен банкротом».</i>	
<i>Газета «Тольяттинское обозрение», 9.08.2000</i>	<i>194</i>

Часть 2. Вопросы — ответы

1. В каком случае лингвисты пишут заключение, а в каком — экспертизу?	215
2. Какие материалы должны быть предоставлены экспертам для исследования?	215
3. Какие вопросы могут быть поставлены перед лингвистами?	215
4. Может ли лингвист определить, соответствует ли действительности информация о лице?	215
5. Может ли лингвист определить, что в тексте содержится клевета?	216
6. Какие слова можно считать обидными?	216
7. Может ли ироническое высказывание быть оскорбительным?	216
8. Как соотносится интонация и знаки препинания?	216
9. Можно ли по одному высказыванию определить задачи автора?	216
10. Достаточно ли наличия в тексте «непечатного» слова, чтобы сделать вывод об оскорбительной направленности текста?	216
11. Всегда ли вопросительный знак указывает на вопрос?	216

* По структуре и оформлению данное экспертное заключение соответствует всем действующим в РФ нормам, законам и подзаконным актам и может быть рекомендовано как типовое для новых экспертных заключений, выполняемых по определению судов общей юрисдикции.

12. Что значит дословное воспроизведение текста, как можно определить дословность воспроизведения? 217
13. Как по словарю определить, содержит ли слово неодобрительную или иную эмоционально-экспрессивную окраску? 217
14. Какими словарями следует пользоваться при анализе текста? 217

Словари и справочники, использованные в экспертных заключениях 218

Разъяснение некоторых терминов и слов, использованных в текстах экспертиз: *абзац, адресант, адресат, аллюзия, анафорические связи в тексте, анафорическое употребление местоимений, анонимное цитирование, ассоциация, аутентичность, афоризм, бранные слова, буквальный, вводные слова, конструкции, вербальная форма сведения, верифицируемый, врезка, дефиниция, диалог, затекстовая словесная форма подачи информации, игра слов, идиоматичность, импликация, инвектива, инвективная лексика, интерпретация, ирония, историзмы, каламбур, ключевые слова, коммуникативное намерение, коннотация, контекст, крылатые слова и выражения, матерщина, матизмы, метафора, неинвективная лексика, нейтральная лексика, ненормативная лексика, непристойные слова, номинация, носитель языка, обиходная лексика, обценная лексика, окказионализмы, оскорбление, оценочные именованья, оценочные суждения, паронимия, переносное значение, подтекстовая форма подачи информации, предположение, риторический вопрос, сведения, скрытая вербальная форма сведений, словесная форма сведений, ссылка, суффикс субъективной оценки, табуированные слова, уничижительные слова, устарелые слова, утверждение, цитата, цитация, эвфемизм 220*

Часть 3. Компетентное мнение

- Когда не стесняются в выражениях...
А.Р. Ратинов, доктор юридических наук 227
- Экспертиза текстов массовой информации — необходимое условие подлинного правосудия.
Б.Н. Пантелеев, советник юстиции 2 класса 237
- Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве.
Е.И. Галяшина, доктор юридических наук, кандидат филологических наук 244

Правовой статус судебной лингвистической экспертизы. <i>Т.В. Губаева, доктор юридических наук, кандидат филологических наук</i>	253
Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики. <i>Н.Д. Голев, доктор филологических наук, О.Н. Матвеева, методист-исследователь лаборатории юрислингвистики и развития речи</i>	257
Сотрудничество с Гильдией поможет российским судам. <i>И.Ф. Селютина, судья</i>	266
Честь, достоинство и слово. <i>В.В. Славкин, кандидат филологических наук</i>	268
Зачастую журналисты действительно неправы. <i>А.К. Симонов, президент Фонда защиты гласности</i>	274
Профессионализм плюс ответственность. <i>В.Н. Дмитриев, член правления Медиасоюза, главный редактор газеты «Новгородские ведомости»</i> <i>А.Н. Банковский, руководитель отделения Медиасоюза по Новгородской области, главный редактор газеты «Старая Русса»</i>	277
Падение престижа журналистики связано и с деградацией языка СМИ. <i>И.А. Яковенко, генеральный секретарь Союза журналистов России</i>	282
И в голову приходят две, три мысли. <i>Интервью с журналистом А. Минкиным</i>	284
Цена слова... на языках Российской Федерации. <i>Ахат Мушинский, исполнительный директор Татарского ПЕН-центра</i>	290
Судебные процессы о защите чести и достоинства начинаются с лингвистической экспертизы. <i>М.В. Горбаневский, доктор филологических наук</i>	291

**Часть 4. Назначение, производство и оценка
заключения судебной лингвистической экспертизы
(Методические рекомендации)**

<i>Е.И. Галяшина, доктор юридических наук, кандидат филологических наук, доцент</i>	293

Часть 5. Размышления по поводу...

<i>Ю.А. Бельчиков, доктор филологических наук, профессор</i>	319

Приложения

Приложение 1. Из книги «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации». Авторы-составители: А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; научн. ред. А.Р. Ратинов	328
Оценка и ненормативность в материалах СМИ	328
Что понимается под «неприличной формой»?	328
Что оценивают оценочные суждения?	328
Какую роль играет в истолковании речевого акта индивидуальный или коллективный опыт?	328
А могут быть недоразумения, связанные с неправильным использованием опыта при интерпретации конкретной ситуации?	329
Что такое ненормативная лексика и фразеология?	329
Можно ли дать какую-нибудь классификацию инвективной лексики и фразеологии, относящейся к сфере литературного языка?	329
Правильно было бы осуждать (морально и юридически) все случаи публичного употребления мата?	330
Так что же такое «инвективная лексика» (фразеология) с юридической точки зрения?	330
Каковы функции мата в речевом общении?	330
Что нужно знать юристу и журналисту о лингвистическом статусе инвективной, ругательной, обсценной лексики и фразеологии?	331
Процесс и средства воздействия	331
Понятие ненормативной лексики	333
Обсценная («запретная») лексика	336
Инвективная лексика и фразеология	336
Выводы	339
Приложение 2. Нормативные материалы.	
Законы Российской Федерации, кодексы, постановления (в извлечениях)	341
Извлечения из Уголовного кодекса Российской Федерации	
Статья 129. Клевета	341
Статья 130. Оскорбление	341
Извлечения из Гражданского кодекса Российской Федерации	
Статья 150. Нематериальные блага	342
Статья 151. Компенсация морального вреда	342
Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации	342
Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18 августа 1992 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»	343

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (извлечения)	348
Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (с изменениями от 25 октября 1996 г.)	351
Приложение 3. Авторизация текста: пример экспертизы. <i>А.Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор</i>	356
Приложение 4. Экспертизы рекламных текстов. <i>Е.С. Кара-Мурза, кандидат филологических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова</i>	364
Приложение 5. Документационные экспертизы по арбитражным и иным спорам: примеры заключений специалистов	376
Заключение 1. (<i>Исследователи: Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова</i>). Статья 111 Конституции Российской Федерации	376
Заключение 2. (<i>Исследователь: М.В. Горбаневский</i>). Пункт 6 Указа Президента Российской Федерации № 96 «О втором этапе приватизации в г. Москве» от 6.02.1995	378
Заключение 3. (<i>Исследователи: Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, Е.С. Кара-Мурза, А.С. Мамонтов</i>). Слово «премиум» в современном русском языке	381
Некоторые издания и публикации, рекомендуемые по теме книги «Цена слова» (<i>составитель Н.Д. Голев</i>)	387
Об авторах-составителях книги и лингвистах-экспертах	415
Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)	418
The Guild of Linguistic Experts for Documentation and Information Disputes (GLEDID)	421

Предисловие

Что объединяет нацию, укрепляет Российское государство и одновременно является неотъемлемой и важнейшей частью нашей национальной культуры, отражающей историю народа и его духовные искания? Русский язык. Без чего невозможна полнокровная жизнь общества? Без точной, богатой, образной, живой, но юридически корректной и этически выверенной родной русской речи. Современный период развития общественно-языковой ситуации в России характеризуется особой актуальностью вопросов, находящихся на стыке лингвистики, юриспруденции, журналистики и социальной психологии. Развитие идей гласности и прав человека создает большую общественную потребность в правовом регулировании отношений людей в сфере использования русского языка в политике, экономике (документационные споры), печатных и электронных средствах массовой информации (информационные споры) и повседневной жизни. Другими словами, противоречивая общественно-политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в России к началу XXI века, вызвала острую потребность в получении российскими СМИ и их юридическими службами, адвокатами, а также судами всех уровней и дознавателями правоохранительных органов специфической юридическо-лингвистической помощи.

Главная цель Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) — содействовать через экспертную деятельность профессиональных российских лингвистов сохранению и развитию русского языка в отечественных СМИ и современном российском обществе, содействие лингвистической безопасности России, потому что язык — это важнейшая часть информационной среды и культуры в самом широком смысле этого термина. Члены Гильдии посвятили себя служению науке и закону во имя полноценного развития в России гражданского общества. Уже сегодня они успешно используют свои силы, опыт и знания для того, чтобы сделать более корректной, осмысленной и безопасной деятельность российских электронных и печатных СМИ, которая должна осуществляться в интересах общества, государства и каждого гражданина Российской Федерации.

К числу приоритетных задач Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным относятся:

- помощь сотрудникам редакций СМИ, работникам правоохранительных органов, адвокатам, истцам и ответчикам по гражданским и уголовным делам, участникам арбитражных споров в проведении экспертизы лексических единиц и текстов;

- формирование в регионах России квалифицированного корпуса экспертов-лингвистов, действующих при поддержке ГЛЭДИС на основе единой научной базы и современной методики;

- защита культуры речи и улучшение корпоративной репутации российских СМИ;

- участие в комплектовании библиотек учебных и научных учреждений, редакций СМИ, правоохранительных органов методическими и справочными изданиями по лингвистическим экспертизам;
- разработка основ спецкурсов по лингвистической безопасности для студентов отделений и факультетов филологии, журналистики и юриспруденции;
- организация научно-практических конференций, совещаний и семинаров по вопросам теории и практики экспертиз, по проблемам лингвистической безопасности.

Гильдия — независимое профессиональное сообщество: ее учредителями выступили не организации, а опытные исследователи. Объективность и строгая аргументированность присущи всем экспертным заключениям, представляемым ГЛЭДИС в официальные инстанции. Они оформлены в полном соответствии требованиям Министерства юстиции к современному российскому судопроизводству и делопроизводству. При приеме специалистов в аккредитованные и действительные члены Гильдии исповедуется принцип «отбора, а не набора».

Гильдия выпустила в свет уже три издания книги «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации». Книга увидела свет при поддержке Фонда защиты гласности (Россия) и Национального фонда в поддержку демократии (США). Она вызвала серьезный интерес у работников печати, радио и ТВ, судей, адвокатов, следователей, преподавателей вузов и студентов. Ее полный текст находится в свободном доступе в сети Интернет на веб-сайтах ГЛЭДИС и ФЭГ (www.expertizy.narod.ru, www.rusexpert.ru, www.gdf.ru). Кстати говоря, основные разделы сайта ГЛЭДИС помогут вам получить более подробную информацию о ГЛЭДИС и установить с нами партнерские отношения: «История гильдии», «Публикации о гильдии», «Образцы экспертиз» (с подразделами «Типовая научная справка», «Типовое экспертное заключение», «Запрос юридического лица на проведение экспертизы»), «Научный журнал», «Наши партнеры», «Вступление в гильдию», «Книжная полка» (полные электронные версии трех книг), «Полезные ссылки», «Фотоархив гильдии», «Семинары», «Наши реквизиты».

Выход в свет третьего издания книги «Цена слова» приурочен к проведению в декабре 2002 г. важного (как для федерального центра, так и особенно для российских регионов) мероприятия ГЛЭДИС — организационного и научно-практического семинара «Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах». ГЛЭДИС организовала этот семинар в Москве для экспертов и новых партнеров Гильдии из 20 городов Российской Федерации: Барнаула, Великого Новгорода, Владивостока, Волгограда, Екатеринбурга, Иванова, Йошкар-Олы, Казани, Кирова, Краснодара, Красноярска, Нижнего Новгорода, Омска, Саратова, Санкт-Петербурга, Тольятти и ряда других. Семинар — первое общероссийское событие такого уровня и масштаба в области правовой судебной экспертной лингвистики, к тому же непосредственно связанное с деятельностью печатных и электронных СМИ.

Основные цели семинара:

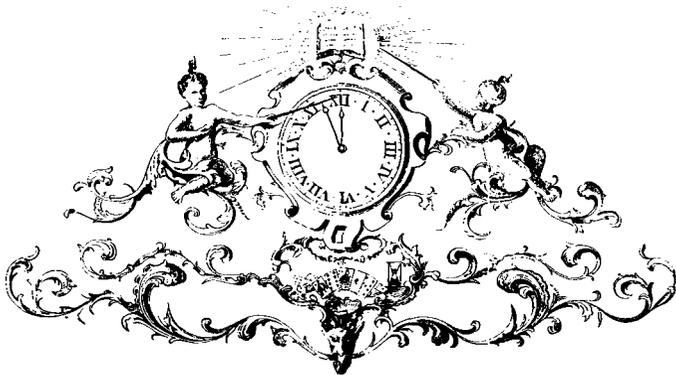
- обмен научными идеями в области судебных лингвистических экспертиз текстов СМИ и иных текстов на русском языке, а также обмен опытом написания экспертных заключений и опытом прямого участия экспертов-лингвистов в гражданских и уголовных процессах;
- содействие формированию в регионах России квалифицированного корпуса независимых экспертов-лингвистов, действующих при поддержке ГЛЭДИС на основе единых научно разработанных и прошедших практическую апробацию критериев и методик исследования спорных текстов составления экспертных заключений спорных текстов в гражданских, уголовных и арбитражных делах;
- оптимизация функционирования справочно-информационного веб-сайта ГЛЭДИС;
- издание сборника научных докладов и статей «Из теории и практики судебных лингвистических экспертиз в Российской Федерации»;
- формирование авторского коллектива справочно-методического пособия «Лингвистические экспертизы текстов СМИ: Пособие для журналистов, юристов и филологов — участников судебных процессов по защите чести, достоинства и деловой репутации» с последующим выпуском его в свет достаточным тиражом (одновременно с опубликованием на веб-сайте ГЛЭДИС электронной версии книги).

Семинар подготовлен ГЛЭДИС совместно с кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (зав. кафедрой — доктор филологических наук профессор В.М. Шахлеин, с момента основания Гильдии являющийся заместителем председателя ее правления). Гостеприимным местом проведения семинара стал филологический факультет Российского университета дружбы народов (РУДН) (декан факультета — доцент В.Н. Денисенко). Наиболее существенную финансовую помощь Гильдии в подготовке семинара оказали АНО «Интерньюс» (генеральный директор — М.А. Асламазян) и Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса). Искренняя благодарность всем нашим попечителям — из «Интерньюс», ФЗГ, РУДН, Союза «Деловой мир и безопасность», других организаций и структур!

Экспертная, методологическая и учебно-просветительская работа ГЛЭДИС имеет важное значение как для укрепления независимых СМИ в качестве одной из основ гражданского общества, так и для разработки более эффективных механизмов разрешения конфликтов в правовом рыночном государстве. ГЛЭДИС предлагает вместе работать над программой лингвистической безопасности России и всегда открыта для новых партнеров!

доктор филологических наук, профессор,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам

БУДЬ ОСТОРОЖЕН, ВЫБИРАЯ СЛОВО!

*М.В. Горбаневский, доктор филологических наук, профессор,
председатель правления ГЛЭДИС*

*Призывом стать, и отзывом, и зовом
Способно слово, изменяя лад.
И проклинают, и клянутся словом,
Напутствуют, и славят, и чернят.*

Я. Козловский. «Слово»

Создавая книгу «Цена слова», адресованную сотрудникам СМИ, судьям, адвокатам, следователям, специалистам-филологам, юрисконсультам, студентам и преподавателям вузов, мы надеялись на особое внимание к ней со стороны тех журналистов, кто готов подняться над уровнем корпоративного, финансового и бытового эгоизма, тех, кто готов бороться со злом, бороться — и победить. Но победить честно и достойно, не преступая Закон, не насилуя для этого родную речь, не превращая тексты СМИ в гремучую смесь анекдота, примитивного жаргона и непристойных выражений, в полойное ведро компромата. Так и хочется сказать каждому из пишущих, снимающих, готовящих передачи для теле- и радиоэфира: будь осторожен, выбирая слово!

В стихотворении Якова Козловского «Слово», строфа из которого стала эпиграфом к нашей книге, очень точно говорится о широчайших *потенциальных* возможностях человеческой речи — о том, что словом можно призывать и напутствовать, клясться и проклинать, славить и чернить... Свобода есть свобода выбора. Этот тезис вполне справедлив и для слова, формы, конструкции, стилистического выбора, сделанного конкретным журналистом (обязанным не нарушать уголовное и гражданское законодательство) при создании творческого произведения — будь то газетный очерк, журналь-

ная статья, телевизионное ток-шоу или радиорепортаж. Хочется надеяться, что книга «Цена слова» будет не только полезна российским журналистам как справочное издание для подготовки к многочисленным процессам о защите чести, достоинства и деловой репутации, но и поможет российской прессе сделать еще один шаг в многотрудном и даже мучительном переходе от «рефлексивного» лингвистического выбора к «рефлекторному». Напомним в этой связи образную мысль авторов одного из американских учебников по медиаэтике, которую уместно применить к болезненным вопросам «медиалингвистики»: «Поток событий заставляет принимать этическое решение скорее рефлекторно, чем рефлексивно, как у водителей, которые кружат вокруг выбоин, помня, что прорыв шины выбросит их в кювет: в зал суда — с одной стороны дороги, в общественное презрение — с другой»¹.

Латинское изречение *Justicia regnorum fundamentum*, известное каждому дипломированному юристу, обычно переводят так: «Правосудие — основа государства». Это правда. Как правильно и то, что в современном развитом социуме правосудие XXI века невозможно без профессиональных, точных и объективных экспертиз — криминалистической, судебно-медицинской, судебно-психологической, лингвистической, без кропотливого труда честных и опытных экспертов-профессионалов. Поэтому выход в свет третьего издания книги «Цена слова», работа над которым была непростым и хлопотным делом, мы считаем своим вкладом в совершенствование российской судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации и еще одним (пусть и очень скромным!) шагом к построению в России гражданского общества.

Становится все более очевидно: проведение многочисленных лингвистических экспертиз спорных текстов, осуществляемых профессиональными филологами (лингвистами-экспертами), в частности в связи с постоянно увеличивающимся количеством гражданских исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, уголовных исков об оскорблении и клевете, арбитражных исков о толковании разделов текстов и отдельных слов и словосочетаний, нуждается как в теоретическом осмыслении и обобщении практического опыта лингвистов-экспертов (через совместные конференции, семинары, методологические исследования), так и в объединении их усилий по унификации методики лингвистических экспертиз и в дальнейшей разработке многих лингвотеоретических принципов, которые могли бы быть положены в основание законодательных актов и экспертных заключений по конкретным документационным и информационным спорам.

Два слова об истории ГЛЭДИС. Квалифицированными московскими экспертами-языковедами, кандидатами и докторами филологических наук, представителями академических институтов и ведущих вузов Москвы и других городов России, объединившимися в 2001 г. в Гильдию лингвистов-экс-

¹ Media ethics: Cases and moral reasoning / С.Christians, М.Fackler, К.Rotzoll. — Forth Edition. — Longman Publishers USA, 1995. С. 7).

пертов по документационным и информационным спорам (сокращенно — ГЛЭДИС), накоплен значительный самостоятельный (который предстоит перевести в корпоративный) опыт по таким лингвистическим экспертизам, как, например: подробное разъяснение значения и происхождения слов, словосочетаний и фраз; исследование случаев, связанных с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации (в частности, анализ спорных публикаций и выступлений в СМИ); исследование структуры текстов, анализ основного и дополнительного содержания текстов, их авторства и т.п.; толкование отдельных положений законодательства, подзаконных актов и иных документов с точки зрения того, как их должен понимать обычный грамотный носитель современного русского литературного языка; толкование спорных положений коммерческих и некоммерческих договоров, соглашений, меморандумов и др. для определения того, какие варианты понимания этих положений в принципе возможны с точки зрения обычного носителя современного русского литературного языка и какие из возможных вариантов наиболее вероятны; экспертиза текстового наполнения (контента) сайтов и страниц в Интернете; исследование товарных знаков, девизов (слоганов) и иных коммерческих наименований на предмет их соответствия нормам современного русского литературного языка, а также на предмет эквивалентности/неэквивалентности другим товарным знакам и коммерческим наименованиям и др.

Свидетельство о регистрации общественного объединения ГЛЭДИС получила в феврале 2001 г. от Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

С юридической точки зрения Гильдия — абсолютно независимое профессиональное сообщество, поскольку ее учредителями выступили не какие-либо организации, а физические лица — опытные специалисты: лингвисты, юристы, библиографы. Это существенно повышает объективность и независимость выполняемых нами и представляемых в официальные инстанции экспертных заключений.

Инициаторы создания ГЛЭДИС полагают, что Гильдия может и должна стать важным общественным координирующим органом по сборанию и оптимизации лингвистического экспертного опыта, а также организацией, представляющей интересы экспертов-лингвистов в государственных, коммерческих и общественных структурах, в частности, в деле защиты их прав и в развитии профессиональной репутации экспертов в обществе и государстве, в СМИ и общеобразовательных учреждениях, в важном деле воспитания у молодого поколения россиян уважения к русскому языку как величайшему национальному достоянию и гибкому инструменту развития государственных, экономических и общественных отношений.

ГЛЭДИС учла резкий рост числа исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, предъявленных к сотрудникам российских СМИ в

ГЛЭДИС искренне благодарна за ценные научные консультации одному из ведущих ученых-русистов, председателю Орфографической комиссии РАН, доктору филологических наук, профессору, главному научному сотруднику Института русского языка им. В.В. Виноградова В.В. Лопатину.

Москва, ноябрь 2001 г.

последние годы, и смогла уже в первые месяцы своей работы выпустить в свет весной 2001 г. первое издание книги «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации». Среди десятков отзывов, поступивших в наш адрес, процитируем мнение доцента Орловского госуниверситета В.А. Лукина: «...Книжка нужная и своевременная, уверен, ее уже нигде не купишь. Как лингвист я вижу ее достоинство в том прежде всего, что впервые даются примеры своего рода аксиоматики экспертизы: определяются — в основном практически, хотя и теоретически тоже — те исходные положения (понятия, подходы, возможности и ограничения для лингвиста-эксперта, его компетенция в целом и т.п.), на которых целесообразно строить анализ материала. Рискую ошибиться, предположу, что «Цена слова» — первый (и очень удачный) этап работы, которая имеет своей целью создание суммы практически и теоретически обоснованных параметров лингвистической экспертизы». Доцент В.А. Лукин высказал также ряд тонких профессиональных замечаний и пожеланий, которые мы постарались учесть в работе над третьим изданием «Цены слова» — как и пожелания других наших коллег.

Информация о языковедческих экспертизах текстов и документов, становящихся объектами споров, конфликтов, исков, поступившая нам в связи с началом деятельности Гильдии и выходом в свет первого издания кни-

Встреча в Новгородской областной администрации, на которой обсуждались актуальные вопросы деятельности СМИ, включая журналистскую этику и защиту русского языка. Слева направо: главный редактор газеты «Новгородские ведомости», член правления Медиасоюза и председатель Гильдии районной прессы В.Н. Дмитриев, губернатор Новгородской области, вице-председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы М.М. Прусак, президент Фонда защиты гласности А.К. Симонов, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов профессор М.В. Горбаневский.

Великий Новгород, областная администрация. Март 2000 г.

ги «Цена слова» из различных регионов России — от Новосибирска до Великого Новгорода, от Алтая до Поволжья, от Ставропольского края до Приморья — свидетельствует как о существенном росте потребности судов, прокуратуры, адвокатуры, граждан в осуществлении таких экспертиз и о необходимости разработки единой, научно обоснованной методики их проведения, так и о частой непрофессиональности произвольно назначаемых судами экспертов (дело доходит до того, что лингвистические экспертизы выполняются учителями начальных классов общеобразовательных школ), а также о противоречиях между принадлежностью экспертов к государственным научно-исследовательским, образовательным организациям и требованиями к абсолютной независимости и объективности экспертов.

Участие в работе Гильдии и членство в ней десятки квалифицированных специалистов рассматривают в контексте своих надежд на решение проблем, связанных с социальным статусом эксперта и деятеля лингвистической науки в современном российском обществе. Они полагают, что ГЛЭДИС — эффективный инструмент пополнения профессионального багажа знаний, координации методики экспертной работы и получения реальной защиты от возможного произвола государственных структур.

В настоящее время правлением ГЛЭДИС на основе сбора, координации и оптимизации имеющегося в России экспертного опыта текстов СМИ (заметок, статей, очерков в печатных СМИ, радио- и телепередач) подготовлена подробная научно-методическая программа по разработке, обобщению и внедрению в практическую деятельность редакций СМИ и их сотрудников, работников судебных и правоохранительных органов единых научно обоснованных критериев и методики анализа текстов и лингвистических единиц при рассмотрении гражданских исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также при расследовании уголовных дел о клевете и оскорблении. Программа включает создание справочно-методического пособия и сборника научных статей; разработку гипертекстовой базы данных экспертных заключений лингвистов и базы данных о филологах-русистах в регионах России; создание мобильной компьютерной экспертно-методической лаборатории, поддержку функционирования в сети Интернет подробного информационно-справочного веб-сайта ГЛЭДИС.

Гильдия с признательностью принимает спонсорскую помощь и заключает перспективные договоры о сотрудничестве с коммерческими, некоммерческими и государственными структурами и организациями.

Экспертизы и иные исследования выполняются Гильдией на договорной основе по официальным запросам судов, следственных органов, редакций СМИ, юридических и физических лиц.

Ведущий эксперт Гильдии — кандидат филологических наук, главный редактор интернет-портала «Русский язык» (www.gramota.ru) Ю.А. Сафонова серьезно озабочена деградацией русской речи в отечественных СМИ.

Москва, Центральный дом журналиста. Ноябрь 2001 г.

Эффективность нашей работы может оцениваться по разным критериям, также из различных источников нами черпается материал для корректуры и оптимизации деятельности молодой Гильдии. Мы, в частности, используем: отзывы, вопросы и пожелания, поступающие на веб-сайт Гильдии в сети Интернет и по почте в Гильдию; отзывы, просьбы и рекомендации, поступающие из российских вузов о примерах использования выпущенных книг в учебном процессе; заказы на получение печатной версии книги «Цена слова» по почте с учетом широты географии заказов и профессионального спектра заказчиков; статистику «скачивания» электронных версий выпущенных книг и иных материалов книги с веб-сайта Гильдии, для чего на сайте установлено необходимое программное обеспечение; результаты обсуждений с коллегами-лингвистами, а также с судьями, адвокатами и журналистами из разных регионов при личных встречах и собеседованиях; анкетирование будущих участников планируемого нами научно-практического семинара Гильдии и др.

С удовлетворением можно отметить, что в научно-методической и прикладной сфере сотрудничество ГЛЭДИС с широким кругом партнерских организаций развивается и укрепляется. Среди них — справочно-информационный портал «Русский язык» (главный редактор доцент Ю.А. Сафонова), кафедра русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (зав. кафедрой проф. В.М. Шаклеин), Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (ректор — профессор Ю.Е. Прохоров), лаборатория юрислингвистики и развития речи Алтайского госуниверситета (зав. лабораторией проф. Н.Д. Голев), кафедра стилистики факультета журналистики МГУ (доцент Е.С. Кара-Мурза), Союз «Деловой мир и безопасность» (президент генерал-лейтенант ФСБ запаса В.В. Каширских), Гос. учреждение «экспертно-криминалистический Центр МВД РФ» (зам. начальника отдела фоноскопических экспертиз, доктор юридических наук полковник милиции Е.И. Галяшина), Союз журналистов России (генеральный секретарь И.А. Яковенко), Фонд защиты гласности (президент А.К. Симонов), Ассоциация журналистов (президент Н.И. Ажгихина), юридическая служба Московской торгово-промышленной палаты (зав. службой С.П. Неманов), информационно-публицистический интернет-сайт «Нет — наркотикам» (генеральный директор А.Г. Кормилищын), редакция журнала о российских СМИ «Профессия — журналист» (главный редактор профессор Д.С. Авраамов) и др.

По инициативе партнеров Гильдии из российских вузов книга «Цена слова» как уникальный материал по теории и практике судебных лингвистических экспертиз текстов СМИ уже активно используется в педагогическом процессе на факультетах филологии, юриспруденции и журналистики 49 центральных и региональных вузов России.

Выход в свет первого издания книги «Цена слова», полный текст которой мы оперативно разместили и в Интернете (на сайте Фонда защиты глас-

Встреча на «круглом столе» по актуальным проблемам СМИ, организованном Ассоциацией журналисток, оказавшей помощь ГЛЭДИС в поисках источников финансирования научно-методической деятельности. Слева направо: председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов профессор М.В. Горбаневский, ведущий эксперт ГЛЭДИС профессор Ю.А. Бельчиков, президент Ассоциации журналисток Н.И. Ажгихина, зам. председателя Комитета Государственной Думы по безопасности, зам. главного редактора «Новой газеты» Ю.П. Шекочихин.

Москва. Центральный дом журналиста. Октябрь 2001 г.

ности www.gdf.ru и на сайте Гильдии лингвистов-экспертов www.expertizy.narod.ru и www.rusexpert.ru), продемонстрировал нам еще один весьма положительный практический результат как этого издательского проекта, так и создания самой ГЛЭДИС: к нам начали обращаться с просьбами о консультациях и с предложениями о сотрудничестве те наши коллеги из российских регионов, деятельность которых в силу многочисленных географических, информационных и организационных факторов до тех пор оставалась для нас неизвестной.

В качестве наглядного примера инициативного поиска региональными русистами контактов с Гильдией приведем отрывок из письма (пришедшего по электронной почте) кандидата филологических наук Л.Е. Кирилловой, полученного Гильдией из Владивостока 19.11.2001 г.: «Уважаемые коллеги! На сайте www.expertizy.narod.ru я нашла информацию о вашей работе. Сообщите, пожалуйста, подробнее, в чем заключается принцип «отбора, а не набора» при вступлении в Гильдию лингвистов-экспертов. О себе: работаю в Институте массовых коммуникаций Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток); кандидат филологических наук, преподаю

С самого начала своей работы ГЛЭДИС получила эффективную поддержку от ректора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина доктора филологических наук профессора Ю.Е. Прохорова.

Москва, интернет-портал «Русский язык» («Грамота.Ру»). Февраль 2002 г.

стилистику и литературное редактирование, риторiku. Стаж профессиональной работы, в том числе редакторской, — 23 года. По просьбе журналистов приходилось выполнять лингвистический анализ текстов телепередач и газетных статей в юридических целях (иски о защите чести и достоинства). Поскольку с такими проблемами сталкиваюсь все чаще, а в нашем городе этот вид деятельности еще не имеет широкого распространения, то хотелось бы получить поддержку опытных коллег. К тому же в таких случаях возникает вопрос об официальном статусе лингвиста-эксперта. Надеюсь на вашу поддержку и буду вам очень признательна. С уважением Кириллова Лариса Евгеньевна». Гильдия установила с Л.Е. Кирилловой переписку, выслала почтой печатный оригинал книги «Цена слова» и другие полезные материалы. Вскоре мы получили от Ларисы Евгеньевны помимо анкеты и списка научно-методических трудов тексты выполненных ею экспертных заключений. Редсовет Гильдии внимательно ознакомился с этими материалами и дал им положительную оценку: одно из экспертных заключений, подготовленных Л.Е. Кирилловой в связи с судебными исками к дальневосточным журналистам, опубликовано нами уже во втором издании книги «Цена слова»: заключение по статье Л. Чесноковой «На “Берег Надежды” родных не пустили» (газета «Комсомольская правда» в Приморье» от 10.07.2001).

К активному сотрудничеству с ГЛЭДИС мы приглашаем также российских судей всех уровней. Отчасти ряд таких полезных контактов на-

Финансовый директор Гильдии лингвистов-экспертов Н.Ю. Максимова и председатель правления ГЛЭДИС профессор М.В. Горбаневский изучают заявки на участие в первом научно-практическом семинаре ГЛЭДИС, поступившие в оргкомитет по электронной почте из российских вузов и редакций СМИ.

Москва. ГЛЭДИС. Октябрь 2002 г.

ми уже установлен. Ведь реформаторов судебной системы ждут немалые трудности, и крупнейшая проблема для них — кадровая. Выступая в декабре в газете «Век» с оценками проектов судебной реформы в России, профессор Академии госслужбы при Президенте РФ, доктор юридических наук Б.П. Елисеев к месту напомнил пророческие слова выдающегося российского юриста А.Ф. Кони: «Судья не должен быть статистом, произведя его от слова «статья», он должен быть широко и глубоко образованным человеком, сведущим в истории, искусстве, литературе... С ними судья не сделается ремесленником. Игнорируя эти условия, судья упустит высший предмет правосудия — человека»². Автор другого комментария к проекту судебной реформы директор адвокатского бюро «Аргумент» Московской городской коллегии адвокатов кандидат юридических наук А.С. Кучерена с определенной долей пессимизма пишет, что судебная реформа не востребована общественным сознанием, общество все еще равнодушно к ней, ничего не ждет от нее; он также апеллирует к историческому опыту России: «Судебная реформа 60-х годов XIX века только потому и оказалась столь блестящей, что она выдвинула на общественную сцену таких судебных деятелей, чье служение современники уподобляли подвигу. Она выдвинула судей —

² Анна Нирбод. «Судья не должен быть статистом». Газета «Век», 2001 г., №43.

Президент Фонда защиты гласности, профессор Высшей школы экономики А.К. Симонов оказал издательским проектам ГЛЭДИС надежную и эффективную помощь.
Москва. Июнь 2001 г.

не только блистательных профессионалов, но и людей безупречных в нравственном отношении»³.

К числу судей, внимательно относящихся к повышению собственного профессионального уровня и расширению научного кругозора, относится, например, Ирина Федоровна Селютина, судья Ленинского районного суда города Оренбурга. Ее беспристрастное мнение о лингвистических экспертизах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, наглядно показывающее, сколько здесь остается нерешенных организационных проблем, опубликовано нами в обновленной версии книги «Цена слова».

Кратко характеризуя изменения в структуре книги «Цена слова», осуществленные нами при подготовке ее третьего издания, можно с удовлетворением отметить, что объем книги увеличился почти на одну треть.

Как и прежде, ее первая часть представляет собой уникальную хрестоматию: авторам-составителям удалось собрать и научно-методически прокомментировать тексты тридцати одной (в первом издании их было двадцать четыре) лингвистической экспертизы газетных и жур-

³ Анатолий Кучерена. «Судья должен быть героем!». «Независимая газета», 2001 г., № 225, 1 декабря.

Заместитель председателя правления ГЛЭДИС доктор филологических наук, профессор В.М. Шаклеин — один из учредителей Гильдии.

Москва, ГЛЭДИС. Апрель 2002 г.

нальных заметок, очерков, интервью, теле- и радиопередач, иных текстов СМИ, ставших в разных городах и регионах Российской Федерации основанием для судебных исков по обвинению в унижении чести, достоинства и деловой репутации, оскорблению и клевете. К сожалению, у нас пока не было возможности опубликовать сами спорные тексты СМИ (заметки, статьи, расшифровку телепередач и пр.) в полном объеме или представленные значительными отрывками). Это увеличило бы книгу еще на 35–40%, что несовместимо с выделенными уважаемым грантодателем скромными средствами на ее производство. Однако мы уверены, что книга «Цена слова» будет выпущена и четвертым изданием, в котором спорные тексты мы постараемся воспроизвести в том или ином объеме. Экспертные заключения воспроизводятся стро-

го по оригиналу — с сохранением индивидуальных особенностей каждого текста. Вслед за текстами после знака *** приведены дополнительные материалы (фрагменты публикаций, заключения других экспертов, исковые заявления и др.).

Во второй части книги приведены наиболее часто возникающие вопросы в связи с лингвистическими экспертизами и ответы на них, например: «Какие вопросы могут быть поставлены перед лингвистами? Может ли лингвист определить, что в тексте содержится клевета? Какие слова следует считать обидными? Может ли ироническое высказывание быть оскорбительным? Как по словарю определить, содержит ли слово неодобрительную или иную эмоционально-экспрессивную окраску? Достаточно ли в тексте «непечатного» слова, чтобы сделать вывод об оскорбительной направленности текста?»

В нашей книге по сравнению с первым изданием появилась обширная новая третья часть — «Компетентное мнение». В ней представлены как содержательные, проблемные, полезные научно-практические очерки, выполненные представителями юриспруденции и языкознания (ср.: заметку доктора юридических наук Т.В. Губаевой «Правовой статус судебной лингвистической экспертизы», статью доктора юридических наук полковника милиции Е.И. Галяшиной «Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве», обзор советника юстиции Б.Н. Пантелеева «Экспертиза текстов массовой информации — необходимое условие подлинного правосудия», интервью кандидата филологических наук В.В. Славкина «Честь, достоинство и слово» и др.), так и интересные мнения представителей суда и журналистского сообщества, выполненные в основном как ответы на вопросы представителей Гильдии. Заметим, что мысли о необходимости защиты русского языка и обеспокоенность сохранением культуры русского слова в СМИ, положительная оценка идей, ради которых создана ГЛЭДИС, высказаны в книге представителями тех журналистских организаций, у которых по другим вопросам накопилось немало взаимных претензий друг к другу. Мы считаем это знаковым событием!

Четвертая часть — абсолютно новая. Ее автор, доктор юридических наук и кандидат филологических наук Е.И. Галяшина по нашей просьбе составила методические рекомендации по подготовке и проведению лингвистических экспертиз. Пятая часть книги представляет собой краткую классификацию типов лингвистических экспертиз, выполненных в контексте судебных процессов, небольшой анализ основных тенденций в «оскорбительной речи» СМИ и дружеские советы, адресованные сотрудникам СМИ одним из патриархов российской науки о культуре речи профессором Ю.А. Бельчиковым, многие годы преподававшим на факультете журналистики МГУ.

Существенно расширено приложение к книге. Теперь ее завершают не только разделы «Оценка и ненормативность в материалах СМИ»⁴ и «Законы, кодексы, постановления РФ (в извлечениях)», представленные в первом издании, но и примеры экспертиз авторства текста (профессор А.Н. Баранов), экспертиз рекламных текстов (доцент Е.С. Кара-Мурза), документационных экспертиз по арбитражным спорам (профессор М.В. Горбаневский и др.).

ГЛЭДИС выражает надежду на то, что книга станет своеобразным справочным пособием как по проведению лингвистических экспертиз, так и по тем критериям культуры речи, которые должны служить освобождению текстов СМИ от оскорбительных выражений и оборотов, от ненормативной, инвективной и обценной лексики. Составители, профессиональные эксперты-лингвисты, помогают читателям лучше ориентироваться в вопросах семантической, этимологической и стилистической интерпретации широких пластов русской лексики.

При работе над рукописью книги был учтен опыт двух предыдущих изданий Фонда защиты гласности — «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (М., 1997, 128 с.; авторы-составители: А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин, ответ. ред. А.К. Симонов, научный ред. А.Р. Ратинов) и «Честь, достоинство и репутация: журналистика и юриспруденция в конфликте (результаты исследования и материалы конференции)» (М., 1998, 240 с., отв. ред. А.К. Симонов). Они стали уже библиографической редкостью, но электронные версии этих несомненно интересных и полезных изданий находятся в свободном доступе в сети Интернет на сайте Фонда защиты гласности — www.gdf.ru, а также на веб-сайте Гильдии экспертов-лингвистов по документационным и информационным спорам www.rusexpert.ru, www.expertyzy.narod.ru. Некоторые материалы из книги «Понятия чести и достоинства...» включены в состав приложения к книге «Цена слова», а один из ее авторов — проф. Ю.А. Бельчиков — вошел в коллектив авторов-составителей «Цены слова».

Наказание за нарушение «лингвистической безопасности» человека и общества — дело далеко не новое, как и не новы судебные реформы в России. В ноябре 1864 года на всей территории России без каких-либо колебаний и оговорок Александром II был введен суд присяжных. Вот один пример судебного приговора, вынесенного в 1865 году за словесное оскорбление и опубликованного в газетах той поры: «Московский окружной суд признал доктора медицины Ельцинского виновным в ос-

⁴ Рекомендуем также статью Н.И. Клушиной «Языковые механизмы формирования оценки в СМИ», впервые опубликованную в сборнике «Публицистика и информация в современном обществе» под ред. проф. Г.Я. Солганика; электронную версию см. на информационно-справочном портале «Русский язык» — www.gramota.ru.

Члены Гильдии и ее консультанты приняли активное участие в семинаре для судей Приволжского федерального округа, прошедшем в июне 2002 г. в республике Марий-Эл. На фото: ученый секретарь ГЛЭДИС Е.А. Максимова, консультант ГЛЭДИС, кандидат юридических наук, профессор В.Н. Монахов и действительный член ГЛЭДИС кандидат филологических наук, доцент Е.С. Кара-Мурза.

Йошкар-Ола. Июнь 2002 г.

корблении частного пристава Врубеля неприличным словом «безобразия». На основании ст.104, 110 Уложения о наказаниях Ельцинский подвергнут денежному взысканию трех рублей серебром»⁵.

Иногда создается впечатление, что к началу XXI века мы разучились нормально говорить и писать по-русски. С языком обращаются варварски, начиная от средней школы и кончая Охотным рядом, я имею в виду речь господ депутатов Государственной Думы РФ. Порой возникает желание выключить радио, телевизор, не читать периодики, чтобы не слышать и не видеть, какое насилие производят сограждане над «великим и могучим». И в советские времена он был не в почете: его идеологизировали («Я русский бы выучил только за то...»), он пропитался духом коммунистической пропаганды («вместе со всем народом... по зову партии... к великим свершениям... неуклонно повышая удойность»), он обозначал реалии экономики тотального дефицита («просили больше не занимать... больше двух в одни руки не давать»). Вспоминается монолог Михаила Жванецкого на эту тему: «Наши беды непереводимы. Это непереводимая игра слов — даже Болгария отказывается. Они от-

⁵ Цит. по: «Монополия на убийство» // Сост. Лилия Гущина / «Новая газета», 2001. № 90. 10–16 декабря.

Заседание круглого стола «Русский язык в СМИ» и пресс-конференция для журналистов. В центре (слева направо): председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов профессор М.В. Горбаневский, председатель Орфографической комиссии Российской академии наук профессор В.В. Лопатин, член Совета по русскому языку при Правительстве РФ профессор В.П. Нерознак, член Совета по русскому языку при Правительстве РФ профессор В.В. Воробьев, зам. министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций А.Ю. Романченко.

Москва. Центральный дом журналиста. Ноябрь 2001 г.

казываются переводить, что такое «будешь третьим», что такое «вы здесь не стояли, а я здесь стоял», что такое «товарищи, вы сами себя задерживаете», что такое «быть хозяином на земле». Они не понимают нашего языка, ребята... Наш язык перестал быть языком, который можно выучить». Я уже и не говорю о том «языке», на котором общались между собой печально запомнившиеся персонажи скандального телевизионного шоу «За стеклом». Размышляя о роли руководства телеканала ТВ-6, выпустившего в эфир это шоу, начинаешь думать, что ради денег от телерекламы и удовлетворения амбиций они готовы буквально на все, а остальное для господ киселевых и К°, используя словечко из речи их «застекольных» киборгов, — «фиолетово», то есть все равно, наплевать. Деградация нравов телезрителей, системы ценностей и родного русского языка, происходящая благодаря таким «застекольным» оболванивающим передачам, просто ужасает!

Дмитрий Сергеевич Лихачев однажды заметил, что о нравственном здоровье нации можно судить по состоянию ее библиотек. Я бы добавил: об экономическом здоровье нации можно судить по состоя-

Доктор филологических наук, профессор Ю.А. Бельчиков, один из известных ученых-русистов, вошел в группу наиболее квалифицированных экспертов Гильдии с момента ее основания.

Москва, ГЛЭДИС. Март 2002 г.

нию дорог (к примеру, в Германии дороги лучше, чем во Франции, а во Франции лучше, чем в Польше, соответственно можно судить и о состоянии экономики), о моральном здоровье нации можно судить по отношению к инвалидам и детям, а вот об умственном здоровье этноса и социума, народа и общества, можно судить по состоянию его языка: чем язык беднее, тем, к сожалению, ниже умственное развитие его носителя.

Правы современные ученые-русисты, говорящие о том, что русский язык — наше национальное достояние, но не такое, которое можно положить в сундук и любоваться им время от времени: отражая наши национальные достоинства, язык не менее ярко показывает и все наши беды. Все больше и больше людей в нашей стране — от деятелей науки, литераторов и педагогов до многих рядовых читателей, радиослушателей и телезрителей — обеспокоены состоянием и судьбой русского языка, который вместе со всей отечественной культурой поставлен в очень жесткие условия. Русская речь в современном российском обществе до сих пор не только находится в положении не любимой дочери, а падчерицы, но и, к сожалению, превратилась в инструмент сознательных (а потому особенно позорных, преступных) и неосознанных нарушений этических норм и традиций России и международного сообщества, гражданского и уголовного законодательства, закрепленных ста-

Член-корреспондент РАН, многолетний директор Института русского языка РАН профессор Ю.Н. Караулов — один из ведущих научных консультантов ГЛЭДИС. На заседании круглого стола «Русский язык в СМИ» Ю.Н. Караулов обратил внимание участников дискуссии на то, что язык СМИ есть «воплощение русского языка в его полноценном существовании», но тем не менее «необходимо помнить о том, какую картину мира мы создаем в СМИ», помнить о проблеме лингвистической безопасности общества.

Москва. Центральный дом журналиста. Ноябрь 2001 г.

тьями соответствующих кодексов РФ. И вот одно из объяснений: долго и тяжело болеет наше общество и государство — соответственно, болен и язык народа, объединенного в сообщество и создавшего (получившего) такое государство.

Председатель одной из комиссий Госдумы РФ А. Куликов открыто заявил в декабре 2001 г.: «Коррупция исполнительной власти буквально захлестнула страну. У нас процветают правовой нигилизм и всевластие чиновничества»⁶. Следовательно, будет продолжаться, усиливаться и языковой «беспредел», выплеснувшийся вместе с тоннами грязи и компромата на страницы печатных СМИ, в теле- и радиэфир.

Здесь необходимо сделать одно терминологическое замечание. В беседах и дискуссиях о лингвистических проблемах СМИ применительно к действующему российскому законодательству и этике я все чаще сталкиваюсь с принципиальной ошибкой, которую по возможности

⁶ См.: Павел Волошин. «Робкий шелест ветвей власти» / «Новая газета». 2001. № 93. 24–27 декабря, с. 3.

Членами Гильдии стали представители различных организаций и ведомств. Е.И. Галяшина — доктор юридических наук, кандидат филологических наук, полковник милиции, зам. начальника отдела фоноскопических экспертиз Государственного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел РФ».

Москва, ГЛЭДИС. Май 2002 г.

стараюсь исправлять и комментировать. Распространенное ныне выражение «информационные войны» на самом деле — это не терминологическое, а метафорическое (не более!) словосочетание, не имеющее отношения к гласности и свободе слова, но связанное с тем, что компьютер, как и любой другой инструмент, можно использовать в преступных целях. Разрушая системы защиты с помощью так называемого информационного оружия, злоумышленники могут уничтожать правительственные и оборонные информационные системы, похищать секретную информацию, совершать акты информационного терроризма, наносить серьезнейший ущерб экономике. Представьте, что может произойти, если такие информационные войны будут вестись не группами людей, а государствами-противниками — как и в реальной, не виртуальной, войне, с желанием победить, подчинить, образно говоря, водрузить флаг над рейхстагом? Это реальная опасность! Развитые страны Запада вынуждены расходовать огромные суммы на защиту своих информационных ресурсов. По мнению экспертов, только США расходуют ежегодно на эти цели около 1 млрд долларов.

Весь мировой опыт показывает: переход к информационному обществу создает принципиально новые угрозы безопасности личности, об-

шества и государства. До недавнего времени информационная инфраструктура Российской Федерации не представлялась сколько-нибудь уязвимой. Причиной такого положения в первую очередь можно в значительной мере считать низкий уровень развития этой инфраструктуры, а также значительную долю неавтоматизированных операций. Но, как мы знаем, в последние годы многие высокодоходные государственные и коммерческие структуры, прежде всего относящиеся к так называемым естественным монополиям, приступили к активному техническому перевооружению своих предприятий, сопровождаемому массовой компьютеризацией процессов производства и управления. Информационные системы таких структур создаются почти исключительно на технических и программных средствах иностранного производства, а это значительно повышает угрозу успешной атаки.

Но российские СМИ, а за ними и миллионы российских обывателей, перекоренные мегатоннами уже просто непереариваемых «разоблачений» и «обличений» в стиле телевизионных «киллеров» или газетных развязно-хамоватых комментаторов, называют информационными войнами иное явление, связанное с размещением в СМИ компрометирующих материалов, зачастую сопровождаемое еще и инвективной и обценной лексикой, фразеологией. Но это не информационные войны, а чаще всего — элементарные «наезды» и «разборки», умело выполняемые хорошо оплачиваемыми специалистами, включая профессиональных журналистов, энергично отработывающих социальный заказ хозяина. И неважно, кто таков этот хозяин — государство в лице администрации президента или государство в лице спецслужб либо очередной олигарх и финансово-промышленная группировка, а может быть, и просто «братки» из ОПГ... В газете «Версия» ее постоянный колумнист Леонид Левин, генеральный директор агентства «Тайный советник», высказался на сей счет предельно откровенно: «Можно ссориться с женой, компаньоном, известным политиком, даже — при определенных обстоятельствах и ненадолго — с властью, но никогда с прессой. Перо информационного киллера порой не менее опасно, чем «перо» обычного наемного убийцы, — первое, конечно, не в состоянии отнять у вас жизнь, зато вполне способно превратить ее в непрекращающийся кошмар»⁷.

Пора привыкнуть, что мы еще не живем в правовом государстве и не будем в нем жить еще лет двадцать-тридцать. Мы живем в криминальной стране, какой бы великой культурой прошлого, литературой, памятниками искусства она ни обладала... Мы — современники эпохи первоначального накопления капитала, той эпохи, которая в любой стране мира была далеко не украшением ее истории. А первые личные состояния многих богатейших семей планеты зачастую создава-

⁷ Леонид Левин. «Цена воPРоса» // Газета «Версия», 2001 г., № 47, 11–17 декабря.

лись, мягко говоря, очень далеко от правового поля, нередко — просто преступным путем. То же мы видим и в России. Другое дело, что большинство развитых стран Запада эту фазу развития уже успешно миновало. Партнерствуя с США, Германией, Францией, Японией, Великобританией, мы часто апеллируем к их правовому состоянию, забывая, что мы-то сами находимся просто на другой ступени экономического, социального и правового развития⁸. Это отчетливо проявляется, в частности, в массе примеров унижения чести, достоинства и деловой репутации через использование оскорбительной, дурно пахнущей и грязной лексики и фразеологии в печати, в электронных и сетевых СМИ и, соответственно, в постоянно растущем (уже не в арифметической, а в геометрической прогрессии!) числе соответствующих судебных исков. Впрочем, справедливости ради заметим: не всегда это бывает связано с умышленным поступком журналиста — порой в его «неуклюжих» публикациях сказывается просто слабая профессиональная, языковая и юридическая подготовка. Мудрый Виктор Петрович Астафьев еще в феврале 1999 года сказал в одном из своих интервью: «Теперь можно все. Думать разрешено открыто. Но, к сожалению, журналисты, как и весь народ наш, пользуются свободой, им данной, неумело, неуклюже и неохотно»⁹.

Допустимо предположить, что лишь по прошествии некоторого времени, когда наше государство преодолеет глубочайший кризис и сумеет укрепить свою экономику, когда в нашей стране будет создано гражданское общество, когда в России начнет наконец складываться социально ориентированный бизнес, социально ориентированный рынок, пресса, вероятно, претерпит качественные изменения, избавившись от многих напастей.

⁸ Впрочем, оскорбительные обороты могут проникать в публичные высказывания даже президента США. Так, по сообщению сайта Страна.Ру от 08.01.2002 г., Джордж Буш был вынужден извиниться за «некорректные» выражения в адрес Пакистана: «Президент США Джордж Буш «очень уважает Пакистан, пакистанский народ и пакистанскую культуру». Об этом заявил заместитель пресс-секретаря Белого дома Скотт Маклеллан. Тем самым он принес извинения администрации США за использованные Джорджем Бушем некорректные слова в адрес пакистанцев.

По возвращении из Техаса в Вашингтон в понедельник Буш сообщил журналистам в Белом доме, что напряженная ситуация в отношениях между Индией и Пакистаном «еще не разрядилась», но отношения двух стран могут быть нормализованы, не прибегая к военным действиям, и поэтому США сейчас напряженно работают над тем, чтобы «убедить в этом индийцев и “паков”».

При этом Буш, говоря о пакистанцах, невольно использовал разговорное название, носящее в англоязычных странах, прежде всего в Великобритании, уничижительный и оскорбительный характер. Некоторые американские наблюдатели в этой связи уже поспешили заявить, что «политическая некорректность» президента США была вызвана, по-видимому, тем, что ему как американцу не был известен оскорбительный «британский» оттенок использованного им слова».

⁹ Виктор Астафьев: «Россия умнеет, и это радует...». Записал Николай Варсегов / «Комсомольская правда». 2001 г., 7 декабря.

Диплом аккредитованного члена ГЛЭДИС получила опытный правовед из Казани Т.В. Губаева — доктор юридических наук и кандидат филологических наук.
Москва, ГЛЭДИС. Апрель 2002 г.

Одна из основных бед нашего постсоветского развития состоит в том, что и власть, и большинство политических и интеллектуальных элит часто неадекватно отвечают на вызовы времени. Политолог Алексей Кива (см. его статью «Круги деградации» в «Литературной газете», № 39, 2002 г.) считает, что это происходит потому, что власть и часть элит бездумно следуют чужим советам и механически имитируют чужие формы общественной и духовной жизни. Создание ГЛЭДИС связано с искренней убежденностью ее учредителей в непреходящем значении российской гуманитарной науки для развития государства и общества, а также с надеждой на живительную силу просвещенного русского патриотизма. Деятельность Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам — это одна из скромных попыток научной общественности России дать свой ответ на вызовы времени.

Часть 1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ*

Экспертиза 1

Т. Турагина и А. Атанасов

«БЮДЖЕТ-97: ПИРОГ ПОДЕЛЕН,
КРОШЕК НЕ ОСТАЛОСЬ»

Газета «Нефть Приобья», № 2, 1997

- **Основание для проведения исследования:** запрос заместителя председателя Сургутского городского суда Л.В. Заболотневой в ИРЯ РАН.
- **Эксперты:** Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. Какова оценка использования слова *вотчина* в современном (переносном) смысле, а также в контексте всей публикации (статья Т. Турагиной и А. Атанасова «Бюджет-97: пирог поделен, крошек не осталось» в газете «Нефть Приобья» № 2, 1997)?
2. Несет ли использование слова *вотчина* оскорбительное, порочащее (истца) значение в контексте прилагаемой публикации?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ**Вопрос 1**Слово *вотчина*: его значение

Слово *вотчина* используется в языке исторической науки как термин, обозначающий существовавшее с XII в. по XVIII в. родовое наследственное земельное владение феодала (см.: Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935, с. 382; С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 100; Большой энциклопедический словарь: В 2 т. Т. I, 1991, с. 249). С точки зрения современного русского языка в указанном выше значении слово *вотчина* относится к пассивной лексике, а именно к историзмам, то есть к словам, которые вышли из активного употребления в связи с тем, что исчезли или

* Экспертные заключения воспроизводятся строго по оригиналу — с сохранением индивидуальных особенностей каждого текста. Вслед за текстами после знака *** приведены дополнительные материалы (фрагменты публикаций, заключения других экспертов, исковые заявления и др.).

стали неактуальными обозначаемые ими понятия (ср.: *вече, армяк* и др.). Отнесенности к историзмам соответствует специальная помета *истор.* (см.: Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова).

Научные термины при употреблении не в своей специальной области, а шире — в общеразговорном и обиходном языке — приобретают новое, переносное, значение. Так, словом *вотчина* стала переносно называться «территория, место, где кто-либо является полновластным хозяином». Такое переносное значение зафиксировано в «Словаре современного русского литературного языка: В 20 т.», где приведены следующие примеры: «*Родители редко поднимались на вышку. Это была наша вотчина: сначала старших детей, а потом и моя персональная*» (Бажова-Гайдар. Глазами дочери); «*Институт он считает своей вотчиной, а вотчиной в наше время можно управлять и по телефону*» (Каверин. Двухчасовая прогулка) (Т. 2, М., 1991, с. 512). В данном словаре этому переносному значению приписана стилистическая помета — *обычно шутили* (там же).

Слово *вотчина* в контексте рассматриваемой газетной статьи.

Для анализируемой статьи в целом характерно сочетание обсуждения серьезных (бюджетных) проблем города с одновременным использованием языковых средств, связанных с иронией. Ирония выявляется уже в заголовке: «Бюджет-97: пирог поделен, крошек не осталось». В заголовке очевидно актуализированное использование фразеологии великого сатирика Салтыкова-Щедрина: «казенный пирог», «пирог с казенной начинкой» (см.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 4-е изд. М., 1988; Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII — начала XX в.: В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1991). И далее (в тексте статьи): «*Основная борьба, как и ожидалось, развернулась вокруг дележа расходной части бюджетного пирога*».

Иронии полна и начальная врезка к статье («Что это с нашей Россией происходит?»); ср. употребление здесь просторечного глагола *выпендриваться*, а также иронические подзаголовки: «*Мучительно хочется денег*» и «*На бюджете — с ветерком*» и др. Именно в таком, ироническом, контексте употреблено слово *вотчина*: «*Но деньги на социальные гарантии вотчины Коноплиной депутаты дали*». Употребление данного слова обусловлено стержневой мыслью авторов статьи: «Каждый из депутатов, как верный воин делегировавшего его ведомства, старался выхватить для себя как можно больший кусок». При этом очевидно, что *для себя* здесь не буквально, то есть не для себя лично, а для ведомства, которое он представляет (что подробно отражено в материалах дела, в расшифрованном протоколе заседания городской Думы). И, следовательно, *вотчина Коноплиной* в этом контексте значит «место, сфера ее деятельности, то есть сфера образования, представляемая ею в городской Думе».

В ироническом контексте употреблены не только слова *вотчина Коноплиной*. Еще раньше в тексте статьи речь идет о выступлении Н.В. Соловьева «в его епархии (медицине) к этой статье (бюджета) *были отнесены только приобретение медикаментов и питание в больницах...*»¹.

Таким образом:

Слово *вотчина* в современном русском языке употребляется в двух значениях:

1) 'существовавшее с XII в. по XVIII в. родовое наследственное земельное владение феодала' — это значение терминологично, с точки зрения хронологической, относится к историзмам;

2) 'территория, место, где кто-либо является полновластным хозяином' — это значение переносное, экспрессивно-эмоционально окрашено, что отражено в стилистической помете (обычно шутливо), с точки зрения хронологической, относится к активному фонду русского языка.

Словосочетание *вотчина Коноплиной* употреблено в контексте газетной статьи в современном переносном значении «место, сфера деятельности, где кто-либо является полновластным хозяином» или, иными словами: «сфера деятельности, представляемая истцом в городской Думе». Такое словоупотребление оправданно и уместно в контексте иронического стиля статьи, подобно тому, как и употребление слова *епархия* в переносном значении.

Вопрос 2

Слово *вотчина* не относится к бранной, грубой лексике, а также не именуется действия, понятия, явления, осуждаемые общепринятыми моральными нормами, то есть слово *вотчина* не относится к словам, которые именуют осуждаемые в обществе действия, типа *вор*, *взяточник* и под. Соответственно, слово *вотчина* не может быть отнесено к оскорбительным ни в каком контексте.

* * *

СУДЕБНЫЙ МАРАФОН ДЛИНОЙ В ПОЛТОРА ГОДА

«Пресса и власть» («Нефть Приобья», 11.07.1998)

Сургутский городской суд под председательством судьи Л.В. Заболотневой и при участии прокурора И.В. Максименко рассмотрел в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Н.В. Конопли-

¹ Позволим заметить, что при терминологическом понимании слова *епархия* господин Н.В. Соловьев мог бы предъявить газете иск, обидевшись на приписывание ему религиозной деятельности. Ведь *епархия* определяется в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой как «церковно-административная территориальная единица, управляемая архиереем» (с. 187). При этом, правда, дана и фразеология к этому слову: *Это уже по другой епархии* (разг.) — в чьем-н. другом ведении, в другом подчинении (там же).

ной к газете «Нефть Приобья», А. Атанасову, Т. Турагиной и ОАО Сургутнефтегаз о защите чести и достоинства.

Эта история началась полтора года назад, когда в самом начале 1997 года газета сургутских нефтяников опубликовала материал своих авторов Татьяны Турагиной и Атанаса Атанасова с заседания городской Думы под заголовком «Бюджет-97: пирог поделен, крошек не осталось». Речь в статье шла о распределении бюджетных средств, и от того, какие векторы развития заложены в бюджет города, какие направления и отрасли его жизни будут признаны депутатами приоритетными, зависело, какие отрасли городского хозяйства выживут, а какие — нет.

Рассказывая о жаркой баталии, разгоревшейся при выделении денег на нужды высшей школы, а конкретнее — Сургутскому госуниверситету и Сургутскому государственному пединституту (напомним читателям, что ректор пединститута является депутатом городской Думы), авторы статьи подытожили рассказ следующей фразой: «Как бы то ни было, но деньги на социальные гарантии вотчине Коноплиной депутаты дали».

Именно эта фраза и послужила основанием для судебного иска, который вчинила газете, ее авторам и всему Сургутнефтегазу руководитель пединститута.

В январе 1997 года в разных изданиях города были опубликованы статьи о том, что депутаты пользуются своим положением и требуют деньги на нужды тех ведомств, которые представляют в Думе. Недавно избранных депутатов удивило и возмутило такое к ним отношение журналистов, и в связи с этими публикациями они собирались предъявить иски к средствам массовой информации, но все же прислушались к совету мэра.

(...) Надежда Васильевна поступила иначе. Основанием для ее иска послужило слово «вотчина», вполне невинное на первый взгляд. Истица истолковала его как принадлежность частному лицу земельного участка и крепостных крестьян, что порочит ее честь и достоинство как руководителя и как депутата.

Кроме того, Н.В. Коноплиной не понравилась изложенная в газетной статье информация о категоричности вузов. Все вместе взятое заставило ректора института испытать «нравственные страдания», как явствует из заявления в суд, и потребовать от газеты публикации опровержения и компенсации в размере 200 миллионов рублей (в старых ценах).

Чтобы читатель не подумал, будто газетчики «уперлись рогом» в данной ситуации и отказывались опубликовать противоположное мнение руководства пединститута, отметим, что такое предложение от «Нефти Приобья» поступило, однако истица от него отказалась. 200-миллионная сумма вынудила редакцию провести несколько дорогостоящих лингвистических экспертиз слова «вотчина», чтобы доказать то, что ясно любому грамотному человеку: слово «вотчина» в контексте данной статьи не носит оскорбительной оценки. Эксперт Уральского университета определил его в данном случае как ироническое, Институт русского языка им. Виноградова — как современное

название «места, сферы деятельности, где кто-либо является полно-властным хозяином», которое не является грубым, бранным словом и не носит осуждающего характера.

В результате, рассмотрев дело, суд решил, что нет оснований полагать, что этим словосочетанием опорочены честь и достоинство истицы. Суд также не нашел оснований для удовлетворения требования Н.В. Коноплиной признать информацию о категоричности вузов как порочащую ее деловую репутацию. Деление такое существует, и утверждение, что пединститут — вуз более низкой категории, личную репутацию Надежды Васильевны не порочит. Таким образом, суд города отказал Н.В. Коноплиной в иске.

Вместо резюме. В последнее время судебные разбирательства с журналистами становятся чуть ли не заурядным делом. И основанием для исков служат любые мало-мальски эмоционально окрашенные слова, эпитеты, другие выразительные средства. Видимо, поэтому газетные статьи зачастую написаны сухим, «протокольным» языком — чтобы придаться к ним было непросто. Читатель продирается к смыслу сквозь дебри канцеляризмов, забыв о «великом и могучем» языке.

Вот почему Пленум Верховного суда России неоднократно вносил изменения в действующее законодательство, поясняя конкретно, что следует понимать под сведениями, порочащими честь и достоинство граждан. Руководствуясь последним из них — от 25 апреля 1995 года, Сургутский городской суд и вынес свое решение. (Редакция.)

* * *

Как следует из публикации, суд обращался не только к экспертам ИРЯ РАН, но и к другим специалистам. Несмотря на некоторые различия в толковании, лингвисты пришли к выводу, что употребление слова *вотчина* в контексте анализируемой статьи не может считаться оскорблением.

Экспертиза 2

А. Бобров

«ЛИСТОПАДНИК: УДУШЕНИЕ РОДНОГО»

Газета «Советская Россия», 30.10.1997

- **Основание для проведения исследования:** запрос заведующей юридической консультацией № 2 А.В. Лукирской в ИРЯ РАН.
- **Эксперты:** А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова.

Вопросы

1. Содержится ли в вышеуказанном материале оценка личности и деятельности Григорьянца С.И.? В каких фрагментах?

2. Содержат ли высказывания автора статьи негативную или позитивную оценку личности и деятельности Григорьянца С.И.?

3. Есть ли в вышеупомянутой статье слова, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали?

4. Содержится ли лексика, которая оскорбляет и унижает Григорьянца?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

В статье содержится оценка личности и деятельности Григорьянца С.И. в следующих фрагментах:

(а) *«В статье «Поощадите святыни» рассказано об ударе, постигшем Музей Древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: по иску гр. Григорьянца С.И. этому спекулянту картинами и иконами, отсидевшему свой срок, но амнистированному на волне ельцинской «Демшизлы», как называет то время глава Администрации Президента, возвращаются 5 икон, отнятых в свое время аферистом у храма, три из них — XIV века!»*

(б) *«Этот хищник, именующий себя правозащитником, осенью 1993 года накануне введения ОПУСа (значит, все готовилось заранее и опиралось вот на таких слуг устанавливаемого режима) захватил с помощью вооруженных бандитов здание писательского издательства «Советский писатель».*

(в) *«Но Григорьянц, издавший листок «Гласность», не ожидал такого отпора сотрудников издательства, включая женщин, писателей и депутатов Верховного Совета, которые помогли нам пресечь захват. А потом уж «правозащитничка» мы сами вытряхнули из здания на Поварской».*

(г) *«Теперь Григорьянц, проведший не одну конференцию против КГБ, чувствуя полное безволие правоохранительных органов, захватил национальное достояние, поправ закон «О неделимости музейного фонда».*

(д) *«Хищники-григорьянцы продолжают терзать Россию, посягая на родные святыни...»*

Вопрос 2

Позитивная оценка личности и деятельности С.И. Григорьянца во фрагментах (а), (б), (в), (г), (д) не содержится. Негативная оценка личности и деятельности С.И. Григорьянца содержится в названных в фрагментах (а), (б), (в), (г), (д).

Фрагмент (а): негативная оценка личности С.И. Григорьянца, поскольку слова **спекулянт**, **аферист**, которыми назван С.И. Григорьянц, именуют лицо, занимающееся социально осуждаемой деятельностью.

Фрагменты (б), (д): негативная оценка личности С.И. Григорьянца, поскольку слово **хищник** (и во фрагменте (г) — **хищники-григорьянцы**), употребленное в метафорическом смысле, относится к личности С.И. Григорьянца.

Фрагмент (в): негативная оценка личности С.И. Григорьянца, поскольку употреблено слово **правозащитничек**, содержащее так называемый суффикс субъективной оценки **-ек**, придающий слову *правозащитник* уничижительное значение с элементами иронии.

Фрагменты (б), (г): негативная оценка деятельности С.И. Григорьянца, поскольку его действия представлены автором статьи как насильственные, что следует как из текста фрагмента (б) — «...захватил [Григорьянц] здание писательского издательства «Советский писатель», так и из текста фрагмента (г) — «Теперь Григорьянц... захватил национальное достояние» (см. значение слова *захватить*: «силой овладеть кем-чем-н.» — Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 223).

Фрагмент (г): негативная оценка деятельности С.И. Григорьянца, поскольку его деятельность представлена автором статьи как незаконная, что следует из текста фрагмента (г) — «Теперь Григорьянц... захватил национальное достояние, **поправ закон «О неделимости музейного фонда»**» (см. значение слова *поправить*: «грубо нарушить» — С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 563).

Фрагмент (д): негативная оценка деятельности С.И. Григорьянца, поскольку его деятельность представлена автором статьи как осуждаемая, что следует из текста фрагмента (д) — «*Хищники-григорьянцы продолжают терзать Россию, посягая на родные святыни...*» [см. значение слов *терзать*: «мучить, приносить страдания» — Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 795; *посягнуть*: «совершить посягательство, попытку (незаконную или осуждаемую) сделать что-н., распорядиться чем-н., получить что-н.» — там же, с. 571].

Вопрос 3

В анализируемом разделе статьи есть слова оскорбительные, так как их употребление по отношению к личности можно рассматривать как умаление достоинства личности в соответствии со ст. 21 Конституции России. В соответствии со сложившимися этическими нормами такие слова нарушают нормы массовой коммуникации (к которой относятся и средства массовой информации), а следовательно, такие слова нарушают сложившиеся нормы общественной морали.

Это следующие слова и словосочетания:

спекулянт — слово, именующее лицо, занимающееся антиобщественной, социально осуждаемой деятельностью;

демшиза — окказиональное образование, построенное путем сложения усеченных основ (демократия + шизофрения = демшиза), созданное с целью оскорбить, унижить адресата, представив его политические взгляды как психическую болезнь;

аферист — слово, именующее антиобщественную, социально осуждаемую деятельность;

хищник, хищники-григорьянцы — слово, в котором негативная оценка является компонентом лексического значения, это значение слова **хищник** образовано путем метафорического переноса с прямого значения 'животное, поедающее других животных';

слуги... режима — словосочетание с ярко выраженной негативной оценкой общественной деятельности адресата;

бандиты — слово, именуемое лицо, занимающееся криминальной деятельностью. Называние кого-либо этим словом может быть рассмотрено как клевета, если именуемый — законопослушный гражданин;

правозащитничек — слово образовано при помощи суффикса субъективной оценки -ек, придающего уничижительное значение исходному слову *правозащитник*.

Вопрос 4

В тексте статьи в указанных в ответе на вопрос 1 фрагментах содержится лексика, употребление которой оскорбляет и унижает С.И. Григорьянца.

Фрагмент (а):

«В статье «Поощрите святыни» рассказано об ударе, постигшем Музей Древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева: по иску гр. Григорьянца С.И. этому спекулянту картинами и иконами, отсидевшему свой срок, но амнистированному на волне ельцинской «Демшизы», как называет то время глава администрации президента, возвращаются 5 икон, отнятых в свое время аферистом у храма, три из них — XIV века.»

В данном фрагменте слово *спекулянт* употреблено в значении: «Человек, которой занимается спекуляцией, скупкой и перепродажей имущества, ценностей с целью наживы» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 754). Другое — не оценочное — значение этого слова в этой фразе невозможно, поскольку оно предполагает другую сочетаемость, например: *спекулянт акциями, облигациями; спекулянт на фондовой бирже*. Однако в статье А. Бобров использует словосочетание *спекулянт картинами*, которое однозначно относит употребление слова *спекулянт* к значению: «Человек, который занимается спекуляцией, скупкой и перепродажей имущества, ценностей с целью наживы».

Слово *аферист* в данном фрагменте употреблено тоже в значении, умаляющем достоинство личности: «Человек, который занимается аферами, недобросовестными, мошенническими предприятиями, делами, действиями» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 32).

Фрагмент (б):

«Этот хищник, именующий себя правозащитником, осенью 1993 года накануне введения ОПУСа (значит, все готовилось заранее и опиралось вот на

таких слуг устанавливаемого режима) захватил с помощью вооруженных бандитов здание писательского издательства «Советский писатель».

В этом фрагменте слово *хищник* употреблено в значении: «Тот, кто наживается на ограблении кого-н., на расхищении общественного, народного достояния» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 862). Кроме того, в данном фрагменте утверждается, что Григорьянц *захватил с помощью вооруженных бандитов здание писательского издательства «Советский писатель»* — из чего следует, что и сам Григорьянц, по мнению автора статьи, является бандитом.

Фрагмент (в):

«Но Григорьянц, издавший листок «Гласность», не ожидал такого отпора сотрудников издательства, включая женщин, писателей и депутатов Верховного Совета, которые помогли нам пресечь захват. А потом уж «правозащитника» мы сами вытряхнули из здания на Поварской».

В этом фрагменте слово *правозащитник* употреблено с суффиксом субъективной оценки *-ек*, что придает слову уничижительный смысл. Кроме того, этот компонент уничижительности усиливается кавычками, которые придают слову *правозащитник* обратный смысл.

Фрагмент (д):

«Хищники-григорьянцы продолжают терзать Россию, посягая на родные святыни...»

В этом фрагменте слово *хищники* выступает в качестве приложения к слову *григорьянцы*, употребленному как имя нарицательное (перешедшее из разряда имени собственного — фамилии Григорьянц), при таком переходе акцентируется уничижительная оценка деятельности личности по фамилии Григорьянц.

Итак, в результате проведенного анализа текста установлено:

В статье А. Боброва «Листопадник»: «Удушение родного» (газета «Советская Россия» от 30.10.1997) содержится оценка личности и деятельности С.И. Григорьянца.

Высказывания автора статьи А. Боброва содержит негативную оценку личности и деятельности С.И. Григорьянца.

В статье содержатся слова, употребление которых в массовой коммуникации (и, в частности, в средствах массовой информации) является оскорбительным для адресата, так как умаляет достоинство личности.

В статье содержится лексика (слова *спекулянт, аферист, «правозащитничек», хищник*), которая оскорбляет и унижает С.И. Григорьянца.

* * *

После судебного разбирательства автор публикации А. Бобров в статье «Созидатели и стяжатели» (газета «Советская Россия» от 02.07.1998) изложил свою интерпретацию своего же текста с критическим анализом текста экспертизы.

Экспертиза 3

ИНТЕРВЬЮ А.В. МИНКИНА А. ВЕНЕДИКТОВУ

Радиостанция «Эхо Москвы», 12. 10.1997

• Суд: Пресненский межмуниципальный районный суд г. Москвы (иск А.Б. Чубайса к редакции радиостанции «Эхо Москвы», к А.В. Минкину).

• Основание для проведения исследования: запрос адвоката Г.В. Любарской в ИРЯ РАН.

• Эксперты: А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова, Н.А. Фатеева.

Вопросы

1. Каковы значения «вор» и «воровство» в Петровскую эпоху?

2. В каком из значений употреблено слово «воровство» в тексте стенограммы выступления Минкина А.В.

3. Какова связь между фрагментом стенограммы *«Грубо говоря, в смысле того языка, который употреблял Петр Первый, это — воровство. И когда император называл своих чиновников ворами, он не имел в виду, что они буквально из кармана у кого-то украли. А совершили, так сказать, служебное преступление»* и последующими фрагментами (смыслом стенограммы)?

4. Можно ли утверждать, что приведенный в вопросе 3 фрагмент является ключевым, определяющим для всех словоупотреблений в тексте стенограммы?

5. Сколько утверждений содержится во фразе А. Минкина *«авторы уже получили по триста с чем-то млн руб. (ну грубо говоря, 50 тыс. долл. они уже получили) за рукописи, которые, как всегда, никто не видит»*? И следует ли их понимать буквально?

6. Можно ли фразу А. Минкина *«к чиновникам, которые используют свое служебное положение, организовывая для них преимущества всегда за счет государства, всегда за счет налогоплательщиков, против них надо возбуждать расследование. И когда расследование закончится, как полагается, сажать в тюрьму»* считать утверждением А. Минкина о том, что А.Б. Чубайс пользовался своим служебным положением?

7. Сколько утверждений содержится во фразе А. Минкина *«Я могу назвать номер договора, лицевой счет любого из этих людей. Если Вам за пустяковое движение руки дали 100 тыс. долларов — это криминал»*? И следует ли их понимать буквально?

8. Содержится ли во фразе А. Минкина *«Кох получил 100 тыс. долларов за ненаписанную книгу... Никаких таких гонораров быть не может — это скрытая форма взятки»* утверждение о том, то А.Б. Чубайс совер-

шил преступление такое же по своему составу, которое якобы совершил Кох?

9. Можно ли признать, что слова А. Минкина это «не компромат, это уголовные факты» и «основание для возбуждения уголовного дела» иницируют уголовно-процессуальное преследование Чубайса?

10. Кто стоит за местоимением «они» (к кому относится местоимение «они») во фрагменте «Они нас постоянно надувают...» (с. 5 стенограммы)?

11. Можно ли считать оскорбительным слово «надувать» в приведенном в вопросе № 10 контексте?

12. Как соотносится высказывание «понятия не имею» (с. 8 стенограммы) — со всем предшествующим текстом?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предмет исследования — текст стенограммы интервью А. Минкина радиостанции «Эхо Москвы» 12 ноября 1997 г. (время 13:15).

Вопрос 1

По утверждениям исследователей, слово *вор* появилось в XVI в.: ранняя дата (1547 г.) приводится из источника «Правая грамота» А.П. Евгеньевой в статье «О слове «вор» в древнерусском языке» (Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та. Л., 1939. Т. 20, с. 145–171; там же и другие ранние примеры). У И.И. Срезневского в «Словаре древнерусского языка» (т. 1, СПб., 1893, с. 305) старшая дата — 1580 г. Однако во всех этих случаях речь идет не о таях, не о кражах. В выписке 1547 г. говорится о сочинителе подложной кабалы, в других — о разного рода «смутьянах», нарушителях общественного спокойствия. Во 2-й половине XVII в. вошли в употребление прилагательное *воровской* и существительное *воровство*. Особенно широкое распространение слова группы *вор* получили в Смутное время. Старшее значение (XVI — начало XVII в.) — «обманщик», «смутьян», «изменник», «политический преступник». В начале XVII в. появилось и слово *воровка* (сначала так называли только Марину Мнишек), *воренок* (сын Марины Мнишек и Лжедмитрия I), *воровать* («заводить смуту», «восставать против законной власти», «изменять») (см. об этом, например: П.Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1993, с. 176).

Согласно словарям русского языка, историческим и современным, и исходя из того, что Петровская эпоха — время правления Петра I (правил с 1689 г., первый российский император с 1721 г.), слово *вор* в Петровскую эпоху имело следующие значения: «1. Нарушитель закона, преступник || Разбойник || Изменник, бунтовщик || Мошенник || Прост. Плут, об-

манщик. 2. Тот, кто крадет, похититель» (см.: Словарь русского языка XVIII. Выпуск 4. Л., 1988, с. 68; см. также приложение¹).

Для современного русского языка первое значение слова *вор* — исторически младшее значение, а именно: «Тот, кто занимается воровством, совершает кражи». Второе значение дается с пометой *устар.* (устарелое) или с указанием на временную отнесенность *в старину* и толкуется так: «2. Устар. Государственный преступник, изменник» (см.: Словарь русского литературного языка: В 20 т. Т. 2. М., 1991, с. 457—458) или «В старину: изменник, злодей. *Тушинский в.* (Лжедмитрий II). *Поделом вору и мука*» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 97).

Вопрос 2

В интервью радиостанции «Эхо Москвы» во фрагменте «*Грубо говоря, в смысле того языка, который употреблял Петр Первый, это — воровство. И когда император называл своих чиновников ворами, он не имел в виду, что они буквально из кармана у кого-то украли. А совершили, так сказать, служебное преступление*» А. Минкин употребляет слова *вор* и *воровство* в устаревшем значении, сформулированном в современных словарях русского литературного языка как «государственный преступник, изменник, злодей» (см. приведенные выше цитаты из словарей).

¹ Приложение (в данном случае это выписки из словарей) следовало после текста заключения; здесь этот текст приведен в настоящей сноске: «**ВОР...** [1]. *Нарушитель закона, преступник.* Вор... у нас весьма разное значит, в пространном разумеется изменник, бунтовщик, и разбойник, в кратком же тать. ЛТ I 280. Приведен де в Синбирскую канцелярию вор Петрушка Кузнец и винулся в разбоях, и в грабежах, и в пожегах, за оныя воровства приговорен к смертной казни. СД 245.

— *Разбойник.* Разбой, когда воры сильным нападением и угрожением смерти, отнимают скот, и имения путником. Уч. отр. 20. Есть государство, где разбойники смертного убийства не делают для того, что воры грабительствующие только могут надеяться, что их пошлют в дальние поселения; а смертноубийцы сего ожидать не могут. Наказ § 95.

— *Изменник, бунтовщик.* Вор и бунтовщик Кондрашка Булавин. ПБП VIII 420. После перебежика вора Мазепы вчерашнего дня учинили здешний народ элекцию на нового гетмана. ПБП VIII 285.

— *Мошенник.* [Злоруст:] Вот так-то у меня в деревне был прикащик, .. Мне шоты чистые он к справке приносил, Да раз с доходами расход не согласился, А я и подцепил в росходе прибавленье, Да вора и послал в Сибирь на поселенье. Хрс. Ненав. (РФ) 99. || *Прост. Плут, обманщик.* Что ты про монастыри пишешь, ох, вор, еще ты ся не откинул ходить. Маниф. 6. [Гж. Простакова:] Кафтан весь испорчен. Еремеевна введи сюда мошенника Тришку. Он вор везде ево обузи. Фнв. Недор. 3.

2. *Тот, кто крадет, похититель.* Приведен в Севску в Приказ в татьбе лавочный вор. СД 12. Большую вор купил себе свечу, Чтобы было красть ему средь ночи в церкви видно. Сум. Притчи 33. Как выучить собаку, чтоб она украденные вещи и самого вора узнавала? Егер 425. — ср. похититель, тать, крадца» (см.: Словарь русского языка XVIII. Выпуск 4. Л., 1988, с. 68).

Вопрос 3

Фрагмент *«Грубо говоря, в смысле того языка, который употреблял Петр Первый, это — воровство. И когда император называл своих чиновников ворами, он не имел в виду, что они буквально из кармана у кого-то украли. А совершили, так сказать, служебное преступление»* определяет все дальнейшее развитие интервью. Все факты, приводимые далее в интервью, служат аргументами, доказательством «воровства» в том устаревшем понимании (по словам А. Минкина, *«в смысле того языка, который употреблял Петр Первый»*), которое было названо в ответе на вопрос № 2, а именно — «государственный преступник, изменник, злодей».

Вопрос 4

Композиция текста интервью включает три основные части.

Первая часть — вводная. В ней устанавливается основная тема беседы с начала стенограммы до слов Венедиктова *«В чем проблема, Александр?»* (с. 1 текста стенограммы), вводится проблема до слов Венедиктова *«Давайте разберемся»* (с. 2 текста стенограммы).

Основная часть — заканчивается словами Минкина *«Пусть он с ними разбирается. Но нас-то это совершенно не касается»* (с. 8 текста стенограммы).

Заключительная часть начинается вопросом Венедиктова *«Правильно ли я вас понял, это в конце нашей беседы...»* (с. 8 текста стенограммы).

Трехчленная структура является классическим вариантом развития сюжета. Такая структура часто реализуется, например, в русской сказке. Вводная часть обычно представляет персонажей, место действия, само действие; в нее же часто включается завязка сюжета. Вводная часть определяет «исходные координаты текста», угол рассматриваемых событий, условия развития действия. Комментарий А. Минкина по поводу значения слов *воровство* и *вор* (фрагмент *«Грубо говоря, в смысле того языка, который употреблял Петр Первый, это — воровство. И когда император называл своих чиновников ворами, он не имел в виду, что они буквально из кармана у кого-то украли. А совершили, так сказать, служебное преступление»*) входит в вводную часть и в этом смысле является определяющим для понимания последующих употреблений этих слов в тексте и всего текста в целом.

Вопрос 5

Фраза А. Минкина *«авторы уже получили по триста с чем-то млн руб. (ну грубо говоря, 50 тыс. долл. они уже получили) за рукописи, которые, как всегда, никто не видит»* содержит два утверждения:

- (1) авторы получили по триста с чем-то млн руб.;
- (2) за рукописи, которые, как всегда, никто не видел.

О толковании утверждения (1) ничего нельзя сказать, так как для оценки этого утверждения как истинного или ложного требуется информация о реальном положении дел.

Утверждение (2) *за рукописи, которые, как всегда, никто не видел* — это общее утверждение, которое в обычном общении никогда не понимается буквально. Ср. аналогичные высказывания: *Не хочу ничего знать* = 'не хочу иметь дело с кем-чем-либо'; *Ничего не понимаю* = 'не могу правильно интерпретировать или проанализировать данную ситуацию'; *Что ты сегодня делал?* — *Ничего не делал* = 'не занимался тем, что нужно, важно, актуально' (однако это не значит, что говорящий весь день только стоял, сидел, лежал или находился в ином пассивном состоянии). Утверждения типа (2) характерны для бытового диалога. Сюда же относятся обобщенные сентенции типа *«Россия — страна дураков»* и под. Вряд ли можно обвинять в клевете тех, кто произносит такие высказывания. Таким образом, утверждение (2) *за рукописи, которые, как всегда, никто не видел* не следует понимать буквально. В данном контексте оно значит приблизительно следующее 'большинство людей об этих рукописях ничего не знают'. При этом под *большинством людей* понимается широкая общественность.

Вопрос 6

Фраза А. Минкина *«к чиновникам, которые используют свое служебное положение, организовывая для них преимущества всегда за счет государства, всегда за счет налогоплательщиков, против них надо возбуждать расследование. И когда расследование закончится, как полагается, сажать в тюрьму»* содержит отношения логического следования *если..., то...* (импликация). Иными словами, рассматриваемая фраза может быть истолкована так:

Если чиновники используют свое служебное положение — это **посылка**, то против них надо возбуждать расследование — это **заключение**.

Ср. аналогичные выражения: *Те ученые, которым меньше 40 лет, могут участвовать в конкурсе грантов*. Из последнего высказывания вовсе не следует, что лицу X меньше или больше сорока лет. Иными словами: подобные конструкции не предполагают обязательной истинности посылки и, следовательно, не могут быть рассмотрены как утверждение об истинности такой посылки, так как посылка относится к неопределенному кругу лиц и поэтому не может быть истолкована как утверждение = 'всем ученым меньше 40 лет'.

Таким образом, фраза Минкина *«к чиновникам, которые используют свое служебное положение, организовывая для них преимущества всегда за счет государства, всегда за счет налогоплательщиков, против них надо возбуждать расследование. И когда расследование закончится, как полагается, сажать в тюрьму»* относится к широкому кругу лиц и поэтому не может

быть истолкована как утверждение о том, что А. Б. Чубайс злоупотребляет своим служебным положением.

Вопрос 7

Фраза А. Минкина *«Я могу назвать номер договора, лицевой счет любого из этих людей. Если Вам за пустяковое движение руки дали 100 тыс. долларов — это криминал»* содержит два утверждения:

(1) *«Я могу назвать номер договора, лицевой счет любого из этих людей»*

(2) *«Если Вам за пустяковое движение руки дали 100 тыс. долларов — это криминал».*

О толковании утверждения (1) как истинного или ложного ничего нельзя сказать, так как необходимо располагать информацией о реальном положении дел.

Утверждение (2) содержит отношения логического следования *если..., то...* (импликация). Иными словами, рассматриваемая фраза может быть истолкована так:

«Если Вам за пустяковое движение руки дали 100 тыс. долларов» — это **посылка**,

«то это криминал» — это **заключение**.

Подобные конструкции, как уже было сказано в ответе на вопрос № 6, не предполагают обязательной истинности посылки и, следовательно, не могут быть рассмотрены как утверждение об истинности такой посылки, так как посылка относится к неопределенному кругу лиц.

Утверждение (2) *«то это криминал»* можно считать обвинением А.Б. Чубайса, только если сам А.Б. Чубайс считает, что работа, выполненная им, — *«пустяковое движение руки»*. Если А.Б. Чубайс считает, что работа, выполненная им, — не пустяковое движение руки, то эта фраза к нему не относится.

Вопрос 8

Фраза А. Минкина *«Кох получил 100 тыс. долларов за ненаписанную книгу... Никаких таких гонораров быть не может — это скрытая форма взятки»* может быть рассмотрена как утверждение о том, то Чубайс совершил преступление такое же по своему составу, которое якобы совершил Кох, только в том случае, если сам А.Б. Чубайс считает, что Кох совершил преступление, — в таком случае аналогия с Кохом оскорбляет А.Б. Чубайса.

Вопрос 9

Слова А. Минкина *«это не компромат, это уголовные факты»* и *«основание для возбуждения уголовного дела»* не могут инициировать уголовно-процессуальное преследование А.Б. Чубайса, поскольку А. Минкин не является официальным лицом, принимающим решения о начале уголовного преследования.

Вопрос 10

По существующим нормам русского литературного языка лично-указательные местоимения (*он, она, оно, они*) употребляются вместо предшествующего существительного.

Фрагменту «*Они нас постоянно надувают...*» предшествует текст стенограммы: [Минкин:] «*Вы послушайте. Они круга пока не сделали. Мы можем говорить только о том, что уже произошло. Произошло то, что Чубайсу, Коху, Мостовому, Бойко, Казакову выплачено по 50 тысяч долларов. Вот это произошло. Вернут ли деньги в фонд?.. А если вернут, то какой смысл во всей этой операции? Это пусть они объясняют, я вам на эти вопросы дать ответ не могу. Я вам могу сказать другое*». Затем в тексте стенограммы с абзаца (подчеркнуто нами. — А.Б., Ю.С.) следует фраза «*Они нас постоянно надувают...*».

Абзац — 1) отступ в начальной строке печатного или рукописного текста; 2) компонент связного текста, состоящий из одной или нескольких фраз (предложений) и характеризующийся единством и относительной законченностью содержания (см., например: Русский язык: Энциклопедия. М., 1997, с. 10). Так как для анализа представлена стенограмма (то есть расшифровка устной речи), то остается не ясным: на основании чего фрагмент, начинающийся словами «*Они нас постоянно надувают...*», выделен абзацем: 1) это решение стенографистки? или 2) в записи выступления А. Минкина наличествует соответствующая пауза, которая достаточна для того, чтобы выделить данный фрагмент в абзац?

Таким образом, для ответа на вопрос № 10 необходимо специальное исследование аудиозаписи выступления. Поскольку в нашем распоряжении имеется только текст стенограммы, то установить, относится ли местоимение *они* в высказывании «*Они нас постоянно надувают...*» к конкретным чиновникам — Чубайсу, Коху, Мостовому, Бойко, Казакову или ко всем чиновникам вообще, не представляется возможным.

Вопрос 11

Слово *надувать* употреблено в исследуемом тексте стенограммы в следующем значении: «Обмануть, провести (разг.)» (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 380).

Использование слова *надувать* в современном русском языке предполагает существование двух типов лиц (участников ситуации):

- того, кто надувает,
- того, кого надувают.

Анализ употреблений глагола *надувать* в корпусе текстов по современной публицистике показывает, что содержащийся в его значении элемент оскорбления относится не к тому, кто надувает, а к тому, кого надувают, ср. характерный пример: *У Безрукова в этой роли есть только одно*

глумовское качество — бешеная энергия. Он ни минуты не может постоять спокойно. Куда ему вживаться в роли, надувая глупцов! [журнал «Итоги»].

Глагол *надувать* используется для описания ситуаций очень простого, тривиального обмана. Тот, кто поддается на очень простой обман, показывает себя не с лучшей стороны в общественном мнении. Отсюда и идея оскорбления.

Вопрос 12

Высказывание «*Понятия не имею*» относится к заключительной части выступления А. Минкина. Эта реплика следует после вопроса ведущего:

[Венедиктов:] *Правильно ли я вас понял, это в конце нашей беседы, — вы считаете необходимым, чтобы по делу этому же, так же, как по книге, которая должна была бы написана бывшим вице-премьером Альфредом Кохом, прокуратура возбудила, как вы сказали, проверку?*

[Минкин:] *По этому?*

[Венедиктов:] *Да. Что, тут есть момент для проверки?*

[Минкин:] *Понятия не имею. Мы сейчас вот впервые об этом говорим. Когда Чубайс об этом говорил в интервью, он же не говорил о суммах. Вот напишем монографию, чрезвычайно, видимо, важную и полезную, но он не говорил о том, какие суммы будут. И он не говорил о том, откуда они будут получены. Он говорил о том, куда они благотворительным образом направят гонорар».*

Ответ Минкина «*Понятия не имею*» относится к предшествующему вопросу Венедиктова «*Что, тут есть момент для проверки?*». Коммуникативное намерение А. Минкина выражено достаточно ясно, хотя и слишком категорично, что создает эффект противоречивости. Намерение заключается в том, что А. Минкин не хочет давать юридической оценки фактам, излагая только сами события. В этом смысле предшествующие высказывания А. Минкина могут рассматриваться как предположения частного лица, причем эти предположения А. Минкин отнюдь не отождествляет с возможными выводами судебных инстанций.

* * *

Светлана Сухова

«ЭХО МОСКВЫ» ПРЕДЛАГАЕТ АНАТОЛИЮ ЧУБАЙСУ УСТРОИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

Газета «Сегодня», 11.07.1998

Бывшему первому вице-премьеру правительства РФ Анатолию Чубайсу отказано в иске к журналисту Александру Минкину и радиостанции «Эхо Москвы» о защите чести и достоинства. Мосгорсуд оставил без изменения решение Краснопресненского межмуници-

пального суда от 27 апреля и не удовлетворил кассационную жалобу Анатолия Чубайса. Кстати, сам истец в суд не явился — прислал адвоката: нет времени, занят с МВФ. Для адвоката г-на Барщевского решение суда стало «полной неожиданностью». Александр Минкин расценил происшедшее как «большую победу и на районном, и на городском уровне и Минкина, и «Эха Москвы», и всех журналистов».

«Эхо Москвы» в суде представлял главный редактор Алексей Венедиктов. По его словам, позиция «Эха» остается без изменений и в случае возобновления тяжбы (ходят слухи о том, что адвокат Чубайса намерен искать «Защиты и справедливости» в Верховном суде) радиостанция «своего мнения не изменит». Позиция же «Эха Москвы» заключается в том, что согласно и российским законам, и нормам международного права электронные СМИ не несут ответственности за то, что говорят в эфире их гости. Попытка же привлечь радио или телевидение к ответственности за сказанное кем-то в эфире — это ни больше ни меньше как предварительная цензура. Г-н Венедиктов считает, что впервые за 8 лет существования свободы слова в России высокий чиновник попытался привлечь к ответственности в качестве ответчика электронное СМИ. Более того, от «Эха Москвы» требовали озвучить опровержение, написанное то ли самим Анатолием Борисовичем, то ли его адвокатом. В опровержении же «Эхо Москвы» должно было признать недобросовестность сделанных Александром Минкиным в радиозфире заявлений. Хотя признавать такую недобросовестность может только суд, а никак не другое СМИ. А заставить озвучивать такое опровержение радиостанцию не может даже суд.

Между тем «Эхо Москвы» уже неоднократно (трижды) предлагало Анатолию Чубайсу самому выступить в радиозфире. По словам Венедиктова, «мы рады будем увидеть Анатолия Борисовича, он нам интересен со многих точек зрения — и по поводу РАО «ЭЭС», и МВФ, и его книги. Последнюю он может вообще зачитывать хоть всю в нашем эфире — у нас есть литературные чтения».

Экспертиза 4

А. Петухов

«ДИРЕКТОРСКИЙ МЕЖДУСОБОЙЧИК»

Газета «Пермские новости», 13.03.1998

- **Основание для проведения исследования:** запрос адвокатов Московской коллегии адвокатов, «Адвокатская палата» (адвокат И.Ю. Сергиенко) в ИРЯ РАН.
- **Эксперты:** Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. В каком значении употреблено словосочетание «прочие достойные лица» в предложении второго абзаца раздела «Личные интересы»: «Столько же получила скромный завлаб Баянова, генеральный директор «Оренбургнефть» Р. Храмов и «прочие достойные лица»?

2. Можно ли считать словосочетание «прочие достойные лица» цитатой, если нет, то почему?

3. В каком значении употреблено слово «руководить» в предложении пятого абзаца раздела «Неинтересные интересы производства»: «Баянова не сдала и печать, продолжала, будучи в Москве, заключать договоры и вообще «руководить» предприятием, в том числе получая сотни миллионов рублей наличными?»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

1. Словосочетание *прочие достойные лица* имеет следующее значение «другие достойные лица». Однако в анализируемом контексте это словосочетание взято в кавычки. Кавычками эти слова выделены для придания им иронического значения (см. о таком употреблении: Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994, § 128, с. 159). Иронический контекст определяется самим смысловым содержанием раздела анализируемой статьи «Личные интересы», в котором названы физические лица, внесшие в уставный капитал определенные суммы: «...за 100 тысяч неденоминированных рублей тот же В. Виноградов оказался владельцем реального капитала... почти в 600 тысяч полновесных долларов» (противопоставление 100 тысяч неденоминированных рублей — 600 тысяч долларов). Таким образом, в контексте анализируемой статьи словосочетание «*прочие достойные лица*», заключенное автором статьи в кавычки, употреблено в значении «прочие недостойные лица».

Вопрос 2

2. Цитата — точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, высказывания (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 876). Цитаты по правилам русской пунктуации заключаются в кавычки, при цитировании указывается источник цитаты (автор, произведение). Цитирование может быть прямым и косвенным. При прямом цитировании указывается автор, произведение, а затем сама цитата. При косвенном цитировании автор может прямо не указываться, а цитата вводится в текст следующими словосочетаниями «как говорил классик», «как хорошо сказано в таком-то произведении» и т.п. Непрямое анонимное (без названия имени автора) цитиро-

вание возможно лишь в том случае, когда цитата хорошо известна всем образованным носителям русского языка и представляет собой либо так называемое крылатое выражение, либо афоризм. Так, например, обстоит дело со многими цитатами из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» — «счастливые часов не наблюдают», «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь» или строки А.С. Пушкина «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Такие афористические выражения могут употребляться без указания автора. По смыслу они представляют образные высказывания, заключающие какую-либо мудрость жизни. Крылатые слова и выражения, а также афористические высказывания фиксируются в специальных словарях. Словосочетание «прочие достойные лица» не может быть отнесено к крылатым словам либо к афористическим выражениям по следующим причинам: оно лишено внутренней образности (ср. «и прочей разной дрянью» В. Маяковского, которое образно), оно не зафиксировано как крылатое выражение ни в одном из соответствующих словарей.

Вопрос 3

3. Глагол *руководить* имеет следующее значение «управлять, заведовать». В анализируемом контексте это слово взято в кавычки и употреблено таким образом в ироничном либо прямо обратном значении «как бы руководила».

Экспертиза 5

С.Ю. Садальский

«ПРЕЗИРАЯ СМЕРТЬ или СКАНДАЛЬНОЕ ОТКРОВЕНИЕ АЗИЗЫ В КРЕЩЕНСКУЮ НОЧЬ»¹

«Экспресс-газета», № 3, 1998

• **Основание для проведения исследования:** постановление следователя Тверской межрайонной прокуратуры г. Москвы юриста 3 класса Р.В. Нешаева (направлено в ИРЯ РАН).

• **Эксперты:** Ю.А. Сафонова, Н.А. Фатеева.

• **Фрагмент публикации:** «С Игорем я познакомился очень давно, когда пацаном начинал работать с восхитительной Маргаритой Тереховой. Как-то с его директором и невольным убийцей Шляфманом мы пиروвали у меня в квартире на улице Библиотечная, 27. Во время застолья Игорь

¹ В названии статьи сохранена авторская пунктуация.

признался, что ему очень нравится Азиза... Поэтому, узнав о трагедии в Ленинграде, я поклялся, что никогда не буду общаться с этой блядью».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Город Москва

07 сентября 1998 года

Комиссия экспертов в составе ведущего научного сотрудника Института русского языка имени В.В. Виноградова доктора филологических наук Фатеевой Наталии Александровны (стаж работы по специальности — 19 лет) и старшего научного сотрудника Института русского языка имени В.В. Виноградова кандидата филологических наук Сафоновой Юлии Александровны (стаж работы по специальности — 19 лет) на основании постановления следователя Тверской межрайонной прокуратуры г. Москвы юриста 3 класса Ненашева Р.В. от 25 августа 1998 года произвела лингво-стилистическую экспертизу по уголовному делу № 201752.

Права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ мы предупреждены.

1. (подпись) Н. А. Фатеева 2. (подпись) Ю. А. Сафонова

Экспертиза начата «26» августа 1998 года.

Экспертиза окончена «7» сентября 1998 года.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

1. Ксерокопия статьи С.Ю. Сададьского «Презирая смерть или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь», опубликованной в январском № 3 «Экспресс-газеты» за 1998 год; 2. Копия постановления о назначении лингво-стилистической экспертизы.

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

1. Содержит ли данная статья отрицательную информацию об объекте — Мухамедовой А.А.?

2. Как связана композиция всей статьи со смыслом ее начальной врезки?

3. Какова функция фразы, в которой употребляется слово *блядь*, в композиции статьи и какова смысловая нагрузка этой фразы?

4. Каковы функции начальной и конечной врезок по отношению к основному тексту статьи?

5. Является ли фраза, в которой употребляется слово *блядь*, неприличной и непристойной с точки зрения морали и нравственности общества?

В результате проведенного исследования установлено следующее:

Вопрос 1

В статье С.Ю. Сададьского «Презирая смерть или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь» («Экспресс-газета», 1998, № 3) отрицательная информация об объекте — А.А. Мухамедовой — содержится

в следующем фрагменте текста статьи (отрицательная информация подчеркнута):

«С Игорем я познакомился очень давно, когда пацаном начинал работать с восхитительной Маргаритой Тереховой. Как-то с его директором и невольным убийцей Шляфманом мы пировали у меня в квартире на улице Библиотечная, 27. Во время застолья Игорь признался, что ему очень нравится Азиза... Поэтому, узнав о трагедии в Ленинграде, я поклялся, что никогда не буду общаться с этой блядью».

Вопрос 2

Композиция статьи С.Ю. Сададьского «Презирая смерть или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь» («Экспресс-газета», 1998, № 3) представлена тремя частями: I. Вводная часть — верхняя начальная врезка¹; II. Основная часть — небольшие озаглавленные главы: *Встреча в Камергерском; Родилась мертвой; Крепкая башка для коньяка; Филипп добивался признаний; В подарок — мочку уха; Я раздеваюсь перед зеркалом*; III. Заключительная часть — нижняя конечная врезка.

Трехчастная композиция статьи создает так называемый эффект обманутого ожидания, так как во вступлении (верхняя врезка) автор интригует читателя, заявляя: *«...узнав о трагедии в Ленинграде, я поклялся, что никогда не буду общаться с этой блядью»*. Таким образом, основной посыл, задаваемый верхней врезкой, — Азиза — блядь. Основная часть представляет историю жизни Азизы, оформленную в основном как интервью (за исключением главы «Встреча в Камергерском»), фрагменты которого разбиты на несколько эпизодов, раскрывающих характер, жизненный путь, отношение к людям и творческую жизнь певицы. Вся основная часть содержит только положительную информацию о героине. И даже вопросы автора статьи, носящие явно провокационный характер (например: *Вот и проговорилась. Наркотики употребляешь?!; Почему все, что связано с тобой, имеет криминальный оттенок?* — глава «Крепкая башка для коньяка»; *На мой домашний компьютер поклонники из КГБ, теперь ФСБ, все время перекачивают жареные факты. Так я узнал об истории с Филей... Что у вас было на самом деле?* — глава «Филипп добивался признаний»), не меняют общего тона основной части статьи — а именно: автор раскрывает читателю Азизу в новом свете, шаг за шагом опровергая сложившееся мнение об Азизе как о скандальной капризной певице и женщине. Первая глава основной части «Встреча в Камергерском» содержит рассказ автора о тайне, поведенной ему Азизой. Эта часть — внутренний стержень статьи: автор пытается понять, что могло связывать двух столь внешне непохожих людей — Азизу и Талькова. Заключительная часть статьи — нижняя врезка — представляет размышления ав-

¹ Врезка — в издательском деле: краткий пояснительный текст, который предваряет статью и набирается другим шрифтом или выделяется иным типографским способом.

тора во время откровений Азизы. Ключевые фразы здесь — *«Я слушал Азизу и тихо в нее влюблялся»* и *«Утром мне принесли подборку западных газет про мою ночную собутыльницу. Одна цитата показалась мне очень точной: «Внешне холодная, как змея, знойная внутри, как солнце в пустыне, таинственная, как сам Восток, блистательная, как сокровище падишахов, волшебная, как восточная ночь, и непредсказуемая, как желания влюбленных. Есть в ней что-то дьявольски привлекательное, что-то необъяснимое, рождающее страх и преклонение».*

МНЕ ПОД ЭТИМИ СЛОВАМИ ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ПОДПИСАТЬСЯ».

Таким образом, автор статьи С. Сададьский опровергает выдвинутое во вступительной части предположение о том, что Азиза — блядь, доказывая, что такое восприятие артистки — чисто внешнее, связанное с несоответствием богатого внутреннего мира певицы с внешним обликом и впечатлением, которое она производит. Рассказывая о жизни и творчестве певицы в основной части статьи, автор призывает внимательно присмотреться к Азизе и не давать скоропалительных оценок, вызванных непониманием сложной человеческой природы.

Вопрос 3

Фраза, содержащая слово *блядь*, композиционно относится к вступительной части статьи. Эта часть задает тон, автор излагает свою точку зрения, которую затем, в основной части, сам последовательно опровергает, а в заключительной части приходит к иному мнению, противоположному выдвинутому предположению. Такое композиционное решение можно назвать «эффектом обманутого ожидания». Читатель, заинтригованный явно провокационным заявлением, сделанным во вступлении, начинает читать статью с желанием найти подтверждение правильности выдвинутого положения (Азиза — блядь)... Однако основная часть статьи, по существу сам текст статьи, не содержит фактов, подтверждающих выдвинутое предположение автора.

Таким образом, функция фразы, содержащей слово *блядь*, — заинтриговать читателя, обещая ему скандал (Ср. также название статьи «Презиравая смерть или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь»; само название также интригует читателя, так как содержит внутреннее противопоставление, представленное стилистически разнородными компонентами заголовка: скандальные откровения — в крещенскую ночь. Как известно, крещенская ночь связана в представлениях носителей русского языка с чем-то загадочным, необыкновенным, но, как правило, чистым — и вдруг — скандальные откровения.)

Вопрос 4

Начальная врезка — вступление, в котором содержится намек, предположение, что Азиза — блядь. Конечная врезка — содержит обратное ут-

верждение: Азиза — загадка, сложный человек, понять которого непросто, все существующие оценки Азизы связаны с ее сложным характером, закрытостью для окружающих и сложным внутренним миром певицы. Автор статьи приводит цитату об Азизе из иностранной прессы, которая образно и ярко представляет ее как женщину-загадку, к которой не могут подходить стереотипные житейские определения.

Таким образом, начальная и конечная врезки статьи создают ее рамку. Тексты во врезках к тому же выделены жирным шрифтом и фоном и призваны создать ореол тайны вокруг образа певицы, пусть эта тайна и будет несколько тенденциозна.

Вопрос 5

Согласно словарям русского языка, *блядь* — «Публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб., М., 1903. Т. 1, стлб. 245); «Грубо. Вульгарное». Развратная, распутная женщина; проститутка» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, с. 85).

Слово *блядь* не относится к общеупотребительным словам русского языка и соответственно не относится к лексике литературной. Фраза, содержащая слово *блядь*, несомненно, является непристойной с точки зрения морали и нравственности. Однако следует заметить, что непристойность относится не только к объекту слова, но и к произносящему или пишущему это слово, так как человек, владеющий нормативным литературным языком во всех его функциональных стилях (публицистическом, деловом и др.), должен иметь внутренний запрет на употребление таких слов в стилях литературного языка. Вопрос об осуждаемости/неосуждаемости блядства с точки зрения общественной морали не входит в компетенцию лингвистов.

Сам стиль «Экспресс-газеты» и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово *блядь* для круга читателей «Экспресс-газеты» не бранное, а свое, «житейское», находящееся на самой грани просторечной лексики.

* * *

САДАЛЬСКИЙ ОБЗЫВАЛ АЗИЗУ БЕЗНАКАЗАННО

Газета «Московский комсомолец», 02.10.1998

Результаты лингвистической экспертизы по непарламентским высказываниями актера Станислава Садальского в адрес певицы Азизы Мухамедовой получены вчера Тверской межрайонной прокуратурой столицы.

Ранее этой прокуратурой было возбуждено уголовное дело в отношении Садальского по ст. 130 УК (оскорбление чести и достоинства). Поводом для этого послужило опубликованное в «Экспресс-газете» интервью с Садальским, который на вопрос о его отношении к Азизе ответил: «Я с этой бл...ю за один стол не сяду». Впрочем, уже через несколько абзацев Садальский меняет свое мнение на противоположное и сообщает, что в принципе Азиза не такой уж и плохой человек.

Тем не менее, посчитав себя оскорбленной, певица обратилась с заявлением в прокуратуру, требуя восстановить поруганную честь. И в течение более полугода прокуратура исправно пыталась ей в этом помочь, но, увы, тщетно. Проведенная Институтом русского языка РАН лингвистическая экспертиза фактически оправдала актера, заявив (дословно), что «сам стиль «Экспресс-газеты» и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом и считать слово бл... не ругательным, а своим, житейским, находящимся на самой грани просторечной лексики». А вообще-то, указали эксперты (опять-таки дословно), «вопрос об обосновании блядства не входит в компетенцию лингвистов». На основании данных выводов прокуратура вчера же прекратила уголовное дело против Садальского за отсутствием состава преступления.

Кстати говоря, за все время следствия потерпевшая Азиза ни на один допрос в прокуратуру не явилась, хотя повестки по ее алма-атинскому адресу, где она прописана до сих пор, отправлялись исправно. Возможно, вопрос о защите достоинства не являлся для певицы приоритетным.

* * *

Иронические замечания газеты об отказе лингвистов комментировать некоторые фрагменты можно понять — для газетчиков это тот самый материал, который может поразвлечь публику. Однако эксперты-лингвисты не могут давать оценку какому-либо общественному явлению, это дело социологов, культурологов, политологов.

Экспертиза 6

В. Ладный

«ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО — ЧЕРНЫМ НАЛОМ»

Газета «Комсомольская правда», 27.05.1998

- **Основание для проведения исследования:** запрос охранно-сыскной ассоциации «Шериф» в ИРЯ РАН.
- **Эксперты:** Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. Содержит ли текст статьи «Черное золото — черным налогом» («Комсомольская правда» от 27.05.1998) положительную и отрицательную информацию о деловой репутации фирмы «Шериф»?

2. В какой форме содержится информация о деловой репутации фирмы «Шериф»: в форме утверждения или в форме предположения?

3. Какова связь фрагмента, содержащего информацию о фирме «Шериф», с общей тональностью и стилистикой всей статьи?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистическое исследование представленного материала (ксерокопия статьи «Черное золото — черным налогом» в газете «Комсомольская правда» от 27.05.1998) позволяет дать следующие ответы на поставленные вопросы:

Вопрос 1

В тексте рассматриваемой статьи (заметки) содержится информация о деятельности (а следовательно, о деловой компетенции и деловой репутации) АО «Шериф» в следующих высказываниях.

(1) Механизм хищений прост и типичен для нашей страны (просто рабочим других отраслей не по плечу «рельсовая война»): десятки фирм с сакрально-ментальными названиями «Шериф», «Черный квадрат» и многие другие прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам, а неучтенная наличка прилипала к чьим-то рукам.

(Выражение *черное золото* используется здесь не в привычном современном значении «нефть», а в более старом «уголь», ставшем снова актуальным благодаря событиям последних лет и шахтерской активности; ср.: «Черное золото. 1) О нефти.... 2) О каменном угле... *Шахтеры, товарищи мастера!.. Впереди нас ждут большие подземные бои за пятилетку. Ведь вон сколько нужно стране черного золота, — простер он руку к висевшему за окном лозунгу.* Игишев. Шахтеры» (Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 4 (Ж-З). М.; Л., 1954, стлб. 1316) и «Черное золото. 1) Нефть... 2) Уголь. Горняки выдали дополнительно к заданию 60 тыс. тонн «черного золота» (Известия). Бурный рост добычи «черного золота» повлек за собой развитие мощной промышленной инфраструктуры (Труд)» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Союдапии. СПб., 1998, с. 222).

(2) По-видимому, многое держалось на взятках, не случайно ведь тот же «Шериф» задолжал горнякам 15 миллиардов старыми, а уголек он и ему подобные получали в первую очередь.

Вопрос 2

Приведенные в ответе на вопрос 1 высказывания (1) и (2) содержат информацию о деятельности АО «Шериф», соответственно, содержат и информацию о деловой компетенции и деловой репутации этой фирмы.

Оба приведенных высказывания не содержат положительной информации о деятельности, деловой компетенции и деловой репутации АО «Шериф».

В высказывании (1) отрицательная информация о деловой репутации содержится в форме утверждения:

(1) *Механизм хищений прост и типичен для нашей страны (просто рабочим других отраслей не по плечу «рельсовая война»): десятки фирм с сакраментальными названиями «Шериф», «Черный квадрат» и многие другие прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам, а неучтенная наличка прилипала к чьим-то рукам.*

Данное высказывание представляет собой бессоюзную конструкцию с первой частью (1а): *Механизм хищений прост и типичен для нашей страны (просто рабочим других отраслей не по плечу «рельсовая война»);* и второй частью (1б): *...десятки фирм с сакраментальными названиями «Шериф», «Черный квадрат» и многие другие прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам, а неучтенная наличка прилипала к чьим-то рукам.*

Первая часть (1а) содержит утверждение о том, что здесь имеют место «хищения», «механизм» которых «типичен» для современной экономической действительности в России.

Вторая часть (1б) отделена от первой (1а) двоеточием. Главная функция этого пунктуационного знака — предупреждение о чем-либо. Здесь он обозначает, что «основная часть высказывания... содержится в первой части... предложения, а во второй части заключается пояснение», т.е. «вторая часть раскрывает содержание первой части» (Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М., 1984, с. 184—185). Тем самым двоеточие выступает как эквивалент формулы «а именно», что позволяет рассматривать содержание второй части (1б) как раскрытие названного в первой части (1а) «механизма хищения»: утверждение о том, что «десятки фирм» (в том числе и названная фирма «Шериф») «прокачивали черное золото... по несуразным ценам», а «неучтенная наличка прилипала к чьим-то рукам» (чей-то — неопределенное местоимение, так что утверждать прямо, к чьим рукам «прилипала неучтенная наличка», текст оснований не дает).

Высказывание (2): *По-видимому, многое держалось на взятках, не случайно ведь тот же «Шериф» задолжал горнякам 15 миллиардов старыми, а углек он и ему подобные получали в первую очередь* — содержит в виде предположения информацию о том, что указанные хищения связаны со взятками (предположительность на языковом уровне выражена вводным словом *по-видимому* в значении «вероятно, должно быть», см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 528).

Информация о задолженности АО «Шериф» горнякам определенной суммы — «...*тот же «Шериф» задолжал горнякам 15 миллиардов старыми*» — содержится в форме утверждения [глагол *задолжал* представлен в форме изъявительного (реального) наклонения, в прошедшем времени].

Вопрос 3

Информация о деятельности и деловой репутации АО «Шериф» занимает третью часть всего объема заметки. Понятно, что заголовок «*Черное золото — черным налогом*» и рубрика, в которой помещена заметка («*Пойман — вор*»), в полной мере — композиционно — относятся ко всей информации, содержащейся в заметке, соответственно и к информации о деятельности и деловой репутации АО «Шериф». Согласно толковым словарям: «**Черный нал** (незаконные наличные деньги, не зафиксированные в финансовых документах и не облагаемые налогом). *Статистика зачастую не учитывает доходы, нигде не зафиксированные. Наши торговцы-«челноки» где-нибудь декларировали свои доходы? Нигде. А левые заработки? А тот «черный нал», который крутится?* АиФ <Аргументы и факты>, 1994, 2. *Один из крупнейших каналов налоговых утечек — «черный нал». Еще в конце 80-х доля наличности в общей денежной массе составляла в стране 10 проц., сегодня — 37. МН <Московские новости>, 20.02.94—27.02.94. На сверхдоходы от рекламы и коммерческих операций претендуют и работники телевидения, которые привыкли получать за конкретную работу не учтенные в бухгалтерии деньги (так называемый черный нал). Смена, 24.03.95» (Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения. СПб., 1998, с. 408)¹.*

То, что в третьей части заметки появляется формула «механизм хищений», композиционно подготовлено содержанием предшествующей информации, ее нагнетанием: здесь говорилось и о «сомнительных торговых операциях», и о «строительстве дач» и «огромных счетах за границей» у руководства отраслью, и о «бартере» и «взаимозачетах» как 99% оборота «Ростовуголь», и о том, что «большие средства шли черным налогом»...

В рассматриваемой части текста статьи для негативной оценки сообщаемого используются также и отдельные стилистические приемы.

¹ См. также раздел «Современная экономическая терминология», глава «Жаргонные эквиваленты терминов» в книге «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)»: «Социальные условия, вовлеченность самых широких слоев населения в стихию рынка способствует формированию жаргонных эквивалентов целого ряда экономических понятий, терминов и проникновению их в сферу общеупотребительной лексики. Своеобразным транслятором жаргонной терминологии являются в наши дни средства массовой информации, прежде всего газеты» (с. 200). Далее приведен список наиболее употребительных жаргонизмов, среди которых: *крутить* (пускать в оборот), а также *нал*, *безнал*, *черный нал* и др. (М., 1996, с. 200—201). [Подчеркнутое нами в полной мере относится и к анализируемой заметке — Б.Ш., Ю.С.]

Так, говоря о названиях фирм «Шериф» и «Черный квадрат», автор употребляет определение *сакраментальный* («с сакраментальными названиями»). Значение этого прилагательного в литературном языке: «1. Связанный с религиозным обрядом, ритуальный. *Сакраментальные слова* (также перен.: звучащие как заклинание). 2. перен. Закрепившийся в традиции, ставший обычным» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка М., 1997, с. 692; см. также словари иностранных слов) — не соответствует содержанию рассматриваемого текста. Однако можно предположить, что выбор этого слова диктуется здесь типичным для современной публицистики приемом, когда заимствованное (иностранное) слово, звучащее красиво (!), употребляется не в своем сформировавшемся, нормативном значении, а в значении «наоборот», иронически: *сакраментальный* предполагает значение «ритуальный», «традиционный», что было бы нормально, а здесь название фирмы — слово *шериф* (традиционно это должностное лицо — страж порядка) сопрягается в тексте с «механизмом хищений», связывается с последним.

В тексте использован разговорный экспрессивный глагол *прокачивать* («десятки фирм... прокачивали черное золото через себя по несуразным ценам»); такое значение глагола *прокачивать* еще не отмечено в словарях современного русского языка, однако очевидно, что в данном контексте *прокачивать* — синоним глагола *прокручивать* — *прокрутить*. См. значение глагола *прокрутить*: «**Прокрутить**... Разг.(оворное). Незаконно использовать чьи-л. деньги в качестве высокопроцентных ссуд, инвестиций и т.п. для получения прибыли, задерживая их выплату клиентам. *На книжном рынке паразитирует десяток-полтора фирм, специализирующихся на неплатежах, неправомерным путем наживающих капиталы за счет порядочных издателей и книготорговцев, деньги которых — многие сотни миллионов рублей — они «прокручивают» с большой выгодой для себя.* КО <Книжное обозрение>, 29.11.94. *Задорнов впервые разгласил сумму средств, находящихся в так называемых внебюджетных фондах, 103 триллиона рублей... и обвинил министерства и ведомства в том, что они бесконтрольно прокручивали остатки средств на счетах этих фондов через коммерческие структуры.* МН <Московские новости>, 22.05.94—29.05.94. *Куда более выгодно собранные средства пайщиков придержать, прокрутить в банке, не спеша тратить по назначению, а потом поставить людей перед фактом: для продолжения строительства нужны дополнительные поборы.* Огонек, 1996, 6» (Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения. СПб., 1998, с. 516). См. также одинаковую сочетаемость *прокрутить* *через структуру* и *прокачать* *через себя*.

Обратим внимание на использование здесь прилагательного *несуразный*: это означает не только «нелепый», но и «несообразный» (см.: Сло-

варь русского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1982, с. 483), таким образом, *по несурным ценам* можно понять как «по явно завышенным».

Наконец, следует отметить употребление фразеологического выражения *прилипать к рукам*: «*неуценная наличка прилипла к чьим-то рукам*». Здесь «работает» не только значение этого выражения: «О том, что незаконно присваивается, похищается» (см.: Фразеологический словарь русского литературного языка XVIII–XX в.: В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1991, с. 91), но и его стилистическая экспрессивная окраска: «Просторечное [т.е. грубоватое]. Ироническое» — обе эти пометы сочетаются со стилистической тональностью рассматриваемой заметки.

Экспертиза 7

«ЕСТЬ ДЕЛА, А ЕСТЬ СЛОВА или МОЖЕТ, ПЕРЕСТАНЕТЕ ЛУКАВИТЬ, ГОСПОДА ТРОЕГЛАЗОВ И ТОЛМАЧЕВ?»¹

Газета «Капитал-Иваново», ноябрь 1998

- **Основание для проведения исследования:** определение судьбы Фрунзенского районного суда г. Иванова Е.Г. Вовк от 02.11.1998 г. о назначении лингвистической экспертизы по делу № 2-2193/98 (запрос в ИРЯ РАН).
- **Эксперты:** А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Москва

17 декабря 1998 г.

Комиссия экспертов в следующем составе: заведующий сектором экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, доктор филологических наук Баранов Анатолий Николаевич (стаж работы по специальности — 18 лет) и старший научный сотрудник отдела лексикологии и грамматики, кандидат филологических наук Сафонова Юлия Александровна (стаж работы по специальности — 19 лет) на основании Определения судьбы Фрунзенского районного суда г. Иванова Е.Г. Вовк от 02.11.1998 г. произвела лингвистическую экспертизу по делу № 2-2193/98.

Права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу ложного заключения по ст. 307, 308 УК РФ мы предупреждены.

1. (подпись) А.Н. Баранов 2. (подпись) Ю.А. Сафонова
Экспертиза начата «23» ноября 1998 года.

¹ В названии публикации сохранена авторская пунктуация.

Экспертиза окончена «17» декабря 1998 года.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

- 1). Гр. дело № 2-2193/ 98 на 194 листах;
- 2) страницы газет на 19 листах;
- 3) 6 фотографий.
- 4) Копия определения о назначении судебно-лингвистической экспертизы (на 2 с.)

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Чем являются формулировки, приведенные в исковом заявлении под цифрами 1—7 включительно, — предположениями, вопросами, утверждениями?

2. Чем является фраза, опубликованная в обращении к журналистам российских средств массовой информации о создании главой города Троеглазовым В.В.: «своими действиями... прекрасных условий для захвата экономической и политической власти в областном центре и области своей кликой и связанными с ней полукриминальными и криминальными структурами»: утверждением, предположением, вопросом?

3. Является ли данная фраза оскорбительной для главы города Иванова Троеглазова В.В.?

4. Сколько значений и каких в русском языке имеет словосочетание «теневой бизнес», употребленное в тексте без кавычек?

5. Можно ли из контекста публикации «Есть дела, а есть слова или Может, перестанете лукавить, господ Троеглазов и Толмачев?» сделать вывод, что Троеглазов как глава города способствовал созданию условий для формирования теневого бизнеса?

6. Сколько значений и каких имеет словосочетание «отмывает наличность», употребленное в тексте без кавычек?

7. Позволяет ли содержание фразы «через рынки, вы, Валерий Васильевич, отмываете наличность, пополняя свой второй бюджет», сделать вывод о том, какой именно бюджет пополнял Троеглазов: бюджет города (как глава города), бюджет АООТ «Дормострой» (как акционер) или семейный бюджет (как член семьи Троеглазовых) и т.д.

8. Можно ли из контекста публикации «Есть дела, а есть слова или Может, перестанете лукавить, господ Троеглазов и Толмачев?» сделать вывод, что Троеглазов как мэр допустил появление в городе, в том числе в фирмах «Элтон» и «Сэлком», теневых капиталов, тем более что речь идет не о капитале, а о капиталах?

9. Является ли фраза в статье «Есть дела и есть слова...» «показывает явное психическое расстройство» оскорбительной для главы города Троеглазова в смысловом выражении и не тождественна ли она понятию «психически больной»?

10. Сколько значений и каких в словосочетании «запустил руку в государственный карман», употребленном в тексте без кавычек.

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1¹

(1) *«Неужели вы, г-н Глава, не признаете, что создали теневой бизнес именно вы и только вы?»*

Данное предложение является невопросительным по формальным признакам (в данном случае — отсутствие соответствующего знака препинания, вопросительного знака в конце предложения), повествовательным. Это предложение включает информацию, направленную к адресату (г-н Глава). Это предложение содержит утверждение с оттенком удивления, недоуменности.

Следует, однако, заметить, что подобная структура предложения (начинаются с частицы *неужели, разве, под* и т.п.) характерна для вопросительных предложений и при соответствующей интонации это предложение следовало бы признать риторическим вопросом (то есть таким предложением, которое не требует ответа, содержит утверждение). Но так как перед нами письменный текст, то объективным отражением интонации можно считать только знаки препинания.

(2) *«Через рынки Вы, Валерий Васильевич, отмываете наличность, пополняя свой второй бюджет?»*

Данная формулировка является утверждением (выражено невопросительным повествовательным предложением), которое усилено прямым обращением к адресату (*Вы, Валерий Васильевич*).

(3) *«Не зря же своей дочери г-н Троеглазов обещал наворовать и сделать самой богатой «Королевной» города! За счет кого, да счет тех, кто перебивается, кто считает каждую копейку?»*

В данной формулировке два высказывания. Оба высказывания представляют собой утверждения. При этом первое высказывание *«Не зря же своей дочери г-н Троеглазов обещал наворовать и сделать самой богатой «Королевной» города!»* — представлено невопросительным повествовательным предложением, окрашенным эмоционально (восклицательный знак в конце предложения).

(4) *«Во-вторых, какие аукционы и где проводились? Неужели на аукционах победили фирмы «Элтон» и «Сэлком», где явно мэр имеет теневые капиталы, готовится к следующим губернаторским выборам?»*

В данной формулировке два предложения. Обе формулировки представляют собой вопросы, выраженные вопросительными предложениями (в конце соответствующий знак препинания — вопросительный знак).

¹ В исковом заявлении некоторые цитаты не соответствуют тексту газетной публикации. Эксперты анализировали высказывания, указанные в исковом заявлении, по тексту публикации (ксерокопия статьи — 6 лист дела). При цитировании сохранена авторская пунктуация.

Первое предложение: *Во-вторых, какие аукционы и где проводились?* — вопросительные предложения, требующие в ответе информации, сообщения о том, что спрашивают того, к кому обращаются.

Второе предложение: *Неужели на аукционах победили фирмы «Элтон» и «Сэлком», где явно мэром имеет теневые капиталы, готовится к следующим губернаторским выборам?* — вопросительное предложение, требующее ответа-подтверждения или ответа-отрицания, то есть ответа о соответствии или несоответствии действительности от того, к кому обращен вопрос; частица *неужели* придает оттенок недоумения, сомнения всему предложению. При корректном построении (без придаточной части, начинающейся словами «где мэром имеет...») второе предложение следовало бы отнести к риторическим вопросительным предложениям.

(5) *«Если Троеглазов посылает их на х.. и показывает явное психическое расстройство, можно сказать весной буйное. Тем самым, может быть, вы, господин мэром, не хотите сесть на нары, а закосить под психбольного?»*

В контексте статьи первое предложение (5) формулировки искового заявления *«Если Троеглазов посылает их на х.. и показывает явное психическое расстройство, можно сказать весной буйное»* является ответом-комментарием цитаты *«Журналисты со мной не встречались»*. То есть: оппонент автора статьи утверждает *«Журналисты со мной не встречались»*, автор (пишущий) продолжает эту цитату, отвечая, почему не встречались — потому что *«Если Троеглазов посылает их на х.. и показывает явное психическое расстройство, можно сказать весной буйное»*. Таким образом, предложение *«Если Троеглазов посылает их на х.. и показывает явное психическое расстройство, можно сказать весной буйное»* само по себе не может быть проанализировано с точки зрения содержания в нем утверждения, вопроса или предположения, так как это предложение является неполным условно-причинным придаточным, главная часть которого заключена в цитате оппонента.

Второе предложение: *«Тем самым, может быть, вы, господин мэром, не хотите сесть на нары, а закосить под психбольного?»* — формулировка вопросительная, представляет собой вопрос с оттенком предположения (предположение в вводимом словосочетании «может быть»).

(6) *«Сначала люди, кто вам доверил власть, узнают, кто вы, узнают всю неприглядную правду, как Вы запустили руку в государственный карман, лишив многих людей пособий. Потом решили разделиться с пенсионерами, с ветеранами».*

Формулировки утвердительные, выражены невопросительными повествовательными предложениями. В предложениях содержится информация о том, что узнают люди.

(7) *«У вас принцип, как у Геббельса. ВРИ, ВРИ, ВРИ и еще раз ВРИ и тебе поверят, что уже произошло 1,5 года назад. Где же вы по Лежнев-*

ской провели аукцион? У себя дома? Может, вы в кругу семьи его провели и наполнили не городской бюджет, а только семейный карман на 100 миллиардов?»

В формулировке пять предложений.

Первое и второе предложения — формулировка утвердительная, утверждается «у Вас принцип, как у Геббельса» и далее (во втором предложении) уточнение, о каком принципе идет речь.

Третье, четвертое, пятое предложения — формулировки вопросительные. Третье, четвертое предложения требуют в ответах информации, сообщения о том, что спрашивают того, к кому обращаются. Пятое предложение с оттенком предположения, сомнения (выражено вводным словом *может*).

Вопрос 2

Данная фраза (ксерокопия статьи — 7 лист дела) (полужирный курсив) является утверждением. Утверждается, что В.В. Троеглазов создал и продолжает создавать условия для захвата экономической и политической власти в областном центре и области своей кликой и связанными с ней полукриминальными и криминальными структурами.

Вопрос 3

Данная фраза не содержит прямых оскорблений В.В. Троеглазова (типа *сволочь, гад* и под.). Однако употребление слова *клика* в словосочетании «для захвата ... власти... своей кликой» является оскорбительным, так как *клика* — это презрительно «группа сообщников, объединившихся для достижения своих целей. Преступная клика. Придворная клика» (см., например: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 277). Следовательно, слово *клика* указывает на то, что названный им человек, — преступник.

Порочащими это суждение можно признать только в случае установления ложности факта связи между Троеглазовым и полукриминальными и криминальными структурами. Установление ложности/истинности утверждения не входит в компетенцию лингвистов.

Вопрос 4

Согласно словарям русского литературного языка словосочетание *теневой бизнес* или *теневая экономика* толкуется так: «Теневая экономика — нелегальная или официально не учитываемая хозяйственно-экономическая деятельность с целью незаконного извлечения доходов» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 793, статья *теневой*). См. также: «Теневой бизнес (незаконная предпринимательская деятельность)» (Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998, с. 85).

Употребление словосочетания *теневой бизнес* в кавычках в принципе может изменить негативное оценочное значение этого словосочетания на противоположное (ср., например: *Целый год убирала подъезд, а вот теперь на эти деньги, полученные от «теневого бизнеса», куплю себе новую пудру*), однако в анализируемом контексте это не так.

Вопрос 5

С точки зрения лингвистов, такой вывод из статьи не следует.

Вопрос 6

Согласно толковым словарям русского языка глагол *отмыть* — *отмывать* имеет значение «3. Легальным образом истратить незаконно нажитые деньги, средства (прост.). *Отмытые миллионы*» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 475); см. также: «*Отмыть/отмывать (грязные) деньги* (легализовать незаконно полученные доходы путем инвестирования их в промышленность, отчисления на благотворительные цели и т.п.)» (Толковый словарь русского языка конца XX в. ... СПб., 1998, с. 201).

Таким образом, словосочетание *отмывать наличность* — значит «незаконным способом тратить незаконно нажитые наличные деньги».

Употребление в кавычках или без них не меняет значения этого слова в контексте анализируемой статьи.

Вопрос 7

Содержание фразы «*через рынки, вы, Валерий Васильевич, отмываете наличность, пополняя свой второй бюджет*», не позволяет сделать вывод, о каком втором бюджете идет речь. Слово *второй* в русском языке указывает на порядок следования при счете (после первого) или имеет значение «другой, иной». Соответственно, либо второй бюджет следует за первым, но в статье ничего не говорится о первом бюджете в предшествующем контексте; либо это другой бюджет, но какой другой, из контекста статьи не ясно.

Вопрос 8

Данный вопрос не входит в компетенцию экспертов-лингвистов.

Вопрос 9

Словосочетание *психическое расстройство* в прямом значении не может быть отнесено к оскорбительным, так же как и слово *больной*. *Расстройство* в словосочетании *психическое расстройство* — это «заболевание, нарушающее нормальные функции какого-нибудь органа, организма» (в данном случае психики) (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 664, статья *расстройство*). Словосочетание *психически*

больной также нельзя считать оскорбительным (так же, как нельзя считать оскорбительными слова *инвалид*, *калека* в прямых значениях).

Однако поскольку приписываемая характеристика (*психическое расстройство*) связана с отрицательной оценкой психики человека по отношению к лицу (Троеглазову), о котором не известно, является ли он действительно психически больным, словосочетание *психическое расстройство* рассматривается как оскорбительное.

Вопрос 10

Согласно толковым словарям русского языка выражение *запустить руку в чей-нибудь карман* имеет прямое значение (где глагол *запустить* употребляется в смысле «засунуть, погрузить, вонзить во что-нибудь») и переносное значение — «взять чужое» (см., например: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 217).

Выражение *запустить руку в государственный карман* значит «взять чужое, принадлежащее государству».

Употребление словосочетания *запустить руку в государственный карман* в кавычках или без них в анализируемом тексте не меняет значения этого словосочетания.

В целом необходимо отметить, что в тексте статьи «Есть дела, а есть слова или Может, перестанете лукавить, господа Троеглазов и Толмачев?» достаточно большое количество стилистических, речевых, пунктуационных ошибок. Иными словами, языковая компетенция автора статьи может быть охарактеризована как недостаточная, не соответствующая требованиям, предъявляемым к языковой компетенции образованного человека. Низкий уровень языковой компетенции автора не позволяет делать категоричных выводов о замысле (коммуникативной установке) автора. В отдельных случаях трудно сказать, что имел в виду автор, каков был его замысел (коммуникативная установка).

Некоторые комментарии

Как было выяснено в процессе судебного разбирательства, автор публикации — читатель газеты, человек почтенного возраста, его письмо в редакцию, опубликованное в газете, и послужило основанием для иска. Однако и в этом случае СМИ привлекаются в качестве соответчиков.

Кроме того, судья обратилась с просьбой прокомментировать способы выражения вопросов в современном русском языке, так как во время первого судебного заседания ответчики, возражая на исковые требования, указывали на то, что сведения, распространенные в публикации, «не являются утверждением, а носят лишь предположительный или вопросительный характер и являются субъективной оценкой происходящей действительности». Этот комментарий не вошел в текст экспертного заключения (см. часть 2 «Вопросы — ответы», вопрос 11).

Экспертиза 8

МИТИНГ

04 октября 1998 г. в Москве на Смоленской-Сенной площади

МИТИНГ

07 октября 1998 г. в г. Самаре

*(выступления В.М. Гунько, А.М. Макашова, А.А. Маркова,
Э.В. Савенко (Лимонова), М.В. Филина)*

- **Основание для проведения исследования:** постановления следователя следственной службы УФСБ РФ по г. Москве и Московской области лейтенанта П.В. Попова от 18 ноября 1998 г.
- **Эксперты:** А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комиссия экспертов в следующем составе: заведующий сектором экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук доктор филологических наук Баранов Анатолий Николаевич (стаж работы по специальности — 18 лет) и старший научный сотрудник отдела лексикологии и грамматики кандидат филологических наук Сафонова Юлия Александровна (стаж работы по специальности — 19 лет) на основании Постановления следователя следственной службы УФСБ РФ по г. Москве и Московской области лейтенанта П.В. Попова от 18 ноября 1998 года произвела лингвистическую экспертизу по уголовному делу № 693.

Права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу ложного заключения по ст. 307 УК РФ мы предупреждены.

1. (подпись) А.Н. Баранов 2. (подпись) Ю.А. Сафонова

Экспертиза начата «23» ноября 1998 года.

Экспертиза окончена «16» декабря 1998 года.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

- 1) Ксерокопии допросов А.М. Макашова, Э.В. Савенко (Лимонова), В.И. Анпилова, М.В. Филина.
- 2) Видеокассета с записью митинга 04 октября 1998 г. в г. Москве на Смоленской-Сенной площади.
- 3) Видеокассета с записью митинга 07 октября 1998 г. в г. Самаре. Ксерокопии протоколов осмотра указанных видеокассет;
- 4) Протокол осмотра от 20 октября 1998 г. (с.1—13; митинг 04.10.1998).

5) Протокол осмотра от 28 октября 1998 г. (с. 1—4; митинг 13.10.1998).

6) Копия постановления о назначении комплексной социально-психологической экспертизы (с. 1—4).

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Содержатся ли в речах выступавших на указанных выше митингах граждан Филина М.В., Гунько В.М., Лимонова Э.В., Маркова А.А. и депутата ГД СФ РФ Макашова А.М. публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ?

2. Если такие публичные призывы в вышеуказанных выступлениях имеются, то призывают ли ораторы к насильственным действиям и в какой форме пропагандируются?

3. Как может быть охарактеризована степень публичности призывов?

4. Могли ли призывы, содержащиеся в выступлениях, стать причиной общественных беспорядков или противоправных действий?

5. Содержатся ли в речах выступавших на указанных выше митингах граждан Филина М. В., Гунько В.М., Лимонова Э.В., Маркова А.А. и депутата ГД ФС РФ Макашова А.М. публичные высказывания, направленные на возбуждение национальной, расовой вражды?

5¹. (5.1.). Имеется ли основание считать, что речи вышеперечисленных ораторов своим содержанием и формой возбуждали национальную, расовую вражду?

6. Имеется ли основание утверждать, что речи вышеперечисленных ораторов унижали национальное достоинство представителей какой-либо национальности?

7. Имеется ли основание считать, что речи вышеперечисленных ораторов пропагандировали исключительность, превосходство людей определенной национальности над людьми другой национальности?

8. Пропагандировали ли ораторы неполноценность людей определенной национальности, расы?

9. Допускают ли перечисленные выступления неоднозначное восприятие и толкование с точки зрения их содержания и смысла?

10. Есть ли в текстах фрагменты, в которых содержится побуждение (возбуждение), в положительном случае, каков содержательный аспект этих побуждений (возбуждений)?

11. Имеется ли в текстах оскорбительная лексика, содержащая нецензурные выражения?

12. Какое значение имеет слово *жид* в русском языке, унижает ли оно национальное достоинство какой-либо нации?

13. В каком значении автором текста употребляется слово *жид* и по отношению к кому (к конкретному лицу, представителю национальности и т.д.)?

¹ В постановлении о назначении экспертизы допущена техническая неточность: два вопроса указаны под номером 5. Далее второй вопрос № 5 будет обозначен как 5.1. — А.Б., Ю.С.

14. Каково содержание и направленность (адресованность) высказываний в речах выступавших на указанных митингах граждан?

15. Есть ли в этих выступлениях элементы пропаганды антисемитизма, национализма, шовинизма?

16. Имеются ли в этих высказываниях угрозы, подстрекательства к насилиственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы?

17. Содержатся ли в выступлениях ораторов высказывания, призывы, лозунги, направленные на подрыв доверия и уважения к каким-либо национальностям, возбуждения чувства неприязни к ним, вражды или пренебрежения, относятся ли такие высказывания ко всей национальности или к отдельным группам лиц данной национальности?

18. Способны ли высказывания вышеуказанных ораторов оказать воздействие (если способны, то какое?) на присутствующих на митинге, на общество (социум)?

19. Выражают ли использованные в вышеуказанных выступлениях словесные средства унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки и негативные установки в отношении какой-либо этнической, расовой группы (какой именно?) или отдельных лиц как ее представителей?

20. Содержатся ли в вышеуказанных выступлениях побуждения к активным действиям против какой-либо нации, расы (если да, то какой именно?) или отдельных лиц как ее представителей?

21. Используются ли в выступлениях специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против какой-либо нации, расы или отдельных лиц как ее представителей?

В результате проведенного исследования установлено следующее:

Вопрос 1

См. ответ на вопрос 10.

Вопрос 2

См. ответ на вопрос 10.

Вопрос 3

Публичная речь имеет следующие признаки:

1) адресатом публичной речи является большое количество людей, в том числе не только те, которые фактически присутствуют при произнесении публичной речи;

2) цель публичной речи — влияние на общественное сознание всего общества или какой-либо его части.

Исходя из изложенного выше, призывы, содержащиеся в анализируемых выступлениях, являются публичными, так как они были произнесены на митинге, то есть на публичном собрании для обсуждения политических, злободневных вопросов.

Вопрос 4

Вопрос не входит в компетенцию экспертов-лингвистов.

Вопрос 5

Все высказывания, представленные как материалы для экспертизы, являются публичными, так как: 1) адресат высказываний — большое количество людей; 2) высказывания произнесены на митингах; 3) цель высказываний — повлиять на общественное сознание.

Высказывания, перечисленные ниже, могут рассматриваться как высказывания, направленные на возбуждение национальной вражды.

Протокол от 20.10.1998, с. 3 [Макашов]:

(1) *«Соотечественники! Вчера сионистское телевидение целый день визжало, что вот люди погибли, а генерал Макашов и остальные живые и еще сопротивляются».*

Поскольку в словосочетании *сионистское телевидение* прилагательное *сионистский* употреблено в переносном, отрицательно-оценочном значении, то можно сделать вывод, что в качестве образца отрицательного выделяется национальный признак — принадлежность к еврейской нации. (Сравни прямое значение прилагательного *сионистский* «относящийся к возникшему в XIX в. еврейскому национальному движению, проповедующему объединение евреев разных стран на основе их исторической родины», например: *сионистское движение*).

Протокол от 20.10.1998, с. 3 [Макашов]:

(2) *«[Соотечественники! Вчера сионистское телевидение целый день визжало, что вот люди погибли, а генерал Макашов и остальные живые и еще сопротивляются]. Такого нахальства, такой злобы, такой ненависти ко всему советскому, коммунистическому, русскому ни в одной стране нет».*

Из высказывания (2) следует, что русские противопоставляются всем нациям, населявшим Советский Союз и населяющим Россию. Тем самым это высказывание может быть рассмотрено как попытка возбуждения розни по национальному признаку (русские — унижаются, а все остальные, нерусские, — нет).

Протокол осмотра от 20.10.1998, с. 3 [Макашов]:

(3) *«Я вслух заявляю, в любом случае с моей смертью или смертью моих соратников по списку на тот свет заберут десять этих жидов».*

Высказывание (3) представляет прямую угрозу, адресованную каким-то противникам оратора (Макашова), так как *забрать на тот свет* — значит «взять с собой на тот свет, уничтожив»; ср. *отправить на тот свет* (см. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 701). Неназванные в высказывании (3) противники оратора (Ма-

кашова) охарактеризованы по национальному признаку словом *жид*. Поскольку слово *жид* употребляется в данном контексте в значении «еврей», данное высказывание следует рассматривать как высказывание, возбуждающее национальную рознь, вражду. Высказывание (3) — значит «если я умру (погибну, меня убьют, буду уничтожен и т.п.), то умрут (погибнут, будут убиты, уничтожены и т.п.) десять евреев».

Протокол осмотра от 28.10.1998, с. 3 [Макашов]

(4) *«Но если, что случится, я вас, жидов, на тот свет 10 человек с собой как минимум по списку заберу».*

По основаниям, указанным в комментариях к высказыванию (3), высказывание (4) должно быть отнесено к высказываниям, возбуждающим национальную рознь, вражду. Различие между (3) и (4) высказываниями — в высказывании (3) «заберут десять жидов» (кто заберет из контекста неясно, видимо, соратники), в высказывании (4) — «заберу десять жидов» (обещание исходит от самого говорящего (Макашова).

Протокол от 28.10.1998, с. 3 [Макашов]

(5) *«Я сказал, что сегодня в правительстве русских людей нет. Вся наша страна, 85%, — это русское население, коренное. [И когда мне целую неделю по телефону, по всем каналам мне угрожают, что меня... ну, спрашивают: «Ты еще живой?». Я говорю: «Живой, но если, что случится, я вас, жидов, на тот свет 10 человек с собой как минимум по списку заберу».]*

По основаниям, указанным в комментариях к высказыванию (2), высказывание (5) должно быть отнесено к высказываниям, возбуждающим национальную рознь, вражду. К тому же в контексте последующих высказываний очевидно противопоставление: правительство без русских людей — русское (коренное) население — угрозы по телефону — жида. Совершенно очевидно, что логически эти противопоставления связаны причинно-следственными отношениями: в правительстве нет русских, хотя 85% русского населения, следовательно, русские в противоположность всем остальным ущемлены в правах.

Вопрос 5.1

На языковом уровне, как показано в ответе на вопрос 5, есть основания считать, что высказывания [содержание выделенных фрагментов (1)–(5)] возбуждали национальную вражду, так как все эти высказывания направлены на противопоставление по признаку «хорошая национальность (русская) — плохая национальность (нерусские и евреи)» одной национальности другой.

Вопрос 6

Как следует из анализа высказываний (1)–(5) в ответе на вопрос 5, есть основания утверждать, что речь оратора Макашова унижала достоинство представителей еврейской национальности. См. также ответ на вопрос 12.

Вопрос 7

Исходя из анализа высказываний (1)–(5) в ответе на вопрос 5, а также и всех анализируемых речей, нет оснований утверждать, что речи вышеперечисленных ораторов пропагандировали превосходство людей одной национальности над людьми другой.

Вопрос 8

В высказываниях ораторов не содержится сообщений, суждений о неполноценности людей определенной национальности.

Вопрос 9

Те высказывания, которые рассмотрены в ответах на вопрос 5, не допускают неоднозначного восприятия и толкования с точки зрения их содержания и смысла.

Несмотря на то, что в высказывании оратора Макашова *«Пусть не обижаются настоящие евреи. Настоящий еврей, он вместе с нами, а вот все, кого я назвал, они сегодня в правительстве, в банках, они все на телевидении и других»* (протокол от 28.10.1998, с. 3) содержится попытка пояснить значение слова *жид* в собственном предшествующем выступлении 07.10.1998, именно такая попытка уточнить собственное высказывание доказывает, что Макашов вполне осознает оскорбительную сущность своих предшествующих высказываний, содержащих слово *жид*. Уточнение значения в выступлении от 07.10.1998 сводится, с одной стороны, к сужению, конкретизации, круга «жидов» до тех, кто *«... сегодня в правительстве, в банках, они все на телевидении»*; с другой стороны — круг «жидов» еще более неопределенно расширяется добавлением *«и других»* (другой — значит любой из тех, кто не назван). С помощью этого уточнения Макашов уточняет, конкретизирует круг лиц — «жидов», которых он «заберет с собой на тот свет». Такое уточнение не отменяет попытки возбуждения национальной вражды, поскольку в качестве образца отрицательного опять берется национальная характеристика — еврей.

В целом в анализируемых речах достаточно много недосказанностей, неясностей, которые позволяют воспринимать содержание сказанного по-разному. Так, из речей оратора Макашова неясно, кто звонил ему с вопросом *«Ты живой?»* — соответственно слушающие могут понимать это по-разному. Вряд ли все слушатели могли знать значение слова *манкурт* (человек, утративший историческую память, нравственные, духовные ценности и ориентиры, связь с народом [по книге Ч. Айтматова *«И дольше века длится день»*; см. об этом слове, например: Краткий словарь современных понятий и терминов. М., 1995, с. 234]).

Вопрос 10

Как и всякая публичная речь, анализируемая речь (речи) содержит разные побуждения, то есть информацию, цель которой — заставить, призвать слушающих к исполнению определенных действий.

Протокол от 20.10.1998, с. 4 [Макашов]:

Нас настолько обманывают, нас настолько оглупляют этим телевидением. Я был в Сталинграде, метровыми буквами на заборе тракторного завода написано: «Русский, выключи телевизор». Будем книги читать наших классиков — Пушкина, но не слушать эту наглуемую ложь. Простите меня люди, повторяю, что я живой. Но в возрасте, в то время 55 лет, я не прятался за спину погибших, я был в первой шеренге, и пуля снайпера или танковый снаряд не выбирает. *Они били по Советскому Союзу, по нашему сознанию, они били по всему то, что называется Российским, Русский. Нам нужно сопротивляться.*

Протокол от 20.10.1998, с.4 [Макашов]:

(б) Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье, обопришь на него и защити свой народ. Мы требуем от тебя и просим от тебя этого, армия.

В данном высказывании в метафорической форме (слово *ружье* здесь употреблено в обобщенно-собирательном значении и равно «любое оружие») содержится призыв к армии и флоту использовать оружие для противодействия нынешней власти.

Протокол от 20.10.1998 г., с. 5 [Филин]

Призываю всех казаков — своих братьев, армию, ФСБ, милицию выйти с нами 7 октября и вышвырнуть вон из Кремля этих негодяев и нашего президента положить на рельсы, как он клялся в свое время, что ляжет.

В данном высказывании содержится откровенный призыв (выражен лексически — словом *призываю*) к казакам, армии, ФСБ, милиции выступить против нынешнего Президента РФ. Если же слово Кремль интерпретировать более широко (= все ветви власти РФ), то против нынешней конституционной власти вообще. Это очевидно, так как этому высказыванию предшествует утверждение, что *«Пора встать всем нормальным людям, патриотам и смести этот поганый режим».*

Протокол от 20.10.1998, с. 11 [Лимонов]:

Революция!

Данное высказывание, квалифицированное самим оратором (Лимоновым) как лозунг, призывает к революции.

Протокол от 20.10.1998, с. 11 [Гулько]:

Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи».

В данном высказывании приветствуются люди, для которых есть только один призыв «К оружию!». Иными словами, это высказывание также надо рассматривать как косвенный призыв к свержению конституционного строя.

Вопрос 11

В текстах имеется оскорбительная лексика, содержащая бранные слова. Это:

Протокол от 20.10.1998 г., с. 4 [Макашов]:

Помните, как 5 лет тому назад, всё, все те, которые называют себя демократами, во главе с Гайдаром?... Извините, это жопа с ушами...

Протокол от 28.10.1998, с. 3 [Макашов]:

Я его [Гайдара] за это обозвал жопой с ушами.

Кроме того, в речах достаточно много примеров некорректного называния, например:

Эта Новодворская, эта жаба Новодворская, которая визжала, что русских положили у парашаи и там их место.

Кроме того, речи содержат достаточное количество оценочных именований: *преступная клика, клеветы, преступный режим, поганый режим, негодяи, подонки* и др.

Вопрос 12

Исходя из приведенных ниже материалов словарей, можно сказать, что слово *жид* имеет в русском языке два значения:

1. Просторечное или грубое, презрительное, бранное название еврея.

2. (переносное). Презрительно о жадном человеке, скряге.

Словари указывают на то, что слово *жид* стилистически окрашено, то есть не относится к лексике нейтральной, слово *жид* в значении 'еврей' грубое, бранное и презрительное. Таким образом, слово *жид* несомненно унижает национальное достоинство евреев так, как унижает национальное достоинство кавказских народов словосочетание «лица кавказской национальности» или слово *нацмен* по отношению к малым народам России.

См. материалы толковых словарей современного русского языка:

1. «Жид, Презрит. название еврея. || Скупой, скряга, корыстный скупец» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В. 4 т./ Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. СПб.; М., 1903, Т. 1, стлб. 1315)

2. «Жид, а, м. (дореволюц.). 1. В устах антисемитов — еврей (презрит.). 2. перен. В кругах антисемитов — скряга (простореч. бран.). [Первонач. не имело презрит. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенно-погромный характер. — подчеркнуто нами, А.Б., Ю.С.]» (Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1 (А–К). М., 1935, стлб. 868).

3. «Жид, Устар. прост. Презрительное название еврея|| Перен. Бранно. О скряге, скупце....» (Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 4. М., 1955, стлб. 130–131).

4. «Жид, 1. Разг. устар. То же, что еврей. 2. Груб. прост. Презрительно, бранное название еврея» (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 (А–Й). М., 1981, с. 483).

5. «**Жи́ды** (устар. и прост.). То же, что еврей» (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 194).

6. «**Жид**. Разг. Уничиж. Презрительное, бранное название еврея» (Толковый словарь русского языка конца XX в. СПб., 1998, с. 229).

7. «**Жид**. Разг.-сниж. Презрительное название еврея» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, с. 305).

Слово **жид** приобрело презрительную, уничижительную, бранную, явно негативную окраску по следующим причинам: 1. Влияние церковно-славянской традиции, обвинявшей иудеев в том, что они не приняли учения Христа, а его самого предали и распяли; 2. В новое время в Европе евреи занимались ростовщичеством и перекупкой, отсюда образ еврея — жадного скряги².

В наши дни нейтральное значение слова **жид** окончательно утрачено, а бранное употребление приобрело агрессивную окраску под влиянием социально-политических факторов, способствовавших распространению антисемитизма в СССР. Для иллюстрации этого приведем высказывание лауреата Нобелевской премии русского поэта Иосифа Бродского: «...*В печатном русском языке слово “еврей” встречалось так же редко, как “пресуществление” или “агорафобия”. Вообще по своему статусу оно близко к матерному слову или названию венерической болезни... Помню, что мне всегда было проще со словом “жид”: оно явно оскорбительно...*» (И. Бродский. Меньше единицы).

Вопрос 13

В выделенных в ответе на вопрос 5 высказываниях (3), (4) слово **жид** употреблено в значении «презрительное название еврея». Слово **жид** употреблено по отношению к неназванным представителям еврейской национальности, то есть ко всем евреям. При этом употребляющий это слово понимает это слово именно так, как указано выше, то есть «презрительное название еврея».

Вопрос 14

См. ответы на вопросы 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 19, 21.

Вопрос 15

В выступлениях Макашова на языковом уровне есть элементы пропаганды антисемитизма, если под таковым понимать одну из форм национальной нетерпимости — враждебное отношение к евреям.

Вопрос 16

В высказываниях (3), (4), указанных в ответе на вопрос 5, есть угрозы в отношении лиц еврейской национальности.

² См. об этом, например: Из истории русских слов. М., 1993, с. 69–72; В.В. Виноградов. История слов. М., 1994, с. 162–165.

Вопрос 17

Высказывания (1)–(5), указанные в ответе на вопрос 5, содержат возбуждение чувства неприязни, вражды, пренебрежения к еврейской национальности; такие высказывания относятся ко всей еврейской национальности.

Вопрос 18

Вопрос не относится к компетенции экспертов-лингвистов.

Вопрос 19

Слово *жид*, употребленное оратором Макашовым, выражает негативную установку в отношении лиц еврейской национальности.

Вопрос 20

Выступления не содержат побуждения к активным действиям против какой-либо нации, расы или отдельных лиц как ее представителей.

Вопрос 21

В выступлениях оратора Макашова использованы специальные языковые средства (слово «*жид*») для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок против лиц еврейской национальности.

* * *

Здесь приведена только та часть заключения, которую писали эксперты-лингвисты (А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова). В составлении полного текста заключения участвовали также психологи, социологи, отвечавшие на эти же вопросы. (Отклики на это дело см.: Д. Люкайтис. Дело погромной важности, ж-л «Коммерсантъ — Власть», 05.10.1999; М. Дейч. Невинный генерал..., МК, 17.09.1999.)

* * *

Слова типа *жид*, *чурка*, *черный* В.И. Жельвис (известный специалист в области речевых инвектив) квалифицирует как «оскорбительные ксенофобские прозвища и клички, т.е. брань, оскорбляющую чужую нацию». Как справедливо полагает исследователь, «в наше время обострившихся межнациональных конфликтов именно эта группа оскорблений заслуживает самого пристального внимания юристов как разжигающая межнациональную рознь» (Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия//Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000, с. 233).

Экспертиза 9

А. Цветков

«С ПАРАНОЙЯЛЬНОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ ГУБЕРНАТОРА»

(Ярославль, 1998¹)

• **Основание для проведения исследования:** запрос ответственного редактора ОАО «Ярославская телерадиокомпания» В. Щугорева в Институт русского языка им. Пушкина (запрос был переадресован в ИРЯ РАН) от 23.11.1998.

• **Эксперт:** Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. Является ли ссылка на какие-либо лица, организации и т.д., оформленная в виде вводной конструкции, оскорбительной. Или она сразу снимает ответственность с автора?

2. Всегда ли ссылка на какие-либо лица, организации и т.д., оформленная в виде вводной конструкции, оскорбительна, или она сразу снимает ответственность с автора?

3. Являются ли оскорбительными выражения типа «...каким-то кандидатом наук» и «...неким психологом» и т.п., в которых употребляются неопределенные местоимения?

4. Являются ли прилагательные «эпилептоидный» и «паранойяльный» в контексте статьи оскорбительными?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

Ссылка в тексте на источник информации (будь этот источник конкретным лицом, организацией, текстом) есть не что иное, как способ снятия автором с себя ответственности за приведенную информацию, как способ приведения информации в качестве своего рода цитирования.

Вопрос 2

Постановка вопросительного знака, как правило, связана с тем, что данное предложение содержит в себе вопрос — особую форму рассуждения, не являющуюся суждением о чем-либо, т.е. не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо (Горский Д.П., Ивин А.А., Никифо-

¹ В запросе не было указано названия СМИ и точной даты публикации.

ров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991, с. 24). Исключение — отдельные разновидности вопросительного предложения, которые могут выражать утверждение или отрицание: а) вопросительно-отрицательное предложение, в котором под видом вопроса выражается отрицание: *Разве можно не любить вас?* (= нельзя не любить вас); б) вопросительно-риторическое предложение, содержащее утверждение или отрицание в форме вопроса, на который не ожидается ответ: *На кого не действует новизна?* (= на всех действует новизна) (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976, с. 61).

Вопрос 3

Неопределенные местоимения «какой-то» и «некий» имеют одно общее значение: *(какой-то)* 1. Неизвестно какой. *Какой-то приезжий тебя ждет; (некий)* 1. Какой-то (о ком-нибудь, точно не известном). *Вас спрашивал некий Петров* («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1997). Но «какой-то» имеет еще и значение, получившее в словаре помету «разговорное, неодобрительное»: 4. Не заслуживающий внимания, уважения. *Какой-то молокосос берется всех учить*. Следовательно, характеристика упомянутого в присланном газетном материале *какого-то кандидата наук* может быть понята и как «неизвестного пишущему (говорящему)», и как неодобрительное, пренебрежительное, презрительное высказывание об эксперте.

Вопрос 4

В психиатрии от терминов, обозначающих болезни *эпилепсия* и *паранойя*, обычно употребляют прилагательные *эпилептический* и *параноический*. Приводимые в газетной статье прилагательные *эпилептоидный* и *паранойяльный* также употребляются в психиатрии, но не в смысле «относящийся к болезни (эпилепсия, паранойя)», а как *характеристика личности* аналогично признакам, свойственным поведению при указанных болезнях. (Например, в научной терминологии суффикс существительного *-оид* обозначает подобие предмету или явлению, названному словом, от которого существительное образовано, и в то же время какое-либо отличие от этого, ср. *ромб* и *ромбоид* [Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980, § 400]). Как объясняется в Большой медицинской энциклопедии, в медицинском учебнике и в Практическом справочнике для врача по психиатрии, мышлению больных при обеих этих болезнях свойственны следующие личностные черты поведения, деятельности: *настойчивость, кипучая деятельность, бьющая в одну и ту же точку, убежденность* и др. под. (ср. в газетном материале: «*настойчивость, именуемая в медицинских кругах, эпилептоидной*»; «*повышенная настойчивость*» — «*паранойяльная настойчивость*»). Сказанное совпадает с точкой зрения экспертов на суде. Впрочем, мы считаем, что, поскольку автор ответа — филолог, а не пси-

хиатр, по поводу употребления терминов «эпилептоидный» и «паранойяльный» в описанной в газетной статье ситуации следует обратиться в Независимую психиатрическую ассоциацию России (председатель — Владимир Григорьевич Батаев), где и получил соответствующую консультацию автор ответа. Адрес ассоциации: Москва, 103982, Лучников переулок, дом 4, подъезд 3, квартира 26; телефон ассоциации 206-86-39.

Экспертиза 10

А. Гордон

Передача «ХМУРОЕ УТРО»

Радиостанция «Серебряный дождь», 12.02.1999

- **Основание для проведения исследования:** запрос следователя Басманной межрайонной прокуратуры г. Москвы Н. Щепкина в ИРЯ РАН.
- **Эксперты:** А.Н. Баранов, Ю.А. Сафонова.

Вопросы

1. Содержит ли представленный на исследование текст негативную оценку деятельности Михалкова Н.С., если да, то присутствуют ли в нем оскорбления?
2. Каково значение слова «блядь» в современном русском языке, является ли оно оскорбительным?
3. Есть ли основания, если есть, то какие, считать высказывание «как последняя блядь» цитатой?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате лингвистического исследования представленных для анализа материалов специалисты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1

В текстовой распечатке передачи «Хмурое утро» от 12 февраля 1999 г. содержатся следующие высказывания, в которых дана негативная оценка личности или деятельности Н.С. Михалкова¹:

(1) [Гордон:] *Блин, ну просто знаешь, у меня аж зашло все! Но слава Богу, что он [фильм] снят. Я обязательно напишу ему письмо и обязательно*

¹ Высказывания даны с сохранением орфографии и пунктуации представленной текстовой распечатки. В необходимых случаях текстовая распечатка сравнивается с записью фрагмента программы «Хмурое утро» на представленной аудиокассете. — А.Б., Ю.С.

попрошу его стать генеральным секретарем нашей партии, потому что большего цинизма, откровеннейшего цинизма, более гнусного цинизма, я просто не знаю! — [тексты распечатки и записи аутентичны].

(2) [Гордон:] *Хотя мне кажется, что фильм [«Утомленные солнцем»] дерьмовый! В прямом смысле этого слова. Дерьмовый, фальшивый, сделанный абсолютно с этой американской позолотой и абсолютно для их слюнявых ртов.* — [тексты распечатки и записи аутентичны].

(3) [Гордон:] *Важно другое. Что Никита Сергеевич, видный общественный деятель, который стремится стать Президентом Российской Федерации, «...как последняя блядь...», тратит на свою парфюмерию, да? На свою косметику, на свои наряды те деньги, которые честный человек употребил бы для других целей.* — [текст распечатки].

Важно другое. Что Никита Сергеевич, видный общественный деятель, который стремится стать Президентом Российской Федерации, как последняя блядь, тратит на свою парфюмерию, да? На свою косметику, на свои наряды те деньги, которые честный человек в этой стране употребил бы для других целей. — [текст записи, подчеркнуты фрагменты, не совпадающие с текстом распечатки или которых нет в тексте распечатки].

(4) [Гордон:] *И тут этот разжиревший мэтр... буквально на мешках с бриллиантами, снимает, оказывается, достояние русского народа очередное!* — [текст распечатки].

И тут этот разжиревший мэтр, буквально на мешках с бриллиантами, да, снимает, оказывается, достояние русского народа очередное! — [текст записи, подчеркнут фрагмент, которого нет в тексте распечатки]

(5) [Гордон:] *Я вспоминаю бедного Пушкина, заложенного-перезаложенного во всех письмах про долгах пекущегося и не знающего, как и в какую сторону от кредиторов бежать на старости его лет. Стыдно! Никита Сергеевич, стыдно! Даже не просто стыдно, похабно! Вот что я могу сказать! Похабно!* — [текст распечатки].

Я вспоминаю бедного Пушкина, заложенного-перезаложенного, во всех письмах про долгах пекущегося и не знающего, [как и] в какую сторону от кредиторов бежать на старости его лет. Стыдно! Никита Сергеевич, стыдно! Даже не просто стыдно, похабно! Вот что я могу сказать! Похабно! — [текст записи, который подчеркнут и взят в квадратные скобки, — фрагмент, который есть в тексте распечатки, но нет на касете].

Негативная оценка деятельности Н.С. Михалкова содержится в (1)–(5) выделенных фрагментах.

Фрагмент (1): действия Н.С. Михалкова оцениваются как циничные, такая оценка представлена как утверждение. Согласно словарям русского языка **цинизм** — «пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, к тому, что пользуется всеобщим признанием, уважением, наглость, бесстыдство» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 875; Большой толковый словарь рус-

ского языка. СПб., 1998, с. 1463). Степень цинизма определена как *большой* = самый большой, *откровеннейший* = самый очевидный, нескрывае-мый, *более гнусный* = омерзительный: *большого цинизма, откровеннейшего цинизма, более гнусного цинизма...*

Фрагмент (2): негативная оценка дана фильму Н.С. Михалкова «Утомленные солнцем», оценка представлена как утверждение с оттенком предположения (...мне кажется...). Согласно словаря русского языка *дерьмовый* — «никуда не годный, гадкий» (см. указанные выше словари, с. 162, с. 253 соответственно). Уточнение Гордона к слову *дерьмовый* — «*В прямом смысле слова*» — можно понимать, видимо, как то, что прямое значение прилагательное *дерьмовый* — «относящийся к дерьму, к калу, экс-крементам». Тогда как второе, переносное значение прилагательного *дерьмовый* образовано от соответствующего второго значения слова *дерь-мо* — «О том, что отвратительно скверно», то есть переносное, не прямое значение прилагательного *дерьмовый* — «отвратительный, скверный, плохой».

Фрагмент (3): негативная оценка деятельности Н.С. Михалкова за-ключена в противопоставлении действий Михалкова действиям «*честных людей*»: [тратит] *На свою косметику, на свои наряды те деньги, которые че-стный человек употребил бы для других целей*. Соответственно Михалков не включен в число честных людей, так как он тратит *на свою косметику...* (далее по тексту).

Этот фрагмент содержит оскорбление, а именно оскорбительные сло-ва, то есть слова, тяжело обижающие, унижающие кого-н.

В контексте «*Никита Сергеевич, видный общественный деятель, кото-рый стремится стать Президентом Российской Федерации, как последняя блядь, тратит на свою парфюмерию, на свою косметику, на свои наряды те деньги, которые честный человек в этой стране употребил бы на другие це-ли*» слово *блядь* употреблено в значении «развратная, распутная женщи-на» и входит в состав сравнительного оборота *...как последняя блядь* (о значении слова *блядь* см. ответ на вопрос 2, ниже).

Фрагмент (4): неодобрительно оценивается личность Михалкова: *этот разжиревший мэтр; разжиревший* здесь употреблено в метафориче-ском значении — «получивший материальный достаток за счет других людей или незаконным путем», ср.: *разжиреть на военных поставках, раз-жиреть на сделках нефтью*. По контрасту со словом *мэтр* (в значении «де-ятель искусства, науки — почитаемый авторитет среди своих учеников, своего окружения») сочетание *разжиревший мэтр* может интерпретиро-ваться как неодобрительное.

Фрагмент (5): негативно оценивается деятельность Михалкова (в част-ности, использование больших средств для съемок картины, в то время как молодые режиссеры не имеют денег для своих картин). Деятельность Михалкова оценивается как стыдная, похабная. Согласно словарям рус-

ского языка *стыдно* — «об испытываемом чувстве стыда», при этом неясно, кому стыдно: Гордону за Михалкова или Михалкову должно быть стыдно. Похабный — «непристойный, бесстыдный», соответственно *похабно* — «непристойно, стыдно».

Вопрос 2

Согласно толковым словарям русского языка *блядь*:

«Публичная женщина, проститутка; вообще распутная женщина» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903. Т. 1, стлб. 245);

«Грубо. Вульгарное». Развратная, распутная женщина; проститутка» (Большой толковый словарь русского языка/Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998, с. 85);

«1. Женщина легкого поведения (не проститутка). 2. Оскорбление по отношению к мужчине» (Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992, с. 30).

Прилагательное *последний* в словосочетании *последняя блядь* употреблено в значении «совсем плохой, самый худший» (разг.) (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 568). Таким образом, словосочетание *последняя блядь* = «самая худшая развратная, распутная женщина».

Слово *блядь* — бранное слово, оно не относится к лексике литературной; в анализируемом контексте оно является оскорблением в неприличной форме по отношению к лицу, которое характеризуется с помощью указанного сравнительного оборота.

Вопрос 3

Цитата — точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, высказывания. На письме цитаты выделяются кавычками либо специальными шрифтовыми выделениями. Используют следующие способы введения цитат в устный текст: 1) употребление вводных слов и предложение: *Как говорил известный писатель/известный герой и т.п.*; 2) употребление лексических показателей цитации: слов «цитирую» или «Далее цитата» перед цитатой, после окончания цитаты слов «Конец цитаты».

Не требуют обязательного выделения на письме и обязательной отсылки при устной речи цитаты, ставшие крылатыми словами. Крылатые слова — устойчивые изречения, вошедшие в язык из определенных литературных, публицистических, научных источников или созданные на их основе, вошедшие в речь из средств массовой информации, а также высказывания реальных исторических лиц, которые получили широкое распространение и общеизвестность (например: *Хотели как лучше, а получилось как всегда...*). Крылатые слова фиксируются в специальных словарях. Выражение *как последняя блядь* ни при каких условиях не может быть или

стать крылатым выражением, так как само по себе словосочетание *последняя блядь* — ругательство, а ругательства подобного типа анонимны и фиксируются в специальных словарях инвективной лексики.

Выражение *как последняя блядь* в рассматриваемом тексте не цитируется, поскольку для устной цитаты необходимы лексические показатели цитации, кроме того, само выражение не является общеизвестной цитатой. В современном русском языке это устойчивое ругательство, обладающее свойством идиоматичности (фразеологичности и непереводаемости) и относящееся к единицам словаря. Иными словами: такие словосочетания (аналогичные выражению *как последняя блядь*) фиксируются в соответствующих толковых словарях, а не в словарях крылатых слов [см., например: Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М., 1999, где собраны крылатые слова и выражения из отечественного кинематографа и мультипликации]. Кроме того, в фильме «Утомленные солнцем» ругательство *как последняя блядь* употреблено при характеристике непоследовательного поведения героя: *Ты ведешь себя как последняя блядь опять. И нашим и вашим!* Контекст передачи не содержит указаний на непоследовательность поведения Михалкова.

Постановка кавычек в тексте распечатки указывает на то, что автор текста (или стенографист) предпринимает попытку представить это выражение как цитату. Однако такой прием (кавычки на письме) для цитирования в устном тексте не приемлем.

* * *

Данная экспертиза показывает, что сравнение аудио-, видеозаписи и текста стенограммы оказывается чрезвычайно важным для заключения экспертизы. В стенограмме передачи выражение «как последняя блядь» дано в кавычках, однако исследование показало, что эти кавычки вербально (словесно) не были обозначены.

Экспертиза 11

М. Александрова

«РОССИЙСКУЮ РЕКЛАМУ ДЕЛЯТ ПО-БРАТСКИ»

Газета «Известия», 18.02.1999

- **Основание для проведения исследования:** запрос прокурора Тверской межрайонной прокуратуры г. Москвы А.В. Ефремова в ИРЯ РАН.
- **Эксперты:** Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. Какова смысловая нагрузка фраз: «Юров с новыми соратниками решили действовать по-иному. 26 января, в день, на который был назначен окончательный раздел имущества между партнерами при участии адвокатов, Грязнова похитили»?

2. Как связана композиция всей статьи со смыслом следующей фразы: «Однако из этого и подобных случаев начинает вырисовываться страшная тенденция к наведению порядка в бизнесе уже не руками бандитов, как в начале 90-х, а под прикрытием и с одобрения закона»?

3. Можно ли из общего смысла статьи сделать вывод о том, что автор считает именно Юрова А.А. участником и/или организатором похищения Грязнова?

4. Содержит ли статья отрицательную информацию о Юрове А.А.?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

Выделенные (в вопросе 1) фразы входят во вторую сюжетную линию основной части статьи — похищение Грязнова. Эти фразы — переход ко второй сюжетной линии основной части, своеобразная связка между первой и второй сюжетными линиями: первая сюжетная линия представляет действия Юрова и соратников до похищения (о композиции статьи см. ответ на второй вопрос).

Вопрос 2

Композиция статьи М. Александровой «Российскую рекламу делят по-братски» следующая:

I часть (вводная) — рекламный рынок после кризиса; отношения властей с рекламным бизнесом;

II часть (основная) — содержит несколько сюжетных линий:

1. Конфликт Грязнова и Юрова представлен в эпизодах:

1) конфликт А. Грязнова и А. А. Юрова;

2) действия А.А. Юрова после конфликта (нанял на службу лиц, близких к правоохранительным органам);

3) действия советников А.А. Юрова (заявление А.А. Юрова («надумили» советники) в РОУП о физической расправе со стороны Грязнова?

2. Похищение Грязнова.

III часть (заключительная)

1. Информация о состоянии расследования похищения Грязнова;

2. Общие выводы об опасности экспансии в российскую рекламу крупных западных корпораций.

Первый фрагмент заключительной части (1) *Информация о состоянии расследования похищения Грязнова* включает утверждения:

устанавливаются личности организаторов преступников;
устанавливается степень участия в этом деле (в похищении Грязнова) правоохранительных органов.

После этих утверждений делается вывод, начинающийся союзом *однако*: «Однако из этого и подобных случаев начинает вырисовываться страшная тенденция к наведению порядка в бизнесе уже не руками бандитов, как начала 90-х годов, а под прикрытием и с одобрения закона». Не совсем ясно, какие «подобные случаи» имеет в виду автор: случаи похищения людей или случаи похищения людей с участием правоохранительных органов? С одной стороны, случаи, которому уподобляются другие, подобные, случаи, — похищение Грязнова, с другой стороны, нигде выше в тексте статьи не утверждается, что Грязнов был похищен с участием правоохранительных органов. Участие правоохранительных органов в похищении Грязнова излагается как предположение. Так, фраза «Особенностью похищения (Грязнова) стало то, что его виновники выдавали себя за сотрудников правоохранительных органов» — не может рассматриваться как утверждение об участии правоохранительных органов в похищении, так как *выдавать себя* за кого-нибудь = «Неправильно представить кем-чем-н., объявить не тем, кто (что) есть на самом деле. В <ыдавать> себя за ревизора» (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 111). Иными словами: выдавать себя за сотрудников правоохранительных органов — не значит быть таковыми. Фраза абзацем выше: «...привезли (Грязнова) в городское отделение милиции города Покрова Владимирской области» — тоже не может рассматриваться как утверждение об участии правоохранительных органов в похищении людей, так как привезти кого-либо в городское отделение милиции могут не только люди из правоохранительных органов. Во фрагменте «Юров нанял на службу группу лиц, не имеющих никакого отношения к рекламе, но известных своими связями с правоохранительными органами» утверждается наличие связи нанятых Юровым людей с правоохранительными органами, а не участие этих органов в похищении.

Таким образом, собственно утверждения об участии правоохранительных органов в похищении Грязнова текст статьи не содержит. Однако выводы, сделанные в заключительной части, предполагают, что такие факты были, так как, по мнению автора статьи, сейчас участие правоохранительных органов в похищении людей — уже тенденция.

Если учесть, что заключительная часть, как всякое заключение, имеет резюмирующий характер, то очевидно, что факты, изложенные в тексте статьи (во II части), следует рассматривать как аргументы, подтверждающие предположение об участии правоохранительных органов в похищении людей. Кроме того, выводы, содержащиеся в заключительной части, соответствуют поставленной проблеме в вводной части — «Примеров «подозрительных» отношения властей к рекламистам становится все больше и больше» (правоохранительные органы — это одна из ветвей власти).

Вопрос 3

Из общего смысла статьи (конфликт Грязнова и Юрова, нежелание Юрова идти на компромисс, действия Юрова по наущению соратников против Грязнова) можно сделать вывод, что автор статьи предполагает, но не утверждает, что Юров — один из участников похищения Грязнова, — см. фразу: *«Не найдя поддержки со стороны закона, Юров с новыми соратниками решили действовать по-иному. 26 января, в день, на который был назначен окончательный раздел имущества между партнерами при участии адвокатов, Грязнова похитили»*. И хотя главная часть последнего предложения *26 января... Грязнова похитили* представляет собой неопределенно-личное предложение [в таких предложениях субъект действия (тот или те, кто похитил/ похитили) мыслится как неопределенное лицо], далее в тексте нет описаний иных действий, кроме действия «похитили»). Следовательно, похитили *Юров с новыми соратниками*.

Вопрос 4

Отрицательная информация, понимаемая здесь как такая, которая характеризует личность, деятельность личности с негативной стороны с точки зрения любого носителя языка, содержится в следующем высказывании. [При этом выделенный фрагмент не оценивается специалистами-лингвистами как не соответствующий действительности или порочащий личность, так как для этого нужно располагать дополнительной информацией]:

Юров не пожелал выкупить принадлежащую Грязнову долю акций и для начала практически выкинул Грязнова на улицу, закрыв перед ним двери собственного офиса.

С точки зрения носителя русского языка, *выкинуть кого-нибудь на улицу* = выгнать, следовательно, в выделенном фрагменте действия Юрова представляются как негативные.

Экспертиза 12

А. Кузина

«А КОРОЛЬ-ТО... ТОГО-С!»

Газета «Московский комсомолец», 16.08.1999

- **Основание для проведения исследования:** запрос заместителя главного редактора газеты «Московский комсомолец» в ИРЯ РАН от 21.12.1999 г.
- **Эксперты:** Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. Происходит ли слово «маньяк» от греческого «мания»?
2. Может ли слово греческого происхождения «мания» переведено, истолковано как «восторженность», «страсть»?
3. Может ли слово «маньяк» обозначать, использоваться в значении «человек, одержимый пристрастием, влечением к чему-либо»?
4. Может ли слово «маньячество» обозначать сильное увлечение какой-нибудь идеей?
5. Следует ли из двух фрагментов публикации, где употреблены словосочетания «натуральный маньяк» и «агрессивный маньяк», что г-ну Иванову этими словами дана оценка (характеристика) личности.
6. Содержатся ли в оценочных суждениях, изложенных выше, сведения, утверждающие о противоправных действиях (так в оригинале — *Ред.*) или о нарушении моральных принципов, совершенных г-ном Ивановым?
7. Содержатся ли утверждения о противоправных действиях г-на Иванова в следующих оценочных суждениях автора статьи: *«Так что я сильно удивилась, как это за все интервью умудрилась ни разу не получить пепельницей по голове», «И ужасно мешает работать наркологам всех уровней», «Ему везде мерещатся враги и заговоры против его персоны».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования специалисты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1

Согласно словарям слово *маньяк* произошло от греческого *mania* в значении «безумие, страсть, влечение»; в русский язык слово *маньяк* заимствовано из французского (см.: Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998, с. 415).

Вопрос 2

В современном русском языке слово *мания* имеет следующие значения:

1. Психическое расстройство — состояние повышенной активности, возбуждения (спец.).
2. Исключительная сосредоточенность сознания, чувств на какой-н. одной идее. *М<ания> величия* (убежденность в своем превосходстве над всеми другими людьми). *М<ания> преследования* (болезненная подозрительность, страх за себя и недоверие к людям).

3. Сильное, почти болезненное влечение, пристрастие к чему-н. *Мания писать стихи.* (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 342).

Таким образом, слово *мания* в соответствии с третьим значением, указанным в словарях современного русского литературного языка, может быть истолковано как «страсть» (см. толкование слова *страсть* в 3 значении: «крайнее увлечение, пристрастие к чему-нибудь» — Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 772; см. также: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, с. 519). Ср.: *мания писать стихи, мания давать советы и страсть писать стихи, страсть давать советы.*

Вопрос 3

Да, может, так как согласно словарям русского языка одно из значений слова *маньяк* следующее: «Человек, одержимый страстным влечением к чему-н.; полностью сосредоточенный на какой-н. одной идее, на чем-н. одном. *Добиваться чего-н. с упорством маньяка. М<аньяк> футбол»* (Русский семантический словарь. Т. 1. М., 1998, с. 85; см. также: Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, с. 520)».

Вопрос 4

Да, может, соответственно следующему значению слова *маньяк* «Человек, одержимый страстным влечением к чему-н.; полностью сосредоточенный на какой-н. одной идее, на чем-н. одном». (Заметим, что существительное *маньячество* образовано от прилагательного *маньяческий* в значении «Относящийся к маньяку, к человеку, одержимому страстным влечением к чему-н.; полностью сосредоточенному на какой-н. одной идее, на чем-н. одном»).

Вопрос 5

1) «Тот еще ужас, когда хочешь пообщаться с приличным вроде человеком, врачом, педагогом, руководителем фондов и ассоциаций, а он оказывается натуральным маньяком».

(2) «Симпатичный в принципе мужчина в один момент превращался в агрессивного маньяка».

В двух анализируемых отрывках дана оценка (характеристика) поведения человека. Автор статьи описывает свое восприятие такого поведения. См. во фрагменте (2) «*превращался в агрессивного маньяка*», что значит: становился похожим, вел себя, как агрессивный маньяк. Ср. пример из книги: Большой толковый словарь русского языка/ Под ред. С. Н. Кузнецова: «...*Жить, вести себя, как маньяк (одержимо, страстно, отдаваясь полностью чему либо)*» (СПб., 1998, с. 520) [подчеркнуто нами. — Б.Ш., Ю. С.].

Вопрос 6

В двух анализируемых фрагментах

(1) *Тот еще ужас, когда хочешь пообщаться с приличным вроде человеком, врачом, педагогом, руководителем фондов и ассоциаций, а он оказывается натуральным маньяком;*

(2) *«Симпатичный в принципе мужчина в один момент превращался в агрессивного маньяка»*

не содержатся утверждения о противоправных действиях или о нарушении моральных принципов, совершенных господином Ивановым.

Вопрос 7

Фраза (1) *«Так что я сильно удивилась, как это за все интервью умудрилась ни разу не получить пепельницей по голове»* никаких утверждений о реальных действиях собеседника (господина Иванова) данная фраза не содержит.

Фраза (2) *«Владимир Иванович сражается с выдуманнными высокопоставленными врагами: это ему льстит. Поднимает в собственном мнении. И ужасно мешает работать наркологам всех уровней»* содержит утверждения:

(1) о том, что Владимир Иванович сражается с высокопоставленными врагами;

(2) о том, что борьба Владимира Ивановича с высокопоставленными врагами мешает работе наркологов всех уровней.

Утверждений о каких-либо противоправных действиях Владимира Ивановича данный фрагмент не содержит.

Фраза (3) *«Ему везде мерещатся враги и заговоры против его персоны»* содержит утверждение о том, что Иванову везде мерещатся враги и заговоры.

Утверждений о каких-либо противоправных действиях Владимира Ивановича данный фрагмент не содержит.

* * *

Публикация и судебное разбирательство, связанное с ней, имели продолжение. Газета «Московский комсомолец» 07.02.2000 г. в рубрике «По следам наших выступлений» опубликовала заметку «Саентологам прищемили хвост», которая также была предметом судебного разбирательства.

Экспертиза 13

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ Б. БЕРЕЗОВСКОГО

Информагентство «Интерфакс», 16.09.1999

- Основание для проведения исследования: запрос адвоката Г.В. Любарской в ИРЯ РАН от 27.12.1999.
- Эксперты: Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф.

Вопросы

1. Дать стилистический и лексический анализ прилагаемых к запросу текстов выступлений Березовского Б.А.
2. Объединены ли обе публикации единой смысловой направленностью; интервью Березовского газете «Фигаро» является ли логическим продолжением темы о «предательстве» и «информационной войне» и платных взаимоотношениях чеченцев с одной стороны, НТВ и Гусинского с другой, о чем впервые было отмечено в интервью информагентству «Интерфакс»; получила ли эта мысль более четкую формулировку взаимоотношений указанных выше сторон в интервью газете «Фигаро».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

Текстовый, стилистический и лексический анализ следующих конкретных высказываний из текстов выступлений Б.А. Березовского:

1. Из пресс-конференции в информагентстве «Интерфакс» 16 сентября 1999 г.:

(1а) «В последнее время — вчера, до этого — все отчетливее произносится слово «измена», «предательство»».

(1б) «Она [тема] обозначилась во время [первой] мировой чеченской войны, когда много говорилось о том, что предательство, откуда у чеченцев оружие, откуда они так хорошо информированы, почему они так славно ведут информационную войну против России?»

(1в) «Мне эта тема знакома. Знакомо предательство, кроме того, знакомы люди, которые предавали... Торговля оружием... Меньше всего говорилось о торговле информацией, позиции тех или иных СМИ во время войны в Чечне».

(1г) «...это все одна группа сегодня: «Московский комсомолец», НТВ и «Эхо Москвы». Группа, которая отработывает заказ. Правда, отработывают они в этот раз этот заказ, а в мою бытность [заместителем секретаря Совета безопасности РФ в 1997 г.] — отработывали другой заказ».

(1д) [воспроизведение Березовским слов Гусинского] «Ты же понимаешь, что наша позиция по Чечне была далеко не бескорыстна, по чеченской войне. Она была мотивирована. У нас были определенные отношения, и, видимо, мы, где-то друг друга не поняли. И, по-видимому, это месть за наши отношения... Как могут нас, которые поддерживали чеченцев, нас же сегодня воровать, нас же сегодня прессовать».

(1е) «...сам Гусинский построил такие отношения с чеченцами в информационной войне “Россия против Чечни” и “Чечня против России”. И это документальный факт, который могут подтвердить свидетели, которых я имею. Вот такова предыстория предательства, о которой упоминалось вчера».

(1ж) «Почему же не было тогда [в 1997 г.] терактов? И почему они есть сегодня? ...Причина единственная — чеченцы считали, что им невыгодно, они обменивали это на общественное мнение. Общественное мнение было на стороне чеченцев, созданное в том числе компанией НТВ. Но не только ею. Они понимали, что это ценнее, чем 2–3 сотни раздолбленных людей или домов. Это огромная ценность — общественное мнение, и российское, и международное».

(2) Из текста Березовского парижской газете «Фигаро» (номер за 22 сентября 1999 г.): «Он [Гусинский] признался мне, что всегда защищал позицию Чечни [в запросе: ..что всегда выступал на стороне Чечни...] во время войны, потому что чеченцы ему платили».

Ключевые слова в указанных высказываниях из текстов выступлений Березовского: измена (1а), предательство, предавали (1а, 1б, 1в, 1е), информационная война (1б, 1е), торговля информацией (1в), общественное мнение (1ж), позиция СМИ (1в), поддержка чеченцев, на стороне чеченцев (1д, 1ж, 2а), определенные отношения (1д, 1е), небескорыстность нашей позиции (1д), чеченцы платили (2), отрабатывать заказ (1г).

Последний глагол повторяется и в интервью «Интерфаксу» (кроме указанного выше) в сочетании отрабатывать деньги, ср.: «Сам главный редактор [«Московского комсомольца»] занимается клеветой, отрабатывает, по-видимому. Я не знаю, кто ему сегодня платит, Гусинский или кто-то другой...»; «Чеченцы сегодня не самостоятельны... сегодня у них возникли колоссальные обязательства перед международным терроризмом, перед международным фундаментальным исламом... Им заплачены деньги. Они эти деньги отрабатывают».

Приведенные ключевые слова объединяют смысловое задание обоих выступлений Березовского: и в информагентстве «Интерфакс», и в газете «Фигаро». Они позволяют истолковать сказанное Березовским в отношении Гусинского как утверждение следующих фактов: в период первой чеченской войны Гусинский и контролируемые им СМИ («Московский комсомолец», НТВ и «Эхо Москвы») в информационной войне между Чечней и Россией выступали на стороне первой, имели с Чечней «опреде-

ленные отношения», оплачиваемые чеченской стороной, «отрабатывали этот заказ». Тем самым Березовский обвиняет Гусинского и перечисленные средства массовой информации в предательстве России и в получении денег от Чечни (см. «небескорыстность позиции» Гусинского и «ему платили»), обвиняет Гусинского в том, что он «сам построил такие отношения с чеченцами в информационной войне».

При этом в трех первых приведенных высказываниях (1а, 1б, 1в) содержится обвинение в *предательстве*, в информационной войне и в *торговле информацией*, но не называются ни Гусинский, ни конкретные СМИ; тогда как в далее приводимых высказываниях имеют место конкретные обвинения — Гусинского и НТВ, что усиливает негативное восприятие читателем этих высказываний.

Вопрос 2

Пресс-конференция Березовского «Интерфаксу» содержит несколько тем: основная, которую Березовский заявляет во вступлении к пресс-конференции, — измена, предательство. Тема эта возникла, как считает Березовский, во время чеченской войны: «Она [тема] обозначалась во время чеченской войны, когда очень много говорилось о том, что предательство, откуда у чеченцев оружие, откуда они так хорошо информированы, почему так славно ведут информационную войну против России». Таким образом, предательство, измена связаны с: 1) наличием у чеченцев оружия (скорее всего, с деньгами, на которые такое оружие закупается); 2) наличием достаточной информации у чеченцев: 3) хорошо поставленной информационной войной у чеченцев.

Далее Березовский оставляет тему «торговля оружием» и переходит к теме «торговля информацией»: «Меньше всего говорилось о торговле информацией, позиции тех или иных СМИ во время войны в Чечне». Эта тема далее связывается Березовским с определенными СМИ: «...это все одна группа сегодня: «Московский комсомолец», и НТВ, и «Эхо Москвы», которая отрабатывает заказ. Правда, они отрабатывают в этот раз этот заказ, а в мою бытность они отрабатывали другой заказ».

О словосочетании *отрабатывать заказ*.

Само по себе слово *заказ* не несет какой-либо негативной окраски в значении: «поручение кому-н. изготовить, сделать что-н.» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 206, статья *заказать* 1). Однако, в последние годы у слова *заказать* и производных от него *заказ*, *заказной* сформировалось новое, переносное, значение: *Заказной* — «1. Созданный, выполненный по заказу (идеологического руководства); выполняющий социальный, идейный заказ (о литературе, искусстве). *Заказная статья. Заказное выступление... Тогда у нас была... заказная литература, которая имела массового заказчика и подписчика. НМ, 1989, 1. Политикам не стыдно своих ошибок и промахов. Журнали-*

стам не стыдно своего заказного вранья. Семья. 14.01.91. 2. *Заказное убийство* (выполненное по заказу, за деньги; оплаченное)....» (Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998, с. 237). См. также: *заказное убийство* (заранее подготовленное и осуществленное профессиональным убийцей) (Ожегов С.И. и Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 206); статья *заказать* в: Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. М., 1999, с. 54–55 — в этом словаре указаны и коннотации слова *заказать* в значении «поручить убить кого-н. профессиональному убийце (киллеру)»: уголовный мир, жестокость, большие суммы денег, к-рые платят за убийство — там же, с. 54).

Словосочетание *отработать заказ* в контексте выступления Березовского значит не только выполнить поручение (идеологического руководства?), но и выполнить за большие деньги, что подтверждается пересказом Березовского слов Гусинского: «*Ты же понимаешь, что наша позиция по Чечне была далеко не бескорыстна... Она была мотивирована. У нас были определенные отношения*» (на пресс-конференции в «Интерфаксе») и его словами в интервью газете «Фигаро»: «*Он [Гусинский] признался мне, что всегда защищал позицию Чечни [в запросе: ...что всегда выступал на стороне Чечни...] во время войны, потому что чеченцы ему платили*». Негативное восприятие слов Березовского «*отрабатывали заказ*» связано не столько с собственно словом *заказ* (действительно, что плохого, когда кто-то выполняет или, как выражается Березовский, *отрабатывает* заказ?), сколько с теми ассоциациями, коннотациями, порождаемыми этим словосочетанием. Кто заказчик для названной группы СМИ? Какой заказчик осуществляет идеологическое руководство? Порочность, по мнению Березовского, состоит не в отработывании, а в заказчике — это некие люди из Чечни, интересы которых не совпадают с интересами Российского государства, — отсюда и тема предательства, измены. Предают интересы России, изменяют интересам России те, кто в информационной войне «*отрабатывает заказ*» (то есть названные Березовским СМИ) со стороны врага (чеченцев). При этом результат «отработки заказа» — определенно сформированное общественное мнение («*Общественное мнение было на стороне чеченцев, созданное в том числе компанией НТВ*»). Таким образом, Березовский считает, что информация названной им группы СМИ не может быть объективной, так как ее (информацию) *заказали*.

Интервью газете «Фигаро» содержит несколько тем: 1) теракты в Москве; 2) отношения Березовского с Масхадовым и другими руководителями Чечни; 3) выкуп журналистов; 4) предстоящие выборы.

В интервью газете «Фигаро» Березовский, отвечая на вопрос «Говорят, что выкупы, которые вы заплатили, открыли дорогу для истинного бизнеса...», поясняет: «*Это совершенно неверно. Мы заплатили всего один раз, чтобы освободить российских журналистов с НТВ. И именно Гусинский, глава*

НТВ, дал деньги. Он признался мне, что всегда защищал позицию Чечни во время войны, потому что чеченцы ему платили. Он и создал прецедент».

Таким образом, и пресс-конференция в «Интерфаксе», и интервью газете «Фигаро» содержат информацию об измене, предательстве со стороны Гусинского и определенной группы СМИ, формирующих общественное мнение по чеченским событиям не на основе объективной информации и ее анализа, а на основе заказа. В интервью газете «Фигаро» Березовский еще раз подтвердил свое мнение о «небескорыстности Гусинского».

Итак, лингвистический, текстовый, стилистический и лексический анализы позволяют утверждать, что в двух рассмотренных текстах выступлений Березовского содержатся сведения о нарушении Гусинским В.А. и телекомпанией НТВ действующего законодательства (предательство государственных интересов, измена), моральных норм поведения (продажность СМИ).

* * *

ЗАПРОС

Центральной юридической консультации в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

До того, как материалы исследовали специалисты РАН, адвокат Б. Березовского также обратился с запросами в ряд соответствующих учреждений, представив затем мнения специалистов. Далее приведен текст запроса и ответы специалистов.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Московская областная коллегия адвокатов (МОКА)

10358, г. Москва, Садовая-Триумфальная, д. 2/30, тел./факс 299-88-25

Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина
Министерства образования РФ

Уважаемые господа!

Центральная юрконсультация МОКА обращается с просьбой дать заключение по следующему вопросу, возникшему в нашей практике:

— должно ли высказывание «группа, отрабатывающая заказ», отнесенное к средству массовой информации, рассматриваться как порочащее выражение (без конкретизации упомянутого в высказывании «заказа»).

Будем весьма признательны за ответ.

Заведующий Центральной
юрконсультацией

Ю.А. Ефимов

**ОТВЕТ специалистов
Института русского языка им. А.С. Пушкина**

Уважаемые господа!

Сообщаем вам, что группа специалистов (филологи-русисты — преподаватели Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина с участием представителей МГУ им. М.В. Ломоносова), рассмотрев вопрос, содержащийся в вашем обращении, пришла к следующему заключению:

1. Выражение «группа, обрабатывающая заказ», отнесенное к средствам массовой информации без конкретного указания на характер заказа, имеет основания быть понятым как адресованное коллективам средств массовой информации, которые, действуя в согласии со своими должностными и профессиональными обязанностями, исполняют *поручения* и/или выполняют *указания* своего руководства (следует пояснить, что в научных словарных источниках слово «заказ» разъясняется как «*поручение* на изготовление чего-либо», и это соответствует правильности данного понимания);

2. Разговорный и даже близкий к жаргонному оборот речи «обрабатывающие заказ», употребленный по отношению к коллективам средств массовой информации, вместо более точных нейтральных выражений «исполняющие поручения» и/или «выполняющие указания», демонстрирует, безусловно, недостаток уважения к адресату, но при отсутствии в данном случае в тексте и контексте указаний на аморальный характер заказа порочащим быть не может.

Декан факультета повышения квалификации (подпись) Э.Г. Азимов
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина,
доктор педагогических наук, профессор

Доцент Института переподготовки и (подпись) Л.Б. Шамшин
повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова,
кандидат культурологии

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**Кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова**

Центральная юридическая консультация Московской областной коллегии адвокатов обратилась с просьбой дать заключение о том, может ли высказывание «группа, обрабатывающая заказ», отнесенное к средству массовой информации, рассматриваться как порочащее выражение (без конкретизации упомянутого в высказывании «заказа»).

Согласно наиболее авторитетному из современных справочных изданий Толковому словарю русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. (М., 1997) ни слово «заказ» в значении «выполнение порученного кем-либо дела», ни слово «отработать» в значении «возместить тру-

дом» не сопровождаются стилистическими пометами, характеризующими эти слова как отрицательные номинации.

Применительно к средствам массовой информации слово «заказ» не содержит каких-либо отрицательных коннотаций (дополнительных значений). Речь может идти о социальном заказе, о заказе рекламной публикации, о заказе статьи автору. Но поскольку понятие «заказ» в данной фразе не конкретизировано, в этой фразе не содержится информации, порочащей деловую репутацию средства массовой информации.

Заведующий кафедрой стилистики (подпись) Т.Я. Солганик
русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова,
профессор, доктор филологических наук

Доцент кафедры стилистики русского языка,
кандидат филологических наук (подпись) В.В. Славкин

03.12.1999

* * *

Как утверждается в обоих заключениях, само по себе словосочетание *отрабатывать заказ*, так же как и слово *заказ*, вне контекста не имеют негативной оценки. Однако в контексте всего выступления Б. Березовского это словосочетание и слово получают дополнительные коннотации, что и было показано в заключении специалистов ИРЯ РАН.

Экспертиза 14

ПЕРЕДАЧА «ЗЕРКАЛО»

Ведущий Н. Сванидзе (РТР), 19.09.1999

- **Основание для проведения исследования:** запрос адвоката Е.А. Бару в ИРЯ РАН от 21.12.1999 г.
- **Эксперт:** Б.С. Шварцкопф.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фрагментов стенограммы передачи «Зеркало» от 19.09.1999 г., представленных Вами, показал, что здесь мы имеем дело с двумя принципиально различными компонентами контекста. Первая часть: *«Хорошо известно, что Московская дума никогда не делает ничего, что не было бы одобрено мэрией»* представляет собой сообщение об общеизвестном мнении (*Хорошо известно равносильно тому, что все говорят*).

Вторая часть: *«Значит, это Лужков обвиняет президента в преступной безответственности, в попустительстве террористам»* — представляет собой

рассуждение, опирающееся на только что сообщенное умозаключение из ранее сообщенного: *тем самым это позволяет (мне) предположить, что...* И если первая часть — это знание (о всеобщем мнении), то вторая — сделанное на его базе предположение об отношении «Лужков — президент».

Говоря так, мы опираемся на толкование слова *значит* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «1. вводн. сл. Следовательно, стало быть, выходит. *Вещи собраны, ты, значит, уезжаешь?*» (М., 1997, с. 232).

Таким образом, употребление ведущим Н. Сванидзе слова *значит* подчеркивает, что он (ведущий), рассуждая, делает свое умозаключение из ранее сообщенного.

* * *

ЗАПРОС

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ № 12 МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ

От 14.12.99 № 259

В Институт русского языка
им. В.В. Виноградова
Российской академии наук

В практике работы адвокатов юридической консультации № 12 МГКА возник вопрос, разрешение которого требует учета мнения специалистов.

Телеведущий одной из телевизионных программ в своем комментарии к событиям сказал: «Хорошо известно, что Московская дума никогда не делает ничего, что не было бы одобрено мэрией. Значит, это Лужков обвиняет Президента в преступной безответственности и в попустительстве террористам».

С учетом использования слова «значит» во втором предложении просим сообщить, должно ли это предложение рассматриваться как утверждение ведущего о каком-либо факте или как изложение ведущим своего мнения, умозаключения, сделанного на основе собственного анализа ситуации.

В соответствии со ст. 6 Закона об адвокатуре Российской Федерации юридическая консультация № 12 МГКА просит дать заключение по вышеуказанному вопросу.

Данные сведения необходимы для представления в судебные органы.

Заведующий Юридической
консультацией № 12

(подпись) Е.А. Бару

Адвокаты

А.Б. Змойро
З.А. Матвеевская

Экспертиза 15

АВТОРСКАЯ ПЕРЕДАЧА С. ДОРЕНКО НА ОРТ

05.09.1999, 26.09.1999, 03.10.1999

• **Основание для проведения исследования:** запрос федерального судьи И.Н. Щербаковой Останкинского межмуниципального суда г. Москвы в ИРЯ РАН.

• **Эксперты:** Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова, Б.С. Шварцкопф; Л.Ю. Иванов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Москва

23 ноября 1999 г.

Комиссия экспертов в составе научных сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук: главного научного сотрудника доктора филологических наук Крысина Леонида Петровича (стаж работы — 40 лет), ведущего научного сотрудника доктора филологических наук Шварцкопфа Бориса Самойловича (стаж работы по специальности — 40 лет) и старшего научного сотрудника кандидата филологических наук Сафоновой Юлии Александровны (стаж работы по специальности — 20 лет) на основании Определения Федерального судьи Останкинского межмуниципального суда СВАО г. Москвы от 25 октября 1999 г. подготовили настоящее экспертное заключение.

Права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ мы предупреждены.

1. (подпись) Л.П. Крысин
2. (подпись) Б.С. Шварцкопф
3. (подпись) Ю.А. Сафонова

Экспертиза начата «16» ноября 1999 года.

Экспертиза окончена «23» ноября 1999 года.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы: Определение о назначении лингвистической экспертизы.

Стенограммы выступлений С.Л. Доренко в авторской программе на первом канале ОРТ от 05.09.1999; от 26.09.1999; от 03.10.1999.

Видеозапись с выступлением Доренко от 05.09.1999, 26.09.1999, 03.10.1999.

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

1. Содержит ли выступление Доренко С.Л. негативную информацию о Лужкове Ю.М.?

2. Если содержит, то в какой форме: утвердительной, предположительной или в какой-нибудь другой?

3. Содержит ли выступление Доренко С.Л. оскорбление по отношению к Лужкову?

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1

Материалы выступления С.Л. Доренко от 03.10.1999 содержат в себе негативную информацию о Ю.М. Лужкове: о его деятельности как мэра г. Москвы и о его личностных качествах.

Программа 03.10.1999

(с. 1 стенограммы): *На этой неделе московский мэр стремительно терял честь и достоинство.* — Утверждение о процессе потери Лужковым чести и достоинства.

(с. 2 стенограммы): *Как видите, я все еще пытаюсь защитить вашу честь, то, что от нее осталось.* — Утверждение о том же.

(с. 5 стенограммы): *И Лужков позволяет Батурину вымогать деньги под имя Лужкова.* — Утверждение о том, что Лужков не препятствует Батурину в вымогательстве денег, которое Батурин осуществляет, прикрываясь именем Лужкова.

Вымогать — шантажом, угрозами добиваться чего-н. (Ожегов С.И. и Шведова Ю.Н. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 115).

(с. 11 стенограммы): [Итак, клеветает любой, кто говорит, что Лужков отвечает за Москву]. *Он отвечает только за свою жену. Зона ответственности нашего мэра сузилась до жены.* — Утверждение о том, что Лужков вопреки предписанной ему ответственности за город несет ответственность только за жену. Таким образом негативно характеризуется репутация Лужкова как мэра.

(с. 12 стенограммы): *Мы спрашиваем с него (Лужкова) за порядок в городе. Мы просим его прекратить вакханалию воровства в его мафиозной семье.* — Утверждение о том, что семья Лужкова (семья = окружение Лужкова) — мафиозная семья, в которой — вакханалия воровства.

(с. 12 стенограммы): *Итак, Лужков в отставке с делами города и с воровством в своей мафиозной семье, к нему больше не приставайте.* — Утверждение о том, что Лужков не занимается делами города.

Вопрос 2

Фрагменты выступлений, которые названы выше, имеют форму утверждений.

Если эти утверждения не соответствуют действительности (не подтверждаются фактами), то их следует квалифицировать как порочащие Ю.М. Лужкова.

Вопрос 3

Оскорблений Ю.М. Лужкова в прямой форме (в виде оскорбительных номинаций, прозвищ и т.п.) высказывания С.Л. Доренко не содержат.

* * *

В ходе судебного разбирательства суд пришел к мнению о необходимости стилистического анализа текста передач, такой анализ был сделан сотрудником ИРЯ РАН канд. филол. н. Л.Ю. Ивановым. Это заключение было приобщено к делу в ходе судебного разбирательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Определение понятий

Понятие «информация» используется в различных научных дисциплинах (информатике, биологии, языкознании, истории и др.), а также в повседневном обиходе в различных значениях. Эксперт придерживался понятия информации в том смысле, в каком оно используется в словосочетании «средства массовой информации» (СМИ). Здесь информация представляет собой совокупность языковых высказываний, облеченных в текстовую форму, о мире, о событиях и положении дел в мире, об отношениях отправителя информации к этим событиям. За пределами данного понятия информации остаются высказывания, направленные на изменение положения дел в мире (приказы, приговоры суда и др.).

В данном значении одним из признаков информации выступает ее новизна, поскольку задачей СМИ является ознакомление общественности с неизвестными или недостаточно известными событиями и положениями дел в мире.

Информационные высказывания встречаются, в частности, в следующей форме:

1) утверждений о фактах и событиях или констатации фактов и событий.

Такие высказывания распознаются в тексте по отсутствию маркированности специальными вводными конструкциями и наречиями (примеры: Идет дождь. Он хранит деньги в Сберегательном банке) или по маркированности такими конструкциями, подчеркивающими достоверность сообщаемого (примеры: Я знаю, что идет дождь. Он точно хранит деньги в Сберегательном банке). Утверждения могут быть истинными или ложными;

2) мнений о фактах, событиях и лицах. Выражение мнения распознается в тексте по наличию определенных слов и конструкций, указывающих на него (с моей точки зрения, по моему мнению, я считаю, я полагаю и др.). Если они отсутствуют, адресат текста имеет дело с утверждением. Ес-

ли выражающий мнение хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности (возможные маркеры: *не уверен, но может быть; предположительно; нам кажется, хотя это и не точно и др.*), мы имеем дело с предположением. Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами и событиями объективной действительности;

3) оценки фактов, событий и лиц. Выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в значении которых можно выделить элементы «хороший/плохой» или их конкретные разновидности (добрый, чистый/злой, грязный и др.). Оценка также не может быть истинной или ложной, однако и она, подобно мнению, может подтверждаться или не подтверждаться фактами и событиями объективной действительности.

При наличии положительной оценки (элемент «хороший» и его конкретные разновидности) может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки (элемент «плохой» и его конкретные разновидности) можно вести речь о негативной информации.

Резкая отрицательная оценка лица, осуществляемая с помощью слов и выражений, либо вообще не употребляемых в литературном языке, либо не употребляемых в литературном языке по отношению к лицу, либо употребляемых по отношению к определенным группам лиц, отличающихся специфическими признаками или манерой поведения, высказывание которой имеет целью подчеркнуть неполноценность, порочность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др. представляет собой оскорбление.

Приписывание лицу противоправных, аморальных или иных социально порицаемых действий представляет собой обвинение.

Наряду с вышеуказанными положениями я исхожу также из методических положений, сформулированных группой экспертов в составе научных сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова доктора филологических наук Л.П. Крысина, доктора филологических наук Б.С. Шварцкопфа и кандидата филологических наук Ю.А. Сафоновой (их экспертное заключение прилагается).

Я исхожу также из того, что наряду с прямыми лексическими средствами воздействия язык содержит обширный арсенал косвенных средств воздействия, понимаемых большинством говорящих на данном языке и принадлежащих к культуре данного народа. Сюда относятся: подтекст, намеки, указания на общий признак ситуации без прямого именовании этой ситуации (нередко для этого используются фрагментарные цитаты из популярных фильмов, выступлений известных сатириков, медицинская терминология и др.), ирония, парафраза, параллельные конструкции, гиперболы (преувеличение) и ряд других средств и приемов. Все эти

инструменты воздействия активно используются в языке средств массовой информации.

Анализ стенограмм

Стенограмма от 05.09.1999

Татарско-башкирско-лужковская позиция. Подтекст: Ю.М. Лужков объединился с татарами и башкирами.

Его личное состояние журнал оценивает в 300—400 миллионов долларов. Это не дословное воспроизведение: сравните «Культ личностей», май—июнь 1999.

И нас эта публикация не удивляет. Приглашение телезрителей к совместному с Д. «не-удивлению» публикацией, т.е. принятию ее как должного. Здесь может подразумеваться принятие как должного содержания публикации, а именно, факта, что личное состояние Ю.М. Лужкова журнал оценивает в 300—400 миллионов долларов.

Человек так долго сидит на Москве. А Москва город хлебный. У нее деньги всей России. Чего же тут удивляться.

«Сидеть» на чем-либо — значит безраздельно контролировать и распоряжаться ресурсами, на которых «сидишь», в том числе в личных целях. Это здесь и приписывается Ю.М. Лужкову в подтексте. По логике С.Л. Доренко: поскольку Ю.М. Лужков мэр и «сидит» на Москве, значит он и использует ее (и всей России) средства (здесь заодно установление оппозиции Москва — вся Россия) для сколачивания личного состояния в том размере, в котором упоминает журнал.

Ельцин идет по Кремлю, зажав в потную ладошку свою кредитную карточку, и т.д. Обрисованная гротескная ситуация подготавливает почву для использования приема контраста.

Затем прием контраста реализуется: Но нет, этого не может быть. Я про всех верю, а про Ельцина не верю. Я скорее про Лужкова поверю. С.Л. Доренко противопоставляет Ю.М. Лужкова Б.Н. Ельцину с целью продемонстрировать собственную объективность и намекнуть, что в утверждениях относительно состояния Ю.М. Лужкова может быть доля истины.

Стенограмма от 26.09.1999

С. 1

Заграничные скандалы по поводу русских денег на этой неделе обогатились двумя новыми персонажам... Ввод темы: здесь прежде всего имплицитно указывается, что заграничные скандалы по поводу русских денег имеют место, хотя скандальность — хотя бы в применении к двум упомянутым в интервью случаям не установлена.

В западной прессе, которой московский мэр безусловно доверяет... создается впечатление о прозападной ориентации мэра Москвы.

С. 2

Ю.М. Лужков заявил, что информация (в частности, о приобретенных им лошадях) генерируется Кремлем. С.Л. Доренко опровергает это тем, что заявляет: жеребец не может генерироваться Кремлем, но только кобылой — отсутствует логическая привязка опровержения и опровергаемого тезиса к одному и тому же объекту.

Не следует заходить так далеко в своей мании преследования: здесь, в частности, высказывается утверждение, что Ю.М. Лужков страдает манией преследования.

Во фрагменте присутствует нагнетание смысловой напряженности, подкрепляемое, в том числе, постепенным смещением стилей: от официального как во фразе О земле в Испании писала уважаемая испанская газета «Эль Паис» до просторечного — во фразе Зажали землицу. Цель этого нагнетания — эмоциональное ангажирование зрителя.

Остальной фрагмент звучит так: Речь шла о земле под Марбелией и в уплату за поставленного в этом городе за деньги москвичей циклопа Церетели. Поскольку, как писала «Эль Паис», Лужков истратил на циклопа Церетели деньги москвичей, то я тогда радовался, наоборот, то есть, радовался, Лужков не помнит, что у каждого из нас, москвичей, появился участок в Андалуссии. Здесь проводится мысль, что Ю.М. Лужков поставил скульптуру за счет средств госбюджета (на деньги москвичей), а за это получил землю в собственность. И таким образом, повторяется тема использования Ю.М. Лужковым служебного положения для личного обогащения, уже звучавшая в первой передаче.

Во фразе Теперь Лужков протестует, из чего можно сделать вывод, что если землица наша и есть до сих пор, то нам ее не видать, москвичам логическая связь между посылкой и выводом едва ли просматривается. ...нам ее не видать, москвичам: попытка указать на группу «пострадавших», представив себя как защитника интересов этой группы.

300 или 400 миллионов долларов: повторение лейтмотива предыдущей передачи, установление связи и преемственности между данной передачей и предыдущей.

С. 3

Особенно заботит Ю.М. Лужкова то, что деньги его семья за рубежом получает не только на личный, персональный счет, но и на офшоры.

Это утверждение не подтверждается ни предыдущим, ни последующим изложением, которое, очевидно, должно рассматриваться как доказательство. Единственно, о чем говорится, что деньги на свои личные счета получает А. Батулин. Хотя и это не доказано. Но чтобы говорить о поступлении денег семье Ю.М. Лужкова нужно доказать либо, что счет принадлежит кому-то из членов семьи Ю.М. Лужкова, каковым Батулин не является, либо, что Батулин ведет счет не от своего имени, а от имени Ю. М. Лужкова, о чем должна быть соответствующая запись в банковских

документах на открытие счета. Поскольку это не доказано, налицо голословные утверждения обвинительного характера в адрес Ю.М. Лужкова.

С. 4 верх

Я бы тоже на месте Ю.М. Лужкова сокрушался, потому что его семья берет деньги у фирмы «Мабетекс». В то время как в последующем изложении содержатся лишь (не подкрепленные документально) утверждения, что средства от фирмы «Мабетекс» получал А. Батулин. Налицо аналогичная ситуация: голословные утверждения обвинительного характера в адрес Ю.М. Лужкова.

Ю.М. Лужков говорит, что я ущемил ему достоинство. Слово «ущемить» Ю.М. Лужков будто бы не употреблял — это термин С.Л. Доренко. Между тем указанный термин со словами *честь* и *достоинство* в литературном употреблении не сочетается. Он употребляется преимущественно в медицинских контекстах по отношению к мягким тканям организма (ущемление грыжи, ущемление мошонки и т.д.). Достоинством, точнее мужским достоинством, в просторечии может эвфемистически именоваться мужской половой орган. В связи с этим за фразой С.Л. Доренко *я ущемил ему достоинство* скрывается, в частности, понятный для большинства носителей языка намек на ситуацию оскорбительного характера. Дополнительным свидетельством того, что данное понимание не исключалось С.Л. Доренко, выступает использование местоимения 3-го лица единственного числа в дательном падеже вместо обычного родительного: *...ему достоинство* вместо *...его достоинство*.

В последнем абзаце на с. 4 С.Л. Доренко совершает «отвлекающий маневр» и пытается представить себя защитником чести и достоинства Ю.М. Лужкова. Это обычный риторический прием, направленный, в частности, на создание у зрителей впечатления объективности говорящего.

Стенограмма от 03.10.1999

С. 1. Если проследить логическую взаимосвязь между тремя передачами, можно отметить следующую тенденцию в способе доказывания у С.Л. Доренко. В первой и (или) второй передачах упоминается некий факт, иногда с опорой на источник, который описания этого факта в такой форме, как он цитируется, не содержит. В последующей передаче с этим фактом обращаются как с объективно доказанным обстоятельством — хотя в действительности доказано ничего не было, было лишь упомянуто.

С. 3. С.Л. Доренко обвиняет Ю.М. Лужкова во лжи, в частности на основании того, что Ю.М. Лужков якобы утверждает, что не знает никаких «Мабетексов». При этом Ю.М. Лужков утверждает вовсе не это, а лишь то, что «Мабетекс» не имеет к нему лично отношения (с. 3, абзац 3). Так что весь абзац 2 в выступлении С.Л. Доренко на указанной с. 3, так же как и утверждение С.Л. Доренко насчет того, что Ю.М. Лужков признается в

собственных интеллектуальных проблемах накануне выборов, вновь остаются голословными утверждениями частично обвинительного характера (где речь идет о лжи).

С. 4. 3 последних абзаца.

С.Л. Доренко обвиняет: Еще одна ложь семьи Лужкова... Батурин солгал... Ложь состоит якобы в том, что немецкий и швейцарский «Мабетекс» не одно и то же. По утверждению С.Л. Доренко они представляют собой одно. Чтобы доказать это, он приводит годовой отчет группы «Мабетекс», в которую входит 19 предприятий, в том числе немецкий и швейцарский «Мабетекс». Годовой отчет как раз и подтверждает, что немецкий и швейцарский «Мабетекс» — разные хозяйственные единицы, несмотря на единого собственника Пакколи. Кстати, в дальнейшем, в ходе передачи выясняется, что и собственник тоже не один: наряду с Пакколи им является и Клаппия.

С. 5. Использование С.Л. Доренко отрицательно окрашенной экспрессивно-оценочной лексики можно показать на следующем примере: С.Л. Доренко берется доказывать, что А. Батурин — член семьи Ю.М. Лужкова.

Оказывается, А. Батурин не просто член семьи Ю.М. Лужкова. В первых, он член мафиозной семьи. Предположение о наличии мафиозной семьи звучит оскорбительно, поскольку слова *мафия*, *мафиозный* обозначают антиобщественную противоправную деятельность и относятся к одному из разрядов оскорбительной лексики, согласно определению группы экспертов Института русского языка им. В.В. Виноградова. Во вторых, А. Батурин якобы вымогает деньги, выдавая себя за члена семьи Ю.М. Лужкова, но таковым не являясь. Таким образом, осталось загадкой, что все-таки собирался доказать С.Л. Доренко: член ли А. Батурин семьи Ю.М. Лужкова или нет.

С. 9. С.Л. Доренко утверждает, что Ю.М. Лужков защищает вывоз валюты. Это еще одно голословное утверждение. В доказательство С.Л. Доренко приводит реплику Ю.М. Лужкова, в которой вывоз валюты прямо вообще не упоминается.

С. 10. Вновь речь о том, когда, как и сколько денег перекачивалось через «Мабетекс» для семьи Лужкова. Доказательство того, что это действительно делалось для семьи Ю.М. Лужкова, С.Л. Доренко так и не приводит.

С. 11. И еще, когда Ю.М. Лужков кричал, держи вора, был ли он сам вором? Он про себя кричал?

Это риторический вопрос. Поскольку риторический вопрос представляет собой скрытое утверждение, в приведенном фрагменте содержится скрытое утверждение о том, что Ю.М. Лужков — вор.

3 последних абзаца:

На основании повторно приводимого высказывания Ю.М. Лужкова о том, что история с «Мабетексом» не имеет к нему лично никакого отношения, С.Л. Доренко делает логически не связанный с этим утверждением вывод, что сфера ответственности Ю.М. Лужков сузилась до его жены. На основании своего псевдологического вывода С.Л. Доренко развертывает целую систему странных умозаключений, которые в их мозаичной последовательности можно рассматривать как издевательство над Ю.М. Лужковым: поскольку Ю.М. Лужков отвечает только за жену, значит, он в отставке, поскольку он в отставке, значит, он пенсионер. Когда он выйдет в отставку, все друзья его бросят и за ним станет охотиться Интерпол. Ю.М. Лужкову нужно будет бежать из страны. Тут С.Л. Доренко придет ему на выручку. Издевательская и оскорбительная направленность четко прослеживается, в частности в следующих высказываниях С.Л. Доренко.

Я придумал, мы переоденем Лужкова мужчиной. Когда речь идет о переодевании, по смыслу подразумевается, что переодеваемый субъект до переодевания не был тем, в кого его собираются переодеть. Это значит, С.Л. Доренко утверждает здесь: Ю.М. Лужков не мужчина. Дальше больше — С.Л. Доренко говорит, что почему-то в настоящего мужчину нам Лужкова переодеть не удастся, и предлагает ему переодеться в женщину. В качестве образцовых представительниц слабого пола С.Л. Доренко избирает молодую особу, успевшую снискать себе сомнительную репутацию во всем мире — Монику Левински, а также гротескный персонаж из известного фильма «Здравствуйте, я ваша тетя!» — донну Розу из Бразилии.

Ответы на вопросы, поставленные перед экспертизой

1. Все приведенные, а также большинство других высказываний С.Л. Доренко представляют собой утверждения негативного характера относительно личности или поведения Ю.М. Лужкова. Формальных признаков выражения субъективного мнения (перечисленных, в частности, в п. 2) вводной части) указанные утверждения не содержат, а посему представляют собой информацию, которая, не будучи подкреплена фактами, может рассматриваться как оскорбляющая честь и достоинство Ю.М. Лужкова.

2. Негативная информация о Ю.М. Лужкове представлена в тексте преимущественно в утвердительной форме, но встречается и в форме предположительной.

Наряду с этим в тексте передач обильно представлены ничем не обоснованные обвинения во лжи, обвинения и прозрачные намеки относи-

тельно неспособности справляться со своими задачами на посту мэра, злоупотребления служебным положением в корыстных целях, участия в организации преступной группы («мафиозной семьи»), неспособности прекратить «разгул уголовщины» и «вакханалию воровства».

Вообще образ мафиозной, криминальной семьи является сквозным в передачах С.Л. Доренко. Развитие данного образа осуществляется от передачи к передаче в градиационной структуре с постепенным усилением негативного компонента.

1-я передача: Рядом с Лужковым его правая рука — родственник и теновой хозяин Москвы господин Евтушенков.

2-я передача: Деньги его семья за рубежом получает не только на личный, персональный, счет, но и на офшоры (с. 3). ...его семья берет деньги у фирмы «Мабетекс» (с. 4).

3-я передача: Это, Юрий Михайлович, не по-сицилийски. Мы с вами как два дона. Дон Сэрджио и дон Джорджио (с. 2). ...такой заметный член семьи, как Батури... (с. 3). А. Батури член мафиозной семьи ... А. Батури называл Краснянского папой (с. 5). Наконец, апофеоз развития образа: ...он не отвечает за уголовщину своего ближайшего окружения ... Мы просим его прекратить вакханалию воровства в его мафиозной семье (с. 12).

Следующий сквозной образ — образ женский. Не секрет, что для любого мужчины-политика сравнение его с женщиной, наделение женскими чертами (Ленин муж, донна Роза с волосами от Моника Левински — передача 3, с. 12) отпугнет от него часть как женского, так и мужского электората. Подобного рода параллели снижают привлекательность образа решительного политика-мужчины.

Далее, для политика, декларирующего ориентацию на демократические ценности и преодоление коммунистического наследия, совмещение его имиджа с образами коммунистических правителей, чьи эксперименты стоили их народам тысяч, а то и миллионов жизней, а страны повергли в состояние экономической катастрофы (Ленин, Мао, Фидель Кастро, Хо Ши Мин), также сослужит медвежью услугу в деле привлечения потенциальных демократически ориентированных избирателей.

Объединяет два последних образных ряда фигура Керенского — слабозвоного политика левой ориентации, не сумевшего предотвратить сползание России в революцию и скрывшегося из Зимнего дворца в женском платье.

Перечисленные сквозные образные ряды: крестного отца (дона) мафиозной семьи, мужчины в юбке и «коммуниста», примеряющего то китель Мао, то бороду Фиделя, сознательно и, по-видимому, намеренно ис-

пользуется С.Л. Доренко для дискредитации Ю.М. Лужкова в глазах электората в период предвыборной кампании.

3. Наконец, последнее. Я присоединяюсь к мнению экспертной группы Института русского языка им. В.В. Виноградова о том, что выступление С.Л. Доренко не содержит оскорбления Ю.М. Лужков в форме прямых номинаций. Между тем имеются случаи оскорбления косвенными именованиями. Утверждается, что Ю.М. Лужков — вор (стенограмма от 03.10.1999, с. 11), не мужчина, подкаблучник (стенограмма от 03.10.1999, с. 2 и 12), лжец (стенограмма от 03.10.1999, с. 3) и лицо, злоупотребляющее служебным положением в корыстных целях (стенограмма от 05.09.1999, с. 1).

* * *

ЗАКЛЮЧЕНИЕ специалистов Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург)

Ответчик, не согласный с решением суда, подал апелляцию в высшую инстанцию (Московский городской суд), к этому судебному разбирательству для ответчиков было тоже подготовлено заключение специалистов. Далее приводим текст этого заключения

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
199053, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9,
тел.: 528-16-11, тел./факс: 318-46-11

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Санкт-Петербург

12 декабря 1999 г.

Комиссия экспертов в составе научных сотрудников Института лингвистических исследований Российской академии наук: главного научного сотрудника доктора филологических наук профессора Кирилла Сергеевича Горбачевича (стаж работы по специальности — 45 лет), главного научного сотрудника доктора филологических наук профессора Федора Павловича Сороколетова (стаж работы по специальности — 51 год) и ученого секретаря Института лингвистических исследований РАН кандидата филологических наук Сергея Александровича Кузнецова (стаж работы по специальности — 24 года) на основании запроса генерального директора ООО «Бюро правовой поддержки» Анатолия Анатольевича Блинова подготовили настоящее заключение.

Права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ мы предупреждены.

1. (подпись) К.С. Горбачевич

2. (подпись) Ф.И. Сороколетов
 3. (подпись) С.А. Кузнецов
- Экспертиза начата «07» декабря 1999 г.
Экспертиза закончена «12» декабря 1999 г.

На экспертизу представлены стенограммы выступлений С.Л. Доренко в авторской программе на первом канале ОРТ от 05 сентября 1999, от 26 сентября 1999, от 03 октября 1999.

Для ознакомления экспертам переданы: копия искового заявления Ю.М. Лужкова о защите чести, достоинства и деловой репутации; копия заключения экспертизы от 23 ноября 1999 г.; копия заключения экспертизы от 01 декабря 1999 г.

Перед экспертами были поставлены вопросы:

1. Что такое мнение?
2. Как формируется и излагается мнение (как понятие)?
3. Может ли мнение нести информацию?
4. Можно ли расценить выступление Доренко С.Л. как высказывание мнений и суждений, основанных на информации?
5. Какие фразы, слова, выражения и пр. подтверждают тот факт, что ведущий высказывает свое мнение?
6. Содержится ли в выступлениях Доренко С.Л. порочащая информация о Лужкове Ю.М.?
7. Если содержится, то в какой форме: утвердительной, предположительной или в какой-нибудь другой?
8. Содержится ли в выступлениях Доренко С.Л. позитивная информация о Лужкове Ю.М.?
9. Содержат ли выступления Доренко С.Л. оскорбление по отношению к Лужкову Ю.М. (прямо или косвенно)?

В результате проведенного исследования эксперты солидарно делают нижеследующие выводы:

Лингвостилистический анализ текстов, представленных на экспертизу, проводился с учетом той формы, в которой они подготовлены к показу на ОРТ. Это связано с тем, что авторская программа С.Л. Доренко имеет ясно очерченные и понятные рядовым зрителям жанровые характеристики. Жанр, в котором работает С.Л. Доренко, довольно редко встречается в отечественной журналистике. Этот сатирический жанр называется памфлетом. Сравнив определение памфлета, которое дается в Краткой литературной энциклопедии (*сокращенно — КЛЭ*): «Памфлет — жанр публицистики, для которого характерно резкое и экспрессивное обличение, направленное против вполне определенного общественного политического явления или конкретных влиятельных в обществе деятелей. Преследуя агитационную цель, памфлет всегда тенденциозен, общедоступен, рассчитан на здравый смысл, непосредственные эмоции широкой публики; его стиль экспрессивен (ему присущи ирония, сарказм или патетика), а слог стремится к краткости лозунга» (КЛЭ, т. 5, с. 560, М., 1968).

В программах С.Л. Доренко создается сатирический образ мэра Москвы, что является результатом «направленного искажения», которое обнаруживает в объекте «дотоле скрытый комический аспект и тем са-

мым возвращает ему неприглядный сущностный вид» (КЛЭ, т. 6, с. 673, М., 1971).

Если исследовать тексты выступлений С.Л. Доренко с учетом жанрового своеобразия программы, то можно констатировать, что в своих работах С.Л. Доренко использует самые действенные языковые средства сатиры: гротеск и каламбур.

Гротеск — один из видов типизации (преимущественно сатирической), при котором деформируются реальные жизненные соотношения, правдоподобие уступает место карикатуре, фантастике, резкому совмещению контрастов. (Примеры гротеска: «Крошка Цахес» Гофмана, «История одного города» М. Салтыкова-Щедрина, «Голый король» Е. Шварца.)

Из арсенала языковых средств С.Л. Доренко широко использует гротескное суждение, т.е. «суждение не констатирующее, а конструирующее: из материала реальных ситуаций оно творит новую парадоксальную ситуацию» (КЛЭ, т. 6, с. 673, М., 1971).

Приведем примеры гротеска из текста программы от 03.10.1999: «на этой неделе московский мэр стремительно терял честь и достоинство». Обратите внимание, что С.Л. Доренко использует глагол несовершенного вида «терял», указывая на процесс в его развитии без достижения какого-л. результата (ср.: *терял, терял, но не потерял*). «Как видите, я все еще пытаюсь защитить вашу честь, то, что от нее осталось». Это оценочное утверждение не является утверждением факта потери и, соответственно, отсутствия чести, поскольку признает то, что честь у мэра Москвы осталась, а вот сколько ее осталось? Много или мало? Указание на это отсутствует.

Другой разновидностью гротеска является намеренное нагромождение неприятных обстоятельств. Например: «Предчувствую, за Лужковым станут охотиться правоохранительные органы. Его объявят в розыск в Интерпол. ...Я лично бегу из страны вместе с Лужковым. ...мы переедем Лужкова мужчиной» и т.д. (из текста программы от 03.10.1999).

Используется также прием словесной карикатуры: «А вот между Пакколи и Ресиньм боком к нам стоит низенький толстячок, вы его не узнали. А ведь это Лужков» (из текста программы от 03.10.1999).

Следует отметить, что для создания образа сатирического мэра С.Л. Доренко часто используются собственные слова Ю.М. Лужкова (например, «член семьи моей жены», «единственный партнер с моей женой» и т.п.).

Еще одним ярким языковым приемом, которым пользуется С.Л. Доренко, является каламбур или игра слов. Например, «Лужков говорит, что я ущемил ему достоинство. Не помню» и т.д. (из программы от 26.09.99).

Стилистические приемы, используемые С.Л. Доренко, направлены на то, чтобы уязвить самолюбие Ю.М. Лужкова, досадить ему, даже позитивная информация о Ю.М. Лужкове является одним из приемов создания сатиры. Поэтому говорить всерьез о существовании позитивной информации в контексте памфлета не приходится, более того, да-

же нейтральная информация, помещенная в такой контекст, закономерно приобретает ироническую составляющую.

Из всей совокупности лексических средств создания сатирического образа С.Л. Доренко использует в небольших количествах слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*землица, денежки, писмецо*), разговорно-простор. слова (*зажали, обделили, экий, кучерявый*), отрицательно окрашенную экспрессивно-оценочную лексику (*прихлебатели, клеветы, камарилья*). Слов грубых, вульгарных, слов, находящихся вне сферы литературного языка, передающих экспрессию циничной оскорбительности и иногда используемых в текстах художественной литературы как средство шокового воздействия на читателя, таких слов в арсенале С.Л. Доренко нет. В этом смысле автор руководствуется чувством меры и не перешагивает границ словесной игры, языковой провокации.

Можно констатировать, что С.Л. Доренко формирует и излагает исключительно свое мнение как эмоциональный комментарий, опосредующий те факты, которые приводятся в программе. Это не устраняет подспудных трудностей, присущих жанру памфлета. Трудности связаны прежде всего с определением баланса между остросатирической природой жанра и степенью скандальности, предосудительности фактов, которые излагаются автором. Работая в жанре памфлета, С.Л. Доренко поневоле обязан высказывать свое мнение, поскольку специфика жанра предполагает выражение личной, авторской позиции по обсуждаемым вопросам, о чем ведущий время от времени напоминает телезрителям вводными фразами типа: *я уверен, я верю, я думаю, как мне представляется*.

Излагая свое мнение о деятельности московского мэра и его ближайшего окружения, С.Л. Доренко фактически обвиняет Ю.М. Лужкова в злоупотреблении служебным положением, казнокрадстве, финансовых махинациях. В связи с этим можно утверждать: негативная, порочащая Ю.М. Лужкова информация, являясь составной частью комментария к тем фактам, о которых сообщается в телепередачах, воспринимается в качестве закономерных, логически оправданных выводов. Такая информация подается обычно в утвердительной форме и не содержит прямых или косвенных оскорблений, унижающих достоинство персонажа.

Изучаемые тексты должны быть рассмотрены еще в одном аспекте, который лежит вне пределов компетенции настоящей экспертизы, но его исследование крайне важно для установления истины в рассматриваемом вопросе. Этот аспект связан с фактической основой памфлетов, поскольку, если памфлетная по форме публицистика содержит заведомо ложное обвинение, то она называется пасквилем.

Содержательный анализ текста позволяет перечислить основные факты, которые приводит С.Л. Доренко в своей программе и по поводу которых он высказывает свое мнение:

1. Журнал «Культ личностей» оценивает состояние Лужкова в 300–400 миллионов долларов (из программы от 5.09.99).
2. Испанская газеты «Эль паис» писала о покупке Ю.М. Лужковым участка земли под Москвой на деньги из городского бюджета (из программы от 26.09.99).

3. Ряд платежей от 50 до 150 тыс. долларов были перечислены из Лугано и Цюриха через Нью-Йорк на счет Андрея Батурина — члена семьи Лужкова (из программы от 26.09.99).

4. А. Батурин получил от московского Сбербанка кредит в 30 млн долларов, из которого часть средств перечислил на счета иностранных банков, вместо того чтобы потратить их на строительство в Москве (из программы от 03.10.99).

5. Х. Клаппия утверждает, что А. Батурин приходится родственником Ю.М. Лужкову (из программы 03.10.99).

Можно выделить еще ряд важных утверждений, имеющих свойства фактов, но они носят производный, менее значимый для оценок характер, например:

А. Батурин устраивает совещания в кабинете руководителя внебюджетных фондов Москвы (из программы от 03.10.99).

А. Батурин представляется двоюродным братом жены Лужкова, и тому есть свидетели, и Лужков об этом знает (из программы от 03.10.99) и т.д.

Установить истинность или ложность изложенных в передаче фактов эксперты не в состоянии, поэтому относительно фактической стороны программ экспертизой делается вывод: если перечисленные в авторской программе С.Л. Доренко факты соответствуют действительности, то:

во-первых, их трактовка, как нам представляется, отражает существо дела, поскольку логическая линия рассуждений С.Л. Доренко восстанавливается полностью, без пробелов, и является с языковой точки зрения закономерной логикой оглашенных фактов, соответствующей жанру памфлета;

во-вторых, говорить о заведомо ложных обвинениях или о пасквильном характере программ не представляется возможным до тех пор, пока судом не установлена заведомая ложность основных фактов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В своем исследовании мы исходим из следующих общих посылок:

Мнение — суждение, предлагаемое без достаточного обоснования, не апробированное необходимой аргументацией и данными фактической проверки. Мнение может опираться на факты, этим оно отличается от домысла, и содержать оценку фактов и их комментариев, в этом его отличие от знания (Н.И. Кондаков, Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 352).

Мнение и знание основываются на суждениях, однако в случае со знанием суждения, составляющие его, являются целостными и систематизированными научными понятиями, основанными на фактах и проверенными практикой.

Факт — истинное событие, действительное происшествие или явление, существующее на самом деле. Фактом является то, что можно измерить, сфотографировать, хронометрировать. События, происшествия, явления должны иметь материальные свидетельства своего бытия, проверяемые результаты своего существования.

Следует различать факт и его комментарий, который складывается по поводу факта, суждение о факте.

Суждение — это логическая операция с понятиями, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат). В любом суждении что-либо утверждается или отрицается относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений.

Комментарий — толкование, разъяснение; а также рассуждения, пояснительные и критические замечания по поводу чего-л.

Информация — сообщение о положении дел где-л., о каких-л. событиях, фактах и т.п.

Деловая репутация — мнение о профессиональных способностях кого-л.

(Толкования слов см.: Большой толковый словарь русского языка/Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.)

* * *

По поводу текста последней экспертизы следует заметить, что в целом она ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ, что странно, так как речь идет о тексте телепередачи, а не о литературном произведении. К тому же, как правило, герои памфлета — лица с вымышленными именами, тогда как в передаче С. Доренко этого не было (ср. классическое произведение-памфлет Дж. Свифта «Путешествие Гулливера», где все персонажи — вымышленные).

Экспертиза 16

Рубрика «НЕ ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ: 3 ВОПРОСА — 3 ОТВЕТА» подготовил В. Фомин

Газета «Нарьяна Вындер», 10.11.1999

- **Основание для проведения исследования:** запрос адвоката в ИРЯ РАН.
- **Эксперт:** Ю.А. Сафонова.

Вопросы

1. Следует ли из оспариваемых утверждений: «... В «Сэр-Варке» проведены три ревизии. Нецелевое использование бюджетных средств выявлено — тот факт, что нецелевое использование бюджетных средств было выявлено именно в результате проведения ревизий?»

2. Какое значение в предложениях: «А дальше эти деньги «крутились» в фирмах, созданных в свое время главой Администрации округа В. Я. Бутовым и другими руководителями округа. «Прокручивание» бюджетных средств в этих фирмах уже подтверждено и теперь речь идет о закреплении этих доказа-

тельств...» — имеет глагол «крутиться»? Какую стилистическую окраску имеет данный глагол? Какова функция кавычек в данных предложениях?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

В газете «Нарьяна Вындер» (от 10.11.1999) в рубрике «Не за семью печатями: 3 вопроса — 3 ответа» приводимое Вами предложение употреблено в следующем высказывании: «*Зам. прокурора округа А.Н. Симонов сообщил, что это уголовное дело «живет» и движется к концу. Примерно через месяц расследование его может завершиться. ... В «Сэр варке» [так в оригинале публикации. — Ю.С.] проведены три ревизии. Нецелевое использование бюджетных средств выявлено. Но окончательное решение по делу даст, конечно же, суд.*» Из этого фрагмента в целом становится очевидной следующая информация:

- (1) Существует и продолжается уголовное дело.
- (2) В фирме проведена ревизия.
- (3) Выявлено нецелевое использование бюджетных средств.
- (4) Решение по делу даст суд.

Сообщения (2) и (3) связаны между собой (как и все сообщения в данном высказывании). Последовательность сообщений позволяет предположить, что нецелевое использование бюджетных средств выявлено именно в результате ревизии, так как каждому носителю русского языка известно, что в результате ревизии что-либо выявляется (см. толкование слова *ревизия*: «Обследование чьей-н. деятельности для установления правильности и законности действий» — Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 671).

Вопрос 2

В предложении «*А дальше эти деньги «крутились» в фирмах...*» глагол *крутиться* употреблен в значении «находиться в обороте». См. в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997) глагол *крутиться* в 4 значениях: «О денежных средствах: находиться в обороте» (с. 310).

Глагол *крутить* — *крутиться* относится к разговорному стилю (см. там же).

В данном предложении слова «*крутиться*» и «*прокручивание*» в кавычках употреблены как слова новые (о таком употреблении кавычек. см.: Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994, с. 189).

Экспертиза 17

Н. Агарков

«РЕФОРМЫ ПО ТАЛЮ»

«Независимая газета», 28.12.1999

- Основание для проведения исследования: запрос адвокатов в ИРЯ РАН.
- Эксперт: И.Б. Левонтина.

Вопросы

1. Содержит ли публикация в «Независимой газете» от 28.12.1999 года под названием «Реформы по Талю» негативную информацию о Г.К. Тале?
2. Если указанная статья содержит негативную информацию о Г.К. Тале, то в какой форме выражена данная информация (в форме утверждения, в форме мнения...)?
3. Если указанная статья содержит негативную информацию о Г.К. Тале, то можно ли рассматривать данную информацию как порочащую честь, достоинство и деловую репутацию?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Ваше обращение от 18 февраля 2000 г. отвечаю следующее.

Вы просите оценить публикацию в «Независимой газете» от 28.12.1999 года, в приложении № 19 «НГ — регионы», под названием «Реформы по Талю», ответив на ряд вопросов.

Прежде чем ответить на эти вопросы, следует отметить важную особенность анализируемого текста. Статья посвящена конкретному конфликту по поводу законности проведения конкретного аукциона. Однако в ней отсутствует последовательное изложение событий. Более того, читатель, не знакомый с ситуацией, вообще едва ли может восстановить последовательность событий и составить о них собственное мнение. Так, остается не вполне ясным, на каком этапе Таль дал интервью, на которое автор ссылается. При этом никаких сведений о том, где и когда опубликовано это интервью, ни одной цитаты из него читатель в статье не находит. С другой же стороны, статья перенасыщена обобщениями, предположениями, интерпретациями и оценками. Автор всеми средствами пытается навязать читателю свое видение ситуации.

Вопрос 1

Представленная статья, безусловно, не просто содержит негативную информацию о Г.К. Тале, такая информация составляет практически все ее содержание.

Уже само название статьи направлено против Таля. Заголовок «Реформы по Талю» сам по себе не указывает с определенностью на что-то предвсудительное. Он лишь подразумевает, что речь идет о каких-то необычных и — читатель понимает — скорее всего, неправильных реформах. Однако подзаголовок «Московский чиновник недоволен решением тюменских судебных органов» более определенно выражает отрицательную оценку. Дело в том, что слово *недоволен*, в отличие, например, от *не нравится* или *не одобряет*, однозначно указывает на то, что говорящий считает что-то не просто плохим, но противоречащим его целям. Можно сказать: *Я недоволен своим докладом* или *Я недоволен сочинением сына*, но нельзя — *Я недоволен романом Толстого «Анна Каренина»*. Здесь надо сказать *не нравится*. Таким образом, читатель понимает заголовок в сочетании с подзаголовком следующим образом: Таль проводит или планирует какие-то подозрительные реформы; его планы нарушает судебное решение, которое его поэтому не устраивает. Кроме того, в подзаголовке содержится намек на противостояние центра и периферии (московский чиновник противопоставляется местным судебным органам).

Рассмотрим начало и конец статьи — то есть то, что имеет решающее значение для понимания читателем ее общего смысла.

Статья начинается с, казалось бы, общих рассуждений о том, что «Слаженная работа чиновников — залог успеха правительства. Однако <...> некоторые руководители теряют чувство реальности, считая, что их мнение и позиция должны стать основополагающими <...>, несмотря на их субъективность. Подчас мнение руководителя того или иного ведомства выдается за позицию правительства в целом, что лишь подрывает его престиж и доверие к правительственным решениям». Можно было бы счесть, что все это не относится напрямую к Талю. Однако уже в следующей фразе говорится: «Особенно ярко это проявилось у руководства ведомства <...>» и далее прямо называется «глава ФСФО Георгий Таль». Местоимение *это* соотносится здесь с предшествующим текстом, при этом подчеркивается, что все названное не просто относится к Талю, но проявляется у него *особенно ярко*. Таким образом, в частности, фактически утверждается, что Таль *считает, что его мнение, несмотря на его субъективность, должно стать основополагающим и выдает свою позицию за позицию правительства*.

Заканчивается статья абзацем, в котором говорится: «На сегодняшний день судебная система пока сохранила рычаги противодействия подобным авторитарным действиям зарвавшихся чиновников. Пока <...>. Недалек тот час, когда <...> госчиновники будут подрабатывать управляющими на крупных предприятиях, получая при этом значительную прибавку к жалованью. В недалекой перспективе реформы по Талю могут превратить скромную службу по финансовому оздоровлению в «неестественную монополию», управляющую финансовыми потоками значимых

предприятий, в число которых может попасть любое приглянувшееся главе ФСФО». Дважды употребленное *пока* и затем *недалек тот час и в недалекой перспективе* создают у читателя впечатление надвигающейся угрозы, а выражения *подрабатывать, значительная прибавка к жалованью; любое приглянувшееся главе ФСФО значимое предприятие* укрепляют представление о небескорыстности Таля.

Вопрос 2

В статье относительно немного утверждений о фактах, касающихся Г.К. Таля. Эти утверждения могут быть верифицированы (проверены). Рассмотрим некоторые из них:

Таль <...> решил выступить публичным обвинителем российской судебной системы и законов, которые она отстаивает. В своем недавнем интервью г-н Таль <...> обвинил судебную систему в предвзятости при рассмотрении дел по процедуре банкротства в «Черногорнефти». Не располагая текстом интервью, невозможно сказать, адекватно ли автор статьи передает его содержание. Но там должны быть утверждения типа *Такой-то закон вреден; принятие его было ошибкой; он не соответствует интересам государства* и т.п.; *В деле «Черногорнефти» проявились недостатки нашей судебной системы; судебная система продемонстрировала свою предвзятость* и т.п. Если же в интервью содержатся утверждения типа *Такой-то суд при рассмотрении дела вольно трактовал закон и проявил предвзятость*, то следует признать, что автор статьи распространил ложную информацию.

Главным виновником правового беспредела глава ФСФО считает Арбитражный суд Западно-Сибирского округа. Здесь также можно проверить по тексту интервью, использовал ли Таль слово «беспредел» (либо какое-то близкое по смыслу выражение, например, *полное отсутствие правового регулирования, юридический произвол, беззаконие* и т.п.). Если же Таль, например, просто счел определенное решение суда неправильным, то рассмотренное утверждение также ложно.

Накануне аукциона Георгий Таль посетил Тюмень и потребовал от администрации области повлиять на судебное решение в пользу отмены конкурса. <...> *отказ со стороны администрации региона от давления на суд <...>.* Требование со стороны Таля, чтобы администрация округа оказала давление на суд, подано здесь также как установленный факт. Истинность этого утверждения может быть проверена.

В своем интервью г-н Таль заявляет, что надзорный орган в лице Высшего арбитражного суда должен разделить его мнение <...>. Трудно сказать, что в действительности сказал Таль, скорее всего, просто выразил надежду или даже уверенность, что решение суда совпадет с его мнением, но не обязал суд принять то или иное решение.

Георгий Таль не против исправить и этот «пробел» в законодательстве, настаивая на передаче управленческих функций процессом несостоятельно-

сти от судов его ведомству. Таким образом, автор статьи утверждает, что существуют высказывания Таля, в которых он настойчиво предлагает внести изменения в законодательство. Истинность этого утверждения может быть подтверждена, если такие высказывания будут представлены.

Часть негативной информации о г-не Тале вводится в форме **предположений** (причем высказанных в довольно издевательском тоне):

... очевидно, накануне своей отставки...

Очевидно, глава ФСФО забыл основные задачи своего ведомства.

Государственный подход к проблеме банкротства, по Талю, очевидно, предусматривает отстаивание интересов группы лиц, заинтересованных в сохранении своей обескровленной собственности.

(Судебная система) явно не устраивает нынешнего главу ФСФО.

Основная часть негативной информации оформляется в качестве авторских **интерпретаций** и **обобщений** чрезвычайно глобального характера, как будто основанных на фактах, касающихся действий Таля (ср. приведенные в ответе на первый вопрос начало и финал статьи). Представляется полезным проанализировать, каким образом автор обосновывает свои умозаключения.

Например, вернемся к уже процитированному утверждению: *В своем интервью г-н Таль заявляет, что надзорный орган в лице Высшего арбитражного суда должен разделить его мнение <...>*. Далее автор пишет: *В то же время на сегодняшний день Высший арбитражный суд уже подтвердил правомерность введения внешнего управления... Не нашло нарушений законодательство и ущерба интересам государства <...> и Главное государственное-правовое управление при Президенте РФ... Таким образом, Г. Таль по меньшей мере лукавит, выдавая свою позицию за государственную*. Несмотря на двусмысленный оборот *в то же время*, можно предположить, что решения Высшего арбитражного суда и ГПУ состоялись уже после интервью Таля, в противном случае было бы бессмысленно заявление последнего о том, что Высший арбитражный суд должен поддержать его мнение. Но тогда получается, что Таль высказывал свою позицию, еще не зная, каким будет решение этого суда. Между тем, *выдавать А за Б* — означает следующее: зная, что А — это не Б, целенаправленно убеждать слушателя, что А — это Б. Почему же у автора статьи получается, что из того, каким оказалось впоследствии решение суда, следует, что Таль обманывал, когда выражал надежду, что оно будет другим (а ведь автор прямо пишет: *таким образом*)? Итак, как мы видим, обвинение в обмане обосновывается здесь с помощью рассуждения, содержащего грубую логическую ошибку, которую, однако, невнимательный читатель может и не заметить. Риторический эффект усиливается еще и оборотом *по меньшей мере лукавит*. А что же тогда «по большей мере»?

В статье есть и другие рассуждения, построенные сходным образом.

Вопрос 3

На данный вопрос следует ответить положительно.

Из текста статьи можно извлечь следующие факты: глава ФСФО счел (с точки зрения автора статьи, обосновательно), что процедура банкротства «Черногорнефти» была проведена с нарушениями. Он пытался (в том числе, по утверждению автора, и незаконными средствами, а именно с помощью давления) добиться отмены аукциона, а когда это не удалось, в своем интервью изложил собственное мнение об имевших место нарушениях и выразил надежду, что Высший арбитражный суд это мнение разделит. Его надежда не оправдалась.

На этом скудном фактическом материале (не говоря даже о том, что при проверке некоторые факты могут и не подтвердиться) автор при помощи различных языковых средств и логических ухищрений создает демонический образ Таля — *зарвавшегося чиновника*, склонного к *авторитарным действиям*, *выдающего свою позицию за позицию государства*, при этом небескорыстного, добивающегося не благополучия предприятий, а контроля над *финансовыми потоками* и защиты *интересов группы лиц*. Особенный упор автор делает на то, что «негосударственный» подход Таля к реформам *подрывает престиж правительства*. Автор запугивает читателя, внушая ему, что деятельность Таля скоро приведет к образованию «*неестественной монополии*», опасной для *приглянувшихся* Талю предприятий.

Такой образ, безусловно, порочит честь, достоинство и деловую репутацию г-на Таля, а кроме того, пользуясь лексикой автора статьи, «подрывает доверие» и к самой Федеральной службе по финансовому оздоровлению и банкротству.

Экспертиза 18**М. Бекетов****«РЕВАНШ»****Газета «Химкинские новости», 12.01. 2000**

• **Основание для проведения исследования:** постановление следователя по особо важным делам юриста 1 класса Химкинской городской прокуратуры А.А. Тягая о назначении лингвистической экспертизы от 14 марта 2000 г. (направлено в ИРЯ РАН).

• **Эксперты:** Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова.

• **Фрагмент публикации:** *«А самое пикантное в нынешних выборах Главы Московской области то, что г-н Громов будет заниматься большой политической, а руководить Подмосковьем предназначено вице-губернатору Михаилу*

Меню, который известен, прежде всего, как сын убиенного священника, да еще, по слухам, как человек нетрадиционной ориентации в плане секса».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комиссия экспертов в составе научных сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук: главного научного сотрудника доктора филологических наук Крысина Леонида Петровича (стаж работы по специальности — 40 лет), старшего научного сотрудника кандидата филологических наук Сафоновой Юлии Александровны (стаж работы по специальности — 20 лет) на основании Постановления следователя Химкинской горпрокуратуры по особо важным делам А.А. Тягая от 14 марта 2000 года подготовила настоящее экспертное заключение.

Права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК России и за разглашение данных предварительного следствия, ставших нам известными при проведении экспертизы по ст. 310 УК России, мы предупреждены.

1. (подпись) Л.П. Крысин

2. (подпись) Ю.А. Сафонова

Экспертиза начата «15» марта 2000 года.

Экспертиза окончена «28» марта 2000 года.

На рассмотрение экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Что означает в русском языке термин «нетрадиционная ориентация в плане секса»?

2. Что означает указанное выражение в контексте данной статьи?

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

1. Постановление о назначении лингвистической экспертизы следователя Химкинской горпрокуратуры по особо важным делам А.А. Тягая от 14 марта 2000 года.

2. Научно-консультативное заключение Сексологической ассоциации «Культура и здоровье».

3. Статья М. Бекетова «Реванш» (газета «Химкинские новости» от 12.01.2000).

В результате проведенного исследования предоставленных в их распоряжение материалов специалисты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1

В толковых словарях русского языка сочетание **нетрадиционная ориентация в плане секса** как термин не зафиксировано.

Выражение «нетрадиционной сексуальной ориентации» о ком-либо — эвфемизм, возникший и получивший распространение совсем недавно. Он употребляется вместо слов «гомосексуалист» или «лесбиянка». Автор статьи «Реванш», Михаил Бекетов, сам осознает, что сообщение о «нетрадиционной ориентации» кого-либо «смущает нравственные устои». См. текст статьи: «...а руководить Подмосковьем предназначено вице-губернатору Михаилу Меню, который известен, прежде всего, как сын убиенного священника, да еще, по слухам, как человек нетрадиционной ориентации в плане секса. Простите, бабушки и дедушки, которые отдали свои голоса за нынешнюю власть, коль данными слухами я невольно смущаю ваши нравственные устои».

Поскольку для носителей современного русского языка словосочетание «(человек) нетрадиционной сексуальной ориентации» синонимично более прямым наименованиям «гомосексуалист» и «лесбиянка», постольку применение этого словосочетания в отношении лица, не являющегося гомосексуалистом или лесбиянкой, должно быть признано оскорблением.

Вопрос 2

В контексте анализируемой статьи выражение «человек нетрадиционной ориентации в плане секса» употреблено в значении «человек (Михаил Меню) — гомосексуалист».

* * *

По данному делу была назначена комплексная экспертиза. Далее приводим текст научно-консультативного заключения сексологической ассоциации «Культура и здоровье».

* * *

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ сексологической ассоциации «Культура и здоровье»

**Сексологическая ассоциация
«КУЛЬТУРА И ЗДОРОВЬЕ»**

129164, Москва, ул. М. Московская, 4. Тел.: 283-21-94

06 марта 2000 года

г. Москва

Научно-консультативное заключение

Комиссия Экспертного совета сексологической ассоциации «Культура и здоровье» в составе: председателя *Агаркова С.Т.* — сексолога, члена-корреспондента Международной академии информатизации и членов:

Юрикова Ю.Б. — филолога-литературоведа, члена Союза писателей;

Синельниковой Н.А. — филолога, кандидата искусствоведения, начальника аналитического отдела Главного вычислительного центра Министерства культуры РФ;

Дьяченко А.П. — доктора юридических наук, профессора, члена Научно-консультативного совета Верховного суда РФ;

Васильченко Г.С. — доктора медицинских наук, профессора, руководителя Федерального научно-методического центра медицинской сексологии сексопатологии;

Игнатова А.Н. — доктора юридических наук, профессора, члена научно-консультативного совета Верховного суда РФ;

Кибрика И.Д. — доктора медицинских наук, руководителя отделения сексопатологии Государственного научного предприятия Московского НИИ психиатрии;

при участии секретаря комиссии *Курьшевой Н.Н.* — главного врача муниципального лечебно-диагностического центра «Медицина и репродукция» на заседании от 02 марта 2000 года провела комплексное исследование и дала правовую квалификацию материалов уголовного дела № 21221, возбужденного прокуратурой г. Химки 03.02.2000г. по признакам ст. 129 УК РФ. На основании изучения содержания статьи «Рванш» в газете «Химкинские новости» № 2 (558) от 12 января 2000 года комиссия пришла к следующему заключению:

Упомянутая статья посвящена итогам губернаторских выборов в Подмосковье. Автор статьи М. Бекетов негативно-саркастически высказывается о результатах губернаторских выборов и сетует, что в нынешнем составе власть окажется неспособной проводить в области политику, отражающую интересы жителей Подмосковья. В качестве одного из аргументов автор ссылается на то, что вице-губернатор Михаил Мень известен «...как человек нетрадиционной ориентации в плане секса». При этом автор явно придает данному выражению негативный контекст и апеллирует к избирателям пожилого возраста («...бабушки и дедушки...»), среди которых отношение к любым проявлениям нетрадиционных сексуальных ориентаций крайне отрицательное. То, что автор статьи ссылается на слухи о нетрадиционных сексуальных ориентациях вице-губернатора, по существу является попыткой избежать личной ответственности за распространение данной информации. Само по себе выражение «нетрадиционная ориентация в плане секса» означает отклонение от естественной направленности полового влечения на соответствующих по возрасту лиц противоположного пола, то есть является синонимом медицинского термина «половое извращение». В быту подобное выражение наиболее часто используется по отношению к лицам с гомосексуальной ориентацией полового влечения. Имеющееся в тексте упоминание о том, что М.А. Мень является сыном священнослужителя, косвенно усиливает негативное воздействие информации о его нетрадиционных сексуальных ориентациях. Кроме того, негативное высказывание о представителях нетрадиционных сексуальных ориентаций непосредственно ущемляет их гражданские пра-

ва. Распространение подобной информации в отношении публично-го политика, а ныне крупного государственного чиновника, каковым является М.А. Мень, способно подорвать доверие к нему у консервативно настроенной и отличающейся нетерпимостью к нетрадиционным проявлениям сексуальности группы населения.

Таким образом, своей публикацией статьи «Реванш» в газете «Химкинские новости» автор М. Бекетов нарушает ряд статей Закона РФ о средствах массовой информации:

— статью 4, не допускающую использование СМИ в целях разжигания национальной, классовой, социальной и религиозной нетерпимости или розни;

— статью 51, не допускающую злоупотребление правами журналиста на распространение информации с целью опорочить гражданина исключительно по признакам пола и полового влечения, в частности;

— статью 49, обязывающую журналиста проверять достоверность сообщаемой им информации;

— статью 43, обязывающую редакцию СМИ в конкретные сроки и в том же издании опровергать распространенные ею сведения, если она не располагает доказательствами того, что эти сведения соответствуют действительности.

Подобные действия автора статьи М.Бекетова являются достаточным основанием для предъявления ему иска о защите чести, достоинства и деловой репутации в соответствии со ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Председатель комиссии

(подпись) С.Т. Агарков

Секретарь

(подпись) Н.Н. Курышева

Экспертиза 19

«ИНСТРУМЕНТ СЛЕСАРЯ ШАНДЫБИНА»

Газета «Комсомольская правда», 12.06.2000

- **Основание для проведения исследования:** запрос начальника Управления по организации дознания Главного управления внутренних дел г. Москвы Н.Г. Храмова от 06.07.2000 в ИРЯ РАН.
- **Эксперт:** И.Б. Левонтина.

Вопросы:

1. Имеются ли в указанной статье фразы и выражения неприличной формы; если да, то какие конкретно и в чей адрес?

2. Имеются ли в статье фразы и выражения, которые могут быть расценены как унижающие честь и достоинство лица, о котором идет речь?

3. Содержатся ли в статье выводы автора, обвиняющие Шандыби-на В.И. в совершении деяний, противоречащих нормам морали и нравственности; несут ли эти выводы утвердительный или предположительный характер?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Ваше обращение от 05 июля 2000 г. отвечаю следующее.

Сатирическая статья «Инструмент слесаря Шандыбина», опубликованная в газете «Комсомольская правда», содержит высказывания, в которых негативно оцениваются некоторые особенности поведения депутата В.И. Шандыбина. Нет, однако, оснований считать, что она содержит ложные утверждения о Шандыбине или оскорбления в его адрес.

Основная часть статьи посвящена бытующим в Брянске слухам о пристрастии Шандыбина к женщинам и его похождениях в бытность председателем цехкома. При этом автор многократно подчеркивает, что речь идет всего лишь о слухах: *говорят, будто..., недоброжелатели утверждают..., трудно отделить правду от вымысла..., говорят..., по слухам...* и т.п. Следует также учитывать, что текст построен на комическом преувеличении (так называемом гротеске), поэтому читатель не склонен понимать все сказанное буквально.

Кроме того, в статье делаются утверждения о фактах, в которых проявилась грубость депутата Шандыбина по отношению к коллегам по депутатскому корпусу. Однако эти факты (оскорбления в адрес Л. Слиски, боксерская стойка в ходе парламентской дискуссии) широко известны и не нуждаются в подтверждении, поскольку вся страна наблюдала все это по телевидению.

В статье есть единственное утверждение о том, что Шандыбин совершил деяние, противоречащее нормам морали, которое может оказаться ложным. В финале статьи говорится: «Когда Шандыбин громче всех требовал отмены льгот и привилегий, вдруг обнаружилось, что сам сноровистый пролетарий еще несколько лет назад успел не только отхватить для себя бесплатную квартиру в Митине, но и незаметно ее приватизировать...» Если в действительности Шандыбин не получал или не приватизировал бесплатную квартиру в Москве, то можно ставить вопрос о распространении ложной негативной информации о нем.

В случае необходимости может быть проведен более подробный лингвостилистический анализ данной публикации.

Экспертиза 20

Заметка «НИИ МИНОБОРОНЫ РАСТРАНЖИРИЛ БЮДЖЕТНЫЕ ДЕНЬГИ»

Газета «Коммерсантъ», 06.05.2000

- **Основание для проведения исследования:** запрос Российской инженерной академии в ИРЯ РАН от 22.06.2000.
- **Эксперт:** И.Б. Левонтина

Вопросы

1. Содержит ли публикация (заметка) в газете «Коммерсантъ» № 80 от 06 мая 2000 года, с. 8, «НИИ Минобороны растранирил бюджетные деньги» информацию о деловой репутации некоммерческой организации «Секция «Инженерные проблемы стабильности и конверсии» Российской инженерной академии» (СИП РИА)?

2. Если содержится отрицательная информация о деловой репутации СИП РИА, то в какой форме (утверждения, предположения или иной)?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На Ваше обращение от 20 июня 2000 г. отвечаю следующее.

Вы просите разъяснить, содержит ли заметка «НИИ Минобороны растранирил бюджетные деньги», опубликованная в газете «Коммерсантъ» № 80 от 06 мая 2000 г., негативную информацию о СИП РИА и если содержит, то в какой форме.

Заметка посвящена деятельности ЦНИИ Минобороны и СИП РИА. В ней, в частности, содержится следующий фрагмент: «На деле же после заключения договоров с СИП РИА работы выполняли именно офицеры и служащие ЦНИИ, используя технику, помещения и интеллектуальные наработки ведомственного института. В результате этих махинаций Минобороны РФ был нанесен ущерб: СИП РИА присвоила не менее 71,5 млн рублей».

Итак, утверждается, что имели место следующие факты:

- 1) Работы по договорам с СИП выполняли сотрудники ЦНИИ (были ли они при этом сотрудниками СИП, не обсуждается);
- 2) СИП пользовалась площадями и техникой ЦНИИ (не сообщается, на законном основании или нет);
- 3) СИП использовала «интеллектуальные наработки» ЦНИИ.

Первые два факта, во всяком случае, могут быть проверены.

Далее, указанная деятельность интерпретируется как махинации и присвоение бюджетных денег. Оба слова указывают на незаконный, жульни-

ческий характер деятельности СИП. Таким образом, утверждается, что СИП использовала труд сотрудников, помещения и технику ЦНИИ не на законном основании. Это также может быть проверено.

Наконец, делается вывод о том, что СИП нанесла Минобороны *ущерб*. Его обоснованность зависит от того, соответствует ли действительности все предшествующее.

Таким образом, можно заключить, что заметка содержит негативную информацию о СИП РИА. Эта информация частью представлена в утверждениях об имевших или якобы имевших место фактах, частью представляет собой интерпретацию этих фактов. Однако необходимо обратить внимание на следующее.

Заметка начинается с предложения: «В ходе проверки 4-го Центрального научно-исследовательского института Минобороны сотрудники Главной военной прокуратуры обнаружили серьезные нарушения, допущенные при расходовании бюджетных средств...» Таким образом, хотя в дальнейшем тексте заметки и нет оговорки типа «по мнению Прокуратуры», все ее содержание подается как изложение итогов работы Военной прокуратуры: *Руководство ЦНИИ... отказывалось...; На деле... работы выполняли...* и т.д. Вместе с тем остается неясным, насколько точно автор воспроизводит выводы Прокуратуры, в частности, кто оценивает деятельность РИА как *махинации и присвоение бюджетных денег*: Прокуратура или автор статьи. Однако в целом можно утверждать, что, даже в случае, если интерпретация приведенных фактов принадлежит автору, в том, что касается достоверности самих фактов, автор ссылается на Прокуратуру. Если в действительности результаты прокурорской проверки указанных фактов не выявили (или если, например, такая проверка вообще не имела места), то следует признать, что автор распространил ложную информацию. Если же публикация адекватно отражает результаты прокурорской проверки, то автор не несет ответственности за их объективность.

ВЫВОДЫ. Негативная информация о СИП РИА представлена в заметке как изложение результатов прокурорской проверки. Поэтому:

а) Если неверно, что такая проверка состоялась и что в результате ее было выявлено, что СИП РИА на незаконных основаниях использовала помещения, технику и труд сотрудников ЦНИИ, то следует признать, что автор заметки, во-первых, распространил ложную информацию о деятельности Военной прокуратуры и, во-вторых, распространил негативную информацию о СИП РИА, за истинность которой он сам несет ответственность. Если эта информация не соответствует действительности (т.е. если СИП не использовала ресурсы ЦНИИ или использовала их на законном основании), то следует признать, что автор заметки распространил ложную негативную информацию о СИП РИА, порочащую деловую репутацию последней.

б) Если верно, что такая проверка состоялась и что в результате ее было выявлено, что СИП РИА на незаконных основаниях использовала помещения, технику и труд сотрудников ЦНИИ, то следует признать, то автор заметки лишь пересказывает результаты проверки, независимо от того, соответствуют ли они действительности сами по себе.

* * *

Предмет разбирательства в данном случае — редакционная заметка, опубликованная как сообщение информационного агентства.

Экспертиза 21

АВТОРСКАЯ ПЕРЕДАЧА С. ДОРЕНКО НА ОРТ

07.11.1999

• **Основание для проведения исследования:** определение федерального судьи Останкинского межмуниципального суда г. Москвы Н.В. Малыхиной от 28.02.2000.

• **Эксперты:** А.Н. Баранов, Л.П. Крысин, И.Б. Левонтина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Москва

08.04.2000

Комиссия экспертов в составе научных сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук: заместителя директора главного научного сотрудника доктора филологических наук Л.П. Крысина (стаж работы по специальности — 40 лет), заведующего отделом экспериментальной лексикографии доктора филологических наук профессора А.Н. Баранова (стаж работы по специальности — 20 лет), научного сотрудника кандидата филологических наук И.Б. Левонтиной (стаж работы по специальности — 15 лет) на основании Определения федерального судьи Останкинского районного суда г. Москвы Н.В. Малыхиной от 28 февраля 2000 г. подготовила настоящее экспертное заключение.

Эксперты предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ от дачи заключения.

1. (подпись) А.Н. Баранов. 2. (подпись) Л.П. Крысин. 3. (подпись) И.Б. Левонтина

Экспертиза начата «03» марта 2000 г.

Экспертиза окончена «08» апреля 2000 г.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

1. Гражданское дело по исковому заявлению Лужкова Юрия Михайловича к ЗАО «ОРТ», к Доренко Сергею Леонидовичу о защите чести и достоинства и деловой репутации, о взыскании компенсации морального вреда;
2. Видеокассета с записью передачи Доренко от 07.11.1999;
3. Определение федерального судьи Останкинского районного суда г. Москвы Н.В.Малыхиной от 28 февраля 2000 г.

Описание материалов, предоставленных экспертам.

Материалы переданного в ИРЯ РАН гражданского дела содержат 54 страницы (пронумерованы). Эксперты, исследовав материалы дела, установили, что в Деле имеются две стенограммы передачи С.Л.Доренко от 07.11.1999; первая стенограмма-расшифровка под заголовком «Полный текст «Авторской программы Доренко», 7 ноября, ОРТ, 21.00» — с. 34–38 Дела; вторая под заголовком «РАСШИФРОВКА фрагмента программы С.Доренко от 7 ноября 1999 г.» — с. 45–46 Дела.

Ни одна из имеющихся в деле расшифровок не является полной расшифровкой всей передачи Доренко от 07.11.1999 г. Как первая, так и вторая включают расшифровку сюжетов, связанных с деятельностью Ю.М. Лужкова.

Видеокассета содержит запись всей программы С.Л. Доренко от 07.11.1999.

При подготовке заключения эксперты руководствовались следующим:

Клевета — это распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица и подрывающих его репутацию. (Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. — М.: Права человека, 1997).

Сведения — это тексты, содержащие описание (и оценку) тех или иных событий или их отдельных компонентов. Они могут быть фактологическими и оценочными, истинными и ложными. Ложность распространяемых каким-либо лицом сведений может быть заранее известной этому лицу, и в таком случае эти сведения квалифицируются как заведомо ложные.

Оскорбление — это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. В отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость или ложность сведений, распространяемых при оскорблении, значения не имеет.

В практике принято выделять определенные разряды слов литературного и разговорного языка, использование которых в отношении определенного лица (прежде всего, физического), как правило, является оскорбительным.

Это:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, ханнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*. (ср.: *Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности...*, с. 27, 29–30).

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование в качестве характеристик лица нецензурных слов.

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

Перед экспертами были поставлены следующие вопросы:

1. Как формируется и излагается мнение (как понятие)?

Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанным на фактах. Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая факты действительности, или бессознательно, не отдавая себе отчета в том, почему он так считает.

Изложение мнения, в отличие от высказывания о фактах, предполагает **явное указание** на носителя мнения. Например, высказывание *Петров опоздал* представляет собой констатацию факта, в то время как высказывания *(1) Я думаю, что Петров опоздал* или *(2) Как полагает директор, Петров опоздал* выражают мнение (в первом случае это мнение самого говорящего, во втором — мнение директора).

2. Может ли мнение нести информацию?

Если человек высказывает свое мнение, то это высказывание несет только информацию о том, какой образ действительности имеется у него в сознании, но не информацию о самой действительности. Следует, однако, учесть, что в высказывания-мнения вставляются (иногда замаскированные) утверждения о фактах. Например, в высказывании *Я считаю, что Иван поступил нечестно, отказавшись участвовать в выборах*, содержится оценоч-

ное суждение. Однако внутри него делается ссылка на якобы имевший место факт *Иван отказался участвовать в выборах*, истинность которого не обсуждается в силу его общеизвестности или очевидности.

3. Можно ли расценить выступление С.Л. Доренко как высказывание мнений и суждений, основанных на информации?

В тексте передачи С.Л. Доренко представлены как утверждения о имевших (или якобы имевших) место фактах, так и высказывания, содержащие интерпретации этих фактов, оценки, выводы и предположения. (См. также ответ на вопрос 4.)

4. Какие фразы, слова, выражения и пр. подтверждают тот факт, что ведущий С.Л. Доренко высказал в телепередаче от 7 ноября 1999 г. свое мнение?

В оспариваемом фрагменте, посвященном восстановлению больницы в Буденновске, практически нет указаний на то, что речь может идти о мнениях или предположениях, а не об установленных фактах. К таковым можно с большой долей условности отнести оборот *получилось, что (Лужков просто обобрал Ставрополье)*, а также до некоторой степени рассуждения о возможностях и о том, что произойдет в будущем, просто потому, что никакое представление о будущем не может считаться знанием в полном смысле слова: *почему бы ему не повторить то же самое со мной? и он оберет их еще раз. Это как пытаться отыгаться у наперсточника.*

В выступлении С. Доренко от 07.11.1999 г. указания на мнения или предположения присутствуют в следующих фрагментах: *Вполне вероятно, что, договариваясь со своими левыми союзниками в Киеве, Лужков имел в виду именно мирный вариант решения вопроса. Падение Лужкова, как мне представляется, не случайно... Такое же впечатление о неискренности создает громкая пропагандистская акция Лужкова...* В остальных же случаях выступление построено как обсуждение фактов, истинность которых считается доказанной.

5. Содержит ли текст выступления С.Л. Доренко от 7 ноября 1999 г. утверждения, негативно оценивающие честь, достоинство и деловую репутацию Ю.М. Лужкова, при его комментариях, связанных с восстановлением больницы в г. Буденновске Ставропольского края? Если данная информация содержится, то в какой форме: утвердительной, предположительной или в какой-нибудь другой форме?

6. Содержат ли рассуждения С.Л. Доренко от 7 ноября 1999 г. в вышеуказанном комментарии негативную информацию о Ю.М. Лужкове (прямо или косвенно)?

Текст выступления содержит негативную информацию о Лужкове, которая представлена в рассматриваемом фрагменте в различных формах. По большей части это утверждения об имевших (или якобы имевших) место фактах, например:

Это были не деньги Москвы (ср. выше: Мэр Москвы приезжал в Ставрополье, чтобы подарить местным жителям восстановленную за деньги Москвы районную больницу);

Лужков за всю помощь, оказанную Буденновску, выставил счет Ставропольскому краю;

Лужков безо всякого спроса у ставропольцев забрал деньги в Министерстве финансов;

навязал им... стройку силами московских строителей;

истратил 42 миллиона долларов;

потребовал чувствовать себя как благодетеля, а потом прибрал деньги.

Все это прямые утверждения, которые могут быть проверены. Эти фразы негативно характеризуют Лужкова: он действует вопреки воле своих контрагентов: *навязал* (немыслимо дорогую стройку); *требует* чувствовать себя как благодетеля, а на самом деле он таковым не является (по-скольку *обобрал* заказчиков); он нечист на руку (*прибрал* деньги).

В следующей фразе: *если они позволят Лужкову вернуть им деньги путем строительства храма, то он их оберет еще раз. Это как пытаться отыгаться у наперсточника*, — Доренко высказывает ни на чем не основанное мнение о дальнейших негативно оцениваемых им шагах московского мэра (...*оберет их еще раз*). Кроме того, здесь содержится обидное по отношению к Лужкову сравнение его прогнозируемых действий с действиями наперсточника.

В дальнейших рассуждениях С.Л. Доренко его вывод (*Получилось что...*) о том, что Лужков обобрал Ставрополье, подается как утверждение об имевшем месте факте и делается предположение, что Лужков и Доренко сможет обработать: *Если у него получилось со Ставропольем с сотнями тысяч наших соотечественников, то почему ему не повторить то же самое со мной?*

Другие фрагменты предоставленного в распоряжение экспертов текста также содержат оценки, мнения, подозрения С.Л. Доренко, не основанные на строго документированных фактах. Так, в следующем фрагменте высказывается подозрение о единстве интересов, с одной стороны, лужковско-примаковского блока и, с другой, — чеченских террористов:

Все это позволяет заподозрить скоординированную работу террористов, властей Ингушетии и лужковско-примаковской пропагандистской машины. Я не стал бы утверждать, что всех их объединяют общие денежные интересы. Но, и это вполне очевидно, что у лужковско-примаковского блока и у террористов на территории Чечни сегодня один и тот же враг. Этот враг — российское правительство. Только при ослаблении российского правительства террористы смогут восстановить свой контроль над Чечней. И только при поражении российского правительства лужковско-примаковское «Отечество» минус «Вся Россия» сможет получить контроль над Россией.

Особо отметим ключевое слово *обобрать*, которое имеет значение «обманом отнять все имущество, деньги у кого-нибудь; разорить». Это слово, несомненно, относится к одной из групп лексики, употребление которой «в отношении определенного лица (прежде всего, физического),

как правило, является оскорбительным... 5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать*, *ханнуть* (см. приведенные в начале экспертного заключения общие положения).

7. Являются ли рассуждения С.Л. Доренко логически последовательными, построенными на интервью с первым заместителем председателя правительства Ставропольского края? Дословно ли полностью С.Л. Доренко в авторской программе воспроизводит фрагмент выступления в интервью первого заместителя председателя правительства Ставропольского края, и имеются ли отличительные особенности этих выступлений, и в чем они выражены?

С.Л. Доренко не воспроизводит выступление Хорунжего дословно, а интерпретирует это выступление, причем отступая от его непосредственного содержания. Так, в выступлении Хорунжего нигде не утверждается, что именно Лужков «безо всякого спроса у ставропольцев забрал деньги в Министерстве финансов». Хорунжий не утверждает, что «Лужков просто обобрал Ставрополье».

Из этих примеров видно, что интерпретация С. Доренко слов Хорунжего направлена против Ю. Лужкова.

Для зрителя рассуждения Доренко не являются построенными на интервью Хорунжего, поскольку линейное развертывание сюжета не таково: Доренко сначала излагает историю восстановления больницы, подавая материал так, как будто речь идет о доказанных фактах и нигде не предупреждая о том, что он основывается на словах Хорунжего, которые будут приведены. И лишь потом, как бы в подтверждение уже доказанного, приводятся фрагменты интервью.

8. Объединены ли сюжеты, касающиеся Ю.М. Лужкова, в передаче от 7 ноября 1999 г. общей смысловой направленностью, какова она?

Все сюжеты, касающиеся Ю.М. Лужкова, в передаче С.Л. Доренко от 07.11.1999, объединены ведущим С.Л. Доренко общей негативной оценкой действий Ю.М. Лужкова, эта оценка направлена на дискредитацию его политических, деловых и личных качеств.

9. Подтверждает ли лингво-стилистический анализ текста, что в передаче от 7 ноября 1999 г. содержатся сведения (информация) о нарушении Ю.М. Лужковым действующего законодательства, моральных норм и принципов?

Проанализированные материалы свидетельствуют, что Лужкову приписывается нарушение моральных норм (ложь, обман) и, возможно, некоторых законов (обвинения в махинациях со строительством больницы в Буденновске). Однако, как показывает лингвистический анализ языковых средств, с помощью которых Доренко формирует свои обвинения Лужкову, утверждения о подобных нарушениях он основывает на собственных мнениях и оценках, не ссылаясь на необходимые документальные подтверждения.

10. Можно ли толковать выступление С.Л. Доренко от 7 ноября 1999 г. по восстановлению больницы в г. Буденновске по речевому построению как

изложение фактов, либо мнение о фактах, либо общие рассуждения безотносительно фактов?

Фрагмент выступления С.Л. Доренко, касающийся строительства больницы в Буденновске, имеет форму сообщения о факте, который имел место: строительство больницы, а также оценки этого факта и сопровождавших его действий Ю.М. Лужкова — без документальных обоснований этой оценки.

11. Можно ли рассматривать оспариваемый фрагмент выступления как направленный на унижение чести, достоинства и деловой репутации гражданина и ответственного должностного лица?

Оспариваемый фрагмент выступления С.Л. Доренко экспертиза рассматривает как речевые действия, направленные на унижение чести, достоинства и деловой репутации Ю.М. Лужкова.

Экспертиза 22

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РОССИИ В ГОСДУМУ

04.06.2000

- Основание для проведения исследования: запрос заместителя председателя Савеловского межмуниципального суда г. Москвы Н.А. Николаевой в ИРЯ РАН от 22.12.2000.

- Эксперты: Л.Ю. Иванов, Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед специалистами института поставлены следующие вопросы:

1. Содержит ли фраза *«Преступная деятельность Гусинского, направленная на завладение объектом федеральной собственности, подтверждена объективными доказательствами: показаниями свидетелей, документами, заключениями экспертов и другими материалами дела»* утверждение о том, что Гусинский В.А. — преступник.

2. При изучении и оценке заметки в газете «Комсомольская правда» и в письме заместителя генерального прокурора России в адрес Госдумы от 04.07.2000 г. вытекает ли из вышеназванной фразы утверждение о том, что Гусинский В. А. — преступник.

Вопрос 1

Фраза (высказывание, предложение) *«Преступная деятельность Гусинского, направленная на завладение объектом федеральной собственности, подтверждена объективными доказательствами: показаниями свиде-*

телей, документами, заключениями экспертиз и другими материалами дела» содержит утверждение о том, что преступная деятельность Гусинского *подтверждена*. Это утверждение дано в открытой словесной (вербальной) форме¹, в виде отдельного высказывания, при этом новая информация дана в предикативной части высказывания — в данном случае это логическое сказуемое *подтверждена* (выражено кратким страдательным причастием в прошедшем времени). Как нечто известное (то есть в скрытой словесной форме) дана информация (сведения) о том, что *подтверждена преступная деятельность Гусинского*. Эта информация (сведения) содержится в группе подлежащего — *преступная деятельность Гусинского*.

Согласно толковым словарям русского языка слово *преступный* имеет следующие значения: 1. Содержащий преступление, являющийся преступлением. *Преступные деяния. Преступные планы агрессоров. Преступная небрежность*. 2. Совершающий преступления. *Преступная шайка. Преступная личность* (см: С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 585). При употреблении этого слова в специальных текстах (законодательных) его значение конкретизируется понятийно (то есть с точки зрения юридической преступная деятельность имеет ряд признаков), но так как слово *преступный* относится к общеупотребительной лексике, то все носители русского языка понимают его вне таких специальных текстов одинаково (так, как оно истолковано в словаре).

Слово *преступник* в прямом значении определяется толковыми словарями русского языка так: 1. Тот, кто совершил преступление. *Уголовный преступник. Стать преступником* (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998). Если сопоставить определения *преступный* (1) и *преступник*, видно, что преступная деятельность представляет собой деятельность, содержащую преступления. Тот же, кто занимается деятельностью, содержащей преступления, является преступником.

Таким образом, словосочетание *преступная деятельность* синонимично словосочетанию *деятельность преступника*². В анализируемой фразе утверждается, что такая (преступная) деятельность (= деятельность преступника) *подтверждена*.

Итак: во фразе «*Преступная деятельность Гусинского, направленная на завладение объектом федеральной собственности, подтверждена объективными доказательствами: показаниями свидетелей, документами, заключениями экспертиз и другими материалами дела*» информация о преступной деятельности Гусинского (= деятельности преступника Гусинского) дана

¹ О форме выражения сведений см., например: Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997, с. 37–31.

² О синонимии прилагательных и косвенных падежей существительных см., например: Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994, с. 226–228.

как нечто известное — об этом сообщается, что такая деятельность подтверждена.

Вопрос 2

На основании сказанного выше при изучении и оценке заметки в газете «Комсомольская правда» и в письме заместителя Генерального прокурора России в адрес Госдумы от 04.07.2000 г. вышеназванная фраза понимается как утверждение о том, что деятельность Гусинского В.А. имеет преступный характер и, следовательно, он преступник.

Экспертиза 23

Телевизионная передача ГТРК «Алтай», 02.08.1999

- **Основание для проведения исследования:** определение Центрального районного суда г. Барнаула от 2 марта 2000 г.
- **Эксперты:** Н.Д. Голев, В.А. Пищальникова.
- **Оспариваемый фрагмент:** см. Приложение к этой экспертизе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по гражданскому делу по иску Рыжкова Владимира Александровича к Даниловой Нине Петровне о защите деловой репутации и возмещении морального вреда

Нам, доктору филологических наук, профессору кафедры общего и исторического языкознания Алтайского госуниверситета Пищальниковой Вере Анатольевне, имеющей высшее юридическое образование и опыт проведения судебных лингвистических экспертиз, и доктору филологических наук профессору кафедры современного русского языка Алтайского госуниверситета Голеву Николаю Даниловичу, имеющему опыт теоретических и практических исследований в области юридической лингвистики, разъяснены права и обязанности по ст. 75-77 ГПК РФ.

Об ответственности за дачу заведомого ложного заключения по ст.307 УК РФ предупреждены.

15 мая 2000 г.

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Является ли вопрос ведущего многосложным?
2. Какое утверждение следует из ответа Н.П. Даниловой на вопрос ведущего?

Объект экспертизы: магнитная запись телевизионной передачи ГТРК «Ал-тай» «Говорят депутаты Государственной Думы», сделанной 2 августа 1999 г.

Средства и методы экспертизы: данные нормативных словарей, справочников, специальной лингвистической литературы и психолингвистический эксперимент.

На основании проведенной нами экспертизы заключаем следующее.

Вопрос 1

По поводу вопроса суда «*Является ли вопрос ведущего многосложным?*» считаем необходимым предварительно отметить следующее.

Термин *многосложный* в лингвистике отсутствует, что подтверждается данными словарей лингвистических терминов (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998; О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Д.Э. Розенталь, М.Н. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976 и др.) Значения слова *многосложный*, отмеченного в толковых словарях русского языка, отражающих языковую практику носителей русского языка, таковы: «Многосложный (1), -ая, -ое. Состоящий из нескольких слогов. *Многосложное слово*. Многосложный², -ая, -ое, -жен, -жна (устар. и иронич.). Очень сложный. *Многосложные обязанности...* (С.И. Ожегов. Словарь русского языка. 11-е изд., стер. М., 1975, с. 326.); «Многосложный (1), -ая, -ое. Состоящий из нескольких или многих слогов (о слове, стихотворном размере). Многосложный (2), -ая, -ое, -жен, -жна, -жно. Очень сложный. *Характер (Гоголя) был так многосложен, что еще в ранней молодости уже казался загадочным*. Чернышевский. Сочинения и письма Н.В. Гоголя. *Для нас тогда еще стремлением, Видением, почти мечтой, Был новый мир, открытый Лениным, Мир многосложный и простой*. Жаров. Счастливы путь». (Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2, с. 283.); «Многосложный (1), -ая, -ое. Состоящий из нескольких слогов. *Многосложное слово...* Многосложный (2), -ая, -ое, -жен, -жна (устар. и иронич.). Очень сложный. *...Многосложные обязанности...* (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1995, с. 352). Анализ контекста употребления не позволяет увидеть в вопросе суда ни одного из указанных в словарях значений слова *многосложный*: ни приведенного выше устаревшего и иронического смысла, ни смысла «состоящий из нескольких слогов» в вопросе суда не представлено. Таким образом, употребление слова *многосложный* в вопросе суда является не соответствующим нормам русского языка контекстуальным новообразованием. Если исходить из контекста и ситуации, представленных в материалах дела, то можно предположить, что вопрос суда содержит следующий смысл: «Является ли вопрос ведущего состоящим из нескольких самостоятельных в смысловом отношении вопросов или это единый, цельный в смысловом отношении вопрос?». Приняв такое толкование, заключаем далее.

1. С **формально-логической** точки зрения вопрос разделяется на два смысловых ядра «августовский обвал является особо значимой причиной минусов нашей жизни» и «августовский обвал планировала правительственная комиссия». Остальные речевые компоненты в смысловом отношении выполняют вспомогательные функции по отношению к этим двум смысловым центрам. Таким образом, с формально-логической точки зрения вопрос ведущего **может быть признан имеющим два смысловых компонента**.

2. С **содержательной** точки зрения оба выделенных смысловых центра не исключают их причинно-следственной связи, и в этом случае они представляют собой единый смысл. В высказывании ведущего в силу специфики жанра высказывания (интервью) нет **формальных** показателей такой связи (слов, выражающих причинно-следственную связь: *потому (и), поэтому, значит, следовательно, стало быть, итак, таким образом*), тем не менее содержательно они предполагаются ведущим, который стремится актуализировать эту причинно-следственную связь и в сознании собеседника, и (опосредованно) в восприятии телезрителей. Для ведущего причинно-следственная связь выделенных смысловых центров очевидна, и он не считает нужным обосновывать и выражать ее специально. Это подтверждает и ответ Н.П. Даниловой. Поскольку у Н.П. Даниловой не возникло потребности уточнить вопрос (по типу «Что вы имеете в виду?»), очевидно, что Н.П. Данилова восприняла а) причинно-следственную связь смысловых компонентов однозначно; б) своим ответом подтвердила тезис ведущего, сказав следующее «августовский план и... обвал планировала некая правительственная комиссия». Таким образом, с **содержательной точки зрения**, более адекватно отражающей суть высказывания, следует ответить на первый вопрос суда отрицательно: «Нет, вопрос является цельным в смысловом отношении, и в качестве такового он функционировал в диалоге ведущего с Н.П. Даниловой».

Вопрос 2

По синтаксическим нормам русского языка заключительный вопрос ведущего «*Так ли это?*», равно как и ответ Н.П. Даниловой «Да, вы знаете, это совершенно так», нельзя отнести ни к какому отдельному предложению анализируемого текста. Вопрос ведущего и ответ Н.П. Даниловой относятся а) в первую очередь к тезису «*И по некоторым данным... обвал планировала некая правительственная комиссия РФ, то есть проводя стратегию эту, скрытую стратегию в жизнь*» и б) — во вторую очередь — к совокупности речевых компонентов, связанных причинно-следственными связями, в том числе компонентов, предшествующих вопросу ведущего «*Так ли это?*». Исследование представленных материалов с целью ответа на вопрос суда «Какое утверждение следует из ответа Н.П. Даниловой на вопрос ведущего?» привело к следующим выводам:

1. В силу наличия в вопросе смысловой целостности, объединяющей ряд предложений, нормы русского языка предполагают отнесенность ответного утверждения Н.П. Даниловой ко всем тезисам вопроса без исключения. Если отвечающий не согласен с чем-то или согласен лишь с чем-то одним в вопросе, по нормам русского языка он обязан это оговорить. Ответ Н.П. Даниловой не содержит таких оговорок, и это означает, что она подтверждает все смысловые компоненты вопроса ведущего в их отдельности и в их целостности.

2. Смысловое единство высказывания ведущего подтверждается и характером паузации его речи. В звучащей речи ведущего нет пауз, значительно отличающихся друг от друга, что не позволяет выделить в речи отдельные предложения, за исключением вопросительных конструкций. Формально-логическое членение по количеству предикативных центров результата не дает, поскольку сложные предложения могут включать несколько предикативных центров.

3. Объективный смысл высказывания, актуализирующийся в сознании слушателей передачи — рядовых носителей русского языка, напрямую зависит от сложившихся, общепринятых языковых норм. Поэтому из высказывания Н.П. Даниловой объективно вытекает, что утверждение *«Да, Вы знаете, это совершенно так»* относится непосредственно к части высказывания *«И по некоторым данным план и... обвал планировала некая правительственная комиссия РФ, то есть проводя стратегию эту, скрытую стратегию в жизнь»* и опосредованно — к предшествующим предложениям. Именно этот смысл воспринят слушателями телепередачи.

Объективность такого понимания представленного на экспертизу речевого произведения подтверждают результаты проведенного эксперимента: из 120 реципиентов, анализировавших экспертируемое речевое произведение, 112 понимают его именно так.

Общий вывод: формально-логический и содержательный анализ представленного речевого произведения позволяет сделать заключение: в любом случае ответ Н.П. Даниловой является утверждением о том, что обвал планировала некая правительственная комиссия РФ, проводя скрытую стратегию в жизнь.

* * *

Депутату Государственной Думы РФ Рыжкову В.А.

На Ваш запрос сообщая, что 02.08.1999 г. с 19.40 до 20.10 в эфире ГТРК «Алтай» была показана передача «Говорят депутаты Государственной Думы». Нижеизложенное представляет собой стенограмму фрагмента указанной передачи, что подтверждает наличие данных высказываний в эфире:

Вопрос ведущего: «Нина Петровна, очевидно к Вам у меня будет следующий вопрос. Часто говорим о том, имея в виду минусы нашей жизни, что большое действие оказал обвал августовский прошлого года. В скором времени мы будем, если взять в кавычки слово «юбилей», отмечать этот черный день. И по некоторым данным, обвал планировала некая правительственная комиссия РФ, то есть проводя стратегию эту, скрытую стратегию в жизнь. Так ли это?».

Данилова Н.П.: «Да. Вы знаете, это совершенно так. Совет Федерации, вот материалы по этому обвалу, будем уже годовщину отмечать этого черного обвала, когда за одну ночь потеряли люди полностью бюджет страны — 300 миллиардов рублей, это ВВП, продукции, в общем-то, мы просто недополучили. Вот. Совет Федерации проверил все и (фамилия неразборчиво) докладывал на Совете Федерации. Так вот, эта комиссия, она была создана по экономической реформе. Состав комиссии, которая готовила с 10 июля по 17 августа. Вот здесь все: Немцов, Гайдар, Хакамада, Борис Федоров, Сысуев и т.д., в том числе и представитель от «Нашего дома — России» господин Рыжков...».

Вопрос ведущего: «А это все подтверждено?»

Данилова Н.П.: «А какой документ нужен, если вот комиссия по экономической реформе? А 17-го эта экономическая реформа закончилась полным дефолтом. Какой документ подтверждать должен? А результаты этой работы, вы знаете что... Результаты этой работы подвел Лужков на встрече с иностранными инвесторами. Он сказал: «Господа, у нас ни один из Вас не пострадал во время обвала рубля». Потому что 14 числа они вытащили все свои инвестиции, а после 17-го они в 3 раза стали богаче. В 3 раза же вырос курс доллара. Они снова вложили и получили... Но национальные интересы этой политикой были ущемлены и очень серьезно».

Генеральный директор ГТРК «Алтай»

Н.С. Пастернак

Экспертиза 24

А. Ореховский

«ЖИВИЛО ГОВОРИЛ О ПРОБЛЕМАХ КМК И ТУЛЕЕВЕ»

Газета «Кузнецкий край», 17.07.1999

• **Основание для проведения исследования:** постановление Центрального районного суда г. Кемерово по материалам дела № 2-8854/99 по иску Тулеева А.М. к Ореховскому А.А. от 13.02.2001, редакции газеты «Кузнецкий край» и Живило М.Ю.

• **Эксперты:** Л.Ю. Иванов, Л.П. Крысин, Е.Н. Ширяев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспертизе были предоставлены следующие документы:

Дело № 2-8854/99 по иску Тулеева А.М. к Ореховскому А.А., редакции газеты «Кузнецкий край» и Живило М.Ю.

Содержащаяся в указанном деле ксерокопия статьи А.А. Ореховского «Живило говорил о проблемах КМК и Тулееве» в газете «Кузнецкий край» от 17.07.1999.

Перед экспертизой были поставлены следующие вопросы:

1. Содержит ли приведенная цитата: *Тулеев тогда задал ему вопрос, как так: у вас, молодых, все получается, а у старых и опытных, хорошо ему знакомых руководителей — не получается. В чем дело? Живило объяснил как мог. Тулеев выслушал его и спросил: «Ты мне все-таки скажи, где вы воруете?»* — утверждения о нарушении моральных принципов Тулеева?

2. Может ли расцениваться вышеприведенная цитата как порочащая, умаляющая честь, достоинство и деловую репутацию Тулеева?

Вопрос 1

Вопрос 1 эксперты понимают в смысле: Содержит ли приведенная цитата... **утверждения** о нарушении моральных принципов Тулеевым? В той форме, в какой сформулирован вопрос (о нарушении моральных принципов Тулеева), речь может идти, в том числе и о нарушении неким третьим лицом (а не самим А.Тулеевым) моральных принципов, которых придерживается или которые сформулировал А. Тулеев. Тогда утверждение о том, что подобное нарушение имеет место, может быть никак не связанным с А. Тулеевым. В данном случае такая трактовка, очевидно, не имела в виду.

Утверждение определяется как мысль, положение, высказывание, доказывающее, утверждающее что-либо (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998).

В логике содержится также следующее определение **утвердительного суждения**: это суждение, в котором отображается связь предмета и его признаков (Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975).

Грамматически **утвердительное суждение** выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного.

Примеры: *Все металлы электропроводны. Депутаты должны отстаивать интересы избирателей. Преступник попал в тюрьму за воровство* и др.

Вопросительные предложения суждениями, а, следовательно, и утверждениями (=утвердительными суждениями) не являются: «Вопросительные предложения, если они осмысленны..., возникают, как правило, в единстве с какими-то мыслями (суждениями), но сами не выражают суждения. Дело в том, что для суждения характерно утверждение или отрицание чего-либо о чем-либо, тогда как в вопросе лишь **ожидается под-**

тверждение или отрицание, согласие или отказ; суждению присуще свойство выражать либо истину, либо ложь. Поскольку в вопросе не содержится утверждения, а выражается лишь запрос, поиск, направленный к выяснению неизвестного свойства, признака интересующего нас предмета, то о вопросе нельзя сказать, что он истинный или ложный» (Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975).

Приведенная цитата состоит из нескольких предложений:

(1) *Тулеев тогда задал ему вопрос, как так: у вас, молодых, все получается, а у старых и опытных, хорошо ему знакомых руководителей — не получается.* (2) *В чем дело?* (3) *Живило объяснил как мог.* (4) *Тулеев выслушал его и спросил: «Ты мне все-таки скажи, где вы воруете?».*

Из этих предложений только в предложении (4) говорится о действиях, которые могут подвергаться оценке с точки зрения соответствия/несоответствия моральным принципам. Значение сочетания моральные принципы определяется по значению слова мораль — совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998). Исходя из этого, можно сказать, что **не воровать** представляет соответствие моральным принципам, а **воровать** — несоответствие им. Таким образом, если речь идет о нарушении моральных принципов, то анализу должен подвергаться только контекст употребления этого слова.

Далее анализируется только предложение (4), как содержащее слово **воровать**. Остальные предложения в приведенной цитате нейтральны с точки зрения соответствия/несоответствия моральным принципам.

Предложение (4) — это сложное предложение с прямой речью, сложное бессоюзное соединение двух частей. В первой части устанавливается сам факт чужой речи и называется ее источник — А. Тулеев. Во второй части (заключенной в кавычки) воспроизводится сама чужая речь, т.е. речь А. Тулеева. Именно вторая часть содержит морально-релевантное (т.е. подлежащее оценке с моральной точки зрения) понятие **воровать**. Эта часть по форме представляет собой вопрос. Поскольку вопрос вообще не является утверждением (см. выше), то он не может являться и утверждением о нарушении моральных принципов Тулеевым в частности.

Вывод

Предложение, которое могло бы (поскольку оно содержит обозначение действий, порицаемых с моральной точки зрения) представлять утверждение о нарушении моральных принципов А. Тулеевым в приведенной цитате, является вопросом и, следовательно, не обладает формальными признаками утверждения. Это означает, что данное предложение не является каким бы то ни было утверждением вообще. А это, в свою очередь, означает, что в приведенной цитате **отсутствует и утверждение о нарушении моральных принципов Тулеевым.**

С содержательной точки зрения в рассматриваемом предложении с прямой речью «*Ты мне все-таки скажи, где вы воруете?*» А. Тулеев не представлен как действующий субъект. Он характеризуется данным предложением как субъект в пассивной позиции, роль которого сводится лишь к ожиданию ответной реплики собеседника (*мне скажи*). Никакой другой информации об А. Тулееве из содержания данного предложения извлечь нельзя. Соответственно, **нельзя из нее извлечь и информацию о том, что А. Тулеев нарушает моральные принципы.**

Следует рассмотреть еще одну возможность, а именно, не содержится ли в приводимой цитате скрытое утверждение о нарушении моральных принципов Тулеевым. Такой формой могла бы быть пресуппозиция (т.е. скрытая предпосылка), положенная в основу заданного, согласно цитате, А. Тулеевым вопроса. Анализ показывает, что подобная пресуппозиция действительно имеется. Некто, задавая вопрос «*где вы воруете?*», исходит из предпосылки, что сам факт воровства уже установлен. Осталось лишь выяснить, где оно имело место. Так и А. Тулеев, задавая вопрос, исходит из скрытой предпосылки, что факт воровства со стороны *молодых... руководителей*, в число которых он, возможно, включает и своего собеседника М. Живило, уже установлен. Осталось лишь выяснить, где именно это воровство имеет место. Таким образом, эта скрытая предпосылка может быть охарактеризована как скрытое утверждение о **нарушении моральных принципов молодыми (руководителями), в число которых, возможно, входит и М. Живило.** Скрытое утверждение о нарушении кем бы то ни было иных кроме молодых (руководителей) моральных принципов (воровать — значит нарушать моральные принципы) в цитате не содержится. Очевидно, что ни вопрошающий, ни читательская аудитория газеты «Кузнецкий край» не причисляют самого А. Тулеева к группе упомянутых в вопросе молодых (руководителей). Таким образом, и этот метод лингвистического анализа показывает, что в цитате **отсутствует утверждение о нарушении моральных принципов именно Тулеевым.**

Последняя возможность обнаружить в данном высказывании указание на (не «утверждение о...») «нарушение Тулеевым моральных принципов» сводится к тому, чтобы рассмотреть данное высказывание как речевую характеристику самого А. Тулеева, предположив, что факт произнесения подобных высказываний уже является нарушением моральных принципов. Анализ этой возможности см. в ответе на вопрос 2.

Вопрос 2

Вне зависимости от того, задавал ли А. Тулеев вопрос из приведенной цитаты или нет, следует выяснить, может ли расцениваться реализация права задавать прямые, резкие, нелицеприятные вопросы как порочащая, умаляющая честь, достоинство и деловую репутацию? Если бы это было так, то и вопрос следователя подозреваемому: «Где вы совершили кражу?»,

и вопрос ревизора бухгалтеру: «Где вы скрыли средства, поступившие от реализации последней партии товара?», и другие подобные прямые вопросы означали бы, что лица, задающие их (в том числе в силу своих служебных обязанностей), уже самим фактом постановки подобных вопросов порочат, умаляют собственную честь, достоинство и деловую репутацию. Очевидно, что этот вывод абсурден. Поэтому ответ на вопрос, поставленный в начале данного абзаца, должен быть отрицательным.

Возможно лишь одно исключение: об опорочении и умалении чести и достоинства и деловой репутации можно было бы с некоторой натяжкой говорить при отступлении от индивидуальных или групповых норм и правил поведения. Это исключение мы далее и рассмотрим.

Поскольку философские, психологические и юридические аспекты проблемы выходят за пределы компетенции экспертов-лингвистов, мы рассматриваем лишь языковой и речевой аспекты ее. Формы языкового выражения подвергались анализу в ответе на вопрос 1. Здесь следует рассмотреть то, что связано с групповыми и индивидуальными нормами, правилами и постулатами **речевого поведения и речевой коммуникации**.

Чтобы оценить с лингвистической точки зрения, порочит ли и умаляет ли приводимая цитата из газеты «Кузнецкий край» от 17.07.1999 честь, достоинство и деловую репутацию А. Тулеева, можно было бы предположить, что А. Тулеев сформулировал собственный моральный кодекс речевого поведения (речевой кодекс). Правила речевого поведения, которым соответствует вопрос в приведенной цитате, очевидно, должны противоречить правилам, положенным в основу этого кодекса. В связи с этим, в кодекс должны входить следующие постулаты речевого общения, которые нарушены в цитате:

(а) не задавай, избегай прямых, резких и нелицеприятных вопросов (в цитате этот постулат **нарушен**, т.к. задан прямой, резкий и нелицеприятный вопрос);

(б) не пользуйся разговорной, просторечной, грубой лексикой (строго говоря, этот постулат **не нарушен** в цитате, он добавлен в кодекс лишь для большей четкости. Слово *воровать* — не просторечное и не грубое, а нейтральное. Оно не снабжено в словаре пометами, которые могли бы указывать на его принадлежность к сниженному стилю речи. *Воровать* означает тайно, без разрешения брать кого-либо, что-либо у кого-либо; незаконно присваивать себе чужое — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998);

(в) не пользуйся инвективной лексикой (в цитате этот постулат **нарушен**, т.к. скрыто предполагается, что *молодые* воруют, т.е. в их отношении высказывается скрытая инвектива — см. фрагмент о скрытой предпосылке в ответе на вопрос 1).

Нарушение этого речевого кодекса в процессе речевой коммуникации А. Тулеев должен считать во всех случаях порочащим, умаляющим свою

честь, достоинство и деловую репутацию. Тогда А. Тулеев должен и сам во всех случаях своего участия в речевой коммуникации придерживаться перечисленных постулатов.

Посмотрим, так ли это на основании имеющихся письменных источников.

**Книга «Встань и иди! Вольные беседы с Аманом Тулеевым»
(Составитель Г.М. Гусев. М., 1997)**

Я никогда не прятался и не уходил от прямых вопросов. В этом смысле я чист перед собственным народом, перед своей совестью (с. 19).

Значит, А. Тулеев не только не придерживается постулата (а) «не задавай, избегай прямых, резких и нелицеприятных вопросов», но, напротив, считает делом совести подобные вопросы задавать.

В Кузбассе я не раз собирал предпринимателей, беседовал с ними и говорил: «Вот вы жируете, халаете, народ злите, чиновников подкупаете — и неужели не задумываетесь, что может прийти день, когда на ваши богатые дачи «петуха» пустят?.. (с. 56).

В данном случае А. Тулеев пользуется инвективной лексикой по отношению к предпринимателям, утверждая, что они **жируют, халают и подкупают чиновников**. Таким образом, он нарушает постулат (в) «не пользуйся инвективной лексикой». **Халать**, в отличие от нейтрального **воровать**, является грубовато-разговорным. Таким образом, А. Тулеев нарушает и постулат (б), который в цитате из газеты «Кузнецкий край» от 17.07.1999 не нарушен.

**Брошюра А.М. Тулеева «Начистоту»
(Кемерово, 2000)**

...иногда так жалко становится, что нельзя, как в прошлом веке, вызвать подонков на дуэль или хотя бы сугубо по-мужски набить морду! (с. 32)

Здесь вновь присутствует инвективная (**подонки**) и грубая (**набить морду**) лексика. Таким образом, вновь нарушены постулаты (б) и (в).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что все перечисленные постулаты в индивидуальный кодекс речевого поведения А. Тулеева не входят, а, следовательно, их нарушение кем-то иным противоречить этому кодексу также не может.

Посмотрим, нарушает ли А. Тулеев, задавая, согласно цитате, такой вопрос, групповые нормы речевого поведения и речевой коммуникации, сложившиеся среди руководителей высшего ранга, к группе которых А. Тулеев, безусловно, принадлежит.

Анализ показывает, что это не так. Подобные прямые и резкие вопросы обычны для современной устной коммуникации и в первую очередь для коммуникации, участниками которой являются руководители выс-

шого ранга. Это подтверждает, в частности, следующая цитата из опубликованной в «Московском комсомольце» беседы журналиста Айдера Муджабаева с вице-мэром Москвы Валерием Шанцевым: «...на недавнем заседании правительства была скандальная ситуация. Лужков вопрошал чиновников, ответственных за ремонт домов: «Куда украли деньги?...» (МК, 19.03.2001).

Все это означает, что, вне зависимости от того, задал А. Тулеев указанный вопрос или нет, подобные вопросы всецело соответствуют как его собственным, так и групповым правилам речевого поведения, которых он придерживается. Следовательно, если человек не избегает некоторой формы речевого поведения, то он не считает ее порочащей и умаляющей его собственные честь, достоинство и деловую репутацию.

Как было показано, нарушение постулатов (а), (б) и (в) свойственно речевому поведению А. Тулеева. Это означает, что нарушение этих постулатов он не рассматривает как нечто, что может порочить, умалять его честь, достоинство и деловую репутацию.

Таким образом, и анализируемая цитата из газеты «Кузнецкий край» от 17.07.1999, в которой нарушены соответствующие постулаты речевого поведения, с точки зрения индивидуального и группового кодекса речевого поведения А. Тулеева не может рассматриваться как порочащая и умаляющая его честь, достоинство и деловую репутацию.

Экспертиза 25

И. Карасев

«СРЕДИ КАНДИДАТОВ НА КРЕСЛО В ГОСДУМУ ЕСТЬ БОГАЧИ, НИЩИЕ И БОМЖИ»

Газета «Площадь свободы», № 208, 05.11.1999

- Основание для проведения исследования: запрос судьи Центрального районного суда г. Тольятти Филипповой Т.М. в Тольяттинский филиал Самарского педагогического университета.
- Эксперт: М.А. Венгранович.

Вопросы

1. Является ли фрагмент № 2 статьи «Среди кандидатов на кресло в Госдуму есть богачи, нищие и бомжи», напечатанной в газете «Тольяттинское обозрение» от 03.11.99 г., предметом творческой деятельности и по каким признакам или сообщением о фактах, имеющих информационный характер?

2. Можно ли утверждать, что оспариваемый текст написан с индивидуальной манерой изложения и стилем, присущим автору?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

По определению «Философского энциклопедического словаря» (М., 1989) процесс *творчества* может рассматриваться в двух аспектах — философском и психологическом (с. 642). Обратимся к различным дефинициям базового понятия *творчество* и смежных с ним понятий *творить*, *творческий*:

1) *творчество* — деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее (Философский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 642);

2) *творчество* — процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности (Философский словарь. М., 1991, с. 449);

3) *творчество* — деятельность человека, направленная на создание культурных и материальных ценностей (Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1984, с. 344);

4) *творческий* — связанный с процессом творчества, направленный на творчество, созидание (там же, с. 345);

5) *творить* — 1) создавать, созидать в процессе творчества (какие-либо материальные и духовные ценности) (там же, с. 344);

6) *творить* — 1) создавать, производить, созидать (какой-либо продукт духовного творчества, к.-нибудь культурную, историческую ценность; книж., риторич.) — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940, с. 663.

Во всех предложенных определениях в понятии *творчество* актуализируются два основных признака: новация (новое) и ценность с акцентом на последнем. Здесь мы уже вторгаемся в область философии, в частности, в один из разделов эстетики — аксеологию. Поэтому определить, является ли предложенный для анализа фрагмент № 2 статьи «Среди кандидатов на кресло в Госдуму есть богачи, нищие и бомжи» предметом творческой деятельности (т.е. имеет ли он инновационный и ценностный характер) с точки зрения лингвистической и литературоведческой с полной объективностью и достоверностью не представляется возможным. На наш взгляд, в данном случае для создания объективной картины необходимо большее внимание уделить второй части вопроса: можно ли считать данный фрагмент текста сообщением о фактах, имеющих информационный характер? Этот вопрос непосредственно касается проблем текста (в частности, его основных категорий — информативности, целостности и структурной организованности).

Анализируя одну из основных текстовых категорий — категорию *информативности*, И.Р. Гальперин в монографии «Текст как объект лингвистического исследования» (М., 1981) выделяет несколько видов текстовой информации: *содержательно-фактуальную*, *содержательно-концептуальную* и *содержательно-подтекстовую*. Т.к. понятие *концептуальной информации*, а тем более *подтекстовой* приложимо лишь к тексту в его целостности, завершенности (что в нашем случае не актуально, т.к. мы имеем дело с фрагментом), а также содержит индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями объективной действительности, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия, то можно говорить о том, что в анализируемом текстовом фрагменте выделяется только *содержательно-фактуальная информация*. По мнению И.Р. Гальперина, *содержательно-фактуальная информация* «содержит сообщение о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающей нас мире, действительном и воображаемом. Социально-фактуальная информация эксплицитна по своей природе, т.е. всегда выражена вербально. Единицы языка обычно употребляются в их прямых, предметно-логических, словарных значениях, закрепленных за этими единицами социально-обусловленным опытом» (с. 27–28).

Содержательно-фактуальная информация может появляться в различных формах. Но с точки зрения характера заложенной информации форму данного текстового фрагмента можно квалифицировать как *сообщение* (*сообщение* — форма информации, предназначенная для передачи получателю (получателям) сведений о событиях происходящих, происшедших или которые будут происходить в ближайшее время — там же, с. 31). *Сообщение* ориентирует читателя на получение какого-либо нового известия. Сообщение имеет ограниченную задачу — довести что-то до сведения (в нашем случае — сообщить читателям данные, представленные кандидатами в избирательную комиссию: сведения о доходах, имуществе и т.д.). Таким образом, основная цель данного текстового фрагмента — снятие энтропии (т.е. неопределенности, неизвестности). *Сообщение* обладает эксплицитно выраженными указателями временного и пространственного характера (в анализируемом фрагменте — четкое обозначение даты рождения, места работы, проживания, указание на наличие имущества источников дохода каждого кандидата). Данные характеристики являются отличительными чертами *социально-фактуальной информации* в сравнении с другими видами и формами информации, в которых темпоральные и локальные параметры присутствуют лишь имплицитно и часто подвергаются существенным трансформациям.

Анализируемый фрагмент четко структурирован, конструируется рядом рационально-логических структур, по своему содержанию и стилистическим показателям (как экстралингвистическим, так и собственно лингвисти-

ческим) соответствующих официально-деловой речи, не имеет экспликаторов эмоционально-субъективного характера (за исключением нескольких случаев авторской самоманифестации — *сведений не имеем*), не имеет оценочных элементов и элементов суждений (если не считать единственный вербально выраженный оценочный компонент — *декларация за 1998 год подана лишь 22 октября этого года*). Следовательно, можно говорить о том, что данная информация, представленная в отдельном фрагменте без широкого контекста, лишена дополнительной (сверхсмысловой, стилистической) информации, легко декодируется, т.е. не обладает концептуальностью.

Таким образом, заключая сказанное выше, отмечаем, что представленный для анализа фрагмент № 2 статьи «Среди кандидатов на кресло в Госдуму есть богачи, нищие и бомжи» можно считать сообщением о фактах, имеющих информационный (социально-фактуальный) характер.

Вопрос 2

При ответе на второй вопрос необходимо определиться с трактовкой понятия *индивидуальный (авторский) стиль*. В истории мировой гуманитарной науки существовало и в настоящее время существует множество оригинальных трактовок *стиля*. В понятии *стиля* выделяются весьма различные существенные (видовые) признаки.

1) Русские словари и энциклопедии отличаются фактологическим пониманием индивидуального стиля.

В «Кратком словаре литературоведческих терминов» Тимофеева Л. и Венгерова Н. (М., 1958) *стиль* определен как «совокупность основных идейно-художественных особенностей творчества писателя, повторяющихся в его произведениях, основные идеи, которые определяют мировоззрение писателя и содержание его произведений, круг сюжетов и характеров, которые он обычно изображает, типичные для него художественные средства, язык» (с.146).

В «Толковом словаре русского языка: В 4 т.» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1940) в определении *стиля* (авторского) синонимизируются понятия *стиль* и *манера*: *стиль* — это «система языковых средств и идей, характерных для того или иного литературного произведения, жанра, автора или литературного направления (стиль Гоголя), а также «способ, манера словесного выражения мыслей (бедный стиль)».

Трактовка данного понятия в четырехтомном «Словаре русского языка» (М., 1961) не отличается от предыдущих.

2) По мнению А.Ф. Лосева (Некоторые вопросы из истории учений о стиле // Вестник Московского университета. Серия «Филология». 1993. № 4, с. 51–70), в главнейших иностранных энциклопедиях (Энциклопедия Британика, польская «Большая всеобщая энциклопедия» и др.) актуализируются смысловая определенность и цельность *стиля* (*стиль* — это внутренняя форма произведения, его смысловая доминанта).

Учитывая то, что по отдельному фрагменту невозможно объективно представить идейно-смысловую основу всего текста, остановимся на фактологической трактовке стиля и проанализируем лингвистические особенности данного текстового фрагмента, формирующие его лингвостилистическую специфику.

Стилистическая специфика проявляется в том или ином типе речевой системности во взаимосвязи единиц различных языковых уровней (лексического, морфологического, синтаксического), а также в индивидуальном отборе и использовании экспрессивно-выразительных средств языка (тропов, риторических фигур). Обратимся к анализируемому фрагменту № 2 с целью выявления индивидуально-авторских стилистических примет (при этом необходимо иметь в виду мнение большинства стилистов, в частности, Б. Томашевского, которые считают стилистическими явлениями только те, которые «не являются сами предметом сообщения, а сопутствуют предмету сообщения» — Б. Томашевский. *Стилистика*. Л., 1983, с. 17).

1) Говоря о лексических особенностях текстового фрагмента, отмечаем активное использование функционально окрашенных лексических единиц, в основном с окраской официально-деловой речи: *имущество, валовой доход, учредитель, избиратель, коммерческие структуры, место работы, избирком, земельный участок, подоходный налог* и т.п. Употребление терминологической лексики с единой стилистической маркировкой обуславливается основной стилевой чертой официально-деловой речи — точностью, не допускающей инотолкования, и создает лексическую основу данного фрагмента, обеспечивая ему функциональную макроокраску официально-деловой речи.

Однако в некоторых случаях можно обнаружить вкрапления элементов с иностилевой окрашенностью: *минувший год* (в сравнении с *прошедший, истекший*) является литературно-книжным синонимом (*Словарь синонимов русского языка*. Л., 1971, с. 310); *сдать залог* (вместо оф.-дел. *внести залог*) — нейтр., употребляется с семантическим сдвигом; *земля* — нейтр. (вместо оф.-дел. *земельный участок*). Встречаются и отдельные нарушения лексических (речевых) норм: *объект недостроенного строительства, иные выплаты — выплаты...* (тавтология), *место работы — коммерческий директор фирмы...* (алогизм в результате речевой недостаточности — пропуска слова *должность*). Думается, что подобные нарушения норм нельзя считать приметами авторского стиля по нескольким причинам: во-первых, они не являются результатом индивидуально-авторского отбора элементов, а характеризуют лишь уровень владения языком, во-вторых, неизвестно, имелись ли выявленные особенности и нарушения в первичном тексте (в документах избиркома), в-третьих, в статье «Блеск и нищета кандидатов», напечатанной в газете «Площадь свободы», практически все отмеченные нарушения норм подвергнуты правке: вместо *объ-*

ект недостроенного строительства употребляется объект незавершенного строительства, вместо *сдав залог* — *внеся залог* и др.

2) При анализе морфологического (грамматического) уровня данного фрагмента наряду с характерным для официально-делового стиля именным характером речи, использованием форм прошедшего времени глаголов в значении констатации (*родился, уплатил, составил* и т.п.) можно обнаружить отступления от норм данного стиля и нарушения грамматических языковых норм:

а) вместо оф.-дел. *кладовая* — *кладовка* (форма с суффиксом *-к* имеет разговорный характер); вместо нейтральной ограничительной частицы *только* — разговорная частица *лишь*;

б) *1 миллион 102 тысячи 742 рублей* (употребление флексии *-ей* вместо *-я* является разрушением грамматической нормы — неправильная форма зависимого от числительного *два* существительного, должна быть форма родительного падежа единственного числа — *рубля*);

в) во всех имеющихся во фрагменте случаях употребления дробных числительных в сочетании с существительными и прилагательными нарушается языковая норма: *68, 1 квадратных метра, 21,3 квадратных метра* — здесь нарушена грамматическая зависимость (прилагательное *квадратный* должно согласовывать свою форму с существительным *метр*, а не с дробным числительным, правильная форма — *68,1 квадратного метра*. Статьи, в газете «Площадь свободы» данные нарушения нормы подвергнуты правке).

г) Нарушением неличной манеры изложения, свойственной большинству жанров официально-деловой речи, можно считать несколько случаев употребления личных форм 1 лица множественного числа (*сведений не имеем*). Однако квалифицировать данные факты как языковые средства авторской самоманифестации с полной уверенностью не представляется возможным, т.к. отсутствует первичный текст-источник для сравнения, в котором данные формы могли быть употреблены.

1. Синтаксис анализируемого текстового отрывка весьма однообразен и в целом соответствует синтаксическим особенностям официально-деловой речи: в основном используются клишированные (стандартизированные) конструкции: *валовой доход составил, трехкомнатная квартира площадью... метра по адресу..., уплатил налогов* и т.п.), клишированные фразы (*регистрацию в избиркоме получил, внеся залог 83 тысячи 490 рублей; кроме доходов по месту работы, иных доходов не имеет* и т.п.), на уровне текста — стандартность построения (*Родился... Место работы... Партийность... Валовой доход... Регистрацию получил... Имущество... Автомобиль... Доходы получал... Учредитель...*). Правда, имеются незначительные изменения внутри устойчивой структуры (которые касаются в основном грамматических форм): вместо *учредителем нигде не состоит* — *в учредителях нигде не состоит*; в одном случае родовое понятие *имущество* пред-

ставлено видовыми понятиями *жилые дома, квартиры, гараж, иное имущество* (в сведениях о Зыкове В.А.), вероятно, с целью разгрузить конструкцию и разбить ее на отдельные абзацы; в отдельных случаях изменяется нейтральный порядок слов — *получал доходы/доходы получал*.

2. Тропы и риторические фигуры, в наибольшей степени проявляющиеся индивидуально-авторский стилистический почерк, в данном текстовом отрывке отсутствуют.

В целом данный текстовый фрагмент характеризуется устойчивой структурой, реализующей в своих языковых особенностях основные стилевые черты официально-деловой речи: стандартизованность, точность, не допускающую инотолкования, неличность изложения. Данная форма является адекватной содержательно-фактуальной (объективной) информации, составляющей реально-логическую основу представленного для анализа текстового фрагмента, не содержащего индивидуально-авторских стилистически маркированных (оценочных и экспрессивных) элементов. Вряд ли правомерно считать проявлением авторского стиля нарушения грамматических и речевых норм, в изобилии встречающиеся в представленном для анализа фрагменте (тем более что в статье «Блеск и нищета кандидатов», напечатанной в газете «Площадь свободы», данные нарушения подвергнуты правке, а также внесены изменения и в сам текст: в частности, в сведениях, касающихся Кириенко А.А., опущены целый абзац и адресные данные; исправлена фамилия одного из кандидатов — Якушкина). Соответственно, нет оснований утверждать, что оспариваемый текст написан с индивидуальной манерой изложения (кстати, на это же косвенно указывает и сам автор. Репрезентируя данные о депутатах в своей статье, он прямо ориентирует читателей на источник сведений: *«мы без изменений печатаем все те данные, которые соискатели депутатского кресла представили в избирком»*).

* * *

При подготовке заключения эксперт столкнулся с некоторыми трудностями. Во-первых, формулировка одного из вопросов содержала аспекты, выходявшие за рамки компетенции лингвиста-эксперта, что и явилось причиной дополнительного разбирательства во время судебного процесса (в частности, представители истца настаивали на причислении оспариваемого текстового фрагмента к *произведению* (произведение — «создание, продукт труда, творчества» — Ожергов, 1990, с. 609), акцентируя внимание на первых двух компонентах понятия и, соответственно, оставляя без внимания третий — «продукт творчества», доминантными признаками которого являются *новация (новое)* и *ценность* (см. воп-рос 1). Во-вторых, в распоряжение эксперта не был представлен первичный текст (документ избиркома), который помог бы снять некоторую неопределенность экспертных оценок. В целом подробный лингвостилистический анализ позволил эксперту

прийти к заключительному выводу об отсутствии убедительных оснований к признанию индивидуально-авторской характерности в оспариваемом текстовом фрагменте.

* * *

СРЕДИ КАНДИДАТОВ НА КРЕСЛО В ГОСДУМУ ЕСТЬ БОГАЧИ, НИЩИЕ И БОМЖИ

Газета «Площадь Свободы», 05.11.1999

(фрагмент оспариваемого текста)

Кириенко Алексей Алексеевич

Родился 26 апреля 1950 года.

Место работы — генеральный директор ООО «Лада-дизайн».

Валовой доход за минувший год составил 1 миллион 102 тысячи 742 рублей. Уплатил налогов 359 тысяч 506 рублей.

Партийность — член движения «Отечество — Вся Россия».

Регистрацию в избиркоме получил, внеся залог 83 тысячи 490 рублей.

Имущество: земельные участки — 0,08 гектара на улице Горького, 23; дом — 252 квадратных метра на улице Горького, 23; гараж — 135 квадратных метров на улице Горького, 23.

Автомобили: «Мерседес-320», джип «Тойота Ленд Краузер», «Мерседес-500», ВАЗ-21103, КАМАЗ 54-100, КАМАЗ 54-100, прицепы-9663 в количестве двух штук.

Жене принадлежит автомобиль «Ауди-А6».

Доходы получал: Торговый дом Сергеевой, ООО «Лада-Дизайн».

В учредителях не состоит.

Зыков Виталий Анатольевич

Родился 1 сентября 1954 года.

Место работы — президент ООО «Виза».

Валовой доход за минувший год составил 784 тысячи 980 рублей. Уплатил налоги 356 тысяч 481 рубль.

По подоходному налогу задолженность 236 рублей.

Регистрацию в избиркоме получил, сдав подписи избирателей.

Партийность — член общественного движения «Четвертая власть».

Имущество: земельные участки — 0,148 гектара, расположен — г. Тольятти, улица Свердлова (универсам «Сорренто»); 0,156 гектара — расположен г. Тольятти, улица Инженерная, д.60.

Жилые дома: 573,9 квадратных метра. Расположен — улица Инженерная, 60.

Квартиры: однокомнатная — 34,4 квадратных метра, Автозаводское шоссе, 49; трехкомнатная — 62,3 квадратных метра, Автозаводское шоссе, 49; трехкомнатная — 40,7 квадратных метра, Жукова, 49.

Гараж: ГСК «Флаг», 18 квадратных метров.

Иное имущество: в селе Жигули имеется объект недостроенного строительства; универсам «Сорренто» — 874,05, улица Свердлова;

встроенное нежилое помещение в здание универсама — 104,3, улица Свердлова.

Автомобили: «Мицубиси Паджеро», «Ауди-А8», прицеп «Атлетик А8».

Получал доходы: «Виза», «Тольятти-Сорренто», «Куйбышевазот».

Учредитель: ООО «Продтовары», ООО «Кафе «Россиянка», ООО «Бар Сорренто», ЗАО «Гран-При», ОАО «Опытно-механический завод», ОАО «Деталикс», биржа труда «Воин», ПО «Сорренто», ООО «Виза», «Тольятти-Сорренто», ТОО «Виза ЛТД».

Якушкин Владимир Андреевич

Родился 7 октября 1950 года.

Место работы — декан юридического факультета Волжского университета им. Татищева.

Валовой доход за минувший год составил 64 тысячи 648 рублей. Уплатил налоги — сведений не имеем.

Иные выплаты — выплатил 64 тысячи 048 рублей в счет долевого строительства жилья на улице Гидростроевской, дом 1.

Регистрацию в избиркоме получил, сдав залог 83 тысячи 490 рублей.

Имущество: квартиры нет.

Земля — 0,1 гектара, Марий Эл, Мари Луговая. Дом 24, Марий Эл, село Мари Луговая.

Автомобили: ВАЗ-21102, «Кубанец УА-1».

Гаража нет.

Экспертиза 26

Л. Чеснокова

НА «БЕРЕГ НАДЕЖДЫ» РОДНЫХ НЕ ПУСТИЛИ

Газета «Комсомольская правда» в Приморье», 10.07.2001

- Основание для проведения исследования: запрос журналистов «Комсомольской правды».
- Эксперт: Л.Е. Кириллова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объект оценки — статья Л.Чесноковой «На «Берег Надежды» родных не пустили» // «Комсомольская правда» в Приморье». 2001. 10.07.

Предмет оценки — наличие в тексте языковых выражений, определяющих степень достоверности фактов.

Иск предъявлен руководством компании ЗАО представительству «Комсомольской правды» в Приморье.

Текст:

На «Берег Надежды» родных не пустили

В минувший выходной в Находку к задержанному пограничниками рефрижератору «Берег Надежды», где заканчивается сейчас разгрузка браконьерской рыбопродукции, приехали жены рыбаков вместе с детьми, чтобы повидаться со своими мужьями и поздравить их с профессиональным праздником.

Однако пограничники никого не пропустили на судно, и никто из рыбаков не сошел к ним на берег.

— Почему наших мужей держат под арестом? — возмущенно спрашивали женщины на причале у пограничников.

В понедельник с этим же вопросом мы обратились в пресс-службу Тихоокеанского регионального управления Федеральной пограничной службы России. Оказалось, пограничники действуют в рамках закона. Дело в том, что судно до сих пор считается оформленным за границу и капитан отказывается переоформлять документы. А по существующим правилам, при такой ситуации подняться на борт могут только пограничный, таможенный контроль и санитарные службы. Всем остальным вход и выход строго воспрещены. Так что рыбаки, кроме объявленной голодовки, лишили себя возможности общаться с родными.

О достоверности фактов

В рассматриваемой публикации приведены следующие факты:

1) задержан рефрижератор, 2) заканчивается разгрузка рыбопродукции, 3) приехали жены рыбаков, 4) хотя повидаться с мужьями и поздравить, 5) пограничники не пропустили, 6) никто из рыбаков не сошел на берег, 7) женщины возмущенно спрашивают пограничников, 8) корреспондент обратился в пресс-службу с этим же вопросом, 9) оказалось, пограничники действуют в рамках закона, 10) судно считается оформленным за границу, 11) капитан отказывается переоформлять документы, 12) существует правило — подняться могут только... всем остальным вход воспрещен, 13) рыбаки объявили голодовку.

Достоверность (т.е. соответствие действительности) перечисленных фактов очевидна и не нуждается в указании на источник.

Достоверность других фактов обеспечивается употреблением специальных языковых приемов, прямо или косвенно указывающих на источник информации:

- *мужей держат под арестом* — по словам женщин;
- *мы обратились в пресс-службу... оказалось;*
- *судно считается оформленным за границу* — на основании конкретных документов;
- *по существующим правилам* — ссылка на общепринятость.

По поводу выражения «браконьерская рыбопродукция»

Браконьерский — имеющий отношение к *браконьерству*. *Браконьерство* — охота или ловля рыбы в запрещенных местах, в запрещенное время,

запрещенным способом, а также недозволенная порубка леса (В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. Русский толковый словарь. М., 1998. С. 32). Синонимом словосочетания *браконьерская рыбопродукция* является словосочетание *незаконно выловленная*.

Слово *браконьерство* относится к разряду общеупотребительной лексики и используется в обыденной речи для называния незаконных действий. Оно не является специальным юридическим термином, поэтому не может рассматриваться как обвинение. Негативная оценка, содержащаяся в семантике слова *браконьерский*, выражает отношение к документально зафиксированным соответствующими органами фактам нарушения закона (а оценка нарушений закона и не может быть иной). Сведения об этих нарушениях были предоставлены корреспонденту официальным источником. Авторитетность источника (статус пресс-службы) позволяет журналистам считать эту информацию надежной и не сомневаться в ее достоверности.

Информация о *браконьерской рыбопродукции* не носит характера утверждения. В русском языке утвердительным может быть только суждение (высказывание), например: *Данная рыбопродукция является браконьерской*. В тексте же использовано словосочетание *браконьерская рыбопродукция*, а оно не является коммуникативной единицей (единицей сообщения), поэтому не может иметь характера утверждения. Словосочетание не сообщает о явлении, а называет его. Для такого именованья в тексте есть следующие основания:

1) прямые —

а) ссылка на мнение официального авторитетного источника (пресс-службы ТОРУ) о неправомерности действий капитана;

б) совпадение объемов понятий (*документально не оформленная рыбопродукция — незаконная — браконьерская*),

2) косвенные —

а) сам факт разгрузки непереоформленной рыбопродукции как результат вступления в силу постановления суда (если судно разгружают, значит, есть юридические основания для этого),

б) свидетельство родственников о том, что рыбаков «держат под арестом» (для этого необходимы соответствующие основания),

в) соотнесение других фактов (если судно задержано, значит, есть нарушения, связанные с оформлением).

Название *браконьерская рыбопродукция* оказывается обоснованным и очевидным в ситуации нарушения установленного порядка оформления документов.

Лингвистический анализ показывает:

1. Достоверность всех приведенных в тексте фактических данных прямо или косвенно обоснована.

2. Словосочетание *браконьерская рыбопродукция* не имеет характера утверждения и мотивировано ситуацией нарушения закона, а также общепринятым негативным отношением к такого рода нарушениям.

* * *

По поводу искового заявления Обвинения в адрес автора статьи

1) *Факты не соответствуют действительности*, а значит, порочат... и т.п. **Возражение.** Речь должна идти только о *степени* достоверности фактов, т.к. журналист пользуется информацией, предоставляемой другими источниками. Ответственность за достоверность лежит на источнике информации, тем более что он официальный, а в статье имеется соответствующая ссылка.

2) *«Автор утверждает, что компания нарушает законодательство».* **Возражение.** Автор этого не утверждает, а только приводит компетентное мнение соответствующих должностных лиц.

3) *«Автор признал компанию виновной».* **Возражение.** Не в компетенции автора выносить вердикт о виновности/невиновности — автор лишь представляет читателю информацию, т.е. сведения, полученные им из авторитетного источника.

4) *«...утвердительный характер распространяемых сведений».* **Возражение.** Утвердительным может быть только высказывание, а не словосочетание (ср. утвердительная форма суждения: *Эта рыбопродукция браконьерская.* В тексте иначе: *браконьерская рыбопродукция*).

Экспертиза 27

В. Ишаев

«ОСОБЫЙ РАЙОН РОССИИ»

Газета «Тихоокеанская звезда», 13.05.1998

• **Основание для проведения исследования:** письмо В. Ишаева на имя Э.Д. Головиной в Хабаровское региональное отделение Общероссийского общественного движения «За права человека».

• **Эксперт:** Э.Д. Головина.

Вопросы

1. Являются ли фрагменты текста в книге Ишаева В.И. «Особый регион России» (каждый фрагмент в отдельности либо все фрагменты в своей совокупности): «... в руководители Совета протасил свою кандидатуру Александр Бетхольд», «...человек, не считающийся ни с чьим мнением,

кроме своего собственного, нетерпимый к своим политическим противникам...», «...Бетхольд стал заниматься исключительно саморекламой в средствах массовой информации» — сведениями?

2. Если да, то изложены ли эти сведения в утвердительной форме или носят ли они характер утверждения?

3. Содержат ли эти сведения (каждое в отдельности либо все в своей совокупности) негативную информацию о гр-не Бетхольде А.Ф. (если да, то какие именно, в чем это подтверждается)?

4. Являются ли сведения в этих фрагментах оценочными (если да, то какие именно) или не оценочными (фактологическими, т.е. претендующими на то, чтобы быть достоверным фактом (если да, то какие именно)?

5. Если эти сведения содержат негативную информацию, может ли такая негативная информация быть признана информацией о нарушении гражданином моральных принципов?

6. Изложены ли эти сведения в неприличной форме?

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

профессора кафедры русского языка Вятского государственного педагогического университета Элеоноры Дмитриевны Головиной

Проанализировав указанные в определении Центрального райсуда г. Хабаровска от 25.01.99 (судья З.Соловьева) фрагменты текста В.Ишаева «Особый район России», эксперт дает следующие ответы на поставленные судом вопросы.

Вопрос 1

Каждый из приведенных фрагментов содержит СВЕДЕНИЯ. Существительное **сведения**, согласно «Словарю синонимов русского языка» З. Александровой, является доминантой синонимического ряда, включающего слова **информация, данные, материал (материалы)**. Проверка достоверности информации, содержащейся в анализируемом тексте, в компетенцию эксперта-лингвиста не входит и производится судом.

Вопрос 2

Сведения изложены в утвердительной форме и носят характер утверждения. Анализируемый текст не оформлен как вопросительное или побудительное предложение, не содержит модальных слов или каких-либо других атрибутов неутвердительного высказывания.

Вопрос 3

В анализируемом тексте содержится информация негативного характера.

Согласно данным «Большого толкового словаря русского языка» (СПб., 1998), глагол **протащить** имеет в современном русском языке значение «неприметным или неблагоприятным способом добиться чего-л. *П. резолюцию. П. сына в институт. П. сокурсника в заместители*»; прилагательное **нетерпимый** характеризует человека, не умеющего или не желающего терпимо относиться к кому-, чему-л., признавать кого-, что-л. Например: *Он человек ограниченный и н. Она нетерпима к чужому успеху. К теще он был нетерпим*; существительное **самореклама** означает «рекламирование, восхваление самого себя»: *заниматься саморекламой*.

Следовательно, указанный текст информирует читателя о том, что А. Бехтольд достиг поста руководителя совета неблагоприятным способом, что он не умеет или не желает считаться с другими людьми и их мнениями, что в совете он занимается только рекламой и восхвалением себя в СМИ, и ничем больше.

Неожиданным в данном контексте является существительное **сподвижники**. Оно обладает позитивной коннотацией и обозначает того, кто участвует вместе с кем-л. в каком-л. важном, трудном деле, соратника: *Сподвижники Кутузова. Сподвижники Станиславского*.

Вопрос 4

Согласно данным «Большого толкового словаря русского языка», употребленная в тексте лексика не имеет экспрессивно-эмоциональной окраски и не является оценочной. Заключение в кавычки слов «лучший» и «демократический идеолог» придает им ироническую окраску (см.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1997, с. 172).

Вопрос 5

Ответ на данный вопрос не входит в компетенцию эксперта-лингвиста.

Вопрос 6

Форма изложения сведений не является неприличной; в тексте нет нецензурных, бранных, грубооценочных слов и выражений.

Сведения об эксперте: Головина Элеонора Дмитриевна, выпускница Ленинградского государственного университета, кандидат филологических наук, профессор (с 1991 г.), отличник народного просвещения; стаж работы по специальности — 37 лет; в проведении лингвистических экспертиз участвует с 1985 г.; в соответствии со своими гражданскими принципами лингвистические экспертизы проводит безвозмездно.

Об ответственности эксперта, предусмотренной УК РФ, информирована.

Подпись Э. Головина

25.06.99. г. Киров

* * *

В. Ишаев**ОСОБЫЙ РАЙОН РОССИИ**

(...) Общественно-политический совет работал очень продуктивно. Его первым председателем был Николай Иванович Цветков. Присутствуя на заседаниях совета, я наблюдал практически полный срез общественного мнения в Хабаровском крае и мог видеть, как население воспринимает те или иные решения администрации. У меня, таким образом, была очень четкая обратная связь и поэтому, уверен, мы сделали в свое время гораздо меньше ошибок, нежели наши соседи.

После того, как Цветков стал ректором кадрового центра, в руководители совета протасили свою кандидатуру Александр Бехтольд, человек, не считающийся ни с чьим мнением, кроме своего собственного, нетерпимый к своим политическим противникам, «лучший» образец «демократического идеолога»... Совет стал сразу же разваливаться. На заседания приходило все меньше и меньше людей, а потом осталось всего-навсего пять-шесть человек, его сподвижников. Бехтольд стал заниматься исключительно саморекламой в средствах массовой информации. На этом все и закончилось... Во всяком случае, в скором времени при главе администрации Хабаровского края были образованы совет ректоров, совет предпринимателей, совет директоров промышленных предприятий. Так или иначе, я сумел втянуть интеллигенцию, научную и промышленную элиту в общую работу на благо Хабаровского края, сумел заручиться их поддержкой, доверием и помощью... (...)

*«Тихоокеанская звезда», 13 мая 1998 г.
(Начало в №№ 77, 78, 80, 86, 90)*

Экспертиза 28**Статья «Комментарий “СК”»**

Газета «Свободный курс», № 32, 09.08.2001

- **Основание для проведения лингвистического исследования:** определение судьи Центрального районного суда г. Барнаула Чепрасова О.А. от 8 ноября 2001г., адресованное в Лабораторию юрислингвистики и развития речи при филологическом факультете АГУ.

- **Эксперт:** О.Н. Матвеева.

В распоряжение эксперта были предоставлены следующие материалы:

1. Определение суда о проведении экспертизы.
2. Материалы гражданского дела № 2-2175 по иску Цомаева Б.А. к редакции газеты «Свободный курс» о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда.
3. Газета «Свободный курс», № 32 от 09.08.2001, в которой на стр. 7 в рубрике «Политика. Экономика» опубликована статья под заголовком «Комментарий “СК”» (см. с. 188–189. — *Ред.*).

На разрешение эксперта были поставлены следующие вопросы:

1. В предложениях № 1, 2 статьи «Комментарий “СК”» (*По сведениям из краевой администрации, Владимир Коновалов будет снят с должности гендиректора «Алтайэнерго». В вину руководству предприятия якобы вменяются... отношения с некими чеченскими фирмами*) высказывается мнение или утверждение о факте? Если о факте, то каком?
2. Снимает ли утвердительность высказывания слово *якобы*?
3. Относится ли вводная конструкция *по сведениям из краевой администрации* ко всему первому абзацу?
4. Порочит ли деловую репутацию чеченских фирм следующая фраза: *«в вину руководству предприятия якобы вменяются... отношения с некими чеченскими фирмами»*?
5. Содержит ли выражение *некими чеченскими фирмами* отрицательный смысл? Что означает слово *некий* в этом выражении?
6. Содержатся ли в тексте средства воздействия на сознание читателя, направляющие их в сторону негативной оценки деятельности чеченских фирм? Если да, то какие?
7. Насколько определенными являются ссылки на источники информации в названной статье?
8. Какое содержание предполагает жанр комментария (утверждение, оценки, разъяснение, уточнение, мнение и т.п.)?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос 1

В предложениях № 1, 2 статьи «Комментарий «СК» высказываются утверждения о следующих фактах: а) факт имеющихся планов снятия Владимира Коновалова с должности гендиректора «Алтайэнерго»;

б) факт вменения в вину руководству предприятия отношений с чеченскими фирмами;

в) факт получения названных сведений в краевой администрации. Любое из приведенных утверждений о фактах может быть проверено на предмет их соответствия действительности. Объективный статус данным утверждениям придает вводная конструкция *по сведениям из краевой администрации*, указывающая на факт получения сообщаемых сведений в краевой администрации.

В отличие от утверждения о фактах, высказывание мнения предполагает, во-первых, указание на носителя мнения, а во-вторых, фиксацию того, что высказывается именно мнение (для этого используются различного рода вводные конструкции, например: *как полагает Иванов, по мнению Петрова, я считаю* и т.п.).

Вопрос 2

Слово *якобы* согласно словарю является частицей, употребляемой для выражения сомнительности, мнимости (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997). Кроме того, эта частица относится к разряду частиц, наряду с *де, дескать, мол*, выражающими отношение сообщения к его источнику (Современный русский язык. М., 1976; Русская грамматика. М., 1980), т.е. эта частица указывает, что сообщение не является мнением говорящего (пишущего), а получено из каких-либо источников, говорящий (пишущий) же только пересказывает, передает полученные сведения. Следовательно, слово *якобы* в анализируемом контексте несет двойную нагрузку: во-первых, оно показывает, что сообщаемые в данном предложении сведения являются не мнением автора, а получены из краевой администрации (слово *якобы* соотносится с вводной конструкцией *по сведениям из краевой администрации*), во-вторых, употребляя слово *якобы*, автор показывает, что он сомневается в истинности полученных сведений. Такое в некотором смысле парадоксальное (с одной стороны, ссылаюсь на авторитетный источник, с другой — тут же ему не верю) употребление слова *якобы* может свидетельствовать о регулярно применяемой журналистами стратегии ухода из «зоны риска», когда автор текста, осознавая его потенциальную конфликтность, пытается обезопасить себя, употребляя подобного рода слова, дистанцируясь от сообщаемого. Но в данном случае полного дистанцирования не возникает, поскольку на первый план в значении слова *якобы* в анализируемом предложении выходит второе значение, согласно которому сообщаемое получено автором из каких-либо источников. Это можно доказать следующим приемом, используемом в практике смыслового анализа текста. Произведем замену слова *якобы* словами, выражающими сомнение, и словами, указывающими на какой-либо внешний по отношению к говорящему (пишущему) источник информации: *В вину руководству предприятия, может быть, вменяются ...отношения с некими чеченскими фирмами. Данная замена противоречит общему смыслу контекста. В вину руководству предприятия, как сообщает краевая администрация, вменяются отношения с некими чеченскими фирмами. Данная замена соответствует общему смыслу контекста. Таким образом, приведенные контексты с заменой слова *якобы* свидетельствуют о том, что в анализируемом контексте в слове *якобы* актуализируется, выходит на первый план значение, согласно которому сообщаемая информация получена автором из како-*

го-либо источника. Это означает, что употребление слова *якобы* не снимает утвердительности высказывания, не переводит предложения с утверждениями о фактах в разряд предложений с высказанными мнениями.

Вопрос 3

Вводная конструкция *по сведениям из краевой администрации* относится ко всему первому абзацу, она указывает на источник информации о приводимых в предложениях № 1, 2 фактах. Об этом свидетельствует, во-первых, наличие логических причинно-следственных связей между предложениями (вменение в вину манипуляций с векселями и отношений с чеченскими фирмами — причина снятия руководителя «Алтайэнерго» с занимаемой должности). Поскольку предложения логически взаимосвязаны, то и указанный источник информации относится к обоим из них. Во-вторых, употребляемое во втором предложении слово *якобы* является частицей, выражающей отношение сообщения к его источнику (Русская грамматика. М., 1980), т.е. слово *якобы* соотносится с вводной конструкцией *по сведениям из краевой администрации* и свидетельствует о том, что названная конструкция относится и ко второму предложению.

Вопрос 4

Слово *вина* в русском языке имеет значение «проступок, преступление» (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997). Выражение *вменить в вину* означает «обвинить в чем-нибудь» (там же). Следовательно, смысл фразы «*В вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами*» состоит в том, что руководство предприятия обвиняется в отношениях с чеченскими фирмами. Обвинять можно только в чем-либо незаконном, следовательно, в предложении не указывается, но предполагается, что фирмы были незаконными, криминальными и т.п. Исходя из этого, следует признать, что фраза «*В вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами*» содержит негативную оценку чеченских фирм. Что касается вопроса о квалификации ее как порочащей деловую репутацию чеченских фирм, то он является прерогативой суда.

Вопрос 5

Слово *некий* в словаре определятся так: «какой-то (о ком-нибудь, точно неизвестном)». Слово *какой-то* среди прочих имеет значение, получившее в словаре помету «разговорное, неодобрительное»: 4. Не заслуживающий внимания, уважения (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997). Имеющийся в слове негативный оттенок значения актуализируется, выходя на первый план, если в целом контекст, в котором употребляется слово, содержит негативный смысл (Ср.: *Некий судья Петров состряпал-таки приговор по этому делу. Некая газетенка уже давно мус-*

сировала эти слухи. Некий мудрец решил построить коммунизм к 80-м годам 20 века. Некая журналистка Иванова зарабатывает себе дешевый авторитет, с завидным постоянством пописывая заказные статейки в желтую прессу). Если же контекст употребления слова не является негативным, то и в слове негативный оттенок значения нивелируется. Поскольку чеченские фирмы оцениваются в предложении № 2 как такие, сам факт отношений с которыми может быть поставлен в вину, то употребление при словосочетании *чеченские фирмы* слова *некий* в данном предложении актуализирует, выводит на первый план негативный оттенок значения.

Следовательно, слово *некие* в словосочетании *отношения с некими чеченскими фирмами* содержит отрицательный оттенок значения, пренебрежительно, неодобрительно оценивая чеченские фирмы, усиливает негативный образ чеченских фирм, внушаемый читателю.

Вопрос 6

В статье используется прием снижения критичности восприятия речевого сообщения (текста), который состоит в ссылке на авторитет, подчеркивающий компетентность источника достоверной информации. Так, ссылка на краевую администрацию как официальный орган власти должна вызывать у читателя доверие к предлагаемой информации, формировать оценку этой информации как достоверной, полученной из авторитетного, компетентного, официального источника. Ссылки на другие источники информации служат этой же цели, придают сообщению более объективный статус, подчеркивая, что излагаемое не является мнением автора.

При указании источников информации используется также прием, состоящий в том, что значимая информация преподносится в статье с отсылкой на неопределенный источник информации (*один из источников «СК», некоторые наши источники, говорят*), если же ссылаются на конкретное лицо, то сообщение становится минимально информативным (*«...Неизвестно, встречался ли он (Суриков) с Чубайсом или нет. По словам пресс-секретаря губернатора Андрея Ляпунова, на планерке 6 августа Суриков ничего об этом не говорил»*).

В предложении № 2 используется прием умолчания, состоящий в том, что какие-либо свойства, качества, черты и признаки описываемого объекта не называются, поскольку предполагаются общеизвестными. Фраза *«В вину руководству предприятия якобы вменяются ... отношения с некими чеченскими фирмами»* по умолчанию предполагает, что чеченские фирмы — это фирмы незаконные, криминальные и т.д., т.е. такие фирмы, сам факт отношений с которыми может быть поставлен в вину.

Вопрос 7

В статье имеются следующие ссылки на используемые источники информации: *по сведениям из краевой администрации, по словам пресс-секре-*

таря губернатора Андрея Ляпунова, один из источников «СК», некоторые наши источники, говорят. Из приведенных примеров видно, что лишь один источник указан достаточно четко, с указанием имени человека и занимаемой им должности — пресс-секретарь губернатора Андрей Ляпунов. Однако информация, предоставленная из этого источника, ничего существенного для разъяснения текста не несет (см. ответ на вопрос № 6). Менее определенным является источник, указывающий на краевую администрацию, поскольку не назван отдел краевой администрации и конкретное лицо. Все остальные источники неопределенны: один из источников «СК», некоторые наши источники, говорят.

Вопрос 8

Жанр комментария предполагает разъяснение какого-либо текста путем примечаний и толкований. Существуют такие виды комментария, как текстологический, историко-литературный, биографический, реальный, лингвистический. Рассматриваемый нами комментарий относится к реальным комментариям, поскольку рассказывает о событиях, обстоятельствах и лицах, упоминаемых в статье «Райфикешт встретился с Чубайсом». Содержанием этого комментария является разъяснение указанной статьи.

* * *

Статья «Комментарий “СК”»

Газета «Свободный курс», № 32, 09.08.2001

По сведениям из краевой администрации, Владимир Коновалов будет снят с должности гендиректора «Алтайэнерго». В вину руководства предприятия якобы вменяются манипуляции с векселями (у одних держателей их выкупали по номиналу, у других — намного ниже номинала) и отношения с некими чеченскими фирмами.

Александр Суриков обещал, что проблема менеджмента энергокомпании решится в последней декаде июля — именно тогда губернатор должен был встретиться с управляющим РАО «ЕЭС России». Но тогда встреча Сурикова с Чубайсом не состоялась. В конце прошлой недели Суриков снова летал в Москву, но неизвестно, встречался он с Чубайсом или нет. По словам пресс-секретаря губернатора Андрея Ляпунова, на планерке 6 августа Суриков ничего об этом не говорил.

Среди претендентов на пост гендиректора «Алтайэнерго», кроме Владимира Райфикешта и Валерия Ларионова, называются и другие фамилии. Из энергетиков — руководитель «Энергосбыта» Александр Нестеров, из чиновников — вице-губернатор Владимир Германенко. На прошлой неделе один из источников «СК» сообщил, что есть и другая информация: «На днях в «Алтайэнерго» пришлют нового генерального». Кстати с некоторых пор заместителем генерального директора

«Омскэнерго» работает Сергей Потапов— «человек Чубайса», бывший вице-губернатором в администрации Райфיקешта. Не о Потапове ли речь?

Что же касается Райфיקешта, то некоторые наши источники прочат ему также пост директора строительства Катунской ГЭС. Говорят также, что Суриков может согласиться на назначение Райфיקешта генеральным директором «Алтайэнерго» в обмен на гарантию Чубайса начать строительство ГЭС в Горном Алтае.

Коновалов, несмотря на разгоревшиеся вокруг него страсти, на совете администрации края 6 августа выглядел бодрым и уверенным. Но это мало о чем говорит.

*Материалы страницы подготовил
Дмитрий Негреев*

* * *

Из отзыва представителя ответчика на исковое заявление

«... В статье нет ни единой фразы, которая порочит чью-либо честь и достоинство. Во-первых, употребление термина «якобы» свидетельствует о том, что автор не утверждает информацию, а предполагает, высказывает мнение, которое не подпадает под категорию «сведения», на что обратил внимание по конкретным делам Европейский суд по правам человека. Ст. 152 ГК РФ во внимание принимает лишь сведения. Аналогичное положение содержится и в Постановлении Пленума Верховного суда РФ, абз. 2 п. 2 которого указывает, что порочащими могут быть признаны утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов, которые умаляют деловую репутацию юридического лица. В публикации не высказано ни одного утверждения, более того, автор употребляет словосочетание «якобы вменяются», что еще больше усиливает неопределенность высказывания.

Достоверность мнений не может быть подтверждена или опровергнута. Кроме того, фраза «будет снят с должности» рассчитана на реализацию действий в перспективе, что также исключает возможность ее подтверждения применительно к любому лицу. Во-вторых, «отношения с некими чеченскими фирмами» — фраза, которая не может порочить честь и достоинство как самих фирм, граждан Чечни, так и тех, кто с ними связан, поскольку Чеченская Республика, являясь одним из 89 субъектов РФ, входит в состав России, что исключает употребление о ней информации и понимание ее в негативном смысле.

В уточненном исковом заявлении не указан источник, в котором слову «некий» соответствуют значения «презрительный», «пренебрежительный», «неодобрительный». Ни один из известных словарей (толковых) русского языка не придает слову «некий» никаких значений, кроме значения «неизвестный», «неопределенный». Таким образом, доводы истца и о том, что употребление этого слова порочит деловую репутацию указанных им субъектов, не обоснованы...»

Экспертиза 29

Е. Шилов

«ЧЕСТЬ ИМЕЮ!»

Газета «МК» в Пензе», № 4, 25.01–01.02.2001

- **Основание для проведения исследования:** запрос журналиста Е.А. Шилова в ГЛЭДИС.
- **Эксперты:** Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, Ю.А. Сафонова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

город Москва

12 октября 2001 г.

Комиссия экспертов в следующем составе: председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Горбаневский Михаил Викторович (научный лингвистический стаж — 25 лет), член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук профессор Бельчиков Юлий Абрамович (научный лингвистический стаж — 49 лет) и член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, кандидат филологических наук, доцент Сафонова Юлия Александровна (научный лингвистический стаж — 22 года) на основании запроса журналиста Шилова Е.А. (Пенза) от 25.09.2001 г. (сопр. письмо вх. № 04/10) произвела лингвистическую экспертизу текста его статьи «Честь имею» («МК» в Пензе», № 4 от 25.01–01.02.2001 г.) в связи с иском гр. Гулякова А.Д. о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда в Федеральном суде Октябрьского района г. Пензы (дело № 2-405).

Права и обязанности экспертов, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, нам разъяснены. Об уголовной ответственности за дачу ложного заключения по ст. 307, 308 УК РФ мы предупреждены.

Экспертиза начата 1 октября 2001 г.

Экспертиза закончена 12 октября 2001 г.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы: ксерокопия статьи Е.Шилова «Честь имею!» (газ. «МК» в Пензе», № 4, 25.01–01.02.2001 г.)

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Содержит ли текст статьи «Честь имею!» информацию о генерале УВД Александре Гулякове?

2. Если данный текст содержит негативную информацию, то в какой форме: в форме утверждения, в форме предположения или в какой-либо иной форме?

3. Содержит ли статья оскорбительную лексику?

4. Какие значимые для разрешения дела сведения может указать экспертиза дополнительно к заданным вопросам?

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1

В тексте статьи содержится информация о генерале Гулякове в приведенных ниже высказываниях. Те высказывания, которые содержат негативную информацию, отмечены. Эксперты (исходя из здравого смысла) под негативной информацией понимают такую информацию, которая указывает на проявление в ком-, чем-либо (в данном случае — в ком) плохих черт, свойств.

Заголовок и подзаголовок

(1) Честь имею! Имеет ли полное моральное право заявить так генерал УВД генерал Гуляков?

Врезка

(1) — *Вот видите, я открыт перед вами, я же не пытаюсь утаить информацию!* — примерно так восклицал генерал Александр Гуляков на пресс-конференции, состоявшейся в здании управления в минувшую пятницу.

(2) *Журналистам в очередной раз ничего не оставалось, как верить генералу на слово. А что делать? Как проверить те цифры, что регулярно выдаются пишущей братии на так называемых брифингах в УВД клерками милициской пресс-службы и озвучиваются милициским генералом?*

Текст статьи

(1) *Вероятно, по той причине, что скандал уже стал достоянием общестственности, генерал-лектор Александр Гуляков не стал брэнчать, как жес-тянками, заслугами УВД в раскрытии преступлений. Он, конечно же, вынужден был признать, что мы в этой части уже скатились вниз!*

(2) *Ведь если факт то ли бессовестного вранья, то ли вовсе профессиональной некомпетентности, то ли искреннего заблуждения генерала Гулякова установлен, то возможно ли доверять его словам и впредь?* — негативная информация.

(3) *В отличие от прокурора Кошлевского, Гуляков заговорил о проблеме только тогда, когда его стала «доставать» местная независимая пресса. Вот и поверь после этого уверениям генерала милиции в том, что он открыт перед обществом!* — негативная информация.

(4) Впрочем, на человека рядового, не знающего тайн УВД, а также того, какие интриги плетутся в «белом доме» на улице Злобина, слова красавца генерала (ведь похвастался же Александра Гуляков журналистам, что девушки на него до сих пор заглядываются) могут и произвести впечатление.

(5) Людям, знающим хотя бы пять процентов того, что так старательно прячется от общественного мнения милицейским чиновничеством, чаще приходится задавать себе вопросы о том, какие же метаморфозы происходят с нашей пензенской милицией с той поры, как ее возглавил Александр Гуляков.

(6) На той же пресс-конференции ведущий областного телевидения Виктор Вавилов поинтересовался у Гулякова, почему так мало уголовных дел по антикоррупционным статьям? И Александр Дмитриевич был вынужден констатировать, что его подчиненные не научились еще работать по взяткам. Но причина этого неутешительного обстоятельства, по его словам, заключается в том, что современного чиновника-взяточника взять с поличным, дескать, очень и очень сложно (понятно — это не лекции студентам читать!).

(7) И простите, каких таких громких уголовных дел можно ждать от УВД, начальник которого частенько приговаривает, что, дескать, то или иное дело «не имеет перспектив, поскольку все упрется в чисто гражданско-правовые отношения».

(8) Разве можно выиграть битву ... с поднятыми руками? И ведь как ни крути, но именно по этой причине в органы государственной власти Пензенской области стали попадать люди, которые, по выражению самого Александра Гулякова, «работают, используя жульнические методы».

(9) К слову, подобные фразы произносил Александр Гуляков на диктофон пишущему эти строки газетчику, характеризуя некоторые темные проделки того же народного депутата Виктора Юрина....

(10) Так кому же принесла эффект та махинация?

Напомню, что в то время областную прокуратуру возглавлял седовласый Виктор Костяев, а областное УВД — генерал «теоретик» Александр Гуляков. Первый сегодня что-то там советует Валерию Кошлевскому. А второй... Мог бы все-таки защитить (или хотя бы попытаться!) своего подчиненного — начальника Земетчинского РОВД от произвола оборзевших чиновников!

Впрочем, лично для меня уже ясно — не мог защитить! Потому что, вероятно, побоялся нежелательного осложнения отношений с самим губернатором! Не случайно же генерал Гуляков искренне недоумевал на пресс-конференции, как же можно не подчиняться Бочкареву, коли тот финансирует УВД? — негативная информация.

(11) Почему на пресс-конференции в УВД Александр Гуляков заявил, что в возбуждении уголовного дела по этому факту было отказано ... за отсутствием состава преступления? Да, вот так и ляпнул! Может, потому, что Юрин — олигарх местного шиша и депутат Законодательного собрания

области, и с ним рядом в трудную минуту всегда находилась тень нашего Кузьмича? Тогда настоящий ли у нас генерал? Хватает ли ему гражданского мужества достойно нести по жизни свою одну, но такую большую и тяжелую звезду? Или он так и будет привычно оглядываться на бесспорно влиятельного Василия Бочкарева? И считать, что тот, выделяя казенные деньги для УВД, совершает акт личного меценатства, а не просто выполняет работу государственного чиновника? Которая есть, заметим, его же государственный долг. — негативная информация.

(12) Пресса это «форменное безобразие» описала в деталях. И доказательно! А что же Гуляков? У генерала собственное мнение. Сухов, дескать, действовал в рамках закона! А Кочетков просто «запутался (!) в тракторах», да к тому же уже и на пенсии. — негативная информация.

(13) Мне могут возразить, что рассказанные эпизоды составляют все-таки единичные факты. Чего же тогда бить тревогу? Ведь и сам генерал Гуляков настаивает на том, что в его ведомстве далеко не все в порядке. «Милицию всегда критиковать есть за что!» — воскликнул он горемычно на пресс-конференции.

(14) — Прямо вины Кузнецова в гибели людей я не усматриваю! — уверенно заявил на пресс-конференции Александр Гуляков. Дескать, фугас все равно был бы взорван под милиционерами. Однако тут же вступил в противоречие с самим собой, заявив о том, что парни гибли в основном от автоматического огня. ... К тому же помощь пришла попавшим в засаду только через сорок минут. И это при том, что, по словам Гулякова, от поселка до места боя всего-то километра четыре!

(15) Не многовато ли проблем в УВД образца последних лет? И не слишком ли мягок в своих решениях генерал-лектор Гуляков? — негативная информация.

(16) Может, если вдуматься, ему как раз и недостает в генеральской звезде адекватного глубокого внутреннего содержания и профессиональной командирской выдержки? Той, которая, выражаясь образно, отличает настоящий коньяк от суррогата быстрого приготовления. Оттого и обиды на журналиста «Российской газеты» за его жестокие вопросы на пресс-конференции, оттого и мальчишеская поза, высказанная публично, — дескать, да, я плохой, вы же это хотите услышать!

Вопрос 2

Следующие высказывания содержат негативную информацию

(2) *Ведь если факт то ли бессовестного вранья, то ли вовсе профессиональной некомпетентности, то ли искреннего заблуждения генерала Гулякова установлен, то возможно ли доверять его словам и впредь?* — негативная информация содержится в форме предположения, на это указывает структура предложения: *если..., то ...* Предложения, построенные по такой модели, представляют информацию гипотетически.

(3) *В отличие от прокурора Кошлевского, Гуляков заговорил о проблеме только тогда, когда его стала «доставать» местная независимая пресса. Вот и поверь после этого уверениям генерала милиции в том, что он открыт перед обществом!* — негативная информация в форме утверждения: повелительная форма глагола *поверить* (*вот и поверь после этого*). Утверждение о том, что уверениям генерала о его открытости обществу, верить нельзя.

(10) *Так кому же принесла эффект та махинация?*

Напомню, что в то время областную прокуратуру возглавлял седовласый Виктор Костяев, а областное УВД — генерал «теоретик» Александр Гуляков. Первый сегодня что-то там советует Валерию Кошлевскому. А второй... Мог бы все-таки защитить (или хотя бы попытаться!) своего подчиненного — начальника Земетчинского РОВД от произвола оборзевших чиновников!

Впрочем, лично для меня уже ясно — не мог защитить! Потому что, вероятно, побоялся нежелательного осложнения отношений с самим губернатором! Не случайно же генерал Гуляков искренне недоумевал на пресс-конференции, как же можно не подчиняться Бочкареву, коли тот финансирует УВД? — негативная информация в форме утверждения. Автор статьи полагает, что Гуляков должен был защитить своего подчиненного от произвола чиновников, но не сделал этого. Это и утверждается. Причину такого поступка автор статьи видит в том, что — как автор статьи предполагает, но не утверждает (*Потому что, вероятно,...* — употребление вводного слова *вероятно* указывает на предположение) — Гуляков побоялся нежелательного осложнения отношений с губернатором.

(11) *Почему на пресс-конференции в УВД Александр Гуляков заявил, что в возбуждении уголовного дела по этому факту было отказано ... за отсутствием состава преступления? Да, вот так и ляпнул! Может, потому, что Юрин — олигарх местного пошиба и депутат Законодательного собрания области, и с ним рядом в трудную минуту всегда находилась тень нашего Кузьмича? Тогда настоящий ли у нас генерал? Хватает ли ему гражданского мужества достойно нести по жизни свою одну, но такую большую и тяжелую звезду? Или он так и будет привычно оглядываться на бесспорно влиятельного Василия Бочкарева? И считать, что тот, выделяя казенные деньги для УВД, совершает акт личного меценатства, а не просто выполняет работу государственного чиновника? Которая есть, заметим, его же государственный долг.* — негативная информация в форме предположения, на это указывает употребление слова *может*, а также ряд собственно вопросов, которые представляют особую форму рассуждения, не являющуюся суждением о чем-либо, то есть не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо. У экспертов нет достаточных оснований полагать, что эти вопросы риторические, то есть содержащие в себе уже и ответы. Эти вопросы обращены как к самому генералу, так и к читательской аудитории с целью понять, проанализировать факты и сделать самостоятельные выводы, отвечая на вопрос, поставленный во врезке статьи.

(15) *Не многовато ли проблем в УВД образца последних лет? И не слишком ли мягок в своих решениях генерал-лектор Гуляков?* — негативная информация в форме предположения-вопроса. По мнению автора, излишняя мягкость — черта, свойство характера, которое не следует проявлять, будучи генералом. Даже при утвердительной форме такого высказывания, оно не могло бы стать оспариваемым фрагментом, так как нет возможности объективно проверить достаточную / недостаточную степень мягкости-жесткости при принятии определенных решений должностного лица.

(16) *Может, если вдуматься, ему как раз и недостает в генеральской звезде адекватного глубокого внутреннего содержания и профессиональной командирской выдержки? Той, которая, выражаясь образно, отличает настоящий коньяк от суррогата быстрого приготовления. Оттого и обиды на журналиста «Российской газеты» за его жесткие вопросы на пресс-конференции, оттого и мальчишеская поза, высказанная публично, — дескать, да, я плохой, вы же это хотите услышать!* — негативная информация в форме предположения-вопроса (*может...*). По мнению автора (но не в форме утверждения), генералу недостает *адекватного глубокого внутреннего содержания и профессиональной командирской выдержки*. Даже при утвердительной форме такого высказывания, оно не могло бы стать оспариваемым фрагментом, так как нет возможности объективно проверить достаточную / недостаточную степень адекватного глубокого внутреннего содержания и профессиональной командирской выдержки.

Вопрос 3

В лингвистических экспертизах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, ключевым звеном является детальное изучение значения и стилистической окраски слов и словосочетаний современного русского языка, содержащихся в представленных на экспертизу текстах, учитывая их возможное использование для унижения чести и достоинства другого человека, выраженное в неприличной форме (оскорблении).

При оскорблении в отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость и ложность распространяемых сведений значения не имеет. В практике принято выделять определенные разряды слов литературного и разговорного языков, использование которых в отношении определенного лица (прежде всего физического), как правило, является оскорбительным.

Это:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*.
2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осужда-

мую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, хапнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование в качестве характеристик лица нецензурных слов.

В анализируемой статье Е.А. Шилова «Честь имею!» не содержится оскорбительной лексики.

Вопрос 4

Заслуживает профессионального комментария как композиция статьи, так и ее заголовок и подзаголовок.

Заголовок статьи «*Честь имею!*» — фразеологическое выражение. Согласно толковым словарям русского языка, это выражение — устарелое, употребляется со словами *просить, предложить, сообщить* как формула вежливости в речи, обращенной к вышестоящему лицу (см. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, стр. 882, статья *честь*, ромбовая часть). Подзаголовок статьи — вопросительное предложение «*Имеет ли полное моральное право заявить так генерал УВД Александр Гуляков?*» актуализирует основное значение слова *честь* — «достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы» (см. там же). Сочетание прямого значения слова *честь* в подзаголовке-вопросе и значения фразеологического выражения *честь имею* в заголовке создает определенный эффект (каламбур), задает критический тон статьи. Во врезке этот критический тон определен самим автором статьи, основная цель автора — сопоставить «*Цифры, которые показывают, что с каждым годом наше областное УВД все успешнее сражается с преступностью, гробит коррупцию на корню, гвоздит заворовавшееся начальство*» и факты, которые известны журналисту. Основной пафос ста-

ть (он определен самим автором уже во врезке) — несоответствие цифр, получаемых журналистами на брифингах в УВД, и фактического положения дел с преступностью в Пензенской области; отношение к де-юре (к цифрам, к статистике) и к де-факто (реальному положению дел) должностного лица — генерала УВД Александра Гулякова. Таким образом, уже в начальной части статьи (подзаголовок, врезка) автор четко определяет критическую направленность статьи: *«Все так. Но именно поэтому печатать увездшную статистику в газете, дабы в очередной раз продемонстрировать читателям, что наша милиция нас бережет, — увольте!»* — здесь *увольте* в значении «избавьте от чего-нибудь неприятного, тяжелого», по сути это категорический отказ в вежливой форме. Вся статья (последовательно, как это задано во врезке) построена по принципу сопоставления: (1) де-юре (статистика); комментарии генерала Гулякова — (2) де-факто (реальное положение дел, как их излагает автор статьи — напоминаем, что в компетенцию эксперта-лингвиста не входит установление того, соответствуют ли факты, изложенные автором статьи, действительности) — (3) сопоставление де-юре и де-факто; комментарии (обычно в форме вопросов) автора статьи. Следует обратить внимание, что немалое содержание вопросительных предложений автора статьи можно рассматривать как приглашение к разговору, привлечение внимания читателей с просьбой самостоятельно их интерпретировать и сделать свой вывод.

В целом статья Е.А. Шилова «Честь имею!» носит дискуссионный характер, ставит своей целью на основании большого фактологического материала и в рамках лингвостилистической корректности (не упребляя оскорбительной лексики) привлечь общественное внимание к ряду насущных и спорных проблем в Пензенской области, к решению которых, по мнению автора статьи, может иметь отношение генерал УВД Александр Гуляков.

Экспертиза 30

С. Дылевская

«ХАБАРИЗАЦИЯ» ВСЕЙ СТРАНЫ. ЧАСТЬ 2»

*Электронный бюллетень представительства
«Интерньюс Нетуорк» в Казахстане, № 23 (117) за 2001 г.*

- **Основание для проведения экспертизы:** запрос директора представительства «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане О.Кациева в ГЛЭДИС.
- **Эксперты:** Ю.А.Бельчиков, М.В.Горбаневский, Е.К.Кара-Мурза, А.С.Мамонтов, В.М.Шаклеин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

г. Москва

30 мая 2002 г.

Комиссия экспертов в следующем составе: председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Горбаневский Михаил Викторович (научно-исследовательский лингвистический стаж — 26 лет), зам. председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Шаклеин Виктор Михайлович (научно-исследовательский лингвистический стаж — 33 года), действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Бельчиков Юлий Абрамович (научно-исследовательский лингвистический стаж — 49 лет), действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, кандидат филологических наук, доцент Кара-Мурза Елена Станиславовна (научно-исследовательский лингвистический стаж — 22 года), действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Мамонтов Александр Степанович (научно-исследовательский лингвистический стаж — 26 лет) на основании запроса директора представительства «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане О.Кациева от 24.05.2002 г. произвела психолого-лингвистическую экспертизу публикации «“Хабаризация” всей страны. Часть 2», размещенной на веб-сайте представительства «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане в электронном бюллетене №23 (117) за 2001 год, в связи с судебным иском Алиева Рахата Мухтаровича к представительству «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане.

Экспертиза начата 24 мая 2002 г. Экспертиза закончена 30 мая 2002 г.

В распоряжение экспертов были предоставлены следующие материалы:

1. Ксерокопия распечатки публикации «“Хабаризация” всей страны. Часть 2», подписанной Светланой Дылевской и размещенной на веб-сайте представительства «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане в электронном бюллетене №23 (117) за 2001 год на 6-и стр. (сс.2-7).

2. Ксерокопия искового заявления Алиева Рахата Мухтаровича (по доверенности — ТОО «Юридический центр») о защите чести, достоинства и деловой репутации от 05.12.2001 на 2-х стр.

3. Ксерокопия заключения экспертов № 2561 Центральной (Алматинской) научно-производственной лаборатории судебной экспертизы от 21 марта 2002 г. на 20-и стр.

Обстоятельства дела: известны комиссии экспертов в объеме изложенного в представленных материалах. Научные исследования в ходе экспертизы проведены в г.Москве в Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам; при производстве экспертизы участники процесса не присутствовали.

На разрешение экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексике?

2. Содержатся ли в публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» слова или словосочетания, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

3. Содержатся ли в публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» клеветнические высказывания или измышления в адрес Р.М. Алиева?

4. Содержится ли в оспариваемом фрагменте публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» оценка личности и деятельности Р.М.Алиева?

5. Содержатся ли в публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» высказывания, дающие негативную оценку личности Р.М.Алиева?

6. Каков смысловой контекст оспариваемого Р.М.Алиевым фрагмента публикации:

«Д. Назарбаева и ее супруг — первый заместитель председателя КНБ РК Рахат Алиев, владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле— и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг (телеканалы Хабар, КГК, НТК, «ОРТ-Казахстан», радиостанция «Европа плюс Казахстан», «Хит ФМ-Хабар», «Русское радио», «Радио Ретро-Караван», газеты «Новое поколение», «Караван», типография «Каравана», информационное агентство «Kazakhstan Today», рекламное агентство TV-Media и др.) В этом же ряду стоят телекоммуникационная компания КАТЕЛКО, «Казахстанская вещательная корпорация» (зимой 2000 года постановлением правительства две организации, в ведении которых находились телерадиопередающие средства (передатчики, телевышки, телецентры и т.п.) были реорганизованы и права владения и пользования государственным пакетом акций новоиспеченной организации были переданы «КВК-Казахстанской Вещательной Корпорации», учредителем которой является группа юридических и физических лиц. Эксперты задаются вопросом, кому была выгодна приватизация госсобственности?»

7. Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» ?

8. Какими, исходя из анализа стилистики, композиции публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» и семантики ее лексических компонентов, являются целеполагающие установки данной публикации — как текста, обращенного через электронное СМИ к множеству читателей?

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам:

1. Какие типы лексики современного русского языка российские ученые-лингвисты относят к оскорбительной лексике?

В лингвистических экспертизах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации, как правило, ключевым звеном является детальное изучение значения и стилистической окраски слов и словосочетаний современного русского языка, содержащихся в представленных на экспертизу текстах, учитывая их возможное использование для унижения чести и достоинства другого человека, выраженное в неприличной форме (оскорбления).

При оскорблении в отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость и ложность распространяемых сведений значения не имеет. В практике принято выделять определенные разряды слов литературного и разговорного языков, использование которых в отношении определенного лица (прежде всего, физического), как правило, является оскорбительным. Это следующие разряды:

1. Слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка*.

2. Слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого: *расист, двурушник, предатель*.

3. Названия некоторых профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*.

4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (*свинья*), глупость (*осел*), неповоротливость, неуклюжесть (*корова*) и т.п.

5. Глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой: *воровать, хапнуть*.

6. Слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности и т.п., без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию: *негодяй, мерзавец, хам*.

7. Эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер: *женщина легкого поведения, интердевочка*.

8. Специальные негативно-оценочные каламбурные образования: *коммуняки, дерьмократы*.

Кроме того, оскорбительным, как правило, является использование в качестве характеристик лица нецензурных слов.

2. Содержатся ли в публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» слова или словосочетания, относящиеся к одному или нескольким типам оскорбительной лексики?

В анализируемой публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» не содержится оскорбительной лексики.

3. Содержатся ли в публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» клеветнические высказывания или измышления в адрес Р.М. Алиева?

Вопрос находится вне компетенции экспертов-лингвистов. Клевета предполагает прямой умысел лжи (когда говорящий/пишущий изначально стремится опорочить другое лицо, зная, что не прав, но все равно говорит или пишет, сообщая ложные сведения, причем касающиеся конкретных фактов, а не представляющие собой оценочные суждения). В этом аспекте теории права эксперт-лингвист не располагает возможностью определить наличие/отсутствие умысла.

4. Содержится ли в оспариваемом фрагменте публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» оценка личности и деятельности Р.М. Алиева?

Собственно оценки оспариваемый фрагмент не содержит. Фрагмент содержит информацию о том, что Рахат Алиев (и его супруга Д. Назарбаева) ...»владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг».

Эта информация (сведения) не может быть признана положительной или отрицательной, так как само по себе владение чем-нибудь или контролирование чего-нибудь не может характеризовать человека с хорошей или плохой стороны. При этом информация о владении чем-либо или о прямом контроле может быть проверена (верифицирована); сведения о косвенном контроле документально подтвердить трудно, таким образом, информацию в тексте о косвенном контроле верифицировать затруднительно.

Что такое оценка личности с лингвистической точки зрения? Это преципирование (приписывание) человеку *своих свойств и качеств* в аспекте Добра или Зла, Пользы или Вреда, Красоты или Безобразия, Благородства или Подлости и тому подобным аксиологическим (оценочным) категориям или представлению его *действий и поступков* как подлежащих аксиологической характеристике. С точки зрения языковой формы это выражается в употреблении стилистически окрашенной, экспрессивно-оценочной лексики (а не стилистически нейтральных синонимических вариантов). Приведем пример нейтрального и оценочного названия человека, его свойств и действий. Можно сказать, что он *некрасив*, а можно — что он *урод*. В последнем случае высока степень проявленности качества, т.е. экспрессивность слова. Можно сказать, что человек что-то *взял без разрешения и без основания*, а можно — что он это *украл* или *спер*. Если в пер-

вом случае в формулировке содержится неэмоциональная и неоценочная констатация события, то во втором случае в значении слова заложена ярко выраженная оценка действия как противоправного, не соответствующего ни закону, ни нравственным критериям. А в третьем случае негативная оценка настолько сильна, что сама находится за гранью допустимого речевого поведения. Такие слова называются ненормативными (в данном случае это экспрессивно-просторечное слово), а их употребление не рекомендуется в официальных ситуациях, да и вообще не приветствуется, потому что их употребление само может оцениваться как неправомерное речевое поведение — унижение чести и достоинства личности как объекта оценки.

Во фрагменте текста публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2», который лег в основание иска, полностью отсутствуют оценочные номинации действий и состояний истца. Все глаголы, которыми обозначены эти действия и состояния, относятся к стилистически нейтральной неоценочной лексике русского языка: «Д. Назарбаева и ее супруг — (...) Рахат Алиев владеют или контролируют (...) несколько теле— и радиосетей (...)». Другое дело, что в этой фразе допущена грамматическая стилистическая ошибка при употреблении однородных сказуемых, выраженных глаголами с разными управляемыми падежами (надо было бы написать «владеют несколькими теле— и радиосетями и контролируют их»). Но для данной исковой ситуации эта стилистическая ошибка не имеет никакого значения, так как не влияет на значение фразы.

5. Содержатся ли в публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» высказывания, дающие негативную оценку личности Р.М. Алиева?

Высказываний (в форме утверждения, предположения), содержащих негативную информацию лично о Р.М. Алиеве или негативную оценку Р.М. Алиева, в публикации не содержится.

Публикация «Хабаризация» всей страны. Часть 2» посвящена «подробностям о ЗАО «Агентство «Хабар». Цель статьи определена автором в начале публикации. Подробности предполагают рассказ (информацию) об объекте («Агентство «Хабар»). Статья — последовательная «история вопроса» «Агентства «Хабар». Автор сопровождает эти подробности (факты) большим количеством цитируемого материала, который позволяет читателю ответить на вопросы, которые интересуют журналиста. Так, излагая «вопрос государственной поддержки канала», автор цитирует интервью Д. Назарбаевой; см. также «На вопрос журналистов, кто является учредителем канала и как он получил частоту» — ответ (в изложении) министра культуры А. Сарсенбаева.

Все приводимые факты журналист, конечно, анализирует, однако основной элемент анализа — **риторические вопросы**, задаваемые автором, так как основная задача автора — сопоставить и осмыслить факты (источ-

ники всегда указываются) и интерпретацию этих фактов. Заметим также, что весь анализ дан в форме предположений: «Думается, что сказанное...» — вводное слово *думается*; «Видимо, решив подстраховаться...» — вводное слово *видимо*; «эксперты по СМИ говорят» — предложение, указывающее на источник мнений.

Автор данной публикации активно пользуется сведениями и мнениями, сформулированными другими журналистами или другими субъектами информационной и политической деятельности, включая свое агентство как целое. Ср. авторизованное высказывание с двумя субъектами: один — это коллективный субъект речедетельностного предиката («СМИ, близкие к правительственным кругам»), а другой субъект — реальный автор высказывания (журналистка С. Дылевская, выражающий свою недвусмысленно негативную оценку способа действий этих СМИ: «*непредносят*» — это ироничный синоним стилистически нейтрального глагола «*пишут*» — доминанты синонимического ряда, входящего в большое лексико-семантическое поле с общим значением «передача информации» (говорить, писать, рассказывать). Кроме того, источниками информации и мнений, упомянутыми в статье, являются также Д. Назарбаева («Кстати, сама Д. Назарбаева неоднократно заявляла об идеях создания ряда «хабаров» и о ретрансляции «клонированных» каналов на всю республику: (интервью газете «Новое поколение»: «...сегодня ясно, что...»), правительство («А еще раньше, весной (22 апреля) 1998 года правительство издало постановление № 380...»), вышеупомянутая «Казахстанская Правда» и нек. др. (Полисубъектность текста как лингвистическая проблема исследована в ряде трудов проф. Г.А. Золотовой). Большой разоблачительный пассаж относительно роли Д. Назарбаевой принадлежит обозревателю казахстанской прессы Андрею Свиридову. Прочитируем (в сокращении, сохраняя авторское правописание) его мнение, поскольку оно также сформулировано с применением ряда риторических приемов косвенной негативной оценки, которые автор вынужден использовать, поскольку Д. Назарбаева — дочь президента Казахстана Н. Назарбаева: «Если человек хочет и может руководить электронным СМИ и это у него получается, то пусть и руководит, чьим бы отпрыском его не угораздило родиться. Тем более, что первоначальные информационные программы «Хабара», еще в качестве одной из редакций КазТВ, являли собой заметный прогресс по сравнению с прежней продукцией государственной телерадиокомпании, застывшей в безнадежном «совке». Если бы новая телекомпания действительно развивалась в эту сторону, это можно было бы только приветствовать. Если бы возглавляемая «дочерью Казахстана» медиа-империя могла бы — и желала бы — играть по общим правилам, а не устанавливать их сама под себя!... И уж тем более не стремилась бы то и дело менять эти правила по ходу игры...».

6. Каков смысловой контекст оспариваемого Р.М. Алиевым фрагмента публикации: «Д. Назарбаева и ее супруг — первый заместитель председателя КНБ РК Рахат Алиев, владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг (телеканалы Хабар, КГК, НТК, «ОРТ-Казахстан», радиостанция «Европа плюс Казахстан», «Хит ФМ-Хабар», «Русское радио», «Радио Ретро-Караван», газеты «Новое поколение», «Караван», типография «Каравана», информационное агентство «Kazakhstan Today», рекламное агентство TV-Media и др.) В этом же ряду стоят телекоммуникационная компания КАТЕЛКО, «Казахстанская вещательная корпорация» (зимой 2000 года постановлением правительства две организации, в ведении которых находились телерадиопередающие средства (передатчики, телевышки, телецентры и т.п.) были реорганизованы и права владения и пользования государственным пакетом акций новоиспеченной организации были переданы «КВК-Казахстанской Вещательной Корпорации», учредителем которой является группа юридических и физических лиц. Эксперты задаются вопросом, кому была выгодна приватизация госсобственности?)»

Фрагмент, приведенный в исковом заявлении, процитирован частично, вырван из контекста. В самой публикации этот фрагмент — часть абзаца, начинающегося фразой: «Эксперты по СМИ говорят, что сегодня все крупные казахстанские СМИ фактически перешли в собственность членов семьи президента страны либо частных лиц, близких к президентским кругам». Важно обратить внимание на то, что это мнение не автора статьи, а экспертов по СМИ, на что указывает вводное предложение «Эксперты по СМИ говорят». Фрагмент искового заявления и следующего за процитированным выше первым предложением абзаца публикации, таким образом, может быть отнесен к подтверждению мнения экспертов. Содержание заключительной фразы (вопроса) абзаца «Эксперты задают вопрос: кому была выгодна приватизация госсобственности?» также указывает на то, что фрагмент, приведенный в иске, — аргумент в пользу верности мнения экспертов по СМИ.

В указанном фрагменте отсутствуют оценочные номинации, касающиеся личности истца. Словарь сочетаемости слов русского языка (под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, 2-е изд., испр. М., 1983) дает такие определения к слову «личность», как «человеческая, отдельная, историческая» и нек. др. не оценочные дефиниции, а также «выдающаяся, героическая, светлая, темная, подозрительная» и под., дающие оценочную квалификацию. Из приведенного списка видно, что в состав лексического значения оценочных прилагательных входит категориальный аксиологический компонент «хороший» или «плохой», содержащий явную этическую составляющую. Отметим, что, по мнению выдающегося современного лингвиста, члена-корреспондента Н.Д. Арутюно-

вой, оценка как феномен человеческого познания и отношения к миру всегда содержит в более или менее отчетливой форме этический, нравственный аспект. Согласно словарю под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина ЛИЧНОСТЬ — это «человек как член общества и как носитель личного, индивидуального начала; совокупность свойств, присущих данному человеку», а по «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это «1. Человек как носитель каких-н. свойств, лицо (в 3 знач.). 2. *мн.* Обидные замечания, намеки». Ни одного определения личности в цитируемом отрывке нет, потому что автор статьи С. Дылевская и не ставила своей задачей оценку личности Р.М. Алиева — ни в цитированном фрагменте, ни в статье в целом.

Отметим специально такие текстовые субъекты, как «наблюдатели и ТВ-эксперты» и «эксперты по СМИ». Доверяя им высказывать экспертное мнение, автор публикации С. Дылевская прибегает к испытанному риторическому приему обращения к авторитетам для придания своей позиции большей убедительности в глазах читательской аудитории интернет-издания. Кроме того, таким способом автор уменьшает возможность преследования за критику, поскольку использует мысли из авторитетных интеллектуальных источников и создает фундамент обоснованности своей журналистской позиции. Именно «эксперты по СМИ» и являются субъектами мнения во фрагменте, послужившем основанием данного иска. Он представляет собой один из последних абзацев публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» и непосредственно следует за абзацем, где сформулирована ключевая проблема статьи. Прочитируем фрагмент, но не так, как это сделал истец. Разобьем его на логико-композиционные элементы и прокомментируем логическую структуру этого фрагмента с 1 по 9 пункт. Прочитав целиком оба абзаца, постараемся понять, уже познакомившись в ходе экспертного анализа со всей статьей, какой персонаж статьи является главным объектом критики в данном произведении:

1. К сожалению, вопрос о реальных владельцах крупнейших казахстанских СМИ остается тайной за семью печатями. 2. Складывается парадоксальная ситуация, когда 3. С одной стороны, СМИ являются формально независимыми (то есть негосударственными, частными), а с другой — прослеживается явная близость государственных структур к крупнейшим теле- и радиосетям. 4. В таких условиях невозможен какой-либо контроль общества за законностью использования государственных доходов, за законностью получения и распределения доходов, начисления налогов и т.п. 5. Эксперты по СМИ говорят, что 6. Сегодня все крупные казахстанские СМИ фактически перешли в собственность членов семьи президента страны, либо частных лиц, близких к президентским кругам. 7. Д. Назарбаева и ее супруг — первый заместитель председателя КНБ РК Рахат Алиев, владеют или контролируют (прямо или косвенно) несколько

теле- и радиосетей, объединенных неформально в медиахолдинг (...). В этом же ряду стоят телекоммуникационная компания КАТЕЛКО (...). 8. Эксперты задаются вопросом, 9. Кому была выгодна приватизация госсобственности?

Данный текстовый фрагмент состоит из двух абзацев и располагается в заключительной части статьи. В нем содержатся **основные наблюдения и выводы** автора статьи по поводу ситуации в казахстанских СМИ. В п. 1 сформулирована основная проблема статьи относительно генерального объекта текста. В п. 2 оценена ситуация, то есть сформулирован основной тезис данного заключительного фрагмента статьи, а в 3 приведены аргументы к этому тезису. Пункт 4 представляет собой вывод-следствие из этого рассуждения. Пп. 5 и 8 представляют собой авторизационные конструкции, в которых появляется особый субъект речи — «эксперты», причем этот субъект призван и усилить своим авторитетом производимое на аудиторию впечатление, и распределить ответственность за критические мнения, высказываемые относительно генерального объекта текста — «крупнейших казахстанских СМИ». Это — один из приемов «эзопова языка» в условиях ограниченной свободы слова. Пункт 6 — основа для критического пафоса статьи, фактивный тезис. Здесь информация подана в специфической синтаксической позиции (в придаточном изъяснительном, где сведения воспринимаются с наименьшей критичностью, как само собой разумеющиеся; это так называемая семантическая пресуппозиция). Однако суггестивность (некритичность восприятия) этой информации смягчена глаголом в модусной рамке (перформативный, т.е. речевой глагол «говорить» обладает меньшей верифицирующей, истинностной силой, нежели, например, глагол «сообщать»). Пункт 7 является аргументом-примером к тезису в п. 6 и собственно и представляет собой предмет для искового заявления. Он содержит сведения, которые истец считает не соответствующими действительности. И, наконец, п. 9 являет собой косвенное утверждение, сделанное в виде риторического вопроса. Формулировка «Кому была выгодна приватизация госсобственности?» в предлагаемых обстоятельствах означает только одно: «Приватизация госсобственности была выгодна тем, кто ее получил», а из предыдущих высказываний читателю это стало совершенно понятно: это члены семьи президента Назарбаева, в первую очередь его дочь Д. Назарбаева. Она, а вовсе не Р. Алиев является **основным объектом критики анализируемой статьи** в информационном интернет-бюллетене «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане, мнение которого представлено автором статьи — журналистом С. Дылевой.

На основе проведенного анализа можно выявить то, что в этом пассаже (т.е. в п.7) причинило истцу, по его мнению, «непоправимый моральный вред, выразившийся в дискомфортном, нервном состоя-

нии». В этом высказывании распространяются как нечто уже известное, как аргумент к тезису, сведения, которые он считает не соответствующими действительности. А сам истец, по его словам, предстает в этой фразе как субъект действия, не соответствующего действительности. Причина такого восприятия данной фразы и истцом, и потенциальной аудиторией чисто лингвистическая, но она лежит не в употреблении негативно оценочной лексики, которая призвана оскорблять личность субъекта действия и унижать его честь и достоинство, дискредитировать его в глазах потенциальной аудитории. Этого здесь нет. Причина лежит в специфической синтаксической организации фразы, которая является характерной для русского языка в целом и часто встречается в журналистских текстах как новостного, так и аналитического характера, обладающего как позитивным, так и негативным пафосом. Анализируемая фраза устроена так, что сведения, содержащиеся в ней, воспринимаются как достоверные, хотя это может быть и не так. Здесь лингвистическая экспертиза оказывается у границ своей применимости, так как доказывать истинность или неистинность содержащихся в тексте сведений не входит в ее компетенцию.

Однако необходимо добавить, что лингвистика различает событие и оценку события, мнение о событии. И если фраза, содержащая событийную информацию, не подлежит лингвистическому суду, то это нельзя сказать о фразе, содержащей оценочное суждение. С точки зрения лингвистики это мнение, т.е. высказывание, не подлежащее как таковое процедуре верификации, проверке на истинность. А с точки зрения теории и практики журналистики мнение — неотъемлемая принадлежность текстов СМИ, право формулировать и распространять которые и для журналистов, и для других категорий граждан защищено Конституцией и национальными и международными законодательствами о СМИ.

7. Каковы наиболее существенные и значимые жанровые, психолингвистические и стилистические особенности текста публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2?»

Текст написан в жанре критической статьи, в сущностные характеристики которой входит наличие мнений по тем или иным важным вопросам современности. Высказываться по этим вопросам, поднимать их, вызывать к ним интерес широкой общественности — это профессиональная задача журналистики. Никто, никакие должностные лица не могут ей в этом воспрепятствовать. Мнения неподсудны, а свобода выражения и распространения мнений зафиксирована в Конституциях большинства демократических стран как одна из основополагающих гражданских свобод и одно из базовых прав личности. Однако информация в любом журналистском тексте должна быть достоверной, а мне-

ния доказательными. Это тоже профессиональный долг журналистики, и в случае его невыполнения она должна исправлять допущенные промахи в соответствии с правилами, установленными законами и профессиональными кодексами. Неверная информация опровергается, а некорректные мнения оспариваются.

С уверенностью можно сказать, что в тексте публикации не содержатся оскорбительные оценки личности истца, и вообще никого из действующих лиц публикации. С уверенностью можно сказать, что об истце и о других действующих лицах **распространены сведения**, согласно которым они совершили деяния, которые могут и должны стать объектом критики и дальнейшего расследования (для истца это участие высокопоставленного государственного служащего в приватизации и использование служебного и семейного положения). **Степень достоверности именно этих сведений лингвистическим путем не определяется.** Для этого нужны фактические доказательства, которые в статье не приведены. Информация сформулирована с опорой на высказывания различных субъектов казахстанского медиапроцесса и недостаточно конкретно. Сведения, распространяемые журналистом, должны быть достоверными, а мнения — обоснованы убедительными фактами. В случае с анализируемой публикацией у лингвистов-экспертов возникают некоторые сомнения, связанные с языковой формой подачи информации. Что означает «контролируют *прямо или косвенно*» — каковы «формы» этой косвенности, какова ее степень? Что означает определение «объединенные *неформально* в медиахолдинг» — нет и не было документов об их объединении? Или журналисты не сумели их вовремя достать? В любом случае **обоснованность** действительно серьезных претензий к адрес Д. Назарбаевой, Р. Алиеву и другим персонажам публикации (кстати, безымянным) должна стать во главу угла **дальнейшего журналистского расследования** и быть явно представленной в тексте публикации. Эксплицирование доказательной базы журналистского текста позволяет авторам подобных критических статей избегать предъявления к ним судебных исков.

В целом статья «Хабаризация» всей страны. Часть 2» ставит своей целью на основании большого фактологического материала и в рамках лингвистической корректности **привлечь общественное внимание** к ряду насущных проблем медиабизнеса и к деятельности медиакомпаний Казахстана. Исследованный комиссией экспертов текст написан очень **взвешенно, эмоционально сдержанно**, изложение имеет **объективно-констатирующий характер**. Автор стремится свои утверждения, а также оценочные суждения (которым тоже присуща сдержанная, преимущественно рационалистически-рассудочная экспрессия) **обосновать логически** или с опорой на цитаты из интервью должностных лиц, газетные материалы, официальные документы. Подтверждением данного тезиса

экспертов служит то обстоятельство, что в шестистраничном тексте публикации 37% составляют прямые цитаты и ссылки на документы или их изложение. С. Дылевская проявляет осторожность в формулировании своих утверждений, высказывая некоторые из них в предположительной форме: «Видимо.....», «Думается.....», «...Наблюдатели ... полагают, что, скорее всего...» и др.

В тексте публикации нет необоснованно резких по тональности, по экспрессивной оценке негативных оценок должностных лиц, учреждений, органов СМИ. Несомненно выразительным, заставляющим обратить внимание на журналистский материал представляется заголовок данной публикации, четко соотносящийся с ее содержанием и заостряющий внимание читателя на процессах, происходящих в системе казахстанских СМИ (тем более — местного читателя, владеющего актуальным фондом фоновых знаний). Вместе с тем заголовок публикации эксперты считают единственным острым, публицистически заряженным компонентом публикации, не выходящим, впрочем, за границы лингвистической корректности. Экспрессивные речевые средства в анализируемой публикации представлены весьма скромно и в своем большинстве относятся к сфере рационально-рассудочных оценок; их выразительность характеризуется сдержанностью, свойственной уравновешенной книжной речи, стилю изложения объективно-аналитического характера. Даже сдержанно-скептическое отношение (самое большее, что позволяет себе автор) выражается при помощи экспрессивных речевых средств умеренной, «спокойной» тональности: «не стоило *обольщаться* по поводу *«скромных»* аппетитов РГП...», «о ретранслировании *«клонированных»* каналов...», «Радио «Хабар» же, что называется, *«застолбило»* участок...», «...исподволь приучая слушателей к *«пришествию»* ...медиахолдинга». Многие из такого рода «экспрессем» представляют собой переносно-метафорическое употребление или нейтральных слов, или устоявшихся в литературной речи словосочетаний более узкого значения (типа «звездный час» или «застолбить участок»).

8. Какими, исходя из анализа стилистики, композиции публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2» и семантики ее лексических компонентов, являются целеполагающие установки данной публикации — как текста, обращенного через электронное СМИ к неопределенному множеству читателей?

Влиятельная современная теория речевых актов утверждает, что одной из конституирующих особенностей высказывания как единицы речевого общения является показатель *иллокутивной силы*, то есть того задания, которое осуществляет говорящий по отношению к слушающему, чтобы донести до того *нужную информацию в определенном ключе*. Говорящий, например, может ставить своей целью *сообщить информа-*

цию о каком-то событии, а может — и показать свое отношение к этому событию, оценив его как «хорошее» или «плохое», то есть раскрыть или расхвалить его, а может и обнаружить особый смысл события — и тогда *интерпретировать* его, а если это некий тайный, утаиваемый во вред обществу смысл — то и *разоблачить* его. Иллокутивной силой обладает как *единичное высказывание* (минимальное речевое произведение), так и полномасштабное — *текст*. **Комплексная иллокутивная сила есть и у журналистского текста.** Она, как правило, формулируется как его жанровое название или его типологическая позиция в системе журналистских жанров. В случае публикации «Хабаризация» всей страны. Часть 2», перед нами — **текст, принадлежащий к жанру статьи в пределах группы аналитических жанров.** Его специфическую (субжанровую) отнесенность мы определяем как **критическую статью.** Задание (целеустановка, иллокутивная сила) этого текста формулируется автором на двух уровнях, в соответствии с двумя объектами публицистического исследования (единичного — ЗАО «Агентство «Хабар» и обобщенного в масштабах республики, генерального — всего информационного рынка Казахстана). **Целеустановка первого уровня** (конкретная) формулируется на первой же странице в явном виде, с помощью глагола, обозначающего специфический аспект профессиональной деятельности журналиста: «В этом номере мы публикуем подробности о ЗАО «Агентство «Хабар»». **Целеустановка второго уровня** (обобщенная) нигде не сформулирована в тексте эксплицитно (явно), однако читатель может сформулировать ее сам. Для этого у него есть, во-первых, формулировка основной проблемы, которая поднимается в статье на последней странице и звучит как дедуктивный вывод относительно медиаситуации в стране на основании ряда вышеприведенных примеров: «К сожалению, вопрос в реальных владельцах крупнейших казахстанских СМИ остается тайной за семью печатями. Складывается парадоксальная ситуация, когда с одной стороны, СМИ являются формально независимыми (то есть негосударственными, частными), а с другой — прослеживается явная близость государственных структур к крупнейшим теле— и радиосетям. В таких условиях невозможен какой-либо контроль общества за законностью использования государственных средств, за законностью получения и распределения доходов, начисления налогов и т.п.» (сохранено правописание подлинника). Соответственно целеустановку статьи мы определяем как **конструктивную критику с позиций интересов общества** и в защиту конституционных положений. Во-вторых, критический, разоблачительный пафос статьи явствует из активного употребления оценочных номинаций применительно к ситуации и к действиям ряда игроков казахстанского медиаполя, которые участвуют, судя по тому, какие события описаны в статье, в специфической приватизации государственных СМИ и незакон-

ном финансировании частных СМИ через бюджет республики. Здесь уже действительно есть словесные оценки, но, во-первых, оценки не истца Р.М. Алиева, а других (хотя и близких ему) людей и, во-вторых, оценки, сформулированные вполне корректно, в пределах норм литературного языка, т.е. безусловно не оскорбительные.

Пример негативной оценки ситуации — это употребление вводной конструкции «К сожалению». В современных синтаксических терминах такая конструкция определяется как модальная рамка высказывания и как способ авторизации, то есть **специальный грамматический способ выявления говорящего субъекта** — создателя данного высказывания. Этот субъект в принципе способен не только описать положение дел в мире (предложить слушающему, вообще — аудитории так называемую **диктумную информацию**), но и выявить свое отношение к ней (предложить аудитории **модусную информацию**). Журналист как автор всегда выражает не столько личное отношение, не столько личные интересы, сколько отношение и интересы некоторой группы людей. В приведенной нами ключевой фразе всей статьи эта группа четко обозначена — это «общество», т.е. **гражданское общество**, контроль которого за деятельностью казахстанских СМИ невозможен, по мнению редакции как коллективного автора (коллективного ратора, в соответствии с термином известного филолога, теоретика риторики и проблем СМИ Ю.В. Рождественского).

Пользователи веб-сайтов (к которым относится аудитория интернет-бюллетеня представительства «Интерньюс Нетуорк» в Казахстане) на постсоветском пространстве заведомо **не принадлежат к массовому читателю**. Это интеллектуальная элита, которая прочитывает почти все сказанное в журналистских текстах (во всяком случае почти все вложенное туда журналистами) даже в имплицитной, подтекстовой форме. Так что сведения о том, как идет приватизация казахстанских СМИ и кто их нынешние хозяева, аудитория, конечно, из этой публикации получила. Однако то, какие она из них сделала выводы (те, которые предлагает редакция и которых опасается истец, или какие-то самостоятельные), нуждается в отдельном исследовании, поскольку у этой аудитории достаточно высоки барьеры критичности восприятия.

Вся публикация С. Дылевской представляет собой **журналистское расследование на основании сведений**, которыми располагает ее издание, а также другие представители медиапространства Казахстана. **Тема этого расследования — животрепещущая, проблема представляет собой важный общественный интерес**, поэтому обращение к ней более чем закономерно. Журналист вправе поднимать болезненные темы современности, это его специфическая задача, неотъемлемая часть профессиональной деятельности.

Экспертиза 31*

В. Трифонов

«ВЛАДИМИР КОЖУХОВ: «АИСТ БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН БАНКРОТОМ»»

Газета «Тольяттинское обозрение», 9 августа 2000 г.

• **Основание для проведения экспертизы:** определение Центрального райсуда г. Тольятти в составе председательствующего О.Н. Сметаниной при секретаре Е.В. Ветровой по иску ЗАО «АИСТ», Сергиенко А.В. к Кожухову В.И., Трифонову В.Н., Иванову В.Е., ИА «БриА» о защите деловой репутации, вынесенного 4 июля 2002 г.; поручение руководителя экспертного учреждения — председателя правления ГЛЭДИС профессора М.В. Горбаневского от 24.07.2002 г.

• **Эксперты:** Е.И. Галяшина, М.В. Горбаневский, Ю.А. Сафонова.

* * *

ПОДПИСКА

Нам, Галяшиной Елене Игоревне, Горбаневскому Михаилу Викторовичу, Сафоновой Юлии Александровне, разъяснены обязанности и права эксперта, предусмотренные ст.76 ГПК РСФСР. Одновременно мы предупреждены об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Эксперты _____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

25 июля 2002 г.

М.П.

* Данное заключение экспертов оформлено с учетом всех основных требований современного российского судопроизводства; в известной мере композицию, оформление, рубрикацию и другие основные черты этого текста можно считать типовыми для заключений экспертов, производимых по определению судов. Приведенное ниже заключение экспертов может также быть использовано в качестве развернутой иллюстрации к новому разделу нашей книги — «Методические рекомендации». Автор IV раздела — доктор юридических наук, кандидат филологических наук, полковник милиции Е.И. Галяшина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ № 31/8

г. Москва

14 августа 2002 г.

Время производства экспертизы:

Экспертиза начата 25 июля 2002 г. Экспертиза окончена 14 августа 2002 г.

Место производства экспертизы: помещение Общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)»: Москва, Zubovskiy bulvar, d. 4, k. 432.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основания производства экспертизы:

— определение Центрального райсуда г. Тольятти в составе председательствующего О. Н. Сметаниной при секретаре Е. В. Ветровой по иску ЗАО «АИСТ», Сергиенко А.В. к Кожухову В.И., Трифонову В.Н., Иванову В.Е., ИА «Бриа» о защите деловой репутации, вынесенного 4 июля 2002 г.;

— поручение руководителя экспертного учреждения — председателя правления ГЛЭДИС профессора М. В. Горбаневского от 24.07.2002 г.

Участники гражданского процесса при производстве данной лингвистической экспертизы не присутствовали.

Комиссия экспертов в составе: аккредитованного члена ГЛЭДИС — кандидата филологических наук, доцента **Галышиной Елены Игоревны** (специальность: «10.02.21 — Прикладная лингвистика», стаж экспертной работы 21 год); председателя правления ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора **Горбаневского Михаила Викторовича** (специальность: «10.02.01 — Русский язык», стаж экспертной работы 25 лет), действительного члена ГЛЭДИС — кандидата филологических наук, доцента **Сафоновой Юлии Александровны** (специальность: «10.02.01 — Русский язык», стаж экспертной работы 22 года), произвела лингвистическую экспертизу.

На разрешение лингвистической экспертизы поставлены вопросы:

(приводятся из определения суда о назначении лингвистической экспертизы, нумерация — экспертов; цитируемые в публикации фразы приведены в соответствии с текстом исследуемой публикации; орфография и пунктуация источника цитирования сохранены)

1. Содержит ли статья «Владимир Кожухов: “АИСТ будет объявлен банкротом”» негативную информацию о ЗАО «АИСТ», его руководстве и непосредственно о генеральном директоре Сергиенко А.В., в каких словах, словосочетаниях, фразах?

2. Если статья содержит негативную информацию об указанных лицах, то в какой форме выражена: в форме утверждения, мнения, предположения?

3. К кому из указанных лиц, исходя из смысла и контекста статьи, относятся слова и фразы: «*Нельзя дилетантам поручать такие проекты. Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего*», «*А вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума. Нужны дополнительные инвестиции, а кто им даст? Те 180 миллиардов, которые ушли в «АДУ», они вкладывать не хотят. Жалко, наверное, свое ведь?*»

4. Дать смысловое понятие выражения: «*Как всем известно, у АИСТа есть четыре оффшорных конторы...*», какое значение в данном предложении имеет глагол «есть»?

5. Можно ли фразу Кожухова: «*А их засунули в АИСТ, как предоплату, за будущие телефоны, которых нет и, скорее всего, никогда не будет. Город потерял 65 миллионов*» считать утверждением Кожухова о том, что городской бюджет потерял 65 миллионов рублей по вине ЗАО «АИСТ»?

6. В какой форме Кожуховым употреблена фраза: «*а числа 15-го сентября состоится заседание, на котором АИСТ и будет объявлен банкротом*» — предположение, мнение или утверждение? Какое мнение сведения о возможности признания ЗАО «АИСТ» банкротом формируют у читателей?

7. Может ли цитата Владимира Кожухова, взятая в заглавие публикации «*Владимир Кожухов: “АИСТ будет объявлен банкротом”*», сформировать мнение читателя еще до прочтения статьи?

8. Если статья содержит негативную информацию о ЗАО «АИСТ», руководстве фирмы, генеральном директоре Сергиенко А.В., то можно ли рассматривать данную информацию как порочащую деловую репутацию указанных лиц, честь и достоинство Сергиенко А. В.?

9. Содержатся ли в указанной публикации утверждения о нарушении компанией «АИСТ» действующего законодательства или моральных принципов, если да, то в каких фразах, предложениях?

Объекты исследования и материалы дела, представленные экспертам для производства лингвистической экспертизы:

1. Текст статьи «*Владимир Кожухов: “АИСТ будет объявлен банкротом”*», опубликованной 09 августа 2000 года в издании «Тольяттинское Обозрение. Независимая Газета», текст подписан — *Влад Трифонов, ИА «БРИА»* (гражданское дело № 2-183-2002 г., л.д.7);

2. Материалы гражданского дела №2-183-2002 г. по иску ЗАО «АИСТ», Сергиенко А.В. к Кожухову В.И., Трифонову В.Н., Иванову В.Е., ИА «БРИА» о защите деловой репутации на 183 л., где на л.д. 7 подшита газета, содержащая указанную выше статью, подлежащую лингвистической экспертизе.

Обстоятельства дела известны экспертам из материалов представленного гражданского дела в объеме изложенного. В определении суда также указано, что: «При подготовке заключения экспертам следует исходить из посылки: в г. Тольятти действует ЗАО «АИСТ» (Ассоциация Информационных Сетей Тольятти), разрешенным видом деятельности которого является предоставление услуг местной телефонной связи, предоставление в аренду каналов связи, предоставление услуг передачи данных, предоставление услуг телематических служб, председатель Совета Директоров — Борисов И.В., а также действует Закрытое акционерное общество «Телефонная компания АИС.Т», ЗАО «ТК АИС.Т», разрешенным видом работ которого является монтаж, наладка, ремонт и техническое обслуживание оборудования и систем противопожарной защиты».

ИССЛЕДОВАНИЕ

Для решения вынесенных в определении суда вопросов и составления текста заключения экспертов письменный (печатный) текст статьи был предварительно отсканирован и введен в память ПЭВМ, после чего проводилось его лингвистическое исследование методами контент-анализа по ключевым словам, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа ключевых слов в контексте высказывания и сверхфразового единства.

Вопросы 1, 2:

По первому и второму вопросам — 1. *Содержит ли статья «Владимир Кожухов: «АИСТ будет объявлен банкротом»» негативную информацию о ЗАО «АИСТ», его руководстве и непосредственно о генеральном директоре Сергиенко А.В., в каких словах, словосочетаниях, фразах?* и 2. *Если статья содержит негативную информацию об указанных лицах, то в какой форме она выражена: в форме утверждения мнения, предположения?* — проведенное исследование методом контент-анализа представленного письменного текста по ключевым словам (АИСТ»; «руководство»; «директор», «Сергиенко») с выделением контекста, выражающего отрицательную оценку или содержащего негативную коннотацию, показало следующее.

Информационные высказывания в тексте могут быть в форме утверждений, мнений, оценки, предположений.

Утверждение — это мысль, положение, высказывание, утверждающее что-либо (Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998). В логике содержится следующее определение ут-

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

верждения = утвердительного суждения: это суждение, в котором отображается связь предмета и его признаков (Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975). Грамматически утвердительное суждение выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного.

Утверждения о фактах или событиях или констатации фактов и событий распознаются в тексте по отсутствию в предложении маркированности специальными вводными конструкциями и наречиями, выражающими неуверенность, сомнение, или по наличию маркированности конструкциями, подчеркивающими достоверность сообщаемого (например, *известно, точно, доподлинно, без сомнения, фактически* и т. п.). Утверждения могут быть истинными или ложными.

Вопросительные предложения утвердительными суждениями не являются. Постановка вопросительного знака, как правило, связана с тем, что данное предложение содержит в себе вопрос — особую форму рассуждения, не являющуюся суждением о чем-либо, т.е. не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо (Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М., 1991, с.24). Исключение — отдельные разновидности вопросительного предложения, которые могут выражать утверждение или отрицание: а) вопросительно-отрицательное предложение, в котором под видом вопроса выражается отрицание; б) вопросительно-риторическое предложение, содержащее утверждение или отрицание в форме вопроса, на который не ожидается ответ (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь справочник лингвистических терминов. М., 1976, с. 61).

Мнение о фактах, событиях, лицах в отличие от высказывания о фактах (утверждений) предполагает явное указание на носителя мнения. Выражение мнения распознается в тексте по наличию определенных слов и конструкций, указывающих на него (например, *по моему мнению, я считаю, я полагаю*). Если такие маркеры отсутствуют, то адресат текста (получатель информации) имеет дело с утверждением, а не с мнением. Мнение, в отличие от утверждения, не может быть истинным или ложным, однако оно может подтверждаться или не подтверждаться фактами, событиями объективной действительности.

Мнение и сведения. Всякая информация (сведения) может быть выражена в форме утверждения или предположения. Каково соотношение мнения и информации (сведений)? Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, не основанном на фактах. Человек может формировать свое мнение сознательно, рационально оценивая

Е. И. Галяшина

М. В. Горбаневский

Ю. А. Сафонова

факты, или бессознательно, не отдавая отчета в том, почему он так считает. Изложение мнения (устно или письменно), в отличие от высказывания о фактах, предполагает явное указание на носителя мнения. Ср.: *Сидоров уехал* — констатация факта. А высказывания (1) *Я думаю, Сидоров уехал* и (2) *Как думает начальник, Сидоров уехал* — выражают мнения: в первом случае это мнение самого говорящего (*Я думаю*), во втором случае — мнение начальника (*Как думает начальник*). Мнение содержит информацию, но не о самой действительности (фактах), а о том, какой образ действительности есть у говорящего. Важно при этом заметить, что в высказывания-мнения очень часто вставляются (обычно скрытые) утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров — лежебока, потому он опоздал* — в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров — лежебока*). Внутри этого суждения делается ссылка на якобы имевший место факт «Сидоров опоздал», истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности.

Предположение в отличие от утверждения о факте содержит специальные маркеры — слова, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается* и т. п.). Предположение по сути является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

Оценка фактов, событий, лиц. Выражение оценки распознается в тексте по наличию определенных оценочных слов и конструкций, в том числе эмоционально-экспрессивных, модальных, в значении которых можно выделить элементы «хороший / плохой» или их конкретные разновидности (добрый, злой и др.). При наличии положительной оценки (элемент «хороший» и его конкретные разновидности) может идти речь о позитивной информации. При наличии отрицательной оценки (элемент «плохой» и его конкретные разновидности) можно вести речь о негативной информации.

Резкая отрицательная оценка лица, осуществляемая с помощью слов и выражений, либо вообще не употребляемых в литературном языке, либо не употребляемых в литературном языке по отношению к лицу, либо к определенным группам лиц, отличающимся специфическими признаками или манерой поведения, высказывание которой имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др. представляет собой **оскорбление**.

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

Приписывание лицу противоправных, аморальных или иных социально порицаемых действий представляет собой обвинение.

Наряду с прямыми вербальными средствами воздействия русский язык содержит обширный арсенал косвенных средств воздействия, понимаемых носителями русского языка, и принадлежащих культуре данного народа. Сюда относятся: подтекст, намеки, указания на общий признак ситуации без прямого именованя этой ситуации, ирония, парафраза, параллельные конструкции, метафоры и ряд других приемов.

Негативная информация — это информация, содержащая отрицательный компонент.

Под негативной информацией эксперты понимают такую информацию (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица — юридического или физического — с точки зрения здравого смысла, морали («неписаного закона») или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции). Если такая негативная информация не соответствует действительности, то она несомненно чернит репутацию.

Проведенное исследование показало, что негативный семантический компонент, высказанный в отношении ЗАО «АИСТ», а значит — и его руководства, в том числе Сергиенко А.В., содержится в анализируемой публикации во врезке (текст, предшествующий интервью) и в самом тексте интервью. Здесь и далее при цитировании высказываний в квадратные скобки заключена та часть, которая необходима для понимания контекста.

В тексте интервью негативная информация о ЗАО «АИСТ» содержится в следующих высказываниях.

(1) [Поэтому процесс будет такой — мы сейчас транзитом обанкрочиваем все эти оффшорки, а у них балансы пустые, денег там нет и не будет, и потом прямиком выходим на основного гаранта]. Там ситуация аналогичная — у АИСТа денег тоже нет, его баланс вы видели, там лишь за три первых месяца убытки на 13,4 миллиона. Полугодового отчета я не видел, но вряд ли ситуация там изменилась, так что и АИСТу возвращать кредиты нечем. Единственное, что у них есть, это оборудование, которое мы и будем описывать.

В этом высказывании содержится следующая негативная информация о ЗАО «АИСТ»: 1) у АИСТа пустой баланс (*Там ситуация аналогичная*

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

... — Там, то есть у основного гаранта, у АИСТА; ситуация аналогичная, то есть такая же, как в офшорных компаниях — «у них балансы пустые, денег там нет...»). Информация о пустом балансе с точки зрения деловой репутации компании — негативная, так как компания, успешно ведущая бизнес, должна иметь деньги, оборотные средства и, следовательно, не пустой баланс; 2) у АИСТА убытки. Информация об убытках негативно характеризует деловую репутацию компании, так как компания, успешно ведущая бизнес, как правило, имеет прибыль.

Негативная информация о том, что у ЗАО «АИСТ»: пустой баланс и убытки, в форме утверждения: употребление слова *нет* в функции сказуемого (*денег нет*); употребление словосочетания *убытки* (на 13, 4 миллиона) как главного члена односоставного предложения.

(2) [Поэтому процесс будет такой — мы сейчас транзитом обанкрочиваем все эти офшорки, а у них балансы пустые, денег там нет и не будет, и потом прямиком выходим на основного гаранта. Там ситуация аналогичная — у АИСТА денег тоже нет, его баланс вы видели, там лишь за три первых месяца убытки на 13,4 миллиона]. *Полугодового отчета я не видел, но вряд ли ситуация там изменилась, так что и АИСТу возвращать кредиты нечем. Единственное, что у них есть, это оборудование, которое мы и будем описывать. Так что признание АИСТА банкротом я считаю делом уже решенным.*

В этом высказывании содержится следующая негативная информация о ЗАО «АИСТ»: 1) АИСТу нечем возвращать кредиты. Информация и том, что у ЗАО «АИСТ» нет возможности вернуть кредит, негативно характеризует деловую репутацию компании; 2) АИСТА признают банкротом. Информация о том, что АИСТ признают банкротом, негативно характеризует деловую репутацию компании, так как любая компания-банкрот, как правило, наносит ущерб своим клиентам.

Негативная информация о том, что у ЗАО «АИСТ» нет возможности вернуть кредит в контексте всего высказывания в форме утверждения. Предположение (*вряд ли ситуация там изменилась*) относится к результатам полугодового отчета, лексически предположение выражено частицей *вряд ли* (**Вряд ли** — то же, что *вряд* (*вряд* — употр. в знач. сомнительно, чтобы... едва ли. — Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 103, словарная статья *вряд*). Из этого предположения делается вывод, утверждается (*так что...*; **так что** — «союз, и поэтому, следовательно»; там же, с. 787, словарная статья **так**, заромбовая часть), что ЗАО «АИСТ» не может вернуть кредит.

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

(3) [Когда мы обанкротим АИСТ, там по закону вводится внешнее управление и создается комитет кредиторов. В него войдут, я думаю, Эриксон как самый крупный кредитор, город, которому они должны 66 миллионов, и банк Потенциал, как третья по величине долга структура. Других особо крупных кредиторов у этой конторы я не припомню. Дальше я надеюсь на помощь главы ГУЭС Равиля Шакирова, как профессионала в этой сфере и порядочного и честного человека]. *Он, кстати, с самого начала говорил, что нельзя дилетантам поручать такие проекты. Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего.*

В этом высказывании содержится следующая негативная информация о ЗАО «АИСТ»: 1) компания АИСТ названа дилетантом. Отнесение характеристики «дилетанты» к компании АИСТ следует из контекста. Кожухов излагает последовательность действий после того, как АИСТ будет признан банкротом, называя лица — юридические и физические, которые войдут, по мысли Кожухова, в комитет кредиторов. Называя кандидатуру Равиля Шакирова, Кожухов замечает: *Он [Равиль Шакиров], кстати, с самого начала говорил, что нельзя дилетантам поручать такие проекты.* Кстати в этом предложении вводное слово, в значении «в дополнение к сказанному, в связи со сказанным» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 311). Таким образом, замечание Кожухова о том, что Равиль Шакиров говорил, *«что нельзя дилетантам поручать такие проекты»*, которому предшествует вводное слово *кстати*, относит оценочное высказывание о дилетантах, приписываемое Кожуховым Шакирову, к компании ЗАО «АИСТ». Этим замечанием Кожухов подтверждает свое утверждение о закономерности обанкрочивания компании ЗАО «АИСТ» — это компания дилетантов, поэтому они не смогли выполнить взятые на себя обязательства. Согласно толковым словарям русского языка *дилетант* — тот, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки (обычно не обладая углубленными знаниями) (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 166).

В заключительных высказываниях этого абзаца *«Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего»* делается вывод, подводится своеобразный итог. *Как в воду глядеть* (разг.) — предупреждать, предвидеть, как будто заранее знать (см.: Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 89, словарная статья *вода*). То есть: Шакиров предупреждал, предвидел, что случится такое, как сейчас случилось с компанией АИСТ: *ни денег* (в предыдущем контексте Кожухов

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

несколько раз говорил о неплатежеспособности компании АИСТ), *ни бизнеса* (Кожухов утверждает, что признание компании АИСТ банкротом «дело решенное»), *ни стандарта* (эксперты, исходя из фоновых знаний, полагают, что речь идет о каком-либо стандарте связи).

Негативная информация о том, что ЗАО «АИСТ» (его руководство) — дилетанты, в форме утверждения. Характеристика «дилетанты» дана с ссылкой на то, что это — слова Равиля Шакирова. Использование вводного слова *кстати* указывает на то, что говорящий, передающий эти чужие слова, согласен с такой характеристикой. Эта информация — оценочная, не подлежит верификации (проверке на истинность), как всякие оценочные высказывания.

Негативная информация о том, что в результате у ЗАО «АИСТ» нет «..ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего», в форме утверждения. Усиливает это утверждение выражение *как в воду глядеть*.

(4) [Корр.: Переговоры по возврату кредитов и аренды с АИСТом ведутся?

Кожухов: О чем можно нам договариваться? Ну, ходит Сергиенко (номинальный глава АИСТа. — *Авт.*) и их финансовый директор Попов к Перемышленной (глава банка Потенциал. — *Авт.*). Общаются они, и что? *У АИСТа денег нет, им предложить нечего, фирма в предбанкротном состоянии.*

В этом высказывании содержится негативная информация о ЗАО «АИСТ»: у компании ЗАО «АИСТ» нет денег, компания находится в предбанкротном состоянии. Информация о том, что какая-либо компания находится в предбанкротном состоянии, негативно характеризует деловую репутацию такой компании, так как такая информация свидетельствует о том, что компания не может успешно развиваться, работать на рынке. Негативная информация о финансовом состоянии юридического лица, его неплатежеспособности и несостоятельности как должника достигается словоформой, образованной от корня *банкрот* с отрицательной коннотацией (коннотация — оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска слова или выражения, которая дополняет лексическое значение слова или выражения ассоциативно-образным представлением). Информация в форме утверждения.

Согласно толковым словарям русского языка слово *банкрот* имеет следующие значения: 1) Несостоятельный должник, отказывающийся платить своим кредиторам вследствие разорения; 2) перен. Тот, кто оказался несостоятельным в своей деятельности, в личной жизни (см.: Оже-

Е. И. Галяшина

М. В. Горбаневский

Ю. А. Сафонова

гов С.И. и Шведова Ю.А. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 36; Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.А. Складневской. СПб., 1998, с. 74—75).

Слово *банкротство* имеет следующие значения: 1) Несостоятельность, сопровождающаяся прекращением платежей по долговым обязательствам; 2) перен. Полная несостоятельность, провал, крушение (там же).

Необходимо подчеркнуть, что носитель русского языка, не имеющий специальных познаний в области юриспруденции, может не знать процедуры банкротства, поэтому именование какой-либо компании *банкротом* воспринимается им как отрицательная информация, независимо от того, была ли проведена процедура банкротства и была ли компания признана банкротом в соответствии с законодательством. Иными словами: в наивной языковой картина мира *банкрот*, *банкротство* ассоциируются с чем-либо отрицательным. Необходимо также подчеркнуть, что исходя из текста публикации (слов самого Кожухова), можно заключить, что интервьюируемый — Кожухов — достаточно хорошо осведомлен о процедуре банкротства.

(5) [Корр.: Переговоры по возврату кредитов и аренды с АИСТом ведутся?

Кожухов: О чем можно нам договариваться? Ну, ходит Сергиенко (номинальный глава АИСТА. — *Авт.*) и их финансовый директор Попов к Перемышленной (глава банка Потенциал. — *Авт.*). Общаются они, и что? У АИСТА денег нет, им предложить нечего, фирма в предбанкротном состоянии. Поэтому выстроить какой-то диалог просто не представляется возможным. Например, по кредитам. Мы им говорим, чтобы возвращали деньги. Молчок. Давайте выстраивать график погашения, от которого уклониться вы не сможете. Опять молчок. По зданию та же ситуация. Мы же предлагали АИСТу, чтобы заплатили аренду и выкупили у банка его долю...]. *У АИСТА ситуация-то патовая.*

В этом высказывании содержится негативная информация о ЗАО «АИСТ»: у АИСТА ситуация патовая. Словосочетание *патовая ситуация* употреблено в переносном значении, *патовая ситуация* «безвыходное положение» (см.: Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 495, словарная статья пат¹). Информация о том, что какая-либо компания находится в безвыходном положении, негативно характеризует деловую репутацию такой компании. Информация в форме утверждения.

(6) [По зданию та же ситуация. Мы же предлагали АИСТу, чтобы заплатили аренду и выкупили у банка его долю. Но если не можете купить,

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

то, извините, отвечайте по своим обязательствам, если и здесь не можете, то все. (...). У АИСТа ситуация-то патовая.] *Как мне объяснял Шакиров, кольцо оптоволоконное они положили, но надо же дойти до каждого потребителя. А вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума.*

В этом высказывании содержится негативная информация о ЗАО «АИСТ»: у этой компании нет денег, чтобы довести проект до конца, компания не знает (у компании «нет ума»), как довести проект до конца — «...кольцо оптоволоконное они положили, но надо же дойти до каждого потребителя. А вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума». Информация о том, что какое-либо предприятие не может довести начатый проект до конца — по финансовым или организационным причинам — негативно характеризует деловую репутацию такого предприятия.

Негативная информация о том, что ЗАО «АИСТ» не знает (у компании «нет ума»), как довести проект до конца, в форме предположения, так как употреблено вводное слово *наверное* (*А вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума*).

(7) [Вот так я вижу этот процесс санации]. *У нас хватит ума и доброй воли вывести из кризиса это предприятие и, отдав в профессиональные руки, сделать для города нормальный телефонный проект.*

В этом высказывании содержится негативная информация о ЗАО «АИСТ»: эта компания, это предприятие в состоянии кризиса. Информация о том, что какая-либо компания находится в кризисной ситуации, негативно характеризует ее деловую репутацию.

Негативная информация о том, что ЗАО «АИСТ» в состоянии кризиса дана как исходная (что подразумевает, что и говорящий, и слушающий знают об этом, это не оспаривается), в предложении об этом исходном утверждается, что кто-то сможет вывести из кризиса эту компанию.

См. также ответ на вопрос 6, анализ высказывания *...так что признание АИСТа банкротом я считаю делом уже решенным*; а также ответ на вопрос 8.

В заглавии статьи и в тексте врезки (текст, предшествующий интервью) негативная информация о ЗАО «АИСТ» содержится в следующих высказываниях.

(8) Заголовок: «Владимир Кожухов *“АИСТ будет объявлен банкротом”*».

Повествовательное предложение, содержащее категорическое утверждение о том, что юридическое лицо отказывается платить по долгам обя-

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

зательством, в результате чего будет официально признано финансово несостоятельным. Негативная характеристика юридического лица заключена в семантике слова *банкрот*, являющегося синонимом выражения несостоятельный должник (о значении слова *банкрот* см. выше).

Утверждение в рассматриваемом предложении дано в открытой вербальной (словесной) форме, в виде отдельного высказывания. Новая информация дана в предикативной части высказывания — в данном предложении (здесь заголовок) это группа составного именного сказуемого *будет объявлен банкротом* (выражено кратким страдательным причастием, глагольной связкой и существительным в форме единственного числа творительного падежа). Информация о юридическом лице (ЗАО «АИСТ») содержится в группе подлежащего, выраженного аббревиатурой АИСТ.

Предложение содержит утверждение о заведомой финансовой несостоятельности юридического лица, такая информация несомненно отрицательно характеризует деловую репутацию компании.

Информация о том, что *АИСТ будет объявлен банкротом*, содержит пресуппозицию (в скрытой словесной форме), что юридическое лицо отказывается платить по своим долговым обязательствам, неплатежеспособно, а потому его банкротство неизбежно.

(9) *Компания АИСТ, судя по всему, уже одной ногой находится в могиле.*

Высказывание в форме предположения, так как содержит оценочные вводные слова судя по всему. Негативная характеристика юридического лица заключена в переносном употреблении устойчивого оборота *стоять одной ногой в могиле* (*стоять одной ногой в могиле* — о старике: близок к смерти — см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 361, словарная статья *могила*), в котором глагол *стоять* заменен глаголом *находиться*, подчеркивающим, актуализирующим значение перманентности действия или состояния. Предложение формирует негативный образ юридического лица, находящегося на грани разорения и финансового краха.

(10) *Мы уже сообщали, что АИСТ несет огромные убытки, у него колоссальная задолженность перед кредиторами, и фактически это полубанкротная структура.*

Высказывание в форме категорического утверждения, содержащего констатацию фактов о финансовой несостоятельности юридического лица. Негативная информация о хозяйственной деятельности юридическо-

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

го лица, усиливающаяся употреблением наречия фактически в соположении со словосочетанием *полубанкротная структура*, имеющим отрицательную коннотацию. Содержит утверждение о финансовой несостоятельности, негативно характеризует репутацию юридического лица — ЗАО «АИСТ». См. также выше анализ высказывания (4).

(11) Теперь, видимо, наступает время расплаты — доведенная «до ручки» компания АИСТ уже осенью имеет все шансы прекратить свое существование.

Высказывание содержит утверждения о том, что: 1) компания АИСТ доведена до ручки (*до ручки дойти, довести* — до нищеты или до совершенно безвыходного состояния — см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 687, словарная статья *рука*); 2) у компании ЗАО «АИСТ» есть шансы прекратить свое существование. Эти утверждения негативно характеризуют деловую репутацию компании ЗАО «АИСТ».

(12) Куда ушли 3 миллиона долларов из городского бюджета, перечисленные в АИСТ, до сих пор непонятно.

Высказывание в форме риторического вопроса. Выражает мнение автора; в структуре придаточного предложения содержит утверждение в скрытой форме о том, что перечисленные деньги исчезли, утрачены, как о состоявшемся факте. Отрицательная коннотация наводится глагольной формой множественного числа прошедшего времени, совершенного вида ушли, употребленном в переносном значении. Отрицательная коннотативная характеристика формирует негативный образ юридического лица.

Вопрос 3: К кому из указанных лиц, исходя из смысла и контекста статьи относятся слова и фразы: «...нельзя дилетантам поручать такие проекты. Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего»; «а вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума. Нужны дополнительные инвестиции, а кто им даст. Те 180 миллиардов, которые ушли в «АДУ», они вкладывать не хотят. Жалко, наверное, свое ведь»?

Фразы «*нельзя дилетантам поручать такие проекты. Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта*» содержатся в следующем абзаце:

Когда мы обанкротим АИСТ, там по закону вводится внешнее управление и создается комитет кредиторов. В него войдут, я думаю, Эрикссон как самый крупный кредитор, город, которому они должны 66 миллионов, и банк

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

Потенциал, как третья по величине долга структура. Других особо крупных кредиторов у этой конторы я не припомню. Дальше я надеюсь на помощь главы ГУЭС Равиля Шакирова, как профессионала в этой сфере и порядочного и честного человека. Он, кстати, с самого начала говорил, что нельзя дилетантам поручать такие проекты. Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего.

Как уже было сказано в ответе на вопросы 1–2, характеристика *дилетанты* в этом высказывании относится к ЗАО «АИСТ». Отнесение характеристики *дилетанты* к компании АИСТ следует из контекста. Кожухов излагает информацию в виде цепочки взаимосвязанных высказываний, содержащих информацию о последовательности действий после того, как АИСТ будет признан банкротом, и называет лица — юридические и физические, которые войдут, по мысли Кожухова, в комитет кредиторов. Называя кандидатуру Равиля Шакирова, Кожухов замечает: *Он [Равиль Шакиров], кстати, с самого начала говорил, что нельзя дилетантам поручать такие проекты. Кстати* в этом предложении вводное слово, в значении «в дополнение к сказанному, в связи со сказанным» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 311). Таким образом, замечание Кожухова о том, что Равиль Шакиров говорил «*нельзя дилетантам поручать такие проекты*», относит данное высказывание о дилетантах к компании ЗАО «АИСТ».

Фраза «а вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума. Нужны дополнительные инвестиции, а кто им даст. Те 180 миллиардов, которые ушли в «АДУ», они вкладывать не хотят. Жалко, наверное, свое ведь» содержится в следующем абзаце:

По зданию та же ситуация. Мы же предлагали АИСТу, чтобы заплатили аренду и выкупили у банка его долю. Но если не можете купить, то, извините, отвечайте по своим обязательствам, если и здесь не можете, то все. Есть уголовные, гражданские, административные кодексы, отвечайте в соответствии с ними. Я что, должен содержать частную компанию за свой счет? Нет, я это делать не собираюсь. У АИСТа ситуация-то патовая. Как мне объяснял Шакиров, кольцо оптоволоконное они положили, но надо же дойти до каждого потребителя. А вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума. Нужны дополнительные инвестиции, а кто им даст? Те 180 миллиардов, которые ушли в «Аду», они вкладывать не хотят. Жалко, наверное, свое ведь.

Фраза «а вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума. Нужны дополнительные инвестиции, а кто им даст. Те 180 миллиардов, которые ушли в

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

«АДУ», они вкладывают не хотят. Жалко, наверное, свое ведь» в этом высказывании относится к ЗАО «АИСТ». В этой фразе — анафорическое употребление местоимения *они*: «у них нет ни денег, ни, наверное, ума». При анафорическом употреблении местоимений смысл их (то или того, что или кого местоимения именуют) понятен только в определенном контексте. По существующим нормам русского литературного языка лично-указательные местоимения (*он, она, оно, они*) употребляются вместо предшествующего существительного. В предшествующем анализируемой фразе предложении речь идет о ЗАО «АИСТ» — «УАИСТА ситуация-то патовая». — Далее — *Как мне объяснял Шакиров, кольцо оптоволоконное они положили, но надо же дойти до каждого потребителя.* — Здесь вместо АИСТ анафорически употреблено личное местоимение *они*. Форма множественного числа объяснима — это метонимический перенос: АИСТ — организация, ее представляют люди — поэтому *они* (ср.: Спроси у шляпы — вместо Спроси у человека в шляпе; Хрусталь и бронза на столе — вместо Изделия из хрусталя и бронзы на столе).

Вопрос 4: Дать смысловое понятие выражения «Как всем уже известно, у АИСТА есть четыре оффшорные конторы...», какое значение в данном предложении имеет глагол «есть»?

Предложение (высказывание) «Как всем уже известно, у АИСТА есть четыре оффшорных конторы, зарегистрированных в Алтае и Ингушетии, плюс еще одна фирма, зарегистрированная на частной квартире в Комсомольском районе» по структуре сложное, состоит из двух частей, первая — (1) Как всем уже известно; вторая — (2) у АИСТА есть четыре оффшорных конторы, зарегистрированных в Алтае и Ингушетии, плюс еще одна фирма, зарегистрированная на частной квартире в Комсомольском районе. Первая часть — вводное предложение, указывающее на распространенность мнения, вторая часть — содержит утверждение о том, что у компании АИСТ имеется четыре оффшорных зоны. Глагол *есть* во второй части употреблен в значении «существует, имеется» (см. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 188). Кроме того, абзац, содержащий данное предложение, заканчивается предложением «То есть АИСТ гарантировал возврат денег от всех своих оффшоров собственным оборудованием, техникой и прочим добром, которое у него него имеется», в котором есть словосочетание «возврат денег от всех своих оффшоров» — «...от своих оффшоров» — значит: от оффшоров, которые принадлежат (имеются) у АИСТА.

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

Согласно толковым словарям русского языка *оффшор* (*офшор*) — центр совместного предпринимательства, представляющий льготный режим для кредитных операций с зарубежными партнерами; компания, работающая на территории другой страны (Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.А. Складневской. СПб., 1998, с. 446); *оффшорный* — не подверженный государственному регулированию (о финансовых операциях, деятельности компаний, находящихся на территории другой страны) (там же, с. 446—447).

Вопрос 5: Можно ли фразу Кожухова: «А их засунули в АИСТ как предоплату за будущие телефоны, которых нет и, скорее всего, никогда не будет. Город потерял 65 миллионов» считать утверждением Кожухова о том, что городской бюджет потерял 65 миллионов рублей по вине ЗАО «АИСТ»?

Две фразы взаимосвязаны между собой: пропозиция «*город потерял 65 миллионов*» — является выводом из первой пропозиции «*их засунули в АИСТ как предоплату за будущие телефоны, которых нет и, скорее всего, никогда не будет*». Поэтому фразу можно считать утверждением о том, что городской бюджет потерял 65 миллионов рублей по вине ЗАО «АИСТ».

Вопрос 6: В какой форме Кожуховым В. И. употреблена фраза: «а числа 15-го сентября состоится заседание, на котором АИСТ и будет объявлен банкротом» — предположение, мнение или утверждение? Какое мнение сведения о возможности признания ЗАО «АИСТ» банкротом формируют у читателей?

Фраза «*а числа 15-го сентября состоится заседание, на котором АИСТ и будет объявлен банкротом*» с грамматической точки зрения выражена повествовательным сложноподчиненным предложением. В каждой из частей предложения сказуемое выражено глаголом в изъявительном наклонении. Изъявительное наклонение указывает на реальное действие, которое было (формы прошедшего времени), происходит сейчас (формы настоящего времени), произойдет в будущем (формы будущего времени). Изъявительное наклонение — относится к реальному наклонению, то есть формы глагола в изъявительном наклонении указывают на реальное действие, которое было, есть или будет. Ср. ирреальное наклонение, формы которого представляют действия как желаемое, возможное или предполагаемое, например: *Сидел бы ты дома!*

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

В анализируемой фразе два утверждения: (1) заседание состоится; (2) «АИСТ» будет объявлен банкротом.

В отношении даты заседания — предположение, о чем говорит обратный порядок слов в словосочетании *числа 15-го*.

Эксперты не могут дать ответа на вопрос *Какое мнение сведения о возможности признания ЗАО «АИСТ» банкротом формируют у читателей?*, для ответа нужны специальные социологические исследования, так как восприятие информации зависит от многих факторов.

Вопрос 7: Может ли цитата Владимира Кожухова, взятая в заглавии публикации «*Владимир Кожухов: «АИСТ будет объявлен банкротом»*» сформировать мнение читателя еще до прочтения статьи?

Заголовок несет основную мысль текста публикации. Фраза в том виде, в котором она выведена в заголовок, представляет собой утверждение о факте, который состоится в будущем, и формирует негативный образ о состоянии финансовых дел и деловой репутации ЗАО «АИСТ», как о шатком (неплатежеспособном).

О формировании мнения см. ответ на вопрос 6.

Вопрос 8: Если статья содержит негативную информацию о ЗАО «АИСТ», руководстве фирмы, генеральном директоре Сергиенко А.В., то можно ли рассматривать данную информацию как порочащую деловую репутацию указанных лиц, честь и достоинство Сергиенко А.В.?

Общий смысл направлен на формирование негативного образа ЗАО «АИСТ», как ненадежного делового партнера, бессильного в финансовом отношении предприятия, что негативно характеризует деловую репутацию ЗАО «АИСТ». Фразы, содержащие негативную информацию о ЗАО «АИСТ», относятся и к генеральному директору Сергиенко А.В. как к руководителю этой компании (см. ответ на 1-й, 2-й вопросы). О самом А. В. Сергиенко и финансовом директоре ЗАО «АИСТ» упомянуто во фрагменте:

«Корр.: Переговоры по возврату кредитов и аренды с АИСТом ведутся?

Кожухов: О чем можно нам договариваться? Ну, ходит Сергиенко (номинальный глава АИСТА. — *Авт.*) и их финансовый директор Попов к Перемышленной (глава банка Потенциал. — *Авт.*). Общаются они, и что? У АИСТА денег нет, им предложить нечего, фирма в предбанкротном состоянии».

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

В этом фрагменте Сергиенко поименован автором статьи В. Трифоновым как *номинальный глава АИСТа* (утверждение). *Номинальный* здесь в значении «только называющийся, но не выполняющий своего назначения, обязанностей, фиктивный» (см.: Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 421). Информация о том, что руководитель какой-либо организации *номинальный* негативно характеризует его деловую репутацию.

Вопрос 9: Содержится ли в указанной публикации утверждения о нарушении компанией «АИСТ» действующего законодательства или моральных принципов, если да, то в каких фразах, предложениях?

Экспертам известно, что в соответствии со ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Под распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кино хроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе и устной форме нескольким или хотя бы одному лицу.

Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждение о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица.

Таким образом, установление, являются ли сведения порочащими, относится к компетенции суда.

Если исходить из того, что деловая репутация, как и личная репутация, — часть морали (ср. словосочетания *надежная компания, ненадежная компания*, а также новые *корпоративная мораль, корпоративная этика* = мораль, этика компании), то в анализируемой публикации содержатся негативные сведения о ЗАО «АИСТ», которые можно отнести к утверждениям о нарушении принципов морали, принятых в хозяйственной и общественной деятельности.

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

ВЫВОДЫ

1. Статья Влада Трифонова «Владимир Кожухов: «АИСТ» будет объявлен банкротом» содержит негативную информацию о ЗАО «АИСТ», его руководстве и непосредственно о генеральном директоре Сергиенко А.В. в словах, словосочетаниях и фразах, указанных в исследовательской части заключения.

2. Статья содержит негативную информацию об указанных лицах — юридическом и физическом — в форме утверждения, мнения и предположения, которые содержатся во фразах, указанных в исследовательской части заключения.

3. Исходя из смысла и контекста статьи, слова и фразы: «...нельзя дилетантам поручать такие проекты. Как в воду глядел: ни денег, ни бизнеса, ни стандарта. Ничего», «А вот на это у них нет ни денег, ни, наверное, ума. Нужны дополнительные инвестиции, а кто им даст. Те 180 миллиардов, которые ушли в «АДУ», они вкладывать не хотят. Жалко, наверное, свое ведь» относятся к ЗАО «АИСТ».

4. Смысловое понятие выражения: «Как всем известно, у АИСТА есть четыре оффшорные конторы...» заключается в том, что ЗАО «АИСТ» является владельцем четырех фирм со льготным налогообложением. В данном предложении глагол «есть» употреблен в значении «имеет, владеет, обладает».

5. Фразу: «А их засунули в АИСТ как предоплату за будущие телефоны, которых нет и, скорее всего, никогда не будет. Город потерял 65 миллионов» можно считать утверждением Кожухова о том, что городской бюджет потерял 65 миллионов рублей по вине ЗАО «АИСТ».

6. Фраза: «...а числа 15-го сентября состоится заседание, на котором АИСТ и будет объявлен банкротом» употреблена в форме предположения о дате заседания и утверждения о финансовой несостоятельности юридического лица — ЗАО «АИСТ». Вопрос о том, «Какое мнение сведения о возможности признания ЗАО «АИСТ» банкротом формирует у читателей?», не относится к компетенции экспертов-лингвистов, так как для его решения необходимо, например, проведение массового социологического опроса читателей газеты.

7. Цитата Владимира Кожухова, взятая в заглавие публикации «Владимир Кожухов: «АИСТ будет объявлен банкротом»», может сформировать негативное отношение к ЗАО «АИСТ». Решение вопроса о формировании «мнения читателя еще до прочтения статьи» не относится к компетенции экспертов-лингвистов, так как подлежит решению, например, в

_____ Е. И. Галяшина

_____ М. В. Горбаневский

_____ Ю. А. Сафонова

ходе социологического опроса репрезентативной выборки информантов — читателей газеты.

8. Статья содержит негативную информацию о ЗАО «АИСТ», руководстве фирмы, генеральном директоре Сергиенко А.В. Решение вопроса об том, является ли эта информация порочащей, не относится к компетенции экспертов-лингвистов, так как это компетенция суда.

9. В указанной публикации содержатся утверждения о нарушении компанией ЗАО «АИСТ» действующих моральных принципов во фразах, предложениях, указанных в исследовательской части заключения.

Эксперты:

Аккредитованный член ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук, доцент

Е.И. ГАЛЯШИНА

Председатель правления ГЛЭДИС,
доктор филологических наук, профессор

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ

Действительный член ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук, доцент

Ю.А. САФОНОВА

М.П.

Часть 2

ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

1. В каком случае лингвисты пишут заключение, а в каком — экспертизу?

Любое исследование текста может быть представлено в форме заключения и собственно экспертизы (в заголовок выносятся название исследования — заключение экспертов). Экспертиза — строгий жанр, предполагающий определенную форму (сведения об эксперте — указание фамилии, места работы, ученой степени и ученого звания, стажа эксперта; время начала и окончания экспертизы), указание на то, что эксперты предупреждены об уголовной и гражданской ответственности; указание материалов, анализированных экспертами (о требованиях к этому документу см. ст. 77 ГПК РСФСР, ст. 191 УПК; см. экспертизы 8, 23). Экспертизы (заключения экспертов) выполняются по определению судебного органа или по постановлению правоохранительного органа (экспертизы 5, 9). Заключение выполняется по запросу в учреждение адвокатов, учреждения, частного лица (см. экспертизы 3, 14, 17, 18). Кроме того, исследование может быть представлено и в жанре «мнение эксперта» в случае обращения к эксперту как к частному лицу, а не как к представителю экспертного учреждения. Любая экспертиза состоит из вводной, исследовательской и заключительной части. Кроме того, эксперт может быть допрошен следователем или судом. См. также часть 3 наст. книги.

2. Какие материалы должны быть предоставлены экспертам для исследования?

Если предмет разбирательства — публикация, то текст публикации, если — выступление в электронных СМИ, то текст стенограммы и аудио- или видеозапись, так как часто текст стенограммы не аутентичен аудио- или видеозаписи. Кроме того, текст стенограммы, знаки препинания в нем не всегда учитывают интонацию и смысловое членение (см. экспертизу 3).

3. Какие вопросы могут быть поставлены перед лингвистами?

Для анализа текста по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо ответить как минимум на три вопроса: 1) Содержит ли текст информацию о лице? 2) Содержит ли текст негативную информацию о лице? 3) В какой форме — утверждение, предположение — дана эта информация?

4. Может ли лингвист определить, соответствует ли действительности информация о лице?

Нет, не может. Для установления соответствия/несоответствия фактов действительности нужно знать реальное положение дел. Это положение дел может, например, знать адвокат или доверенное лицо.

5. Может ли лингвист определить, что в тексте содержится клевета?

Нет. Клевета содержит умысел, лингвист не может определить наличие/отсутствие умысла.

6. Какие слова можно считать обидными?

Те, которые неприятны человеку, но объективны. Например, человеку тучному может быть обидно слышать о себе «толстый», человеку высокого роста — «верзила». Но такие «обидные» слова не являются оскорблениями, так как они указывают на какие-либо физические особенности человека.

7. Может ли ироническое высказывание быть оскорбительным?

Нет, не может, так как ирония — эта насмешка. (О соотношении иронии и оценки см., например: Ермакова О.П. Об иронии и метафоре//Облик слова: Сб. ст. М., 1997, с. 48—57.)

8. Как соотносится интонация и знаки препинания?

Знаки препинания — признак письменного текста, соответственно тот или другой знак препинания в письменном тексте — единственное подтверждение интонации устного текста. В случае если кто-либо пытается доказать, что знаки препинания не соответствуют интонации, это может быть принято как аргумент только при устном выступлении. В случае публикации как таковой — знаки препинания — единственный аргумент интонации. Следует помнить, что при подготовке стенограммы знаки препинания должны соответствовать интонации, а знак «» (кавычки) может быть поставлен только при наличии в устном тексте специальных лексических показателей.

9. Можно ли по одному высказыванию определить задачи автора?

Лингвист должен анализировать весь текст, определяя значимость и значение того или иного слова, фразы во всем контексте. См. экспертизу 13: анализ высказывания *группа, обрабатывающая заказ* вне контекста и в контексте всего выступления Березовского.

10. Достаточно ли наличия в тексте «непечатного» слова, чтобы сделать вывод об оскорбительной направленности текста?

Еще раз: следует анализировать весь текст, а не отдельные слова. Ср.: (экспертиза 5 и экспертиза 11), где употребление слова *блядь* в одном случае оскорбительно, а в другом — оправдано стилистически (хотя, конечно, такие слова использовать в литературном тексте не рекомендуется).

11. Всегда ли вопросительный знак указывает на вопрос?

Нет, вопросительные предложения в функции утверждения выступают в своей вторичной функции, когда вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной (утвердительной) информации. При этом такая информация всегда экспрессивно окрашена. Имеются в виду следующие случаи: 1) вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение. При этом может акцентироваться категоричность утверждения, неопременность на-

личия чего-н., обычность, закономерность. (Это ли не свидетельство подлинной демократии?); 2) вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание (так называемый риторический вопрос). При этом может акцентироваться категоричность отрицания (Где уж вам угодить, тетя? = Вам нельзя угодить, тетя); 3) вопрос-уяснение, повторяющий словесный состав предшествующей реплики и обычно осложненный эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения (Отчего ж ты такой грустный? — Я с чего такой грустный? — Очень устал); 4) вопрос-побуждение к чему-либо (А впрочем, что же мы стоим? Пойдем вперед...); 5) вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего (Да вы что, смеетесь надо мной?); 6) вопрос, имеющий целью активизировать внимание (И что же вы думали? Я все-таки нашел эту книгу) (см.: Русская грамматика. Т. 2. М., 1980, с. 394–396); см. *риторический вопрос* (экспертиза 7).

12. Что значит дословное воспроизведение текста, как можно определить дословность воспроизведения?

Дословное — значит слово в слово, соответственно — при дословном воспроизведении текста речь может идти только о цитировании. (Об искажении смысла чужой речи см., например: Гловинская М.Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи//Лики языка. М., 1998, с. 14–30.)

13. Как по словарю определить, содержит ли слово неодобрительную или иную эмоционально-экспрессивную окраску?

Толковые словари, как правило, начинаются с разделов «Как пользоваться словарем» или «Структура словарной статьи», в которых подробно разъяснены пометы, используемые в данном словаре. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. (М., 1997) есть пометы *неодобр.* — неодобрительное, *презр.* — презрительное, *пренебр.* — пренебрежительное, *бран.* — бранное, *груб.* — грубое, *ирон.* — ироническое, *шутл.* — шутливое. Этот словарь, например, включает словарные единицы (слова, значения слов, фразеологизмы, словоупотребления), содержащих помету *ирон.* 487, помету *презр.* — 170, помету *неодобр.* — 752.

14. Какими словарями следует пользоваться при анализе текста?

Корпус словарей, необходимых лингвисту для работы, зависит от анализируемого текста. Далее приведен основной список словарей и справочников, использованных в текстах представленных в этой книге экспертиз (этот список достаточно полно отражает лексикографические источники). Необходимо помнить, что Словарь Ожегова переиздается каждые 3–4 года, поэтому надо пользоваться последним изданием (на сегодня это 4-е издание, М., 1997 и все последующие стереотипные). Заметим также, что при толковании слов современного русского литературного языка следует, во-первых, обращаться к толковым словарям современно-

го русского литературного языка, а, обращаясь к Словарю В.И. Даля, использовать издание под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ. См. также список рекомендуемой литературы в конце нашей книги.

Словари и справочники, использованные в приведенных экспертных заключениях

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1998 (экспертиза 26).

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966 (экспертиза 23).

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 4-е изд. М., 1988 (экспертиза 1).

Большой толковый словарь русского языка/Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998; то же, СПб., 2000 (экспертизы 5, 8, 10, 12, 15, 22, 24, 27, 31).

Большой энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1. М., 1991 (экспертиза 1).

Буй В. Русская заветная идиоматика (Веселый словарь крылатых выражений). М., 1995.

Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.П. Краткий словарь по логике. М., 1991 (экспертизы 9, 31).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг., осуществленное под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ]. М., 1994 (экспертизы 5, 8, 10).

Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф): около тысячи единиц. М., 1999 (экспертиза 10).

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. М., 1999 (экспертиза 13).

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975 (экспертизы 15, 24).

Краткий словарь современных понятий и терминов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995; то же, 3-е изд., дораб. и доп. М., 2000 (экспертиза 8).

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; то же, 2-е изд. дораб. М., 2000 (экспертиза 12).

Лингвистический энциклопедический словарь/Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990; то же, М., 1998 (экспертиза 23).

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 1998 (экспертиза 26).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998 (экспертиза 6).

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е изд., стереотип. М., 1990 (экспертиза 25).

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997 (экспертизы 1–31).

Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. — М., 1997 (экспертизы 21, 22, см. также выдержки из этой книги на с. 276–288).

Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М., 1984 (экспертиза 6).

Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994 (экспертизы 2, 4, 7, 22, 31).

Розенталь Д.Э., Теленкова М.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976 (экспертизы 9, 23).

Русская грамматика. Т. 1, 2. М., 1980 (экспертизы 7, 9, 32).

Русский семантический словарь: В 6 т. Т. 1. М., 1998 (экспертиза 12).

Русский язык: Энциклопедия/Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997 (экспертизы 3, 27).

Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984; 3-е изд., стер. М., 1985–1988 (экспертизы 2, 6, 8, 23, 25, 27).

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4. Л., 1988 (экспертиза 3).

Словарь синонимов русского языка/Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1–2. Л., 1970–1971 (экспертиза 25).

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965 (экспертиза 8).

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1–6 (издание не закончено). М., 1991–1994 (экспертизы 1, 3).

Словарь сочетаемости слов русского языка/Под ред. П.Н. Денисова, В.М. Морковкина. М., 1983 (экспертиза 30).

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)/Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белоко, И.М. Исупов. М., 1992 (экспертиза 10).

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893 (экспертиза 3).

Тимофеев Л., Венгеров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1958 (экспертиза 25).

Толковый словарь русского языка: В 4 т./Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 (экспертизы 1, 8, 25).

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения/Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998 (экспертизы 5–8, 13, 31).

Философский словарь. М., 1991 (экспертиза 25).

Философский энциклопедический словарь. М., 1989 (экспертиза 25).

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: В 2 т. Новосибирск, 1991 (экспертизы 1, 6).

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993 (экспертиза 3).

Разъяснение некоторых терминов и слов, использованных в текстах экспертиз

Далее приведены некоторые разъяснения с отсылками к соответствующим экспертизам, а также к тексту *Приложения 1*. В тех случаях, когда слово-термин используется регулярно, отсылка к экспертизе отсутствует. Курсивом обозначены отсылки к соответствующим статьям данного разъяснения.

Абзац — красная строка, отступ в начале строки. При расшифровке звучащей речи (в стенограмме) следует обращать особое внимание на абзац, так как он может не совпадать с фактическим смысловым членением высказывания (экспертиза 3).

Адресант — тот, кто направляет сообщение (устное или письменное).

Адресат — тот, кому направлено сообщение (устное или письменное).

Аллюзия — намек на известный исторический, легендарный или бытовой факт, который создает обобщенный подтекст, отсылка в тексте к другим событиям, как правило, известным всем носителям из опыта — из так называемых фоновых знаний.

Анафорические связи в тексте — отношения между частями текста (между словами, высказываниями), при которых в смысл одного слова, высказывания входит отсылка к другому слову, высказыванию (экспертиза 13).

Анафорическое употребление местоимений — употребление местоимений (например, он, она, оно, они, этот и др.), смысл которых понятен только в определенном контексте (экспертиза 3).

Анонимное цитирование — см. *крылатые слова, цитата*.

Ассоциация — связь между определенными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое.

Аутентичность — тождество одного (текста) другому. При анализе устных текстов электронных СМИ следует обращать внимание на аутентичность (или ее отсутствие) устного текста (например, текста передачи) и письменного текста (стенограммы-расшифровки такой передачи) (экспертиза 10, 21).

Афоризм — устойчивое изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль о каком-либо явлении действительности, выраженное в лаконичной форме; см. *крылатые слова, сентенция, цитация*.

Бранные слова, брань — грубые, оскорбительные слова, ругань; см. *инвективная лексика, оскорбление, ругательство* (экспертиза 8); см. *Приложение 1*.

Буквальный — 1) точно соответствующий чему-н., дословный, например: буквальный воспроизведение; 2) о значении, смысле слова: прямой, непереносный; см. *дословный* (экспертиза 2).

Вводные слова, конструкции — слова, предложения, обособленные синтаксически и выражающие отношение говорящего к сообщению, например: может быть, как говорят, конечно, см. *предположение, утверждение* (экспертиза 9).

Вербальная (словесная) форма сведений — такая форма, в которой сведения даны в виде цепочки взаимосвязанных высказываний; скрытая вербальная форма — сведения выражены словесно, непрямо, не непосредственно, подразумеваются; см. *Приложение 1*.

Врезка — в издательском деле: краткий пояснительный текст, который предвывает или завершает статью и набирается другим шрифтом или выделяется иным типографским способом. Содержание врезки необходимо учитывать при анализе всего текста, так как врезка составляет вместе со всем текстом публикации единое целое (экспертизы 1, 5).

Дефиниция — определение, толкование понятия, слова.

Диалог — речь, состоящая из регулярного обмена высказываниями-репликами (экспертиза 3)

Затекстовая (пресуппозитивная) форма подачи информации — информация о ряде аспектов события, в тексте непосредственно не выраженная и вместе с тем подразумевается, что и говорящий, и слушатели ее знают.

Игра слов — см. *каламбур* (экспертиза 5).

Идиоматичность — свойство единиц языка, состоящее в неразложимости их значений на значения составляющих их единиц (экспертиза 11).

Импликация — в логике: операция, образующая сложное высказывание из двух высказываний, посредством логической связки, соответствующей по смыслу союзу «если..., то» (экспертиза 3).

Инвектива — см. *инвективная лексика*.

Инвективная лексика — (1) инвективная и (2) неинвективная лексика: (1) предполагает намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо, (2) является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает. К первой группе (инвективная лексика) относятся, во-первых, слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как внелитературные слова, взятые из жаргонов, диалектов или просторечия, так и вполне литературные. Однако употребление литературных слов типа *подлец, мерзавец* по отношению к конкретной коммуникативной ситуации противоречит нормам общественной морали в не меньшей степени. «Инвективу в узком смысле слова можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной (под)группе как резкий или табуированный. В несколько ином ракурсе инвективой можно назвать вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными (запрещенными) средствами» (Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия//Юрислингвис-

тика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000, с. 225); см. *нейнвективная лексика*; см. *Приложение 1*.

Интерпретация — истолкование, раскрытие смысла, содержания чего-н. (экспертиза 8); см. *Приложение 1*.

Ирония, иронические слова, ироническое употребление — тонкая, скрытая насмешка, слова. Заключается в употреблении наименования (или целого высказывания) в смысле, прямо противоположном буквальному. «Ирония... выявляется на основе контекста или фонового знания, исключая возможность буквального понимания сказанного (написанного)» (Скребнев Ю. Ирония//Русский язык: Энциклопедия. М., 1997, с. 159) (экспертиза 1, 6).

Историзмы — слова, выражения, вышедшие из активного употребления по причине того, что исчезли или стали неактуальными обозначаемые ими понятия; относятся к пассивной лексике (экспертиза 1).

Каламбур — игра слов, намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания, как правило, комического эффекта.

Ключевое слово, ключевые слова, ключевые фразы — доминанты, основные слова, фразы в смысловой организации текста (экспертизы 5, 13).

Коммуникативное намерение, коммуникативная установка — цель говорящего, пишущего (экспертиза 3, 7)

Коннотация — оценочная, эмоциональная или стилистическая окраска слова или выражения, дополняет объективное значение слова или выражения ассоциативно-образным представлением, коннотация зависит от культурно-национального мировоззрения (экспертиза 13); см. *Приложение 1*.

Контекст — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания.

Крылатые слова, выражения — устойчивые изречения, вошедшие в язык из определенных литературных, публицистических, научных источников или созданные на их основе, вошедшие в речь из средств массовой информации, а также высказывания реальных исторических лиц, которые получили широкое распространение и общеизвестность (например: *Хотели как лучше, а получилось как всегда...*). Не требуют обязательного выделения на письме и обязательной отсылки при устной речи цитаты, ставшие крылатыми словами. Крылатые слова фиксируются в специальных словарях (экспертизы 4, 10). См. *анонимное цитирование, афоризм, цитата*.

Матерщина, матерщинные слова, матерные слова — неприличная брань; см. *непристойные слова*; *Приложение 1*.

Матизмы — матерные слова.

Метафора, метафорический — образное сравнение, уподобление, одного предмета, явления, другому, вообще образное сравнение; см. *Приложение 1*.

Неинвективная лексика — лексика, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но не содержит, не предполагает намерения оскорбить или унижить адресата. Важно помнить, что употребление литературных слов типа *подлец*, *мерзавец* по отношению к конкретной коммуникативной ситуации так же, как и при употреблении инвективной лексики, противоречит нормам общественной морали. См. *инвективная лексика*.

Нейтральная лексика — лексика, стилистически не маркированная, в словарях не снабжается специальными пометами (экспертиза 8, 14).

Непристойные слова — «...это употребление слов, которые в момент опубликования статьи большинством читателей считаются неприличными, недостойными того, чтобы быть напечатанными, хотя, возможно, и могущими быть произнесенными в определенной ситуации. В российской практике непристойность связана прежде всего с сексуальными понятиями — грубыми названиями гениталий, полового акта, половых отклонений и проч.» (Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия//Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000, с. 227). Непристойные слова ориентированы на слушающего; см. *Приложение 1*.

Номинация — именование, называние как процесс или результат (экспертиза 16).

Носитель языка — человек, владеющий тем или иным языком, признающий его родным (экспертиза 11).

Обиходная лексика, обиходный язык — повседневная, привычная, существующая в обиходе (см. экспертиза 1).

Общенная лексика — см. мат; *Приложение 1*.

Окказионализмы, окказиональные слова — индивидуальные неологизмы (экспертиза 2); см. *Приложение 1*.

Оскорбление — это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. В отличие от клеветнических сведений, которые должны быть заведомо ложными, правдивость или ложность сведений, распространяемых при оскорблении, значения не имеет.

В практике принято выделять определенные разряды слов литературного языка и народно-разговорной речи, использование которых в отношении определенного лица (прежде всего, физического), как правило, является оскорбительным; см. *Приложение 1*.

Оценочные именованья, оценочные суждения — (экспертизы 8, 12); см. *Приложение 1*.

Паронимия, паронимы — однокоренные слова одной части речи, имеющие сходство в звучании, различающиеся своими значениями.

Переносное значение — производное лексическое значение слова, связанное с основным лексическим значением (метонимической, метафорической, функциональной общностью или ассоциативными связями) (экспертиза 1); см. *Приложение 1*.

Подтекстовая форма подачи информации — такая, при которой информация не содержится в самом тексте, но легко «извлекается» из него слушателем. См. *затекстовая (пресуппозитивная) форма подачи информации*; см. *Приложение 1*.

Предположение — см. *утверждение* (экспертизы 7, 17); см. *Приложение 1*.

Риторический вопрос — предложение, вопросительное по структуре, но передающее, как и повествовательное предложение, информацию о чем-л. Информация в риторическом вопросе всегда связана с выражением различных экспрессивно-эмоциональных значений (экспертизы 7, 9); см. *Приложение 1*.

Сведения — тексты, содержащие описание (и оценку) тех или иных событий или их отдельных компонентов. Они могут быть фактологическими и оценочными, истинными и ложными; см. *Приложение 1*.

Скрытая вербальная форма сведений — см. *вербальная форма сведений*.

Словесная (вербальная) форма сведений — см. *вербальная форма сведений*.

Ссылка — выдержка из текста или указание на источник, на который ссылаются; см. *цитата* (экспертиза 9).

Суффикс субъективной оценки — уменьшительно-ласкательный, уничижительный, увеличительный (см. экспертиза 2, 15).

Табуированные слова — слова, запрещенные к употреблению в общественном месте и в публичной речи; ориентированы на говорящего; см. *Приложение 1*.

Уничижительные слова — слова, образованные при помощи специальных суффиксов, имеют оттенок презрительности (экспертиза 2).

Устаревшие слова — слова, относящиеся к пассивному запасу лексики, в словарях имеют пометы *устар.* или *стар.* (экспертиза 3).

Утверждение — см. *Приложение 1* (экспертизы 3, 6, 7, 11, 14, 17).

Цитата — точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, высказывания (см. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 876). Цитаты по правилам русской пунктуации заключаются в кавычки, при цитировании указывается источник цитаты (автор, произведение). Цитирование может быть прямым и косвенным. При прямом цитировании указывается автор, произведение, а затем сама цитата. При косвенном цитировании автор может прямо не указываться, а цитата вводится в текст следующими словосочетаниями «как говорил классик», «как хорошо сказано в таком-то произведении» и т. п. Непрямое анонимное (без названия имени автора) цитирование возможно лишь в том случае, когда цитата хорошо известна всем образованным носителям русского языка и представляет собой либо так называемое крылатое выражение, либо афоризм (экспертиза 4, 9, 10).

Цитация, цитирование — см. *цитата*.

Эвфемизм — слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное. «Антицедентом эвфе-

мизма будем называть то obscene выражение, которое замещается эвфемизмом. Процесс замены obscene выражения эвфемизмом будем называть **эвфемизацией**. Очевидно, что в процессе эвфемизации должно происходить снижение степени obsceneности. Отсюда следует, что замена *жопы на задницу* является эвфемизацией, а *жопы на сраку* — нет.

Классификацию эвфемизмов можно проводить по нескольким основаниям. Первое важное разграничение позволяет выделить группы общих и частных эвфемизмов. Под **общими эвфемизмами** понимаются такие эвфемизмы, антецедентом которых является не одно, а несколько obscene выражений. Например, идиома *иди ты в баню* может замещать obscene выражения *идти в жопу, идти в пизду, идти на хуй, идти к ебене матери* и т.п. Аналогично *послать (подальше/куда подальше)* может относиться к *послать в жопу, послать в пизду, послать на хуй, послать к ебене матери*. К **частным** относятся эвфемизмы, антецедентом которых является лишь одно корректное obscene выражение. Так, идиома *накрыться медным тазом* относится к частным эвфемизмам в силу того, что замещает лишь один антецедент — *накрыться пиздой*.

Следует иметь в виду, что употребление термина «эвфемизм» при распространении его на сферу идиоматики оказывается неоднозначным. Так, в качестве эвфемизма функционирует *хрен*, с одной стороны, и все идиомы с этим компонентом — с другой (*послать на хрен, ни хрена* и др.). Первые эвфемизмы, которые могут являться частью других единиц, можно назвать **простыми**, а вторые — **сложными**.

Следующее важное разграничение касается автономности vs. связанности, простых эвфемизмов. **Автономными** простыми эвфемизмами следует назвать такие эвфемизмы, которые могут функционировать вне состава сложных эвфемизмов. Например, *хрен* и *хер* являются автономными простыми эвфемизмами, а *медный таз* и *три буквы* — **связанными**, так как встречаются только в составе идиом *накрыться медным тазом* и *послать на три буквы*.

И наконец, последнее разграничение между **полными** и **неполными** эвфемизмами. В отличие от рассмотренных ранее оппозиций это противопоставление является градуальным. Здесь речь идет о том, насколько близки сочетаемостные характеристики эвфемизмы его антецеденту. Другими словами, в каких идиомах эвфемизм способен замещать антецедент. Рассматривая отношение между obscene словом *хуй*, с одной стороны, и его эвфемизмами *хер* и *хрен* — с другой, можно сказать, что они, наиболее близки идеалу полного эвфемизма. Следует иметь в виду, однако, что они не являются полными эвфемизмами в точном смысле слова, ср. невозможность замены в таких идиомах, как *по хую* (vs. *по херу*, vs. **по хрену*); *на хуях носить* (vs. **на херах/на херах носить*).

Важно отметить также, что некоторые идиомы возможны только с эвфемизмами, ср. *три хера накрутить* при невозможности **с три хуя хрена*

накрутить или *хрен цена* при невозможности **хуй/хер цена*. Типичным примером неполного эвфемизма можно считать слово *член*. Замещающий компонент *хуй* в идиомах *доедать девятый член без соли*, *член в грызло*, этот эвфемизм невозможен в подавляющем большинстве идиом, содержащих лексему *хуй*. Ср. **послать на член*, **по члену*, **ни члена*, **до члена* и т.п. Неполными эвфемизмами к слову *хуй* являются также *шиш*, *хутор*, *ху-ху* (в идиомах *ни шиша*, *идти на хутор бабочек ловить*, *ху-ху не хо-хо?*).

Введенные оппозиции по-разному структурируют множества эвфемизмов, выделяя в нем отдельные подмножества, различающиеся как по функционированию, так и по форме» (Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). М., 1995, с. 237–239) (экспертиза 18); см. Приложение 1.

Часть 3

КОМПЕТЕНТНОЕ МНЕНИЕ

Когда не стесняются в выражениях...¹

А.Р. Ратинов, доктор юридических наук

[...] Это — пока еще некоторые размышления на «заданную тему» по поводу использования этих специальных познаний в практике правоприменения по делам, связанным с деятельностью средств массовой информации.

Необходимость привлечения неюридических знаний для решения сугубо юридических вопросов обусловлена не только тем, что порой весьма продуктивным бывает «свежий взгляд со стороны», не отягощенный профессиональными установками и стереотипами. (В психологии мышления даже высказывается полушутливая мысль, будто иногда невежды решают творческие задачи более успешно, чем «зацикленные» мастера своего дела). Дело же в том, что юриспруденция (как и любая наука) в принципе не способна решать свои задачи, замыкаясь только и исключительно в рамках своих собственных представлений, понятий и категорий. Она неизбежно опирается на данные других отраслей знания и общественной практики. Спускаясь с этих науковедческих высот на нашу проблематику, отметим несколько существенных положений.

Прежде всего напомним, что законы пишутся и издаются не для юристов, а в первую очередь для граждан и других участников правоотношений. Поэтому используемые в правовых нормах понятия, термины, словесные конструкции должны трактоваться, пониматься и применяться однозначно, адекватно смысловому содержанию нормы в точном соответствии с намерением и волей законодателя. И здесь-то [...] не все обстоит благополучно. С логико-грамматических позиций (и с точки зрения законодательной техники) интересующие нас правовые акты, как и многие другие законы, весьма уязвимы. А это рождает разногласия, субъективизм, произвол, ошибки и нарушения как со стороны исполнителей — в нашем случае работников СМИ, — так и со стороны контролирующих, регистрирующих, правоохранительных и судебных органов. Наш мониторинг правонаруше-

¹ Очерк профессора А.Р. Ратинова «Когда не стесняются в выражениях...: Послесловие юриста» — заключительная часть книги ФЗГ «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (М., 1997). Этот очерк и сегодня не потерял своей научной актуальности. Мы воспроизводим очерк с небольшими сокращениями. Приведены также в соответствии новому УК РФ названия и номера некоторых упоминаемых в очерке статей кодекса. — *Ред.*

ний, связанных с деятельностью СМИ, представляет по этому поводу обильную и неутешительную статистику.

Не спасают и поспешно изданные за последнее время научно-практические комментарии к новому гражданскому и уголовному законодательству. Содержащиеся в них разъяснения мало чем облегчают понимание комментируемых норм, зачастую просто повторяют используемые в них термины, не операционализируя их, не указывая на отличительные признаки, определяющие объем и содержание того или иного понятия. Это хорошо иллюстрируют авторы предлагаемого исследования. Особенно затруднительно и нетерпимо положение при использовании в законодательной норме так называемых оценочных терминов (признаков), допускающих многозначное, а значит, и произвольное толкование. Такова, например, пресловутая «неприличная форма» оскорбления. Имеющиеся на этот счет руководящие разъяснения Пленума Верховного суда РФ, призванные дать недвусмысленные, точные и пригодные для практического применения толкования закона также оказываются недостаточными, что убедительно демонстрируют авторы исследования.

Доказано, что в чисто правовом поле найти критерии допустимости и правомерности, равно как недопустимости и неправомерности тех или иных способов или форм передачи информации, оказывается абсолютно невозможным. Уяснение этих вопросов предполагает выход за пределы собственно правовой проблематики и обращения к лингвистическим, психологическим и другим научным понятиям и критериям. При толковании законов (как и при их создании) использование данных филологии, семиотики, психолингвистики, прагматики речи, с позиции которых ведется анализ в настоящей работе, представляется насущно необходимым. Как видно, юристы (и журналисты, в свою очередь) подчас самоуверенно и незаслуженно пренебрегают этим, допуская невнятицу, ошибки, злоупотребление словом.

Между тем правильное толкование правовых норм, то есть уяснение и разъяснение их подлинного смысла, — неперенное условие соблюдения законности, единообразного и правильного их исполнения и применения. Более того, в теории права разработано специальное учение о толковании закона, где определены его виды, способы, приемы, среди которых на первое место традиционно и вполне оправданно выносятся так называемое грамматическое толкование как совокупность методов анализа речевых форм законодательного текста.

В то же время известен ряд других способов и видов толкования (логическое, систематическое, историческое, телеологическое, технико-юридическое и пр.), лишь в совокупности обеспечивающих адекватное понимание правовой нормы. Кроме того, в языке юриспруденции (как и всякой профессиональной деятельности) используются специальные термины, существуют и обыкновения речевой практики, в которой закрепились определенные значения тех или иных понятий, не всегда совпадающие с обычным словоупотреблением. Заметим, что даже нашим специа-

листам-филологам не так-то просто было перевести свои мысли с «языка языковедения» на язык, понятный представителям других профессий. И вот тут с учетом сказанного мы должны перейти от оценки продуктивности «свежего взгляда» на юридическую материю со стороны специалистов другого профиля к признанию их некоторой профессиональной ограниченности. Все-таки прав бессмертный Козьма Прутков: «Специалист подобен флюсу»[...]

Например, справедливая мысль об опасности так называемых оценочных, то есть строго не определяемых, понятий и терминов может быть воспринята как ригористическое требование полного изгнания их из языка законов, что далеко не всегда возможно и приемлемо с точки зрения потребностей правового регулирования. Некоторые другие высказывания для юристов могут выглядеть наивными. И тут возможно проявление профессиональной зашоренности той и другой стороны. Говорится все это не в укор [...], а в подтверждение необходимости дальнейшего обсуждения представленного материала, развития высказанных идей и решения дискуссионных вопросов на основе межпрофессионального сотрудничества.

Зоны общих интересов юриспруденции, языковедения и журналистики таким образом обозначаются с достаточной определенностью. Но это еще не все. Есть и другой круг проблем, требующих междисциплинарной интеграции.

Речь пойдет о специфике деяний, обычно инкриминируемых СМИ, которая принципиально отличает их от любых иных видов правонарушений. В новом уголовном и гражданском законодательстве РФ теперь уже насчитывается около трех десятков таких типично «журналистских» правонарушений: унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление, клевета, распространение материалов противоправного содержания, пропагандирующих расовое и национальное превосходство или неполноценность, призывающих к насильственному изменению конституционного строя, массовым беспорядкам и пр. Их особенность состоит в том, что совершаются они посредством вербального поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, то есть текстов, распространяемых в средствах массовой информации.

В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам «*Corpus delicti*», все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушений по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки.

В информационном споре должны быть выявлены словесные конструкции и смысловые единицы текста, подпадающие под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей законодательной нормой. Таким образом, если раньше говорилось о грамматическом толковании достаточно упорядоченного законодательного текста, то здесь сверх того необходим содержательно-смысловой анализ формально нерегламентированной журналистской продукции и соотнесение резуль-

татов этого языкового исследования, то есть выявленных юридически значимых элементов информационно-публицистического произведения, с зафиксированными в законе признаками состава данного правонарушения.

Задача, как мы видим и как это показано в исследовании, многократно усложняется, требуя значительной языковой культуры участников информационного спора. Она не может решаться на основе субъективного осмотра или смутных воспоминаний о школьных уроках русского языка. В простых случаях бывает достаточно общераспространенных и общедоступных познаний, обращения к справочной и учебной литературе, консультации специалиста. Когда же одиозные идеи и материалы противоправного содержания поданы в изощренно закамуфлированной форме и выражены не открыто, а заложены в контексте и подтексте с использованием специальных языковых приемов манипулирования сознанием респондентов (способы введения в заблуждение здесь также рассмотрены), то для аргументированной и компетентной оценки такого текста нужна научная экспертиза.

Это убедительно подтверждает книга «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации», которая нам представляется первым шагом в формировании нового направления теории и практики — назовем ее «юридической герменевтикой», но не в теологическом и философском значении, а как систему научных методов и приемов информационно-целевого исследования нормативных и иных юридически значимых текстов.

В связи со стремительным ростом информационных конфликтов потребность в этом все острее ощущается журналистской и юридической практикой.

По делам этой категории участники конфликтов, следствие и суд все чаще прибегают к производству судебной экспертизы. Только при этом сплошь и рядом неправильно определяется область специальных познаний, необходимых для решения возникших по делу вопросов. В качестве экспертов привлекают не специалистов в области исследования массовых коммуникаций и языкознания, а философов, историков, искусствоведов, политологов и представителей самых экзотических профессий. На них возлагается решение чисто правовых вопросов, что недопустимо, так как это является прерогативой лиц, осуществляющих производство по делу (следователь, прокурор, судья).

Поэтому вместо выявления объективных характеристик и содержательно смысловой направленности спорного текста требуемое по закону экспертное исследование подменяется политическими, историческими, антропологическими, религиоведческими и иными рассуждениями, далекими от существа дела, а иногда и просто сводится к голословному выводу о наличии или отсутствии в тексте признаков состава правонарушения, что вообще не относится к компетенции судебной экспертизы (производство таковой по юридическим вопросам не допускается). Нужно различать экспертизу как использование мнений сведущих лиц по тем или иным вопросам в различных областях практиче-

ской деятельности и судебную экспертизу как способ доказывания, строго регламентированный в гражданском и уголовном процессе.

[...] Центральной проблемой, от решения которой зависит судьба дела и ответственность публикатора, является постоянно дискутируемый вопрос о различении факта и мнения в текстах средств массовой информации. От правильного определения информационной природы опубликованного или переданного в эфир материала зависят его юридическая оценка, квалификация и правовые последствия для редакции или автора.

Понимание этого различия почти недоступно сотрудникам правоохранительных органов и работникам СМИ. Имеющиеся на этот счет рекомендации отдельных авторов и состоявшиеся судебные решения не внесли необходимой ясности в этот вопрос. Как известно, Конституционный суд РФ по жалобе А. Козырева не нашел возможным высказаться по данному поводу, сочтя это обязанностью Пленума Верховного суда РФ. Однако никаких разъяснений с его стороны до сих пор не последовало.

Поэтому особый интерес для журналистской и юридической практики имеет разработка в данном исследовании проблемы соотношения факта и мнения в текстах СМИ. Авторы книги «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» приходят к выводу, что сама постановка вопроса о разведении факта и мнения является некорректной. Различать следует не факт и мнение, а события и оценки. Само понятие факта весьма многозначно и употребляется в словесном обиходе довольно беспорядочно. В этой связи вспоминается парадоксальное, на первый взгляд, заявление одного из героев пьесы К. Тренева: «Это, товарищи, не факт. Это на самом деле так было!»

Строго говоря, факт — это знание о чем-либо, достоверность которого доказана. В текстах СМИ мы прежде всего имеем дело не с фактами, а с сообщениями, известиями, высказываниями о каком-либо событии, явлении, предмете. Но это еще не факт, а лишь «строительный материал» для него или [...] «фактообразующая» (фактуальная) информация, последующая проверка которой либо создает факт (истинное знание о чем-то), либо отвергается как недостоверная, ложная. Но в материалах СМИ, разъясняют далее авторы книги «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации», содержится также информация иного рода. Это — мнения, оценки, интерпретации, которые по своей природе недоступны непосредственной проверке (верификации) путем сопоставления с действительностью или доказыванию посредством свидетельств и документов.

Это — так называемая оценочная информация. Ее содержание вообще не способно образовать факта. Хотя фактом может быть само публичное выступление или публикация, подтвержденные надлежащим образом.

Закон о СМИ (ст. 43) и Гражданский кодекс РФ (ст. 152) говорят об ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности, однако понятие «сведения» может иметь двоякий смысл.

Сведения как сообщения о каком-либо событии, процессе, явлении, происшедшем в прошлом или происходящем в настоящее время, в конкретных условиях места и времени, могут быть или истинными, или ложными (истина всегда конкретна). Такая фактуальная, событийная (бытийная) информация либо соответствует, либо не соответствует действительности. За это несоответствие публикатор несет ответственность.

Иначе обстоит дело с оценочной информацией. Выраженные в ней мнения, оценки, убеждения, так же как идеологии, теории, концепции, гипотезы, программы, планы, прогнозы и пр., по своей сущности не могут быть истинными или ложными, не могут соответствовать или не соответствовать действительности. Они могут быть ценными или вредными, правильными или неправильными, обоснованными или необоснованными, убедительными или спорными, прогрессивными или реакционными и т.п.

За высказанные идеи и мнения, оценочные суждения публикатор не несет ответственности, ибо по Конституции РФ каждый имеет право на свободу самовыражения, на свободу мнений и убеждений, за исключением случаев, когда их распространение прямо запрещено законом (см. ст. 4 Закона о СМИ). Поэтому идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они оспариваются в порядке полемики, то есть ответа (реплики, комментария) в том же средстве массовой информации, как это предусмотрено ст. 46 Закона о СМИ. На практике же по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации нередко происходит подмена предмета спора. Суды, вместо возложения на СМИ обязанности опубликовать ответ истца, обязывают опровергнуть высказанные оценки и мнения, выплатив компенсацию за моральный вред. Идеи же не опровержимы, а оспоримы.

Поэтому многочисленные дела по искам общественных деятелей и организаций, обиженных оценкой исповедуемых ими взглядов как фашистских, принципиально неверно разрешены судами в пользу истцов. Мы полагаем, что иски о защите чести и достоинства лиц, названных фашистами (равно как коммунистами, анархистами, монархистами и пр.), и требования об опровержении высказанных в СМИ критических оценок той или иной идеологии либо политики не подлежат удовлетворению и, может быть, вообще не должны приниматься к судебному рассмотрению. Ибо таким путем ограничивается свобода слова, критики, свобода политических дискуссий и средств массовой информации, что противоречит Конституции РФ и международно-правовым актам.

Описание события и изложение мнений в текстах чаще всего бывают слитны, взаимосвязаны, на первый взгляд неразличимы. Поэтому дифференциация фактуальной и оценочной информации в некоторых случаях — дело очень непростое, требует квалифицированного анализа и надлежащей подготовки. Методика такого «текстологического» анализа нуждается в специальной разработке [...]

Как показывает изучение судебной практики по делам рассматриваемой категории, многие претензии к СМИ вызваны неверным толкованием

таких ключевых понятий, как честь, достоинство и деловая репутация. Иными словами, требует уяснения вопрос, кто является обладателем этих нематериальных благ и вправе претендовать на судебную защиту в случае их нарушения [...] В частности, в соответствии со смыслом ст. 150, 152 ГК РФ обладателем чести и достоинства, а следовательно, и права на судебную защиту может быть только физическое лицо, гражданин. Государственный орган, общественное объединение, коллектив или группа лиц не являются субъектами этого права.

Исключения составляют только случаи, когда обнародованный материал позволяет персонифицировать (идентифицировать) конкретное лицо, чьи честь и достоинство при этом были унижены. Однако сказанное вовсе не означает, что незаслуженная критика деятельности какого-либо учреждения автоматически порочит честь и достоинство его руководителя, как иногда пытаются утверждать некоторые истцы.

Такие понятия, как «честь завода», «честь мундира», «честь трудового коллектива», «честь города» и т.п., на поругание которых публикациями СМИ сетуют некоторые заявители, носят характер метафоры, выражающей нравственно-психологические категории. Здесь речь должна идти о престиже или общественном авторитете органа, учреждения, ведомства, объединения, что не имеет гражданско-правового значения. Если распространенные сведения подобного рода не соответствуют действительности, то заинтересованные лица не вправе претендовать на судебную защиту чести и достоинства, а могут требовать опровержения сведений в порядке ст. 43 Закона о СМИ. Это различие оказывается довольно существенным по своим последствиям для работников СМИ.

Более сложным и слабее освещенным остается понятие деловой репутации. Недостаточная четкость регламентации этого нового института в ст. 152 ГК РФ создает иллюзию (и необоснованные притязания), будто деловой репутацией обладает любой гражданин и любое юридическое лицо.

За защитой деловой репутации, и подчас безуспешно, обращаются в суд государственные органы, должностные лица, общественные организации и отдельные граждане, которые не осуществляют коммерческой, предпринимательской деятельности. Между тем понятие деловой репутации в гражданско-правовом смысле применимо только к физическим и юридическим лицам, участвующим в деловом обороте. Это понятие не равнозначно, не синонимично понятию служебной или профессиональной репутации либо упомянутому понятию престижа.

Государственные и муниципальные органы, осуществляя властные и управленческие функции, и общественные объединения, выполняя уставные задачи, не являются участниками гражданского оборота, не являются носителями деловой репутации в смысле гражданского законодательства и потому не могут требовать ее судебной защиты. [...] Наше законодательство рассматривает честь, достоинство и деловую репутацию как личные блага, защищаемые в индивидуальном порядке, и не предусматривает защиты нематериальных благ каких-либо общностей и групп. Можно понять бо-

лезненную реакцию заинтересованных лиц на критические выступления прессы. Однако если обнародованные сведения не соответствуют действительности, то в описанных случаях возникает право требовать опровержения без тех тяжких последствий для редакций и журналистов, которые предусмотрены в случаях унижения чести, достоинства и деловой репутации.

Здесь мы подошли еще к одному правовому понятию [...] — компенсации морального вреда, нанесенного распространением в СМИ неверных порочащих сведений. Закон (ст. 151 ГК РФ) недвусмысленно определяет понятие морального вреда как причинение физических и нравственных страданий. Казалось бы, ясно, что телесные и психические страдания способны переживать только человек. Несомненно, и это отмечают авторы исследования, юридическое лицо есть искусственное образование. Оно, как поручик Кижже, «тела не имеет», сознанием не обладает, испытывать какие-либо мучения не способно «по определению». Однако на практике руководители разного ранга от имени юридических лиц (ведомства, местной администрации, правоохранительных органов, общественных организаций) предъявляют и даже выигрывают иски о защите чести, достоинства и деловой репутации (каковых бы, как сказано, они не имеют), добиваясь не только опровержения опубликованных сведений, но и компенсации морального вреда, иногда в астрономических, удушающих редакцию размерах. Провоцирует этот юридический абсурд неудачная формулировка п.п. 5 и 7 ст. 152 ГК РФ. Там говорится, что лица, в отношении которых распространены сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, «вправе требовать возмещения убытков и морального вреда». Неточность состоит в том, что моральный вред, в отличие от материального, не возмещается в объеме понесенных убытков, а компенсируется в порядке «утешения», имея другую природу, иной порядок доказывания и принципы исчисления размеров взыскания. Но еще хуже — предписание, согласно которому правила, установленные этой нормой, применяются к защите деловой репутации не только гражданина, но и юридического лица. Отсюда как бы следует, что и юридические лица также имеют право на компенсацию морального вреда, что, как сказано, невозможно. Плелуму Верховного суда РФ давно бы следовало указать на недопустимость такого понимания и устранить неточность своего прежнего толкования по данному вопросу в Постановлении от 20 декабря 1994 г.

Для правильного толкования ст. 152 ГК РФ и без ее законодательной корректировки возможность имеется, поскольку она гласит, что «правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица». Термин «соответственно» в данном контексте означает применимость только тех положений нормы, которые соответствуют правовой природе юридического лица. Неспособные испытывать физические и нравственные страдания юридические лица не могут и не должны рассчитывать на их компенсацию.

И еще пара замечаний относительно компенсации морального вреда. [...] Исследователи утверждают, что «все эти нравственные страдания и нравственные переживания неуловимы, доказать следственным или судебным путем наступление морального вреда, кроме отдельных случаев, невозможно. Также неопределенна связь упомянутых нравственных переживаний с унижением чести и достоинства... Соответственно и компенсация морального вреда должна производиться по логике возможного, а не наступившего вреда». Действительно, так и происходит во всех без исключения случаях, хотя с правовой точки зрения это представляется абсолютно ненормальным. Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 20 декабря 1994 г. определил предмет доказывания по спорам, связанным с компенсацией морального вреда, указав, что «суду необходимо выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий». Понятие «причинение» предполагает наличие причинной связи между действием и наступившим результатом. Однако суды не исследуют и не требуют доказывания этой связи, руководствуясь логически порочным суждением «после того — значит вследствие того». Внятное указание по данным вопросам позволит устранить это извращение практики. Должны быть исключены попытки чиновников и других заинтересованных лиц таким путем поживиться за счет редакции, усмирить неугодную газету, «приструнить» независимых журналистов..

И, наконец, последнее. Не пора ли предусмотреть компенсацию работникам СМИ за нервотрепку и потерю времени, вызванные недобросовестными исками и необоснованными претензиями любителей сутяжничать? Этот риторический вопрос означает положительное категорическое утверждение. Отчасти закон и сейчас допускает такую возможность. Страдая от необоснованных исков, работники СМИ имеют право (но не используют его) возложения на недобросовестного истца материальной ответственности и компенсации за потерю времени.

[...] В современных условиях тотального правового нигилизма и «нравственного плюрализма» произошло вавилонское смешение языков. Ответственные деятели, официальные лица и пресса зачастую говорят и пишут, используя воровской жаргон и не стесняясь в выражениях. Ситуацию усугубляют страстная политизация, безудержная «война компроматов», когда они уже не уместаются в отдельных сообщениях, а подаются общественности «коробками» и «чемоданами»; некоторые выступления СМИ смахивают на «журналистику в Тенесси». Когда границы между нормами речевого взаимодействия сдвинуты и размыты, формально и четко определить различие между нарушением этикета, бестактностью, хамством и гражданским или уголовным правонарушением становится нередко задачей крайне затруднительной или вовсе нерешаемой.

В жизни возникает бесчисленное множество ситуаций и вопросов, для обоснованного юридического разрешения которых просто не хватает имеющихся доктринальных толкований, научных комментариев и руководящих разъяснений действующего законодательства.

Из этого множества выделим один, по которому уже сейчас можно высказать некоторые предварительные суждения. Допустимо ли в средствах массовой информации обличать кого-либо в совершении уголовно наказуемых деяний при отсутствии судебного признания данного лица виновным, а его действий — преступными? Можно ли назвать его преступником при наличии у журналиста данных о событиях и действиях такого рода? Не нарушается ли при этом провозглашенный Конституцией РФ и уголовно-процессуальным законодательством принцип презумпции невиновности, согласно которому каждый обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не доказана в установленном порядке вступившим в законную силу приговором суда? Не является ли, наконец, клеймение кого-либо вором, мошенником, взяточником и т.п., независимо от фактических обстоятельств и имеющихся данных, унижением чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, т.е. уголовно наказуемым оскорблением? (Вспомним дело В. Поэгли.)

Прежде всего отметим, что конституционная норма о презумпции невиновности (ст. 49) помещена в том блоке статей, которые определяют положение личности в уголовном судопроизводстве (ст. 47—54 Конституции РФ). Используемый при этом термин «обвиняемый в совершении преступления» имеет сугубо правовое значение, разъясняемое в ст. 46 УПК РСФСР. Презумпция невиновности — это уголовно-процессуальный институт. В теории права она считается опровержимой презумпцией, которая постоянно подвергается сомнению и опровержению в ходе процесса, при возбуждении уголовного преследования, избрании меры пресечения и иных мер процессуального принуждения, предъявлении обвинения, предании суду — и так вплоть до вступления обвинительного приговора в законную силу. Иными словами, при всей кардинальной важности этого демократического института даже в уголовном процессе презумпция невиновности не имеет абсолютного и неоспоримого значения (в отличие, например, от презумпции неспособности быть субъектом преступления при недостижении возраста уголовной ответственности). При ином понимании раскрытия преступления, наказание виновного и вообще уголовное судопроизводство были бы невозможны.

Что же касается внепроцессуальных отношений, то ссылка на принцип презумпции невиновности представляется неуместной и не может служить основанием для запрета средствам массовой информации сообщать сведения об известных им преступлениях и лицах, их совершивших, как общественно значимых событиях. Более того, это гражданский и профессиональный долг журналистов. Согласно ст. 108 УПК РСФСР (которой соответствуют ст. 146, 147 в новом УПК РФ. — *Ред.*), такие сообщения средств массовой информации являются поводом к возбуждению уголовного дела. Разумеется, за достоверность таких сведений работники СМИ несут ответственность: в случае заведомой лжности — в уголовном порядке за клевету, а при добросовестном заблуждении — в гражданском порядке за унижение чести и достоинства.

Несомненно также, что степень доказанности обличающих выступлений прессы (мы здесь не пользуемся правовым термином «обвинение») не может быть столь же высокой и, к счастью, не может влечь за собой тех же правовых последствий, как предъявление обвинения в уголовном процессе.

Для этого необходимо и достаточно наличия подтвержденных надлежащим образом только признаков преступления. Даже для возбуждения уголовного дела закон ограничивается требованием «достаточных данных, указывающих на признаки преступления», а отнюдь не абсолютной доказанности всего состава уголовного деяния (это достижимо лишь к окончанию расследования). Итак, презумпция невиновности не препятствует журналистскому расследованию и праву журналиста выражать свое мнение об установленных при этом противозаконных действиях и виновных лицах.

И, наконец, снова насчет пресловутой неприличной формы оскорбления. Скандальный приговор по делу В. Поэгли чуть было не создал опасный прецедент признания неприличным и уголовно наказуемым употребление слов типа «вор». Один журналист по этому поводу ехидно заметил, что суд придумал «новое неприличное слово из трех букв». Правы исследователи, заявившие по поводу трактовки криминального неприличия как противоречащего принятой в обществе манере общения, что лучше бы такого разъяснения не было. Выше уже была показана его полная непригодность. Вызывает сомнение и совершенство самой уголовно-правовой нормы (ст. 130 УК РФ) и вообще целесообразность криминализации оскорбления, для защиты от которого могут быть более эффективные гражданско-правовые меры. [...]

Экспертиза текстов массовой информации — необходимое условие подлинного правосудия

Б.Н. Пантелеев, советник юстиции 2 класса

Актуальность вопроса о глубине и беспристрастности изучения результатов журналистского труда сегодня, похоже, практически никто не оспаривает. Во всяком случае, публично признается не только общественная значимость этого рода деятельности, но и ее специфические, профессиональные особенности, которые становятся объектом все более специального исследования и комментирования в научной литературе. Несомненно, положительную роль в этом сыграл возобладавший ныне комплексный подход к информационным обменам в целом и обучению журналистов в частности, когда даже факультеты, где их сегодня готовят, ориентированы одновременно и на социологию, и на информатику, и на психологию, а не только на общий политико-пропагандистский ликбез.

Таким образом, на наш взгляд, общая теория комплекса продвинутых на мировом уровне наук уже готова сегодня рассматривать и отечественную журналистику во всех ее проявлениях как специфическую сферу чело-

веческой деятельности, поднимающуюся в лучших своих проявлениях до уровня добротного ремесла, а в особо приятных случаях — способной предъявлять жаждущей публике образцы подлинного искусства.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитывается сегодня более 700 нормативных актов различного уровня, регламентирующих экспертную деятельность. Они относятся к самым важным сферам экономики, производства, строительства, а также экологии, санитарно-эпидемиологического надзора и таможенного дела. Никакое существенное решение в этих отраслях в силу закона не может быть принято без предварительной экспертной проработки, и ни один конфликт не подлежит рассмотрению без привлечения компетентных специалистов. Такое положение считается само собою разумеющимся и никем не оспаривается. Действительно, рассматривающие споры правоприменители, как правило, не могут быть одновременно и узкими специалистами в других сферах деятельности. Поэтому они вынуждены привлекать экспертов для разрешения специальных вопросов, неизбежно возникающих при объективном рассмотрении подобных конфликтов. В противном случае, как показывает многолетняя судебная и арбитражная практика, их решение может быть поверхностным и дискредитирующим саму идею правосудия.

Несколько иное положение до недавнего времени существовало у нас в сфере интеллектуального производства вообще и при разрешении информационно-правовых споров в частности. Даже при наличии законодательных предпосылок для привлечения экспертов многие правоприменители полагали это процессуальным излишеством. Видимо, этому способствовал целый комплекс причин, которые, на наш взгляд, заслуживают специального исследования. В отведенных нам рамках только обозначим некоторые из них. Упрощенный бытовой подход к продукции средств массовой информации приводил к тому, что каждый потребитель, владеющий языком, на котором она распространялась, считал себя одновременно и окончательным арбитром. Порою для вынесения решения считалась достаточной оценка по принципу «нравится — не нравится», «правильно — не правильно» даже без предъявления мотивов. Вышестоящие судебные инстанции не давали принципиальной оценки подобным постановлениям, а сосредотачивались лишь на корректировке размеров взысканных с виновных сумм компенсации морального вреда.

Правоприменительная практика явно не соответствовала достижениям отечественной и мировой науки, не использовала предоставляющиеся ей качественно новые возможности. Хотя называть эти возможности «новыми» можно весьма относительно, только если не принимать во внимание, что еще в 1915 году известный российский ученый и публицист Н.А. Морозов опубликовал свою детальнейшую разработку методов научного анализа авторских текстов и распознавания плагиата².

² Морозов Н.А. Лингвистические спектры. Средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора. Стилеметрический этюд. 1915.

Весьма важным для благоприятного развития независимой журналистики оказывается и то обстоятельство, что ныне действующее российское законодательство в целом очень уважительно относится к профессионалам в любой сфере человеческой деятельности. Так, например, мудрый законодатель изначально ориентирует всех правоприменителей на то, чтобы они принимали решения лишь в пределах своей компетенции и оперировали только специально разработанными именно в юриспруденции терминами и понятиями. При возникновении любых вопросов, требующих специальных познаний в области науки, искусства, техники или ремесла, суд с учетом мнения заинтересованных сторон назначает эксперта или в случае необходимости даже нескольких экспертов. Такой порядок установлен ст. 74—78 ГПК РФ и ст. 184—194 УПК РСФСР, действующими уже с 1964 года и никогда не вызывающими особых затруднений у практиков (аналогичные положения закреплены и в гл. 27 нового УПК РФ). Более того, у действующих юристов уже сформировался устойчивый поведенческий шаблон, когда они автоматически назначают специальные экспертизы по делам, связанным с особенностями психики несовершеннолетних, со спецификой функционирования механизмов и автомашин, конфликтами в работе педагогов, претензиями к медикам и во многих других случаях. Подготовлены и безотказно применяются примерные перечни вопросов к экспертам этих категорий. Сами вопросы, как правило, согласовываются со всеми заинтересованными сторонами, которые имеют право их дополнить и уточнить при необходимости.

Судебная практика последнего десятилетия продемонстрировала нам замечательные примеры грамотного использования экспертных знаний в самых различных областях человеческой деятельности. Спектр назначенных следствием и судами экспертиз ныне потрясает своим разнообразием: почерковедческие, трассологические, фоноскопические, психолого-психиатрические, одорологические и многие другие.

Следовательно, мы имеем дело с ситуацией, когда проблема в общем плане уже обозначена и выработаны неплохие правила для безукоризненного разрешения возникающих в том числе и в журналистской деятельности конфликтов. Однако следует признать, что на сегодняшний день данная процедура в целом по России оказалась невостребованной. Можно по-разному оценивать причины этого печального явления. Видимо, нужно говорить о недостатках менталитета российского населения в целом и правового сознания отечественных журналистов в частности, предпочитающих либо «заминать» все возникающие конфликты, либо разрешать их в первую очередь и предпочтительно не правовым путем. Некоторые аналитики утверждают, что пока не сформировалось окончательно новое журналистское сообщество, не осознаны и не выработаны изнутри корпоративные правила поведения, трудно говорить о признании этого ремесла извне — посторонними оценщиками.

Однако в особых случаях мы становимся очевидцами явно нетрадиционного подхода к рассмотрению некоторых информационных спо-

ров. Например, когда речь идет об авторстве высокодоходных книг, причастности к литературным опытам высокопоставленных политиков, использования в избирательных целях высоких технологий Интернета — практически незамедлительно встает вопрос о назначении целого комплекса специальных экспертиз — психолого-лингвистической, лингво-математической и других.

К выполнению таких заданий подключаются целые институты и претензий к качеству их работы не высказывают. Уже разработаны и апробированы весьма интересные методики проведения такого рода исследований, некоторая информация о которых опубликована в специальной литературе³. Таким образом, при индивидуальном подходе к правосудию создаются новые прецеденты, последствия которых еще предстоит проанализировать.

Общие принципы судопроизводства декларируют равный подход к разным людям, всем субъектам права. Следовательно, любой журналист или редакция, ставшие не по своей воле участниками правового конфликта в информационной сфере, должны уже сегодня иметь равную возможность реально использовать предоставленные законом права, апеллировать к экспертам и настаивать на объективном разбирательстве дела и наличии в итоге мотивированного судебного постановления.

Общеизвестно, что без вынесенного в процессуальных рамках мотивированного судебного постановления у любого гражданина появляются основания утверждать, что его конституционные права нарушены, а у журналиста, кроме того, возникают специфические проблемы, связанные с реализацией на практике международно-признанных стандартов свободы печати.

С учетом этих замечаний можно сделать вывод об острой необходимости срочно наполнить конкретным содержанием процессуальное право всех журналистов и редакций СМИ на рассмотрение их дел компетентным судом с участием специально приглашенных экспертов.

В теории правозащитного движения это означает наличие у каждого «позитивного права на суд». Сам факт того, что гражданин не уклоняется от разбора его дела, а заявляет о готовности сотрудничать с правоохранительными органами в длительном и сложном процессе поиска истины, явно свидетельствует о его законопослушности и готовности принять любое решение, вынесенное в рамках заранее установленных правовых процедур. Особый акцент при этом делается на то, что любой добросовестный налогоплательщик имеет право требовать, чтобы ему было обеспечено надлежащее рассмотрение дела со стороны органов, которые он содержит.

Трудно переоценить воспитательное значение подобного процесса, когда обе стороны — истец и ответчик — силой научных аргументов будут убеждены в правильности итогового решения суда. Публикация всех об-

³ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Уч. пос. М., 2001.

стоятельств хода и результатов такого процесса в СМИ только прибавит авторитета, а возможно, и тиража любому изданию.

В связи с этим нелишне подчеркнуть, что, исходя из своих собственных стратегических интересов, государство, стремящееся стать правовым, кровно заинтересовано создать и профинансировать нормальную систему разнообразных по форме, статусу и видовой направленности экспертных центров, готовых в любое время своими интеллигентными усилиями поддержать правосудие, сделать его объективным, компетентным и понятным.

Применительно к гражданскому процессу реализация данной идеи позволит журналистскому сообществу получить дополнительные гарантии — возможность эффективного и политкорректного досудебного урегулирования возникающих претензий к СМИ⁴. При оперативном вмешательстве квалифицированного эксперта некоторые многотысячные иски лопаются как мыльные пузыри, еще не поступив в судебную канцелярию, существенно экономя время и нервы сторон потенциального конфликта.

Значительным событием в экспертном деле, несомненно, стал Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года. Указанный системный акт впервые так четко и на столь высоком уровне определяет правовую основу, принципы организации и основные направления этого вида деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. Что касается арбитражного судопроизводства, то ссылки на него также имеются в ряде статей анализируемого закона (ст. 3, 37), из чего можно сделать вывод, что и на споры между юридическими лицами в случае назначения экспертизы будут распространяться аналогичные процедуры.

Закон, как и следует из его названия, регламентирует деятельность государственных экспертов и соответствующих учреждений, однако, что очень важно, не монополизировать за ними эту сферу, а признает и допускает в силу ст. 41 к производству экспертизы практически на равных основаниях также и иных лиц, не являющихся штатными сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, но обладающих специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла.

В соответствии с общепринятыми нормами задачей любой судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В этой связи представляется любопытным отметить, что указанный закон (ст.13) предьявляет весьма мягкие требования к лицу, претендующему на должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждени-

⁴ Подробнее с региональной практикой разрешения подобного рода конфликтов можно ознакомиться на сайте www.politkor.narod.ru.

ях. Для этого требуется всего лишь наличие гражданства Российской Федерации, высшее образование и последующая подготовка по конкретной экспертной специальности. Экспертом в системе органов внутренних дел может работать также гражданин Российской Федерации, имеющий лишь среднее специальное экспертное образование. Никаких дополнительных требований о минимальном стаже работы в данной области, наличии научной степени, публикаций, авторских методик закон не предусматривает. Из собственной юридической практики знаю, что правоохранительные органы и суды склонны обычно критически относиться к заключениям именно молодых специалистов, а их первые опыты в форме экспертных заключений нередко не выдерживают изошренного натиска профессиональных адвокатов.

Опыт показывает, что в этом смысле альтернативные эксперты, как правило, выгодно отличаются обязательным наличием убедительного практического опыта работы и многочисленных научных регалий.

Новый закон в ст. 4 утверждает общие принципы судебно-экспертной деятельности, а именно законность, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Важно, что в ст. 6 подтверждается: каждое лицо, полагающее, что действие или бездействие судебного эксперта или учреждения в целом привело к ограничению прав и свобод гражданина либо прав и законных интересов юридического лица, вправе обжаловать указанные действия (бездействие) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Однако некоторые существенные вопросы, на наш взгляд, выпали, к сожалению, из поля зрения законодателя. Так, анализируемый закон (ст. 8) признает объективность эксперта как важнейший принцип исследования. На каждого эксперта возлагается обязанность (ст. 16) составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение, в частности, в случае, если современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы. Руководитель государственного судебно-экспертного учреждения обязан в силу ст. 18 быть совершенно не заинтересованным в исходе дела, которое поступило в возглавляемое им учреждение. Согласно ст. 14 он обязан поручить производство экспертизы конкретному эксперту и разъяснить ему его права и обязанности. А вот вопрос о разъяснении сторонам дела права на отвод конкретного эксперта так и остался, на наш взгляд, открытым. При назначении конкретной экспертизы следователем или судом сторонам становится известно лишь то учреждение, где ее планируется проводить. Каким образом назначенный по данному делу эксперт может быть реально персонально отведен по инициативе стороны или должен заявить самоотвод при наличии для того оснований, в законе также не уточняется. Право на отвод вообще и эксперта в частности является одной из фундаментальных гарантий современной системы правосудия. Сомнения в объективности эксперта могут возникнуть

у сторон на любой стадии. Например, новые обстоятельства могут выявиться при реализации участниками процесса впервые официально предоставленного им ст. 24 права присутствовать при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении. В этом случае закон позволяет им только задавать вопросы эксперту, относящиеся к предмету судебной экспертизы, однако вновь умалчивает о праве заявлять ходатайства об отводах.

Согласно ст. 37 указанного закона государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц, взимать плату за производство судебных экспертиз. Таким образом, рыночные отношения и в этой сфере деятельности легализуются, что можно только приветствовать. Современная практика рассмотрения информационных конфликтов показывает, что вопрос о надлежащей оплате нелегкого, «штучного» труда эксперта в той или иной форме всегда встает, но единых ставок, тарифов до сих пор не выработано. Однако такой прогрессивный подход предполагает последовательное создание и поддержание государством равных условий всем участникам для добросовестной конкуренции. По этому поводу некоторые сомнения появляются при детальном системном анализе ст. 41 и ст. 39 об информационном обеспечении деятельности государственных судебно-экспертных учреждений. В этом случае закон в одностороннем порядке позволяет только им — государственным экспертам самостоятельно истребовать на безвозмездной основе у своих потенциальных конкурентов — организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности практически любые образцы и каталоги, методики, техническую и технологическую документацию и другие информационные материалы. Применительно к академическим и другим профильным научным заведениям, которые сегодня активно работают на поле цивилизованного разрешения информационных споров, это вряд ли можно признать справедливым.

Полагаем также, что из анализа ст. 41 логично следует, что при определении уполномоченным органом, кого же именно назначить негосударственным экспертом по конкретному делу, не должно являться препятствием гражданство кандидата в эксперты. При подборе альтернативного эксперта определяющим фактором совершенно справедливо становится только его компетентность.

К счастью, сегодня лицам, принимающим юридически значимые решения в России, и заинтересованной международной общественности можно предъявить некоторые примеры весьма квалифицированного и успешного во всех отношениях профессионального разбора конкретных кризисных ситуаций со СМИ, ставших предметом анализа специалистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. Эта общественная некоммерческая организация недавно юридически оформилась, однако за плечами вошедших в ее состав профессионалов уже десятки весьма громких дел.

Инициаторами обращения за помощью к этим экспертам были сами журналисты, главные редакторы, руководители прокуратуры, сотрудники рекламных агентств. Во всех случаях ими двигало в первую очередь желание цивилизованного правового и компетентного разрешения возникшего информационного конфликта. Такой подход к защите своих законных прав и общественных интересов можно только приветствовать.

Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве

Е.И. Галяшина, доктор юридических наук,
кандидат филологических наук

В настоящее время в российском судопроизводстве возникает значительное количество различных дел, где тексты на русском языке могут выступать в качестве источников доказательств, необходимых для раскрытия и расследования преступлений или разрешения гражданских споров.

Практика показывает, что специальные лингвистические познания нередко необходимы для установления самого факта преступного деяния по многим видам преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, например: преступлений против чести и достоинства — ст. 129 УК РФ (Клевета), ст. 130 УК РФ (Оскорбление); преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина — ст. 146 УК РФ (Нарушение авторских и смежных прав); преступлений против собственности — ст. 163 УК РФ (Вымогательство); преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства — ст. 280 УК (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации); ст. 282 УК РФ (Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды); преступлений против мира и безопасности человечества — ст. 354 УК РФ (Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны) и некоторые другие.

В средствах массовой информации имеют место случаи, когда распространяется не соответствующая действительности информация, порочащая честь и достоинство граждан. Литературные произведения, являющиеся результатом творческой деятельности авторов, зачастую без надлежащего разрешения неправомерно копируются, заимствуются, иногда слегка редактируются и переиздаются под другим именем. Эти и другие обстоятельства также могут потребовать участия экспертов-лингвистов в рассмотрении дел в гражданском или арбитражном процессе.

Таким образом, для установления многообразных фактов, имеющих значение доказательств при расследовании и судебном рассмотрении дел, необходимо применение специальных познаний в области филологической текстологии, прикладной лингвистики, прикладного речеведения и др.

Как известно, основная процессуальная форма использования специальных познаний (в том числе и в области лингвистики или филологии) — это назначение судебной экспертизы.

В то же время на практике в случае необходимости назначения такой экспертизы сегодня возникает множество проблем. Какую экспертизу надо назначать? В каком экспертном учреждении ее проводить или какому эксперту поручить? Как проверить его компетентность и компетенцию? Какие вопросы могут быть разрешены в ходе экспертизы? Как после завершения экспертизы оценить экспертное заключение?

К сожалению, следователи, судьи и иные субъекты, назначающие экспертизы в уголовном или гражданском процессе, имеют весьма неполное представление о современных классификациях судебных экспертиз, разрешаемых задачах и используемых методах, возможностях судебных экспертиз. Для названия экспертизы используются самые разные наименования, например, такие как «судебная лингвистическая», «судебно-текстологическая», «судебно-филологическая», «судебно-литературоведческая», «судебно-фонетическая», «лингвокриминалистическая», «судебная психолингвистическая», «акустико-автороведческая» и др.

Представляется, что вопрос здесь, не только и не столько в отсутствии устоявшегося единого именованя экспертизы, но значительно глубже — в определении пределов компетенции и компетентности эксперта-лингвиста, отрасли специальных познаний, которыми должен обладать эксперт-лингвист, предмете и задачах назначаемой экспертизы, научной обоснованности экспертного заключения.

Значение заключения, сделанного квалифицированным и высокопрофессиональным, компетентным экспертом-лингвистом по указанным выше составам преступлений трудно переоценить, ведь фактические данные, полученные путем экспертного исследования, не могут быть отражены ни в каком процессуальном документе, кроме заключения эксперта. И хотя в соответствии с процессуальным законом экспертное заключение не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и по общему правилу должно оцениваться в совокупности с ними, роль его в установлении истины по делу значительна.

Как известно, в современном судопроизводстве судебная экспертиза — это уже устоявшийся институт процессуального права⁴, которая назначается, когда для установления истины по уголовным (ст. 78, 80, 191, 288 УПК) или гражданским делам (ст. 74, 75, 77 ГПК; ст. 66, 67, 68 АПК), делам об административных правонарушениях (ст. 231, 252 Кодекса об административных правонарушениях КоАП) необходимы научные, технические и другие специальные познания.

В юридической науке сформировалась общая теория судебной экспертизы, основывающаяся на единстве интегрированной природы всех родов

⁴ Россинская Е.Р. Тенденции развития института судебной экспертизы в современных условиях // Криминалистика XXI век. Материалы научно-практической конференции 26–28 февраля 2001 года, том 1, — М.: ГУ ЭКЦ МВД России, с. 36–47.

и видов судебных экспертиз. В ее содержание входят обобщенные представления о задачах и объектах судебной экспертизы, субъектах судебно-экспертной деятельности; частные судебно-экспертные теории и учения, основы методологии экспертных исследований, классификация судебных экспертиз и судебно-экспертных методик, информатизация и компьютеризация судебно-экспертной деятельности и целый ряд других проблем⁶. Общая теория судебной экспертизы имеет много проблем, смежных с уголовно-процессуальными, гражданско-процессуальными и арбитражно-процессуальными. Одна из таких проблем — это оценка экспертного заключения, которая базируется как на оценке сущности самого заключения, так и формальных его структурных частей.

Анализ существующих классификаций судебных экспертиз по классам, родам и видам показывает, что судебная экспертиза, где преобладают специальные лингвистические познания, как самостоятельный вид или класс еще не оформилась, не определен ее предмет, объект и задачи, да и само ее понятие в судебно-экспертной деятельности не является устоявшимся или общепринятым.

Во многом это объясняется историческим процессом становления института судебной экспертизы. В общей теории судебной экспертизы традиционно среди судебных экспертиз до сих пор принято выделять класс криминалистических, отграничивая их от других. В классе криминалистических исторически сформировалось два самостоятельных рода судебных экспертиз, где используются филологические знания. Это **судебная фоноскопическая и автороведческая экспертизы.**

Звучащий текст (устная речь), зафиксированный на магнитном носителе (фонограмме), является объектом судебной фоноскопической экспертизы. При этом в ее рамках решается комплекс самых разных задач, связанных с исследованием зафиксированного на фонограмме устного текста, в том числе с применением широкого спектра лингвистических методов. Это, например, идентификация диктора и автора звучащего текста, интерпретация жаргонизмов и аргоизмов, установление смыслового содержания устного речевого сообщения при противоречии семантики вербальных и интонационных средств, выявление имплицитного значения текста и др. Таким образом, достигается всестороннее изучение звучащей речи как в акустическом, так и собственно лингвистическом плане.

Письменный текст (рукописный или печатный) является объектом автороведческой экспертизы. При этом могут решаться сходные задачи, например, по идентификации и диагностике (установление облика) автора текста, его социо-психологических характеристик по проявлениям в тексте тех или иных лингвостилистических особенностей, установление факта соавторства, выполнения текста под диктовку и др. В рамках автороведческой экспертизы складывается новое самостоятельное направление — криминалистическая текстология, включающая в себя методы и средства

⁶ Энциклопедия судебной экспертизы/Под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. М., 1999.

лингвистического, почерковедческого, фактографического и других исследований. Криминалистическая текстология, используя достижения текстологии филологической, на основе проведения специальных теоретических и экспериментальных исследований разрабатывает методики и рекомендации по текстологическому исследованию документов и решения всего комплекса диагностических и идентификационных задач в рамках судебного автороведения⁷.

Предпринимавшиеся многочисленные попытки объединения двух названных направлений в рамках одного рода судебной экспертизы (которую предлагали назвать «судебной экспертизой речи») пока успехом не увенчались. Таким образом, в настоящее время специальные познания в области филологии используются при решении идентификационных и диагностических задач двух разных родов судебной экспертизы: судебной фоновскопической и судебной автороведческой экспертизы⁸, традиционно подразделяющие текст как объект экспертизы на звуковую или письменную форму.

Заметим, что само название «судебная лингвистическая экспертиза» противоречит принятому в общей теории судебной экспертизы принципу наименования экспертизы не по методам, а по исследуемому объектам. Еще в 1980 году А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская⁹ предлагали создать цикл материнских судебно-экспертных наук: судебной физики, судебной химии, судебной биологии и др. Однако эта идея оказалась бесперспективной и была отвергнута судебно-экспертной практикой. За прошедшие 20 лет стало очевидным, что не может быть никакой особой судебной физики, судебной биологии¹⁰. Видимо, нет и судебной лингвистики или судебной филологии, а есть использование выявленных филологической наукой и ее отраслями закономерностей и многообразия лингвистических методов в судебно-экспертной деятельности. Тем не менее, возможно, интеграция и дифференциация специальных познаний в перспективе приведет к формированию единой «судебной речеведческой экспертизы»¹¹. Будут четко и ясно определены ее предмет, цели и задачи, очерчен круг исследуемых объектов и решаемые задачи, унифицированы экспертные методики.

⁷ Огорелков И.В. Современное состояние диагностических исследований в автороведении // Криминалистика. XXI век. Материалы научно-практической конференции 26–28 февраля 2001 года, том 1, М., ГУ ЭКЦ МВД России, с. 89–96

⁸ Галяшина Е.И., Комиссаров А.Ю., Боровиков Д.С., Шашкин С.Б. Правовые и методологические аспекты установления факта предварительной подготовки письменных и устных текстов. Там же, с. 84–89.

⁹ Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. — Волгоград: МВД СССР, 1980.

¹⁰ Россинская Е.Р. Тенденции развития института судебной экспертизы в современных условиях // Криминалистика. XXI век. Материалы научно-практической конференции 26–28 февраля 2001 года, том 1, М., ЭКЦ МВД России, с. 36–47. Энциклопедия судебной экспертизы. Под ред. Т.В. Аверьяновой и Е.Р. Россинской. М., 1999.

¹¹ Такое название сегодня представляется предпочтительным по аналогии с традиционными почерковедческой и автороведческой экспертизой. Термин «речеведение» предложен профессором, доктором филологических наук Р.К. Потаповой.

В современных условиях методы фундаментальных наук (в том числе лингвистические) заимствуются отдельными видами и подвидами фоноскопической и автороведческой экспертиз путем создания специальных экспертных технологий, предназначенных для решения типовых экспертных задач. Производство таких экспертиз в полном объеме организовано в системе государственных экспертных учреждений МВД, ФСБ, МЮ Российской Федерации.

Как известно, судебные экспертизы в соответствии с требованиями закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹² могут проводиться в государственных экспертных учреждениях (ст. 11 названного закона) либо вне государственных экспертных учреждений лицами, обладающими необходимыми специальными познаниями, но не являющимися государственными судебными экспертами (ст. 41 названного закона). В государственных экспертных учреждениях большинство задач, связанных с исследованием устного или письменного текста, как уже сказано, решаются в рамках судебной фоноскопической (в части лингвистического анализа устного текста) или судебной автороведческой экспертизы (в части текстологического анализа).

В то же время нередки случаи, когда следователь или суд поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту-лингвисту, не являющемуся сотрудником государственного экспертного учреждения. В таких случаях нет единого подхода к определению рода или вида назначаемой экспертизы, области и пределов специальных познаний эксперта, объемов и решаемых задач. В качестве таких негосударственных судебных экспертов нередко выступают сотрудники научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов, авторитетные ученые и работники различных организаций и ведомств, имеющие базовое высшее филологическое образование, ученые степени и звания.

Согласно названному закону производство судебной экспертизы в негосударственном (частном) экспертном учреждении не предусмотрено, хотя и не запрещено. Кроме того, ст. 199 УПК РФ, регламентирующая производство экспертизы в экспертном учреждении, не содержит указания о том, должно ли быть экспертное учреждение обязательно государственным.

Как показывает практика, в тех случаях, когда государственные экспертные учреждения не имеют специалистов лингвистического профиля по ряду уголовных дел (чаще по клевете и оскорблениям), экспертизы назначаются в порядке применения ст. 199 УПК РФ в негосударственные экспертные учреждения и организации. За последние пять-шесть лет только в Москве образовалось больше десятка частных организаций с функцией производства экспертных исследований (в виде ООО, АНО и т.п.). Появлению множества таких организаций способствует то, что закон не требует лицензи-

¹² Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

рования экспертной деятельности, достаточно, чтобы организация была зарегистрирована в установленном законом порядке. В качестве сотрудников частных экспертных фирм нередко выступают отставники и бывшие служащие ведомственных организаций, имеющие базовое филологическое образование, соответствующую квалификацию и свидетельство на право производства фонетических и авторедческих экспертиз.

В негосударственные экспертные учреждения или к частным экспертам также нередко обращаются за консультациями, с просьбами оценить ранее выполненные экспертные заключения на предмет обоснованности сделанных в них выводов, степени компетентности эксперта.

На практике сведущих в отдельных отраслях филологии лиц давно уже привлекают заинтересованные участники процесса для дачи консультаций по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях, т.е. фактически используют их специальные филологические познания в процессуальной форме. Эти консультации, по существу, представляют собой предварительные или повторные исследования по тем же материалам, даются письменно и оформляются в виде рецензии на ранее выполненное экспертное заключение, в форме справки по результатам лингвистического исследования или в форме заключения (мнения) сведущего лица. Данные документы не имеют процессуального статуса, но в судебной практике часто приобщаются к материалам дела в соответствии со ст. 86, 87 УПК РФ; ст. 63 ГПК РСФСР; ст. 60 АПК РФ в качестве иных документов или письменных доказательств. Часто сведения, содержащиеся в таком документе, переносятся адвокатом или иным заинтересованным участником процесса в свое ходатайство и таким способом включаются в материалы дела, служат основанием для назначения дополнительных и повторных экспертиз, допроса судебного эксперта следователем или судом, отвода эксперта по причине некомпетентности.

Компетентность эксперта, то есть наличие соответствующих специальных познаний, по закону определяет субъект, назначающий экспертизу. Как правило, проблем не возникает в случае назначения экспертизы в государственное экспертное учреждение, руководитель которого несет ответственность за компетентность конкретного сотрудника, выступающего в функции государственного эксперта. Сложнее дело обстоит при назначении экспертизы лицу, не являющемуся государственным экспертом или в частное экспертное учреждение.

Ведь компетентность и компетенция эксперта определяются не только полученным в вузе образованием, но всей совокупностью имеющихся знаний в пределах конкретной судебно-экспертной специальности, практическими навыками и умениями решения конкретной экспертной задачи.

Поэтому наличие у лица, которому поручается производство судебной экспертизы, только базового высшего филологического образования и даже высокой ученой степени и звания, еще не является безусловной гарантией его компетентности как судебного эксперта.

Подготовка квалифицированного судебного эксперта-фоноскописта или эксперта-автороведа из молодого специалиста с базовым филологическим образованием в системе государственной судебно-экспертной деятельности ведется головными подразделениями ведомств и включает такие формы, как индивидуальная полугодовая стажировка под руководством опытного наставника¹³, который составляет план индивидуального изучения экспертных методов и методик, контролирует его выполнение, оказывает методическую и консультативную помощь, совместно выполняет экспертизы и исследования. Затем в течение первых трех лет работы дважды в год проводятся курсы и семинары по изучению новых методов и экспертных методик, повышению квалификации экспертов, о чем выдаются соответствующие сертификаты. После выполнения программы повышения квалификации и сдачи экзаменов определяется уровень профессиональной подготовки и проводится аттестация эксперта на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертно-квалификационной комиссией. Эксперту выдается соответствующее свидетельство государственного образца.

Однако сегодня еще ни один вуз или факультет университета в стране не проводит систематического обучения и специализации судебных экспертов-лингвистов.

Филологи, выпускники обычных гуманитарных вузов, не являющиеся профессиональными судебными экспертами, обычно не знакомы с последними научно-практическими достижениями российской и зарубежной судебно-экспертной практики, не владеют современными экспертными методиками решения конкретных вопросов, не обладают требуемыми навыками по применению экспертно-криминалистических методов и средств исследования устных и письменных текстов, не имеют опыта судебно-экспертной деятельности, не обладают знаниями общей теории судебной экспертизы, не знают специфики уголовного, гражданского, арбитражного процессов.

Незнание современных экспертных методик и основ судебно-экспертного исследования устных и письменных текстов часто приводит к тому, что изучение свойств представленных объектов производится односторонне, а иногда необъективно. Заключение таких экспертов по форме и содержанию во многих случаях не отвечают основным выработанным многолетней экспертной практикой критериями ясности, полноты и достоверности, избылиют выражениями, отражающими субъективное мнение и суждения авторов, а доказательственное значение устанавливаемых фактов и обстоятельств теряется в пустом многословии и неоправданном наукообразии.

Вместо надежно и достоверно установленных на основе достижений науки и техники фактов в таких заключениях нередко содержатся догадки, гипотезы или домыслы, которые годятся для научной статьи, но неприемлемы для заключения судебного эксперта.

¹³ Наставник должен иметь опыт практической работы в качестве государственного судебного эксперта не менее 5 лет.

Выводы подчас даются в вероятной, а не категоричной форме, что не позволяет использовать их в качестве судебных доказательств.

Судебная практика показывает, что для установления факта оскорбления, то есть унижения чести и достоинства другого лица, выраженного устно, недостаточно провести только лингвистический анализ вербального состава высказывания. Не менее важно то, с помощью каких интонационных и паралингвистических средств выражается то или иное значение. Как общеизвестно, даже obscene лексика, произнесенная с определенной интонацией, может быть воспринята адресатом не как оскорбление, а как, например, высшая форма восхищения или даже выражения симпатии.

При производстве экспертизы текста, представленного в звуковой форме, недостаточно восприятия его только посредством слуха, необходим объективный инструментальный (акустико-перцептивный) анализ всех компонентов интонации с использованием специальных программ по визуализации и обработке звуковых сигналов, позволяющих документировать результаты проведенного анализа. Одна и та же фраза (например, «Здоровье надо беречь!»), произнесенная с разной интонацией, может как выражать, так и не выражать угрозу.

При оформлении экспертного заключения экспертом-лингвистом, не имеющим юридической квалификации по специальности «судебная экспертиза», зачастую отмечаются формальные, но существенные нарушения требований процессуального закона. Отсутствуют обязательные части заключения, не приводится содержание, детальное описание хода и результатов проведенного лингвистического исследования, не указываются использованные методы, их надежность, данные об апробации и т.д. Выводы нередко делаются голословно, без надлежащей аргументации, развернутой характеристики признаков и свойств исследуемых текстов, без ссылок на научную литературу. Тогда как обоснованность заключения эксперта-лингвиста предполагает научную, логическую и методическую грамотность проведенного лингвистического исследования и изложения в заключении его результатов.

В результате незнания процессуальных тонкостей даже правильное по существу, но неверно оформленное заключение эксперта-лингвиста может быть признано недопустимым доказательством и исключено из материалов дела.

Однако и без профессионального базового филологического образования и глубоких познаний во многих отраслях филологии, наличии обширного справочного материала, судебный эксперт-лингвист также не может квалифицированно и компетентно, а главное, научно обосновать и убедительно аргументировать сделанные им выводы.

Поэтому в каждом конкретном случае назначения экспертизы устных и письменных текстов как государственным, так и частным (независимым) судебным экспертам необходимо тщательно проверять их квалификацию, стаж работы по специальности, наличие свидетельств

на право производства экспертизы, научные публикации или разработки в данной отрасли науки и техники, ученые степени и ученые звания, наличие у них специальных познаний, навыков и умений и экспертного инструментария для решения конкретной экспертной задачи.

Поскольку область специальных познаний, в основе которой лежит филология и ее отрасли, открыта для широкого круга потенциальных потребителей, это позволяет критически оценивать качество и полноту их применения в каждом конкретном экспертном исследовании, открывает просторы для расширения состязательности экспертов-лингвистов в рамках судопроизводства.

Современная практика судопроизводства достаточно лояльно относится к вызову в суд и участию в процессе независимых авторитетных ученых-филологов (в том числе в качестве свидетелей, специалистов, экспертов) там, где требуется то или иное толкование или интерпретация устного или письменного текста не только на русском, но и на других языках, что делает форму состязательности процесса по таким делам более интересной, а решения судей — более обоснованными и объективными.

Очевидно, что на первый план выходят две насущные проблемы. Первая проблема — это необходимость выработки среди практикующих судебных экспертов-лингвистов единого подхода к проблемам судебной экспертизы устной и письменной речи.

Это диктуется тем, что решаемые экспертные задачи, объекты экспертизы, методы и методики экспертного исследования определяются каждым родом судебных экспертиз. В этой связи должны быть едиными правила назначения, производства, а также критерии оценки выводов эксперта-лингвиста следователем, судами общей юрисдикции, арбитражными судами, должностными лицами, рассматривающими дела об административных правонарушениях. Ведь во многих случаях результаты экспертизы, выполненной лингвистом в процессе гражданского судопроизводства или производства по делу об административном правонарушении, используются при рассмотрении затем уголовного дела и наоборот.

Вторая проблема — профессиональная подготовка и систематическое обучение выпускников филологических вузов и факультетов по данной судебно-экспертной специальности.

В этой связи совместными усилиями в рамках «круглого стола» или конференции необходимо выработать минимальный набор правил или требований к кругу специальных познаний судебных экспертов-лингвистов, разработать программу их обучения и подготовки, продумать вопрос об организации соответствующих курсов и межвузовских школ.

Представляется, что такой подход будет способствовать более быстрому и главное эффективному разрешению многих дел в российском судопроизводстве.

Правовой статус судебной лингвистической экспертизы

Т.В. Губаева, доктор юридических наук,
кандидат филологических наук

Ввиду того, что законодатель приравнивает многие словесные действия к волевым актам, имеющим юридическое значение¹⁴, в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве нередко возникает необходимость применить лингвистический анализ, с помощью которого достоверно устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по конкретному делу.

Как разновидность судебных экспертиз лингвистическая экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки о языке. Правовую основу деятельности лингвистов-экспертов составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹⁵, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, другие федеральные законы, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы.

Так, при производстве судебной лингвистической экспертизы эксперт не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших эту экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Вопросы, поставленные перед экспертом, не могут выходить за пределы его специальных познаний.

Эксперт обязан:

- принять к производству порученную ему судебную лингвистическую экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную лингвистическую экспертизу, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения

¹⁴ Это, например, письменное оформление договорных обязательств и иных сделок, предварительный сговор о совершении преступления, угрозы, клеветы, оскорбления, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, разглашение тайны и т.п.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы;

— не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной лингвистической экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;

— обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт вправе:

— ходатайствовать о привлечении к производству судебной лингвистической экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;

— делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;

— обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную лингвистическую экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт имеет также другие права, предусмотренные процессуальным законодательством¹⁶.

Эксперт не должен вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела; самостоятельно собирать материалы для производства судебной лингвистической экспертизы; а также сообщать кому-либо о результатах судебной лингвистической экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших.

Эксперт подлежит отводу от участия в производстве судебной лингвистической экспертизы, а если она ему поручена, обязан немедленно прекратить ее производство при наличии оснований, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации.

При производстве судебной лингвистической экспертизы в государственном учреждении могут присутствовать те участники процесса, которым такое право предоставлено процессуальным законодательством Российской Федерации. Участники процесса, присутствующие при производстве судебной лингвистической экспертизы, не вправе вмешиваться в ход исследований, но могут давать объяснения и задавать вопросы эксперту, относящиеся к предмету судебной экспертизы.

При составлении экспертом заключения, а также на стадии совещания экспертов и формулирования выводов, если судебная экспертиза производится комиссией экспертов, присутствие участников процесса не допускается.

¹⁶ Здесь и далее под процессуальным законодательством понимаются нормы, регулирующие отдельные виды судопроизводства — гражданского, арбитражного, уголовного, а также конституционного. В каждом из перечисленных случаев назначение и производство экспертизы имеют некоторые особенности.

В случае, если участник процесса, присутствующий при производстве судебной экспертизы, мешает эксперту, последний вправе приостановить исследование и ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, об отмене разрешения указанному участнику процесса присутствовать при производстве судебной экспертизы.

На основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дает письменное заключение и подписывает его. Подписи эксперта или комиссии экспертов должны быть удостоверены печатью.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- 1) время и место производства судебной лингвистической экспертизы;
- 2) основания производства судебной лингвистической экспертизы;
- 3) сведения об органе или о лице, назначивших судебную лингвистическую экспертизу;
- 4) сведения об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной лингвистической экспертизы;
- 5) предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- 6) вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- 7) объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной лингвистической экспертизы;
- 8) сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной лингвистической экспертизы;
- 9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- 10) оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Если эксперт при производстве экспертизы установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение.

Заключение эксперта оценивается судом по правилам, установленным для отдельных видов судопроизводства (статья 68 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 56 и 78 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, статьи 71 и 80 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР).

В отдельных случаях, предусмотренных законом, лингвист может провести специальный анализ текста не по назначению компетентного органа или лица, а по инициативе сторон, участвующих в деле — например, по запросу, направленному адвокатом на университетскую кафедру русского языка. В подобных ситуациях с процессуальной точки зрения лингвист уже не является экспертом — он выступает в качестве специалиста, оформляя

свои выводы в виде письменного документа, который будет называться заключением специалиста либо справкой о результатах специального исследования. Собственно, название здесь не столь важно — если такой материал будет приобщен к делу, он получит статус так называемого иного документа. Кроме того, проведение лингвистического исследования по запросу адвоката и иных лиц, не уполномоченных законом на назначение экспертизы, является не обязанностью, а правом специалиста, то есть от проведения исследования он может отказаться.

В настоящее время класс судебных лингвистических экспертиз находится в стадии формирования и наиболее часто встречается в судебной практике разрешения споров, возникающих при предъявлении требований о защите чести, достоинства и деловой репутации. Между тем нет никаких юридических препятствий к тому, чтобы судебная лингвистическая экспертиза назначалась в особо сложных случаях толкования договора, если возник спор между сторонами по договору относительно смысла того или иного условия договора (ст. 431 Гражданского кодекса РФ).

Кроме того, в связи с необходимостью толкования отдельных положений Конституции Российской Федерации в конституционном судопроизводстве также могут быть использованы специальные знания лингвиста-эксперта (ст. 63 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»)¹⁷. Практике пока известны лишь два таких опыта, когда в заседания Конституционного суда Российской Федерации от 9 января 1997 г.¹⁸ и от 11 декабря 1998 г. был вызван лингвист-эксперт. На заседании 11 декабря 1998 г. лингвист-эксперт (Ю.А. Сафонова) дал заключение о том, что словосочетание *«трехкратное отклонение представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации»* может означать и трехкратное отклонение кандидатуры на должность, и трехкратное отклонение представленных лиц, предлагаемых на должность¹⁹.

С учетом тенденций, действующих в правовой системе Российской Федерации, можно с высокой долей вероятности предположить, что правовой статус лингвистической экспертизы в ближайшее время будет совершенствоваться по мере все более интенсивного развития лингвистического направления судебной экспертизы. Хотелось бы выразить надежду, что деятельность ГЛЭДИС тому способствует.

¹⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

¹⁸ Судья Конституционного суда обратился в Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН) с запросом: объяснить, в чем сходство и различие слов *адвокат* и *защитник* в современном русском языке. Такое исследование было необходимо для толкования ст. 48 Конституции России, гласящей: «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника)...» Заключение было подготовлено сотрудниками ИРЯ РАН Л.К. Крысиным, Ю.А. Сафоновой, Б.С. Шварцкопфом. Ю.А. Сафонова участвовала в заседании и была заслушана судом. Подробно см.: Сафонова Ю.А. Русский язык, властные структуры и электорат // Русский язык на рубеже тысячелетий. 26–27 окт. 2000. Матлы докл. Ч. 1. СПб., 2001; см. в этой книге Приложение 5.

¹⁹ По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 52. Ст. 6447.

Значение лингвистической экспертизы для юриспруденции и лингвистики

Н.Д. Голев, доктор филологических наук

О.Н. Матвеева, методист-исследователь
лаборатории юрислингвистики и развития речи

Прикладные аспекты языкознания обычно рассматриваются как периферическая сфера научных исследований. Между тем, лингвистика уже с самого своего возникновения была именно прикладной наукой, среди основных задач которой вначале было толкование сакральных текстов, а затем — обучение языку, риторике и пр. Теоретический подход к языку появился много позже. Сейчас наблюдается обратное движение — от теоретического языкознания к прикладному.

Процессы, происходящие в обществе в последние десятилетия, изменили социум, изменили облик современной науки. Сегодня наука, отвечая на запросы общества, характеризуется увеличением числа прикладных задач, требующих специальных исследований. В лингвистике это исследования по машинному переводу, автоматической обработке информации, когнитивным и языковым процессам, нейролингвистике, моделированию искусственного интеллекта и пр. Положение лингвистики в современном научном мире обусловлено двумя взаимонаправленными тенденциями: во-первых, лингвистика характеризуется расширением своих пределов, ее нельзя считать дисциплиной с четко установленными границами [Алпатов В.М., Кубрякова Е.С., Руденко Д.И., Прокопенко В.В., Кибрик А.Е.]; во-вторых, произошел общенаучный поворот в сторону языка — это значит, что лингвистика, по словам Александрова А.С., «стала для современных гуманитариев (и не только для них) и тем же, чем была, например, биология для интеллектуалов в 19 веке. Лингвистика — наука наук. Через язык, в языке пытаются найти ответы на свои вопросы философы, социологи, историки, психологи»¹. Мы добавим, что право также ищет ответы на многие свои вопросы в языке. И в этом заключается главное значение лингвистической экспертизы для юриспруденции.

Право по происхождению связано с языком, оно объективируется в языке и через язык познается. Однако в настоящее время возникает и новый, нетрадиционный, неожиданный как для юриспруденции, так и для лингвистики аспект их связи — речь идет о проблемных вопросах, находящихся в пограничной сфере права и языка, прежде всего — о

¹ Александров А.С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники: Сб. ст. под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000, с. 101.

лингвистической экспертизе текстов, вовлеченных в юридическую практику. Работа лингвистов в пограничной с юриспруденцией зоне в теоретическом плане подтолкнула развитие новой области междисциплинарных исследований — юрислингвистики, или правовой (юридической) лингвистики, в практической сфере стимулирует становление лингвистической экспертизы естественных текстов, вовлеченных в юридическую практику, а также самих юридических текстов (законопроектов).

Развитие лингвистической экспертизы имеет принципиально важное значение для юриспруденции, поскольку особая роль любой экспертизы в общей системе права обусловлена тем, что «экспертиза является инструментом решения коллизионных ситуаций между субъектами права и, следовательно, инструментом защиты охраняемых правом интересов личности, общества и государства»². Особое значение имеет лингвистическая экспертиза законопроектов, которая проводится по другим методикам, нежели экспертиза текстов, связанных с языковыми конфликтами, но в конечном счете обе экспертизы имеют один предмет, поскольку естественный язык выступает субстратом языка юридического. Для юриспруденции необходимо инициировать исследования в области правовой лингвистики в целом поскольку, во-первых, многие аспекты использования языка не регламентированы правом (отсутствует статья закона, а значит, не является криминальным деянием, например, языковое манипулирование сознанием, суггестивные технологии рекламы, предвыборных кампаний и пр.), во-вторых, реализация как уже действующих законов, так и существующих пока в виде законопроектов, посвященных регламентации языковых феноменов, затруднена в силу того, что на многие проблемные вопросы пока не в состоянии ответить ни юристы, ни лингвисты. Думается, что в сферу совместной регламентации юриспруденцией и лингвистикой должны войти в будущем и многие другие аспекты использования языка (языковые проблемы межнациональной политики, право на имя, права автора на творческое использование языка и пр.).

Внесение законных, обоснованных решений по делам, связанным со словесными оскорблениями, реализация закона о защите чести, достоинства и деловой репутации возможны лишь в том случае, когда суды смогут опираться на компетентные, объективные экспертные заключения. Юристы признают, что в «правовом поле найти критерии допустимости и правомерности, равно как и недопустимости и неправомерности тех или иных форм передачи информации, оказывается абсолютно невозможным. Уяснение этих вопросов предполагает выход за пределы собственно правовой проблематики и обращения к лингвистическим, психо-

² Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Там же, с. 691.

логическим и другим научным понятиям и критериям»³. Особенность судебных дел, рассматривающих языковые конфликты, состоит в том, что правонарушения совершаются посредством продуктов речевой деятельности: «В самом тексте опубликованного или переданного в эфир материала (и только в нем) заключен сам «*Corpus delicti*», все объективные признаки судимого деяния. Никаких других источников доказательства правонарушения по делам этой категории не существует, и только текст является главным предметом исследования и юридической оценки»⁴. Основой для выявления юридически значимых обстоятельств дела является прежде всего текст, именно из него извлекаются те категории, которыми оперирует юриспруденция в делах такого рода. Для анализа текста необходимы специальные познания, поэтому суд по делам такого рода назначает проведение лингвистической экспертизы.

Лингвистическая экспертиза текстов не закреплена *de jure* (она отсутствует в списке канонических судебных экспертиз), но *de facto* проводится повсеместно. Юристы не обладают необходимым инструментарием для исследования текста, не владеют лингвистической терминологией и, как следствие, не могут правильно сформулировать вопросы, подлежащие разрешению лингвистами-экспертами. У лингвистов же отсутствуют единые принципы, методы и приемы проведения экспертизы, отсутствует согласование лингвистических понятий с правовыми, обозначающими юридически значимые обстоятельства для данной категории дел. Лингвисты слабо представляют себе, что судебная экспертиза — это не только лингвистическое исследование (нет никаких сомнений, что это именно серьезное научное исследование, требующее как знания академической теории, так и ориентирования в последних достижениях лингвистической науки), но и особый способ доказывания, строго регламентированный в гражданском и уголовном процессе. Между тем, лингвистическая экспертиза только тогда выполнит свою функцию, когда ее конечные результаты будут содержать юридически значимые выводы, т.е. результаты лингвистического исследования будут соотноситься с зафиксированными в законе признаками состава данного правонарушения. На сегодняшний день лингвистическая экспертиза текстов, вовлеченных в юридическую практику в связи со злоупотреблением свободой слова, проводится стихийно. По-видимому, названным обстоятельством объясняются те многочисленные случаи, когда по одному делу даются прямо противоположные экспертные заключения, когда суды игнорируют заключения лингвистов, вынося решения, противоречащие выводам экспертов, когда лингвисты указывают, что вопрос суда лежит за пределами их компетенции (достаточно часто суд, по сути перекладывая на лингвистов вопрос о

³ Ратинов А.Р. Когда не стесняются в выражениях // Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ. М., 1997, с. 114.

⁴ Там же, с. 116.

юридической квалификации конфликтогенного текста, спрашивает о том, было ли оскорбление).

Противоречивое положение (юридически не закреплена, но фактически проводится) лингвистической экспертизы как в зеркале отражает общее состояние нормативно-правового регулирования экспертной деятельности в Российской Федерации. В.Я Колдин, характеризуя экспертизу как инструмент права, отмечает, что в Российской Федерации нет общей концепции института экспертизы, а нормотворчество в этой области стихийно, кроме того, «отсутствие общих законодательно закрепленных задач, функций и принципов экспертной деятельности, четких ограничений от смежных видов деятельности привело к тому, что изданные нормативные акты изобилуют противоречиями, неоднозначной трактовкой понятия экспертизы, ее задач, объектов и принципов, смешением экспертной и управленческой деятельности, пробелам нормативного регулирования процесса экспертной деятельности и процессуального положения ее участников»³. Иллюстрацией противоречивого положения лингвистической экспертизы может послужить следующее обстоятельство. Из Управления Судебного департамента в Лабораторию юрлингвистики и развития речи пришло информационное письмо, в котором указывалось: «Учитывая, что предлагаемый вид судебных экспертиз *мало распространен и практически неизвестен* (курсив наш. — Н.Г., О.М.), требуется подготовка для распространения в суды края методических рекомендаций с указанием *примерного перечня вопросов*, разрешаемых экспертизой, необходимости решения организационных вопросов при назначении экспертизы и т.д.». Произведем анализ данной фразы в контексте информационного письма. Фраза состоит как минимум из двух утверждений: 1) лингвистическая экспертиза мало распространена и практически неизвестна; 2) от лингвистов требуется подготовка методических рекомендаций с указанием примерного перечня вопросов, разрешаемых экспертизой. Рассматривая первое утверждение, мы приходим к выводу, что, по крайней мере, странные заключения о распространенности лингвистической экспертизы сделаны юридическим учреждением. Говоря же более строгим, юридическим, языком, это утверждение не соответствует действительности, о чем свидетельствует лавинообразно возрастающее количество экспертиз и «разбухание» от издания к изданию «Цены слова». Второе утверждение свидетельствует о некотором моменте непонимания сути обсуждаемого предмета. Разнообразие предлагаемых лингвисту вопросов столь велико и бессистемно, что одни из них входят в сферу лингвистики (*Содержится ли представленный на исследование текст негативную оценку деятельности N.? — экспертиза 11*), другие — в сферу

³ Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники. Нижний Новгород, 2000, с. 691.

психологии (*Содержится ли в тексте лексика, которая оскорбляет и унижает N.?* — экспертиза 2), третья — юриспруденции (*Является ли данная фраза оскорбительной для N.?* — экспертиза 8, *Если указанная статья содержит негативную информацию о N., то можно ли рассматривать данную информацию как порочащую честь, достоинство и деловую репутацию?* — экспертиза 18, *Могли ли призывы, содержащиеся в выступлениях, стать причиной общественных беспорядков или противоправных действий?* — экспертиза 9), а многие сформулированы так некомпетентно, что вообще не относятся к ведению какой-либо науки (*Определите содержательно-смысловую направленность высказываний*)⁶. Но разработка вопросов, на которые сможет ответить лингвист-эксперт, наш взгляд, не может быть компетентно произведена усилиями либо юристов (в силу невладения лингвистическим инструментарием), либо лингвистов (из-за незнания юридических релевантностей), только совместно представители юриспруденции и языкознания смогут выработать вопросы, одновременно значимые для юриспруденции и находящиеся в сфере познания лингвистики.

Лингвистическая экспертиза текстов, связанных с языковыми конфликтами, должна быть включена в общую систему экспертиз с учетом некоторых особенностей по сравнению с другими видами, что объясняется спецификой ее объекта. В качестве последнего выступают, как правило, тексты естественного языка, а для лингвиста это означает возможность «неустранимой множественности смысла» в силу такого свойства языкового знака, как его бесконечная смысловая валентность. Особенность лингвистической экспертизы состоит в том, что лингвистическая объективность ведет лингвиста-эксперта ко все большей глубине анализа сложной конфликтной ситуации и в силу этого, как правило, ко все большей **неоднозначности** ответа, объективно предполагаемой ее (ситуации) сложностью (если бы случай не был сложен, то и экспертизы бы не потребовалось). Юридическая строгость предполагает прежде всего максимальную (насколько это возможно) **правовую однозначность** ответа: именно с целью ее достижения правовые органы и обращаются чаще всего к экспертизе и именно ее ожидают от экспертов. Другими словами, требование объективности выводов лингвистической экспертизы потенциально нацеливает эксперта на дачу вероятностного заключения. Все это говорит о необходимости серьезных научных исследований по разработке и унификации принципов, методов и приемов лингвистической экспертизы текстов, включению ее в общую систему судебных экспертиз и нормативному закреплению ее положения в этой системе.

⁶ Примеры приведены из книги [Цена слова, 2002], последний пример взят из дела, направленного Центральным районным судом г. Барнаула в Лабораторию юрислингвистики и развития речи.

Научные исследования, проводимые в пограничной области языка и права, отвечают последним тенденциям языкознания. Разработка лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую практику, происходит на стыке лингвистики и юриспруденции, что отражает картину развития междисциплинарных связей, присущих современной науке. Уже сейчас становится понятно, что прикладные исследования лингвистов не приведут только к констатации уже известного и твердо установленного. Становление новой перспективной и многообещающей области прикладных исследований существенно расширяет традиционные горизонты лингвистики и сулит достижение интересных результатов лингвистической деятельности по объяснению как уже сформулированных проблем, так и ждущих своих формулировок. Какие же это проблемы?

Либерализация общественной жизни и провозглашение свободы слова породили массу конфликтов, связанных с использованием продуктов речевой деятельности. Это прежде всего конфликты, порожденные вербальными оскорблениями, клеветой, распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию. Думается, что это готовит почву для рождения новой отрасли лингвистического знания — лингвистической конфликтологии, представленной пока в единичных работах [Аспекты речевой конфликтологии, СПб, 1996, Муравьева Н.В. Язык конфликта. М., 2002]. Речевые конфликты стали постепенно входить и в сферу юридической регламентации, и в сферу лингвистических исследований. В науке о языке стали сначала робко и спорадически, а теперь все более настойчиво и регулярно появляться новые понятия, связанные с непривычными для классической лингвистики аспектами использования языка. Это такие понятия, как *инвективное функционирование языка* и его проявления — *обида, оскорбление, языковой конфликт*, а также понятия *языкового манипулирования* и *суггестии, речевая агрессии* и *лингвистическая экологии* и пр. Некоторые из этих явлений (например, языковые конфликты, приведшие к оскорблению, распространению порочащих сведений и пр.) уже регулируется правом, другие (такие, как языковое манипулирование, суггестивное использование языка в рекламных и избирательных кампаниях и пр.) остаются пока вне сферы правового регулирования, по-видимому, не последнюю роль в этом играет то обстоятельство, что лингвисты не могут предложить надежных способов экспликации названных феноменов.

Язык потенциально конфликтен, но большинство «лингвистических» конфликтов язык «решает» внутренними средствами, прежде всего своей естественной «нормативной базой», которая регулирует речевое поведение носителей языка, обеспечивая взаимопонимание между ними. В пер-

вую очередь это конфликты, возникающие при социальном функционировании языка, например, те из них, которые связаны с разной интерпретацией речевых произведений их автором и адресатом. Некоторая их часть выходит за рамки внутренних регулятивных возможностей языка и их разрешение требует правового регулирования. Традиционно языковые конфликты решаются либо за счет собственно языковых ресурсов, либо путем различного рода этических регуляторов⁷. Новый путь разрешения языковых конфликтов — это путь их юридизации. Поскольку правонарушение совершено с помощью языковых средств, то основным предметом юридического анализа становится лингвистический предмет — конфликтотенный дискурс (текст). В связи с этим странным кажется то обстоятельство, что лингвистика до последнего времени никак не реагировала на возможность совершения правонарушений с помощью языка. Лингвисты вскользь говорили о том, что «язык способен и на «преступные» действия»⁸, но что-то мешало заняться этой темой всерьез — либо отсутствие социального заказа, либо сложность темы, ее пограничность с юриспруденцией.

Сегодня лингвистическое экспертное исследование, будучи новой сферой деятельности языковедов, базируясь на достижениях классической лингвистики, ставит принципиально новые вопросы, требующие оригинальных решений для сохранения динамического равновесия между специфическими и зачастую разнонаправленными тенденциями языка и права, обусловленными сущностью и функциями этих социальных феноменов⁹. Лингвистические экспертные исследования ведутся в русле

⁷ Ср: Что касается этических средств разрешения лингвистических конфликтов, то среди общих моральных принципов, управляющих речевым поведением, можно назвать запрет лжи, хвастовства, сплетен, угроз, проклятий, клятв, пренебрежений, запрет повреждений словом, наносимых обществу и самому себе. Подобного рода моральные принципы существуют в каждой культуре и выражены, например, в национальных поговорках, пословицах, афоризмах, крылатых словах и т.д. («Раз соврал — навек луном стал», «Кто врет, тому бы ежа в рот», «Проврался что прокрался: люди долго помнят», «Вранье не споро: попутает скоро», «Ложь не имеет ног, но обладает скандальными крыльями» (японск.), «Горлом изба не рубится», «Клевета что уголь: не обожжет, но замазает», «Людей порочить — самому на свете не жить», «Птичке — простор, клеветнику — позор», «Мутная вода течет не из чистого озера», «Не хвали сам себя — пусть люди похвалят», «Хвастливо слово гнило», «Лесть без зубов, а с костями съест», «Не ножа бойся, а языка», «Острое словечко колет сердечко», «Недоброе слово больше огня жжет», «Не судите, да не судимы будете» (Евангелие от Матф., 7, 1–2) и пр.).

⁸ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1998, с 3.

⁹ Подробнее см. об этом в [Юрислингвистика — 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999; Юрислингвистика — 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000; Юрислингвистика — 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002].

антропологической парадигмы, в которой «язык мыслится не как некоторая безликая имманентная система, но как система, составляющая конститутивное свойство человека, формирующаяся в своих фундаментальных чертах под влиянием его общего биологического и нейрофизиологического устройства и тесно связанная с мышлением и духовно-практической деятельностью человека»¹⁰, Центра внимания лингвистов-экспертов перенесен с изучения языковой системы на речевую деятельность и ее продукт — текст (дискурс).

Лингвистическая экспертиза текста касается вопросов, традиционно находящихся в сфере прагматики, понимаемой не только как отрасли лингвистики, предметом изучения которой являются механизмы коммуникации, но и направленной на «исследование языка в контексте смежных с ним феноменов»¹¹. В центре внимания лингвистической экспертизы оказываются центральные категории прагматики — категория субъекта (которая, кстати говоря, в идентификационной (фоноскопической) лингвистической экспертизе трансформируется в категорию языковой личности, стоящей за любым текстом), события, оценки. В связи с субъектом перед лингвистикой встают вопросы об **интенции** (намерении) говорящего/пишущего (в терминах юриспруденции — об **умысле**) и способах ее экспликации, перед юриспруденцией эти вопросы оборачиваются проблемами квалификации правонарушений по гражданскому или уголовному кодексу РФ (клевета, оскорбление или распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию). Лингвистические категории **события** и **оценки** трансформируются в принципиально важные для юриспруденции категории **факта** и **мнения**, от различения которых зависит квалификация тех или иных высказываний как соответствующих / не соответствующих действительности.

Лингвистическая экспертиза текста высветила пробелы в теоретическом знании о языке. Так, **инвективная функция языка**, очевидная и бесспорная, не упоминается в академической лингвистике, в лексикографической практике отсутствует само понятие инвективности, не разработана система стилистических помет, отражающих инвективное функционирование слова. Суды воспринимают словари как наиболее легитимные источники, однако нам удалось лишь в одном словаре (Русский семантический словарь. М., 1998 г.) обнаружить тематическую группу слов «Брань, хула». На сегодняшний день эксперт не имеет другой возможности для обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего — на пометы толкового сло-

¹⁰ Язык и структуры представления знаний. Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1992, с. 98.

¹¹ Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1998, с. 315.

варя. Но филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию, не «имеет законного права» быть основанием следственных и судебных решений. Автор словаря в данном отношении слишком волен, пометы в словаре слишком прихотливы и приблизительны, чтобы отвечать требованиям объективности, однозначности, системности, пригодности для принятия правовых решений. Это предполагает развитие лексикографии, в частности, разработку специальных юрлингвистических словарей, в которых отражается как можно более полно потенциал инвективного функционирования языка. Такого рода словари должны составляться с учетом проекций на юридически значимые обстоятельства употребления того или иного слова (к примеру, должна быть разработана новая система стилистических помет, отражающая градацию инвективности).

Итак, практика лингвистических экспертиз позволяет поставить фундаментальные вопросы о вербальной инвективности как форме проявления речевой агрессии, о необходимости ее правового ограничения¹². Вопрос о необходимости специальных лексикографических исследований, посвященных инвективности как феномену естественного языка, подлежащему юридической регламентации, — это один из насущных вопросов лингвистической экспертизы.

Дальнейшее экстенсивно-интенсивное развитие лингвистической экспертизы должно разрешить эти и другие проблемы анализа конфликтного текста. Лингвистическое исследование подчинено юридическим потребностям, а это значит, что должен быть приведен в соответствие терминологический аппарат, используемый юристами и лингвистами. Необходимы совместные усилия лингвистов и юристов для разработки методов и принципов нового вида судебной экспертизы, социальная потребность в которой сегодня очевидна, и это определяет перспективы такого рода исследований.

¹² Кстати говоря, Государственная Дума уже рассмотрела в первом чтении закон «О русском языке как государственном языке РФ», согласно которому употребление оскорбительных и нецензурных слов будет наказываться штрафом. Однако, если данный закон будет принят, ему грозит судьба остаться лишь декларацией, не имеющей правовых механизмов реализации, поскольку ни юриспруденция, ни лингвистика не знает ответа на вопрос, что же такое оскорбительное слово, и не имеет как можно более полного их списка (мы не говорим исчерпывающего, поскольку практически каждое слово имеет определенный потенциал инвективного функционирования).

Сотрудничество с Гильдией поможет российским судам

И. Ф. Селютина, судья

1. В каких случаях Вы как судья назначаете экспертизы (любые)? В чем состоит особенность обращения к специалистам-лингвистам?

Судья назначает экспертизы в том случае, если для наиболее правильного рассмотрения дела необходимы специальные познания в какой-либо области.

2. Сколько дел по защите чести и достоинства за год Вы рассматриваете? Сколько отказов в таких исках, на каких основаниях? Часто ли стороны идут на мировую?

За год я рассматриваю 8–12 дел по спорам о защите чести и достоинства. Отказано в удовлетворении иска в 4 случаях: из них в 3 случаях суд пришел к выводу о том, что спорная статья не содержит информации об истце (одно такое решение отменено в кассационной инстанции, так как судьи второй инстанции пришли к выводу, что истец узнаваем); в 1 случае суд пришел к выводу о том, что распространенная об истце информация не порочит его чести и достоинства. По одному делу стороны заключили мировое соглашение — там, где было очевидно несоответствие действительности распространенных сведений и лицо, обратившееся в суд, не имеет общественно-политической значимости.

3. В чем сложность проведения судебных слушаний (разбирательства) по таким делам?

При рассмотрении подобных дел осложнения заключаются в заблуждении истцов относительно предмета доказывания, так как наших российских граждан оскорбляет любая информация о них с оттенками негативности. Чаще всего защищают честь и достоинство лица, имеющие определенную известность (руководители, политические лидеры, обладающие высоким самонаимением), и лица, страдающие психическими заболеваниями. Рассмотрение дел с участием таких лиц всегда осложняется, учитывая их высокую, по отношению к себе, оценку личности. Другая трудность в том, что ответчики по таким искам полагают, что обязанность суда состоит в собирании доказательств в подтверждении достоверности изложенных ими сведений. Кроме того, журналисты зачастую сами не понимают разницы между такими понятиями, как «утверждение», «оценка», «мнение», их возращения по иску в основном сводятся к доказыванию достоверности изложенных сведений. При вынесении решения по искам о защите чести и достоинства часто суду сложно дать оценку относимости опубликованных сведений к лицу, заявившему требования. Если в опубликованной статье, заметке, очерке отсутствуют или искажены фамилия, имя истца, но описа-

ны конкретные обстоятельства с использованием лексических приемов, с помощью которых герой узнаваем, трудно сделать вывод, относятся ли эти сведения к истцу. Возникают также сложности с оценкой фразеологических оборотов, устаревших слов применительно к настоящему времени.

4. Какую роль играют в судебных разбирательствах лингвисты-эксперты?

При рассмотрении мною дел по искам о защите чести и достоинства эксперты-лингвисты не участвовали, поскольку стороны, как правило, не желают оплачивать работу специалистов. При обращении за консультацией к лингвистам нашего региона чаще всего встречаешься с нежеланием специалистов брать на себя ответственность при написании официального заключения. Судьи при рассмотрении подобных дел пользуются словарями, в том числе и «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

5. Как Вы определяете степень компетентности специалиста?

При определении степени компетентности специалиста-лингвиста, как я полагаю, важны его научная степень, опыт филолога, в том числе опыт эксперта по делам о защите чести и достоинства, наличие научных публикаций на эту тему.

6. Кто оплачивает работу эксперта-лингвиста? Какова эта процедура?

При назначении любой экспертизы судья выясняет у сторон возможность оплатить работу экспертов. Чаще всего эта обязанность возлагается на ту сторону, которая предоставляет доказательства. Если стороны согласны оплатить экспертизу, судья указывает это в определении о назначении экспертизы, и после сообщения специалистов о стоимости их работы судья предлагает стороне произвести оплату. Теоретически возможна оплата полученного заключения судебным департаментом.

7. Обращались ли Вы к экспертам-лингвистам из других городов, регионов?

Нет.

8. Знакомы ли Вы с книгой «Цена слова»? Если да, то может ли она в какой-то мере помочь Вам при определенных судебных разбирательствах?

Книга «Цена слова» несомненно окажет нам помощь при рассмотрении дел. Поскольку в книге отражены рассуждения специалистов-лингвистов и филологов о значениях терминов, последовательность суждений и выводов, судья по аналогии имеет возможность сам дать оценку спорным сведениям. Сухой текст словарей не дает такой возможности проанализировать спорную публикацию.

9. Считаете ли Вы необходимым сотрудничество с ГЛЭДИС? В какой форме? Каким критериям должны соответствовать члены ГЛЭДИС?

Сотрудничество с ГЛЭДИС при рассмотрении дел о защите чести и достоинства поможет суду вынести законное и обоснованное решение, избежать возможной судебной ошибки. Естественной формой сотрудничества представляется назначение экспертиз с участием специалистов ГЛЭДИС, которые должны соответствовать тем же критериям, которые изложены в ответе на ваш пятый вопрос. Однако, принимая во внимание отдаленность ГЛЭДИС, нежелание сторон оплачивать дорогостоящую работу специалистов и учитывая высокий уровень Ваших экспертов, думаю, возможны и перспективны контакты с экспертами в виде консультаций специалистов — например, через Интернет, при условии оплаты таких консультаций.

Запись Ю. Волхонской

Честь, достоинство и слово

В.В. Славкин, кандидат филологических наук

На каждую вторую публикацию в нашей прессе можно подавать в суд, — считает эксперт-филолог Владимир Славкин

— Владимир Вячеславович, что представляет собой ваша специализация?

— Я в большей степени занимаюсь синтаксисом, кроме того, веду занятия по стилистике. А в последние годы возникло новое направление — различного рода экспертизы, связанные с проблемами стилистики и словоупотребления, со всем комплексом лингвистических проблем, которые становятся предметом разбирательства в суде.

— То есть это сугубо судебные экспертизы?

— Да. Возникло это именно как судебная проблема. Первый раз было, по-моему, четыре года назад, когда на кафедре стилистики русского языка (факультета журналистики МГУ. — *А.Д.*) обратились с просьбой провести экспертизу текстов, опубликованных колдуном Юрием Лонго. В этих текстах содержались рецепты, заговоры и его комментарии. Первую экспертизу сделали сотрудники Института русского языка Академии наук. Но суд продолжался, и требовалась еще одна экспертиза. Книги Лонго в большой степени были заимствованы у целительницы Эльвиры Самофаловой (ее книга была опубликована за четыре года до появления книг Лонго). После достаточно тяжелого разбирательства суд выяснил, что действительно были заимствования без указания на источник. Затем пошли другие дела...

— Сейчас часто приходится рассматривать дела о плагиате?

— Речь не идет о плагиате, скорее — о нарушении авторских прав. Авторские права нарушаются по-разному. Одно из нарушений — плагиат. Вот, например, ситуация, которую я анализировал в этом году. Вышло несколько книг об истории мороженого, холодильной техники в России.

Почти все выходили под двумя фамилиями — генерального директора объединения и еще одного специалиста. И специалист обратился в суд с требованием признать, что только он является автором, а генеральный директор просто ставил свою фамилию. Книги хорошо расходились, и специалист захотел, чтобы справедливость восторжествовала. Это трудный случай: речь идет о специальном тексте, и лингвистическая экспертиза не может дать стопроцентно однозначный ответ по этому поводу.

— *Лингвистические экспертизы могут оспариваться?*

— Юрий Лонго пытался оспорить обе экспертизы: Института русского языка и нашу. Он сам обратился в Союз писателей к некоей экспертной группе. Они пытались не то чтобы оспорить выводы экспертизы, но по-другому их трактовать. Насколько я знаю, суд принял окончательное решение о том, что Лонго дело проиграл и должен возместить моральный ущерб за то, что позаимствовал текст (причем с теми же ошибками, которые были в оригинале!). Это была самая трудоемкая экспертиза. Нам пришлось обратиться к первоисточникам — тем публикациям, изданиям XIX века, откуда были взяты эти заговоры. Пришлось сравнивать и выявлять особенности в написании слов. А есть работа небольшая по объему, когда вопрос ставится буквально об одном-двух словах.

— *Существует совершенно реальный журналист, в чьих статьях постоянно встречаются отголоски статей других журналистов. Что с ним можно сделать?*

— Вопрос тонкий юридически и этически, причем в большей степени — этически. Если журналист заимствует из текстов других журналистов, его можно осудить этически. Юридически можно осудить, лишь если будет доказано абсолютное, дословное совпадение. Если же что-то перефразировано — доказать очень сложно. Это прием, аллюзия, то есть намек на некий литературный текст или факт. Так же, как фраза «человек, похожий на кого-то» — явная аллюзия к известной ситуации.

Аллюзия, кстати, тоже может быть предметом экспертизы. Не так давно в одной областной газете был опубликован материал о крупном деятеле местной газовой промышленности. Он предъявил две претензии к автору публикации. Во-первых, к названию, которое звучало так: «Неприкасаемый?». Герой материала считал, что это порочит его деловую репутацию. Вторая претензия была к подзаголовку — «Неладно что-то в газовом королевстве (имярек)». В исковом заявлении герой написал: я работаю в структурах газовой промышленности 25 лет, не являюсь королем, и королевства своего у меня нет, потому эта фраза является оскорблением. Мы сравнивали четыре перевода «Гамлета», и в двух наиболее известных переводах — Лозинского и Пастернака — этой фразы нет, она звучит по-другому. Тем не менее речь идет не о королевстве как государственном строе, а об отдельной территории (державе, государстве).

— *Какие сроки экспертизы?*

— Это зависит от размеров. Если небольшой объем, то — два-три дня.

— **Кто ваши клиенты?**

— К нам обращаются из судебных инстанций; может обратиться и заинтересованная сторона. Но дело в том, что экспертиза объективна, и обратившаяся к нам заинтересованная сторона может оказаться в самом невыгодном положении. Поэтому мы предпочитаем работать с судебными инстанциями.

— **В чем основной смысл экспертизы?**

— Задача экспертизы — отделить оскорбление от оценки. Дело в том, что радикализм оценок — вообще в традиции нашей печати. Я уже не говорю о печати СССР, о каких-нибудь «акулах империализма»... Но и в XIX веке в Российской империи были весьма оценочные, даже оскорбительные номинации. И что удивительно, а может, и не удивительно: наша Дума восприняла эту традицию от первых дореволюционных дум. У Пикуля есть описания деятельности первых государственных дум. Такие слова, как *пьяница, дебошир, дурак, идиот*, встречались сплошь и рядом, не будучи парламентскими выражениями. И Муромцев, и Родзянко пытались сделать что-нибудь, чтобы привести парламентское словоупотребление в норму, но им это плохо удавалось. Скорее всего, так же, как не удавалось ни Хасбулатову, ни Селезневу... Когда человек — в запале, контролировать его речь весьма сложно. В журналистике же у нас вообще считается так: чем забористее, тем лучше. Чтобы пронило, как говорится, до печенок.

— **Не считаете ли вы, что при всем при том это достаточно эффективно?**

— В нашей стране — да, поскольку у нас только такого человека и воспримут; он так хорошо и плотно выражается — наш человек! Кстати, может быть, это в какой-то мере залог высокого рейтинга Путина, поскольку выражения «мочить в сортире» или «сливай воду» ведут к некоторой интимизации общения — он такой же, как мы. Но я считаю, что выражения такого типа недопустимы в публичной политике. Вы можете выражать свои оценки, в том числе обценной лексикой или весьма грубыми выражениями, только в межличностном общении. Но это мое мнение.

— **Как оценивается обценная лексика с точки зрения филологической экспертизы?**

— У нас, слава Богу, не было ни одной экспертизы, связанной с матом. При всей любви к разухабистости люди все-таки не переходят известных границ. А вообще для юридической практики это наиболее четкий и легкий случай. Если употребляется слово грубое, которое в словарях фиксируется как уничижительное, оскорбительное, презрительное, то это практически стопроцентный успех для истца. Здесь важно, в какой мере данное слово адресовано данному человеку. Если написано, что человек является козлом, это очевидное оскорбление. (Даже если он на козла похож, здесь идет речь об унижении.) Кстати, недавно вышла книга, очень полезная для адвокатов, филологов и журналистов — «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и

средствах массовой информации». Там приводятся фрагменты действующих законов и их комментариев: что такое неприличие, что такое оскорбление и т.д.

Хотя некоторые слова трактовать можно по-разному. Но оскорблением в юридическом смысле будет слово, которое является общеупотребительным: негодяй, подлец — оскорбительные слова...

— *А что касается животных?*

— Эти слова унижают наше достоинство, но они не всегда являются оскорблениями. С точки зрения лингвистики оскорбление — момент объективный, унижение — субъективный. Человек может чувствовать себя униженным, но юридически оскорблен не будет. Вот пример с тем же самым Жириновским. Одна газета в 97-м году опубликовала маленькую заметку под названием: «Жириновский торгует фальшивой водкой». Текст сопровождался фотографией: Жириновский подносит стакан к рту. А содержание следующее: в Саранске местное МВД обнаружило в штаб-квартире ЛДПР несколько ящиков «паленой водки» — с фальшивыми акцизными марками. И Жириновский обратился в суд с иском о том, что он, будучи депутатом Госдумы, никакой водкой не торгует, фальшивой — тем более. И потребовал возмещения морального ущерба.

— *Может ли ваша экспертиза повлиять на размер компенсации морального ущерба?*

— Это зависит от искусства адвокатов. К делу Жириновского мы дали следующий комментарий: здесь присутствует метонимический перенос — имелось в виду, что торгует не Жириновский, а его партия. Газета поступила бы корректно, написав, что торгуют жириновцы. Жириновский дело выиграл, но с учетом нашей экспертизы сумма возмещения была весьма сильно уменьшена. На самом деле газеты очень часто себя сами подставляют, не предполагая возможные реакции людей, о которых они пишут. А сейчас люди стали более грамотными и — в какой-то степени — обретают чувство собственного достоинства.

— *Где проходит грань между критикой и оскорблением?*

— Критика в газете весьма уместна, оценочность — неотъемлемая черта любого издания. К примеру, мы рассматривали статью из Белгорода. В иске стоял вопрос: укладывается ли в обычные рамки газетной полемики статья под рубрикой «Читатель откликнулся» — а название статьи такое: «Кишка тонка, зато прямая», — или эта статья направлена против автора другой статьи, с которой идет полемика. Ответ был следующий: полемика может вестись как в рамках этических правил, так и выходя за их пределы, что недопустимо для средств массовой информации. Мы посчитали, что данная статья содержит ряд персонально ориентированных элементов, нарушающих требования культуры речи.

Или еще один момент. Вот цитата: «Правда, в их команде есть разные люди. Мне вот еще одно выступление понравилось — корреспондентки Т. Забавная дама. Я, говорит, беспартийный кандидат от

КПРФ. Согласитесь, неплохая шутка. Это все равно, что девственница с тремя детьми от разных мужей». Можно ли отнести контекст к истиче, правильно ли она восприняла последнее предложение по своему адресу и является ли оно унижительным? Мы утверждаем: последнее предложение к личности не относится, поскольку содержит сравнительную придаточную часть. Сравнивается нереальность приводимых ситуаций, а не два наименования. С точки зрения лингвистики, это не оскорбление.

— *Получается, что на нашу прессу чуть ли не за каждую публикацию можно подавать в суд?*

— Можно. Это проявление той склонности к радикализму, о которой я уже говорил. В нашей журналистике нет уважительного отношения ни к женщине, ни к пожилым, опытным людям. И если взять уроки нашей предвыборной кампании, они свидетельствуют о том, что полемика как искусство в нашей журналистике еще не привилась. Пока у нас идут взаимные оскорбления. Не случайно в жаргоне журналистов имеется слово «мочилровка». Вот и получается: не тот лучше, кто прокомментирует высказывание оппонента, а тот, кто эффективнее замочит. В последнюю избирательную кампанию степень накала была выше, чем в предыдущую — слишком много было поставлено на карту. Быть может, это действует на людей определенного интеллектуального уровня.

— *То есть журналисты невысоко ценят свою аудиторию...*

— Да. Проблема как раз в том, что журналисты опускают аудиторию до более низкого уровня, но не пытаются поднять ее. Думаю, и в президентской кампании будет то же самое. Это один из типичнейших способов перенесения полемики: зачем спорить с позицией человека, когда можно оскорбить его? Оскорбление останется в сознании. У нас не возникло демократических традиций выбора не по личности, а по мнению. Мы выбирали не блок ОВР или «Медведь», а личности: кому-то нравился Примаков или Лужков, кому-то — Зюганов или Шойгу. А личность должна себя проявить в языковом плане. К сожалению, пока традиций элегантной полемики не существует.

— *Особенность национального характера?*

— В какой-то степени стремление к радикализму и произвести хлесткий эффект — национальная черта. Ни один финн или швед не будет наклеивать ярлыки и ими же спекулировать. Кроме того, у нас демократические тенденции не сильны. Боюсь, привести наше общество к высокой культуре полемики труднее, чем поднять нашу экономику.

Вообще говоря, объективность в лингвистике — дело весьма относительное. Оценки могут быть выражены по-разному — этично или неэтично. Явлинский, комментировавший Чубайса в передаче «Глас народа», говорил: «он лжет», «он лжец». Это слово пренебрежительное, и Чубайс имел основание подавать на Явлинского в суд. (Другое дело, что сам Чубайс употреблял выражения не столь окрашенные, но унижающие достоинство оп-

понента.) Можно было выразить ту же негативную оценку гораздо проще: обратиться, например, к аудитории и сказать: «И вы верите этому человеку?» Воспользоваться какой-то риторической фигурой, сравнением...

— *Помните анекдот: «Рабинович не мошенник? Рабинович не мошенник?! Ну тогда я прошу прощения!» Как это рассматривать?*

— Это определенная фигура речи. Тоже способ выражения оценки. Кстати, вопросительные предложения часто используются наиболее умелыми журналистами, чтобы поставить под сомнение некий факт. Оценочный комментарий словами: возможно, говорят и т.п. — то есть всего лишь одна из версий. Рабинович может быть прекрасным человеком, а может быть и мошенником. Это одно из мнений. Юридически доказать оскорбление в таком случае очень сложно.

— *Так как надо критиковать, чтобы не попасть под суд?*

— Можно сказать, например: так не поступают порядочные люди. Или вместо «необразованный человек» или «идиот» сказать: нельзя утверждать, что данный имярек отягощен грузом интеллигентности. (Для кого-то «интеллигентность» — вообще слово ругательное!) Здесь нет ни одного слова, которое по словарю было бы оскорбительно. Все слова книжные, но смысл явный. Большое количество вводных слов: возможно, некоторые говорят и т.п. То есть эзопов язык.)

— *В последнее время бытует выражение: заказная статья; газета, обрабатывающая заказ. Насколько оно оскорбительно?*

— Слово «заказной» обозначает по словарю «выполненный по заказу, оплаченный». Это явно критическая оценка. Но заказ применительно к журналистике не является однозначно уничижительным понятием. Слово «купленная» или «продажная» газета — унижение деловой репутации. А ангажированность («заказ») — нет, оценочность здесь снижена.

— *Что вы думаете о стилистическом уровне российской журналистики?*

— Я не могу сказать, чтобы наши журналисты особенно поднаторели в стилистике. Они обычно ограничиваются сравнениями, градациями — наращиванием какого-то признака. Редко используются окказиональные слова — неожиданное употребление, например, «макашизм»... Должна быть большая забота о форме, о слове написанном, а ориентируются часть на фактуру или псевдофактуру. Вот копия счета, вот кредитная карточка — это должно говорить само за себя. Максимально используется оценочная лексика, хотя тот же смысл можно передать не менее эффективно с помощью аллюзий, вопросительных предложений, риторических вопросов.

В Древней Греции любой человек, вступающий в совершеннолетие, должен был произнести политическую речь перед людьми примерно одного интеллектуального уровня. Сейчас речи произносятся перед разной публикой — политики хотят быть удобными для всех. Они для себя вывели средний образ россиянина — и не в пользу россиянина! Народ умнее, чем

представление о нем, сформировавшееся у выступающих. Их речь показывает, что они пытаются приспособиться к тем речевым особенностям, которыми они наделили россиян.

— **Какие требования предъявляются к экспертизе?**

— Если это официальный запрос к нам на кафедру, на факультет, в предисловии мы пишем, что предупреждены об ответственности. По статье УК РФ 307-й заведомо ложное заключение строго карается. Так что мы долго думали, прежде чем впервые согласились дать экспертизу.

*Беседовала Анастасия Дедюхина
(«Независимая газета», 26.02.2000 г.,
<http://www.nns.ru/interv/int1090.html>)*

Зачастую журналисты действительно неправы

А.К. Симонов, президент Фонда защиты гласности

— **Алексей Кириллович, почему ФЗГ оказал некоторое содействие тем специалистам, которые решили создать Гильдию лингвистов-экспертов?**

— Мы в ФЗГ занимаемся проблемами защиты чести и достоинства примерно лет семь, причем занимаемся этим плотно и всерьез. В 1995 году наши юристы, анализируя собранный материал, заметили рост количества исков о защите чести и достоинства и предсказали, что их будет еще больше. Они установили странную закономерность: рост таких исков в известной степени снизил криминальное насилие над журналистами. Другими словами, люди и структуры начали находить не менее удобные, но зато куда более внешне respectable способы давления на СМИ. Далее мы проанализировали природу этих исков, исследовали законодательство, которое обеспечивает — так или иначе — разбор дел по подобным искам. У нас работали психолингвисты, была выпущена книга *«Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ»*. «Вели» ее крупнейшие российские специалисты во главе с профессором А.А. Леонтьевым. В этом исследовании внятно и недвусмысленно было сказано, что при том, как сформулированы сегодня сами законы, даже самый справедливый судья может ошибиться при вынесении решения по таким делам.

Дальше — следующая проблема: почему выносят так много отрицательных по отношению к журналистам приговоров? Хотя, с одной стороны, зачастую действительно журналисты неправы... Очень часто сотрудники СМИ попросту не владеют в нужной мере русским языком, зачастую печатают «слив» и делают это вполне сознательно, публикуют компромат, руко-

водствуясь не всегда проверенными фактами. Не буду утверждать, что нет совсем причин нападать на журналистов.

Первые годы была заметна тенденция снижения судами суммы исков. Было любопытно, претензии истцов казались им запредельными, количеством их занималось в 10 раз. Это было правильно по отношению в основном к нишей прессе. Однако далее возникли ситуации, когда зачастую то или иное СМИ не являлось бедным, но от этого оно не переставало быть нахальным. Кроме всего прочего, реальным полем битвы становится текст. Суды — не лучшие читатели, поэтому на самом деле то, что судья в условиях еще ненадежного законодательства сам себя считает достаточно компетентным экспертом для оценки, есть ли нарушения в тех или иных текстах, прав гражданина, это вообще неправильно. Текстом должен заниматься специалист. Судья должен давать юридическую оценку фактам и поступкам, а вовсе не текстам. Более того, мы сталкиваемся с тем, что зачастую судьи не умеют даже серьезно сформулировать вопросы специалисту по тексту, потому что они формулируют его как коллеге, а не как специалисту, который может сказать: есть ли в спорной публикации субъективность или объективность, подтекст, каков строй лексики и насколько он выходит за рамки нормативности. Масса всяких вопросов может быть поставлена.

И все это в совокупности натолкнуло нас и наших партнеров на мысль о том, что было бы хорошо, если бы этих экспертов не приходилось каждый раз днем с огнем искать, а была бы профессия: лингвист-эксперт. Ну, может быть, профессия не в буквальном смысле, а хотя бы такая специализация, потому что только наличие действительно профессионального соощества, способного квалифицированно и ответственно давать анализ тех или иных текстов, может вывести эти дела на определенно новый уровень. Грубо говоря, если Гильдия крепко встанет на ноги и разовьет свою деятельность, то можно будет, скажем, настаивать на экспертизе того или иного текста. Такая возможность появится. Конечно, будет не слишком легко с проблемами в сельской журналистике: районную газету пока трудно представить на экспертизе. Однако если в областном центре это есть, то ничего страшного не произойдет, если и район удостоится права пройти реальную лингвистическую экспертизу. Естественно, реальная проблема — бедность судов: в сущности, возможно сделать экспертизу только, так сказать, за счет заинтересованных сторон.

— *Как партнер Гильдии, какие Вы видите организационные перспективы ее развития, открытие филиалов, к примеру?*

— Разумеется, это не перспектива, это реальность, структура уже создается. Там, где серьезная филологическая база, лингвистика на хорошем уровне, там это легко развивать. Важно провести действительно широкую пропаганду этой идеи.

Более того, я даже думаю, что нужно будет весьма строго подходить к приему в ряды Гильдии. Уже практически образован филиал Гильдии в Барнауле, с Саратовом ведутся переговоры, насколько я знаю, Новгород-

ский государственный университет тоже заинтересовался. Есть хорошие контакты у ГЛЭДИС, как мне говорил профессор М.В. Горбаневский, с коллегами в Казани, в Тольятти, во Владивостоке, в Волгограде. Главное — найти достаточно средств на проведение общероссийского семинара, который бы сплотил филологов, уже сотрудничающих с ГЛЭДИС. Я уверен, что эффект будет сродни снежному кому, очень важен первый толчок. Будет семинар, дело пойдет достаточно быстро. Мы все на это очень рассчитываем.

— *Алексей Кириллович, расскажите, пожалуйста, о первой конференции, проводившейся Фондом защиты гласности несколько лет назад, в частности, о роли профессора А.Р. Ратинова?*

— Эта конференция была собрана как раз по поводу той самой книги, о которой я вам рассказывал. Задания психолингвистам формулировал профессор А.Р. Ратинов, поэтому в основе конференции лежали в основном его идеи относительно усовершенствования законодательства о защите чести и достоинства. Более того, на основании этого были вынесены представления в Верховный суд. Мало того, учитывая опыт проведенной конференции, мы провели затем изучение взаимоотношений журналистики и судебной власти. Так сказать, 4-я и 3-я власть. Здесь мы провели и научные, и социальные, и фактические исследования. Профессор А.Р. Ратинов являлся научным редактором этой книги. После конференции мы получили достаточно много откликов о том, что проблема действительно существует. Книга обсуждалась на совете Комиссии при президенте по вопросам правосудия. Председатель Верховного суда г-н Лебедев давал обещание, что состоится пленум, посвященный этому вопросу. Мы составили список возможных пунктов для разъяснения на пленуме.

Законодательство на самом деле совершенно не однозначно: тележурналисты, например, находятся в более выгодном положении, чем газеты. Поскольку иски не имеют срока давности, то газетная бумага может храниться сколько угодно, а продукты тележурналистики хранятся месяц в виде видеозаписей и год в виде журнала, потом они исчезают. Значит, на газету можно и через три года подать, или через десять лет, внуку можно подать на оскорбление дедушкиной чести и достоинства. Это по газете, а по ТВ ничего подобного, потому что отсутствует предмет, отсутствует носитель, и даже собственно твоя копия, сделанная полтора десятка лет назад, снятая с эфира, считается любительской и, соответственно, не может быть принята как официальный документ. Я сейчас вам говорю о самых простейших несообразностях. Сегодня все значительно труднее, сравните проведение лингвистами экспертизы на основе электронных СМИ. Хотя я убежден, что именно они нуждаются в экстренной помощи — даже более, чем печать.

— *Книга «Цена слова» это просто результат плодотворной работы или же некий способ выражения совпадения интересов Фонда и Гильдии?*

— Вы знаете, ту цель, которую мы преследовали при совместном издании с Гильдией книги «Цена слова», на мой взгляд, мы достигли. Наши коллеги из ГЛЭДИС решили заявить о необходимости профессиональной специализации, о необходимости разработки методических критериев проведения экспертиз. И вот была сделана в первом (весьма скромном по объему) издании выборка из экспертиз по ряду наиболее шумных за последнее время судебных дел — и книгу отрывают с руками. Значит, сама идея лингвистической и психолингвистической экспертизы таким образом невероятно популяризируется. Сейчас, мне кажется, следующим этапом может стать выпуск брошюры уже по методологии таких экспертиз. Но для этого надо, чтобы Гильдию заметили. Для этого надо платить прилично, что Фонд не в состоянии сделать, так как в основном за помощью к нам приходят нищие журналисты, богатые журналисты к нам не обращаются. Скажем, вот я недавно говорил с Фондом правовых реформ: «Ребята, поддержите эту очень толковую и инициативную Гильдию, дайте денег на семинар, дайте средства на методичку...» С точки зрения внедрения правовых отношений в сознание общества это будет очень полезно! В конечном счете, оказывается, что если СМИ очень захочет обратиться к экспертам из ГЛЭДИС, то это можно сделать и до суда или вообще обойтись без него. А почему бы и нет?! К примеру, если ГЛЭДИС располагает квалифицированными специалистами, то это — возможность правовым лингвистам поработать на новом поприще, заняться таким вот своеобразным аудитом. На становление Гильдии, думаю, потребуется года два с половиной. Первый год ее существования оказался достаточно эффективным.

Записал Максим Алексеев

Профессионализм плюс ответственность

В.Н. Дмитриев, член правления Медиасоюза,
главный редактор газеты «Новгородские ведомости»

А.Н. Банковский, руководитель отделения
Медиасоюза по Новгородской области,
главный редактор газеты «Старая Русса»

Статья 29 Конституции Российской Федерации и статья 19 Всеобщей декларации прав человека провозглашают право каждого человека на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом. При этом практически даже в младших классах школы подрастающему поколению педагоги стараются привить абсолютно здравую мысль о том, что свобода слова — это не какая-то анархия, не произвол, не разрешение превращать в печатные или звучащие строки все, что вздумается, а свобода выражать собственное мнение,

свобода искать истину. По сути, это — требование открытости государства для всех членов общества. Однако за последние 5–6 лет российское общество серьезно разочаровалось в той свободе слова, которую некоторые журналисты (и таковых, увы, немало!) ложно понимают как абсолютную безнаказанность в распространении ложных измышлений, слухов, сплетен, раздувающих противостояние отдельных социальных, национальных, профессиональных или иных групп общества, возбуждающих нездоровые чувства — вплоть до низменных инстинктов.

Приходится с горечью констатировать: испытание свободой зачастую оказывается для журналиста очень непростым. Поэтому сразу скажем: для нас и наших коллег по Новгородской областной ассоциации «Пресса» (где мы имеем честь не первый год быть президентом и вице-президентом этой ассоциации) и недавно созданного областного отделения Медиасоюза, этого нового российского творческого союза работников СМИ, в условиях, когда цензуры нет, но должны остаться и эффективно работать самоконтроль и самоцензура, моральные и этические принципы и ценности, особую заботу представляет молодое поколение журналистов, пребывающее еще в стенах вузов, лицеев, только-только постигающее азы нашей непростой профессии. Ведь только с их помощью — тех, кто уже через 5–7 лет придет на помощь основным действующим в стране журналистским кадрам, — возможно улучшение общественной репутации профессии журналиста, поворот общественного мнения в пользу российских СМИ. Тем более что свобода слова и печати сегодня связана еще и с экономической независимостью газет и журналов, радиостанции и телестудий.

Нас часто называют четвертой властью. Правильно ли это? Ведь что такое «власть»? Это — сила, влияние, могущество, полномочия, а вопрос о власти — коренной вопрос политики. При демократическом правлении создается реальная возможность народовластия. Но власть и право находятся в сложных отношениях: чем больше власти, тем меньше права, и наоборот... На встречах со студентами-первогодками отделения журналистики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого нам нередко доводится напоминать специфику краткой истории самого выражения «четвертая власть». Самый краткий вариант пересказа этой истории можно найти у декана факультета Международной информации МГИМО Александра Борисова: «Известно, что в XVII в. в Англии журналистов не допускали в парламент. Но один из репортеров тем не менее сообщил о ходе заседаний. Основой его сообщений служили сведения, которые он получал от привратников. Самих же депутатов журналист изображал под именами лилипутов из знаменитой книги Джонатана Свифта «Гулливер в стране лилипутов». Политики решили, что для них выгоднее предоставить журналистам возможность самим получать информацию о заседаниях парламента. Тогда один из парламентариев и назвал журналистов «четвертым сословием» наряду с духовенством, знатью и простым людом. Термин же «четвертая власть» закрепился после Второй мировой вой-

ны, когда вышла в свет одноименная книга Жака Кейдера «Четвертая власть». Он отстаивал право прессы быть свободной».

К предмету деятельности Медиасоюза как нового российского творческого союза работников СМИ относятся: содействие деятельности СМИ и независимых журналистов в России; содействие реализации свободы слова и печати; содействие социальной защите журналистов. Действуя в этих направлениях, Медиасоюз ставит такие цели: защита свободы слова и печати; систематизация трудовых и иных договорных отношений творческих и технических работников средств массовой информации с работодателями; содействие выработке общенационального тарифного соглашения творческих и технических работников средств массовой информации с работодателями; создание механизмов неизбирательной правозащитной деятельности журналистского сообщества; содействие развитию правовой базы деятельности средств массовой информации; содействие в создании благоприятных социальных, политических и материально-технических условий для развития средств массовой информации в Российской Федерации; содействие созданию современной системы социального обеспечения, в частности, системы негосударственного пенсионного обеспечения для работников средств массовой информации; представление российской журналистики на международной арене с целью достижения адекватного отношения мирового сообщества к российской журналистике и российским журналистским традициям; сотрудничество с российскими, иностранными и международными средствами массовой информации и профессиональными организациями журналистов; формирование профессиональной этики журналистов и осуществление общественного контроля за ее соблюдением; защита прав и свобод журналистов, авторских и смежных прав, чести, достоинства и деловой репутации; содействие деятельности и профессиональному росту молодых журналистов.

Именно поэтому мы разделяем заботу авторов и составителей книги «Цена слова» о точной, богатой, образной, живой, но юридически корректной и этически выверенной нашей родной русской речи, поэтому мы разделяем высокую гражданскую и профессиональную ответственность создателей Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, помогающей через свою чрезвычайно важную деятельность укреплению гражданского общества в России и развитию правового пространства, в котором работают российские СМИ. Ведь русский язык реально объединяет нацию, укрепляет государство и одновременно является неотъемлемой и важнейшей частью нашей национальной культуры, отражающей историю народа и его духовные искания!

Средства массовой информации — это целая отрасль, сравнимая с металлургией или торговлей. В нашей стране около 25 тысяч печатных изданий и порядка двух тысяч телерадиокомпаний. У такой огромной отрасли и проблемы немаленькие, и самые большие проблемы — именно у «малой» прессы. А ведь районные газеты сегодня — одни из самых востребованных и читаемых, зачастую они — единственный источник информации на мес-

тах. 30 марта 2001 года в Воронеже проходил «круглый стол» на тему «Малая пресса большой страны», организованный «Медиасоюзом». Именно на том воронежском форуме была создана Гильдия районных газет. Именно там, впервые, пожалуй, за последние десятилетия, были подняты острейшие проблемы районных газет: зависимость от местных властей, слабая полиграфическая и техническая база, отсутствие квалифицированных кадров, низкие заработные платы. Несмотря на то, что в настоящее время районные газеты остаются наиболее тиражными среди печатных изданий России и имеют свыше 30 млн подписчиков, вместе с тем они остаются наиболее финансово уязвимыми, существенно отстают от остальных СМИ в применении новых технологий производства печатной продукции. В силу недостаточной квалификации консультантов и экспертов из числа лингвистов и юристов, из-за недостаточного внимания редакций к правовой и этической составляющей работы журналистов районки нередко остаются уязвимыми и в контексте информационных споров, исков о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Конечно, истоки многих проблем региональной (как, впрочем, и центральной) журналистики лежат в области экономической, финансовой. Сегодня коллектив районной газеты порой на все сто процентов зависит от одного человека — главы районной администрации. Не обслужит редактор его политических амбиций — не получит вовремя бюджетных ассигнований, к примеру, на бумагу или зарплату сотрудникам. А в итоге вывод однозначный — не справляется главный. Особенно взаимоотношения власть — пресса обостряются после очередных выборов, когда вместо старого главы района приходит новый и первым делом идет в газету — снимать редактора. Мы сами не раз становились свидетелями таких конфликтов и скажем: в чем-то убедить новоиспеченного начальника просто невозможно: у него, мол, обязанности перед командой, он обещал и т.п. Тогда приходится прибегать к одному испытанному средству. Говорим главе: берем вашего снятого с работы редактора собкором областной газеты по вашему же району. Вот тогда глава меняет точку зрения, и редактор остается. Это все — признаки той самой пресловутой зависимости, которая — итог зависимости экономической. Ну скажите, как может быть экономически независимой районная газета тиражом полторы тысячи экземпляров, для которой хорошим коммерческим предложением считается публикация платного объявления «Куплю козу», а очень хорошим — «Продам быка».

Еще одна острая проблема, которую Гильдия районных газет считает приоритетной, — журналистские кадры. Посмотрите, кто сегодня работает в районках? Кадров просто нет. Сегодня любой провинциальный вуз, часто не имея под этим никакой базы — ни научной, ни материальной — считает своим долгом открыть факультет журналистики. А преподают там люди, которые никогда в газете не служили.

У нас в Новгороде такой факультет существует уже шесть лет. Ни одного выпускника, насколько нам известно, в печатных изданиях не работает. Куда они деваются? Да куда угодно, только не в газету. Можно вместе с

Минпечати и Минобразования провести проверку в отдельных вузах: насколько эти факультеты необходимы. Дело и в деньгах, выброшенных на такое «образование», и в престиже профессии. Не так давно в одном из районов Новгородской области ушел на пенсию главный редактор районки. Кадров нет. Вызывают в администрацию главного врача санэпидстанции, говорят: будете главным редактором газеты. Что делать — стал. В страшном сне не приснилось бы, чтобы одному из нас предложили, скажем, должность главного ветеринарного врача области. А редактором газеты, получается, может работать кто угодно... Отсюда, между прочим, — многочисленные и порой вопиющие проблемы с профессиональной этикой, с реальной жизнью на страницах печатных СМИ, в радио— и телеэфире нашего русского языка.

Мы искренне приветствуем создание Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, созданную, как записано в ее декларации, «для содействия сохранению и развитию русского языка в СМИ и обществе как основного инструмента в осуществлении гражданами и их объединениями права свободно выражать мнения и идеи, передавать, производить и распространять информацию, для содействия сохранению и развитию русского языка как феномена культуры, науки, политики, образования и информационной среды». Хорошо зная проблемы региональной прессы, дефицит творческих контактов журналистов с квалифицированными экспертами-филологами, дефицит справочной литературы по русскому языку в СМИ и юридических пособий для журналистов, мы разделяем уверенность председателя правления ГЛЭДИС профессора М.В. Горбаневского в том, что эта новая Гильдия может и должна стать важным общественным координирующим органом по собиранию и оптимизации лингвистического экспертного опыта, а также организацией, представляющей интересы экспертов-лингвистов в государственных, коммерческих и общественных структурах в десятках регионов России, в важном деле воспитания у молодого поколения россиян уважения к русскому языку как величайшему национальному достоянию и гибкому, но ответственному главному рабочему «инструменту» российской журналистики.

Руководство ГЛЭДИС познакомило нас со своими интересными, очень перспективными планами, среди которых особо наше внимание привлекла программа организационного и научно-практического семинара «Теория и практика судебных лингвистических экспертиз по гражданским, уголовным и арбитражным искам», первого общероссийского мероприятия такого уровня и масштаба в области прикладной экспертной лингвистики, ориентированной прежде всего на реальные проблемы языка СМИ. На данную встречу специалистов ГЛЭДИС планирует собрать экспертов и партнеров Гильдии из Барнаула, Великого Новгорода, Владивостока, Волгограда, Саратова, Петрозаводска, Казани, Кирова, Краснодар, Нальчика, Тольятти, Томска, Челябинска и ряда других городов РФ, в целом — более 20 регионов России. Мы считаем, что эта встреча не только внесет неопределимый вклад в обмен научными идеями в области судебных лингвисти-

ческих экспертиз текстов СМИ и иных текстов на русском языке, а также в обмен опытом написания экспертных заключений и опытом прямого участия экспертов-лингвистов в гражданских и уголовных процессах с участием СМИ, но и станет первым серьезным шагом в формировании в регионах России квалифицированного корпуса независимых экспертов-лингвистов, действующих при поддержке Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам на основе единых научно разработанных и прошедших практическую апробацию критериев и методик составления экспертных заключений. Это направление работы ГЛЭ-ДИС, делающее акцент на интересы регионов России, мы готовы особо поддерживать, как говорится, — словом, делом и помышлением.

Падение престижа журналистики связано и с деградацией языка СМИ

И.А. Яковенко, генеральный секретарь
Союза журналистов России

— *Чем объяснить известный факт Вашей последовательной поддержки инициатив, проводимых Фондом защиты гласности? Ведь создание Гильдии лингвистов-экспертов в какой-то мере стало возможным благодаря помощи ФЗГ и опыта, накопленного ее партнерами-учеными.*

— Это прямая и непосредственная обязанность Союза журналистов, потому что Фонд начал многое делать раньше нас. Часто очень актуальные программы получаются у них лучше, чем у нас. Это здорово, когда часть твоих обязанностей кто-то делает. Поэтому я считаю, что Союз журналистов России должен помогать Фонду защиты гласности. Я поддерживаю ту линию, которую проводит президент фонда Алексей Симонов, работаем часто вместе. Мне импонирует профессиональный опыт и инициативность профессора Михаила Горбаневского, фактически создавшего Гильдию, а в Фонде — успешно руководящего издательскими программами. Я, кстати, весьма рад, что книга о русском языке в СМИ «Не говори шершавым языком», написанная М.Гобаневским в соавторстве с его коллегами-лингвистами Ю.Карауловым и В.Шаклеинным (она успешно выдержала три издания) и первоначально выпущенная в свет при финансовой поддержке именно Союза журналистов России, недавно получила медаль ВДНХ. А позже ее дважды переиздал ФЗГ, и опять все тиражи мигом разошлись по редакциям СМИ, по факультетам российских вузов. То есть и в вопросах заботы о русском языке в СМИ мы с Фондом пересекаемся очень тесно — как и во многих других делах. Трудимся иногда эффективно, иногда и не очень, но всегда вместе. Так проходила наша работа и по защите «Красноярского рабочего», и по нашим попыткам защитить НТВ, а позже — ТВ-6. Союз журналистов и Фонд защиты гласности, по сути, одна команда.

— *Игорь Александрович, многие сейчас говорят о деградации русского языка как профессионального орудия журналиста. Не связано ли это с общим падением престижа профессии журналиста?*

— Да-да, конечно. Падение престижа профессии журналиста происходит по трем основным причинам. Во-первых, журналисты слишком много врут. На протяжении последнего десятилетия журналисты часто обманывали общество. Это и ложь при раскрутке дел по финансовым пирамидам. Это и вранье во время предвыборных кампаний, в результате чего журналисты стали информационным орудием в руках политиков. Это, кстати, было связано и с последними думскими выборами. То есть, за десятилетний срок СМИ хорошенько подмочили свою репутацию, а иные и вовсе лишились ее.

Вторая причина заключается в экономической слабости, а медийный рынок у нас совершенно неразвит и изрядно изуродован. Журналисты и СМИ сильно зависимы, зависимость эта чувствуется, и поэтому люди часто воспринимают последнее как нечто фальшивое, несамостоятельное, что-то не очень достойное.

Третья, это — русский язык. Безусловно налицо масса самых разных ошибок, мат в эфире, мат в газетах, уродливая грамматика, убогий стиль. Порой просто не проверяют факты, не считают тексты. Элементарно, если кому-нибудь так не посчастливилось попасть на газетную полосу или в эфир, то в обязательном порядке, при просмотре, перевернут фамилию, имя, должность, наврут про какие-нибудь факты... Кроме всего прочего, есть еще одна причина, из-за которой журналистика как профессия теряет свой престиж, — это внутренний разрыв в самом журналистском цеху. В частности, создание второго союза, который искусственно насаждается из властных структур. Это создает еще одну проблему, поэтому журналистика теряет престижность как профессия.

— *Что Вы думаете о самом факте появления книги «Цена слова»? Есть от этой книги практическая польза?*

— Я думаю, что последовательная, целенаправленная борьба за те идеалы, которым служат ФЗГ и его партнеры, — это реальный путь к двум очень важным следствиям. Первое — к росту репутации журналистики, к некоторому очищению профессии. Второе — лежит внутри самой профессии: путь к успеху будет лежать через укрепление репутации журналиста. Вот это, я считаю, очень важно! Одна из главных причин многих проблем, которые происходят сейчас в стране, заключается в разрушении института репутации как главного пути к успеху. Когда эта связь между репутацией и успехом разрывается, начинаются все беды, вот отсюда разруха. Но эта прочная связь во всех сферах, не только в журналистике, является залогом успешного функционирования общественных механизмов. Книги, подобные весьма полезной в практическом отношении книге «Цена слова», эту связь укрепляют. Мне кажется, это главное. Удачи ее создателям!

Записал Максим Алексеев

И в голову приходят две, три мысли

Интервью с журналистом А. Минкиным

— *Александр Викторович, часто ли Вам приходилось быть ответчиком по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации?*

— Первый раз это было, по-моему, в 1988 году. На меня подала в суд дама из общества «Память». Тогда в «Огоньке» вышла моя рецензия на спектакль «Вишневый сад». В постскриптуме была описана безобразная сцена, которую устроила администраторша, оскорбившая артистов. В заметке я назвал ее «дочкой Шарикова». Вдруг повестка в суд. Оскорбленная дама-администратор, активистка «Памяти», подала иск: мол, она не собачьей породы, а дочь донского казака. Это казалось настолько абсурдным, что я и не подумал брать адвоката, явился в суд и проиграл. Ошеломленный, рассказал об этом Генри Резнику, подали апелляцию и выиграли процесс. Резник доказал суду, что оскорбления не было, так как в тексте рецензии было написано «дочка Шарикова», а не Шарика. А Шариков — человек, значит, дочка Шарикова — человек, а не собака, исковые требования бездоказательны. В начале 90-х годов на меня подал в суд Васильев, лидер «Памяти». Потом Жириновский, потом — один из «алюминиевых братьев» Чёрных, потом — председатель антимонопольного комитета Москвы, фамилию не помню, потом — Чубайс и глава Госкомимущества Бойко, теперь — Центризбирком. У всех, кроме Жириновского, я выиграл.

— *Из-за чего он подал иск в суд?*

— Это был процесс чисто лингвистический. Заголовок заметки был: «Жириновский притворяется идиотом. А может, не притворяется». Этим заголовком все сказано, а придаться совершенно невозможно. Не сказано, что он идиот, а сказано, что он притворяется идиотом. В том, что человек кем-либо притворяется, ничего оскорбительного нет. «А может, не притворяется», то есть не делает этого, не занимается притворством. Но у читателя возникает ощущение, что человек — идиот.

— *Во всяком случае, юридически придаться нельзя.*

— Никак нельзя. Тем не менее Жириновский — единственный, кто у меня выиграл. Это решение адвокат Падва до сих пор мечтает оспорить в высших инстанциях, но у него руки не доходят.

— *Я не помню, чтобы Вы обращались к лингвистам в связи с иском Жириновского.*

— Не обращался. В голову не пришло тогда. Слишком был уверен в победе. Кроме того, мечтал не о лингвистической экспертизе заметки, а о психиатрической экспертизе истца. Это было в 94-м или 95-м году. Когда Ельцин в Кремле (все это видели по телевизору) читал свое какое-то послание городу и миру. Когда он закончил, Жириновский подбежал в нему и с криком: «Борис Николаевич, вот наше предложение!», вручил ему листки. Я их прочитал (в тот же день у меня была копия послания Жириновского). Там было написано много всяких глупостей. В частности, что Запад шлет в Рос-

сию продукты питания, так генетически устроенные, что русские от этой еды будут болеть и умирать, а евреям хоть бы что. То есть совершенно идиотский расизм. Мы ведь знаем, как Гитлер мечтал по анализу крови определять евреев, но ничего не вышло — пришлось мерить носы, смотреть, обрешан — не обрешан, а по анализу крови не смогли, хотя немцы — дотошные люди и врачи у них тоже очень внимательные. И вот Жириновский говорит — изобрели. Я написал, что «послание Жириновского — типичный случай параноидального бреда». И он подал в суд именно на эту фразу. Я даже обрадовался. Я собирался сказать суду: «Когда я пишу «типичный случай параноидального бреда», — это только мнение журналиста. Но если Жириновский принимает это всерьез как диагноз и хочет его оспорить, то пусть суд назначит экспертизу». Ничего из этого не вышло. Судья была настроена в его пользу. Когда выступал Падва, судья демонстративно открыла журнал «Крокодил» и начала его читать, а адвоката Жириновского слушала, подавшись вперед, впивая весь бред. А я даже не догадался потребовать, чтобы судья под присягой ответила, за кого она голосовала на выборах.

— Суд признал, что Вы опорочили Жириновского или распространили сведения, не соответствующие действительности?

— Я не помню формулировку.

— Склонны ли Вы, Александр Викторович, прибегать к помощи лингвистов?

— Мне не очень нравится уклоняться от ответственности с помощью лингвистических выкрутасов. Да, адвокаты обращаются за экспертизой, в том числе в Институт русского языка РАН, если они считают это необходимым. Но я хочу бороться по существу, а не увертываться с помощью лингвистических ухищрений. Вот, скажем, экспертиза ИРЯ РАН (эксперты А.Н. Баранов и Ю.А. Сафонова. — *Ред.*) по делу ЦИК выстраивает сложнейшую конструкцию, доказывая, что Минкин имел в виду совсем другое. Я имел в виду то, что имел. И мне очень не хочется найти в суде оправдание за счет отказа от своей позиции.

По делу ЦИК были предъявлены суду три экспертизы, но только одну писали лингвисты: Сафонова и Баранов, а другие такие же лингвисты, как и наши выборы, — не выборы. На вывеске выборы, а под вывеской — грязные технологии и торговля должностями.

— Да, но лингвисты не должны заниматься казуистикой, их задача как экспертов совсем иная. Они не должны опровергать или подтверждать Вашу позицию.

— Скажу, что в одной из экспертиз меня устроило безусловно. В 1997 году, сообщая в прямом эфире «Эха Москвы», что Чубайс и еще четверо его подельников получили по 90 тысяч долларов в виде гонорара (таких гонораров не бывает) за ненаписанную книгу, я сказал, что Петр I называл таких «ворами», не в том смысле, что они по карманам или квартирам шарят, а в смысле — «плохой чиновник, злоупотребитель». Экспертиза подтвердила совершенно мою позицию.

— Когда Вы пишете статьи, Вы готовы к тому, что герои Ваших публикаций обратятся в суд?

— Я иногда вполне сознательно шел на прямые обвинения. Например, в статье о Сергее Станкевиче первый абзац состоял из одного предложения: «Лжец и взяточник». А дальше было написано: «Пусть Станкевич подаст в суд, и мы там вместе почитаем его уголовное дело».

Мне вообще наша пресса очень не нравится. Во-первых, нельзя касаться частной жизни, и я ее никогда не касаюсь. В 1997 году я написал, как Немцов по телефону требовал у Лисовского 100 тысяч долларов в виде гонорара за ерундовую книжонку. Он ее даже не писал, а просто бормотал ответы на вопросы молодой девушки. Например: какую еду вы любите? а что такое красота? И Немцов отвечает: «А красота — это когда женщина вбегает в воду в купальнике». Эта «книга» называется «Провинциал», и он по телефону требовал у Лисовского 100 тысяч долларов немедленно. Немцов сказал Лисовскому потрясающую вещь: «Я из-за тебя уже на три дня задержал Указ Президента о том, что высшие чиновники должны публиковать декларации о доходах». Замечу, 100 тысяч долларов — это много. Это даже для Льва Толстого за ответы на вопросы, что такое красота в купальнике или без купальника, было бы много. Немцов обратился в прокуратуру, что его частная жизнь всплыла наружу в нарушение Конституции! Меня вызвали на допрос в Генеральную прокуратуру ответить, как я смел вторгнуться в частную жизнь. Я сказал, что, во-первых, запись сделал не я; во-вторых, если вице-премьер рассказывает, как он на три дня задержал Указ Президента, то все, кто думает, что это его личная жизнь, — сумасшедшие. Россия не есть частная собственность первого вице-преьера Немцова. Задерживать Указ Президента — это государственная деятельность, а точнее — антигосударственная. И уголовное дело следует возбудить против самого Немцова. Если бы он обсуждал с Лисовским достоинство какого-нибудь пива или формы каких-нибудь дам, то это была бы частная жизнь, я бы даже и слушать не стал, не то что печатать. Но о своей личной жизни он и без прессы поведал, кажется, излишне много в своей стотысячедолларовой брошюре. Не все телефонные разговоры частные. Предположим, кто-нибудь подслушает, что некий генерал задумывает государственный переворот, скажем, взрыв Кремля. Разве надо молчать из соображения, что это частный телефонный?

— *Нет, конечно. Чем закончилось обращение Немцова в прокуратуру?*

— Не помню, не интересовался, на допросе я совершенно четко им сказал, что ничего предъявить они мне не могут, потому что это не частная жизнь. — «А где вы взяли?» — «Закон «О печати» избавляет меня от необходимости отвечать на такие вопросы, но если вам интересно — на вахте в редакции лежал пакет».

— *Но как быть, если это непроверенный материал? Кто-то смонтировал, вам принесли.*

— Голос Немцова достаточно узнаваем, и голос, и интонация, и ухмылки, и ужимки известны всей стране, он много выступает по радио и по телевидению. Кроме того, я позвонил ему до публикации, и он подтвердил, что такой разговор был, не стал опираться.

— *Как Вы относитесь к употреблению мата в СМИ и к языковой игре?*

— Я очень люблю всякие слова. Вот недавно мне удалось изобрести новый способ нецензурно выражаться в печати. Я терпеть не могу матерных выражений в печати. К тому же это читателя отталкивает, а ничего не добавляет. Но когда ты придумал фокус... Это как анекдот. Если анекдот смешной, то мат в нем совершенно оправдан, но если анекдот несмешной, то он сразу противный. И также частушка, если несмешная, то пошлая, противная. Не надо только матерные частушки петь в детском саду. А вот оборвать цитату, чтобы люди додумали — вот это, милости просим. Моя заметка о выборах так и называлась: «Голосуй, не голосуй...». Если бы я был грубиян, я бы написал: «Голосуй, не голосуй, все равно получишь...». Но я оборвал цитату гораздо раньше, кто услышит — тот услышит. Но ясно, что понятливый читатель уже знает эту рифму и не от меня.

Приблизительно в 92–93 годах я начал по-другому писать матерные слова. Раньше или ставили многоточие на месте пропущенного непристойного слова, или писали первую букву и дальше многоточие. А я наоборот, убрал первую букву и оставил последние, и получилось: «ни ...уя не выйдет, как сказал Веничка Ерофеев». Всем все ясно, но на бумаге остались две невинные буквы «уя», да еще долю ответственности на классика списал. Я избежал прямого и грубого написания заборного слова. Но как только это стали делать многие, я это прекратил совершенно. Одно дело — слово, сказанное в своей компании, в подходящей обстановке или когда человек обжегся и выругался. Но когда автор сидит и пишет это, а читают и женщины, и дети... Считаю, что любой пишущий человек должен изо всех сил избегать написания этих слов. Хочешь чего-то такое сообщить читателю — найди способ.

Как написать матерное слово, чтобы его не написать, — это настолько несущественно в моей работе... Бывает, что придумываешь (придумаешь?) слово или выражение, которого до тебя в русском языке не существовало, — вот это большой праздник, но к судам никакого отношения не имеет. Скажем, есть такое выражение: человек с криминальным прошлым. Когда я судился с Чубайсом, я вдруг сформулировал, с кем имею дело. И сказал: «Чубайс — это человек с криминальным будущим». Согласитесь, что раньше такого словосочетания не было. Оно в себе содержит какой-то нонсенс.

Пожалуй, самая большая удача привалила в 1988 году. Тогда в «Огоньке» я написал маленькую заметку о том, как в Узбекистане собирают хлопок дети — голодают, болеют, а советская власть поливает их дефолиантами, как Америка вьетнамцев. Вся заметка — полторы странички. Но заголовок был «ХЛОПКОРАБ». Я заменил всего одну букву, но из гордого прославленного советского хлопкороба мгновенно высунулась жестокая людоедская власть. Что было! Нишанов орал с трибуны Верховного Совета, жаловался Горбачеву, Горбачев вызывал на ковер Коротича... А всего одна буква. Слово хлопкораб вошло в язык.

— *Вы обходитесь без непечатных слов, однако, как мы видим, это задевает не меньше. Вы предполагаете, что герои Ваших публикаций могут обратиться в суд?*

— Полдюжины исков за двадцать пять лет работы — это совсем не много, просто истцы такие знаменитые: «Память», Чубайс, ЦИК — вот всем и кажется, будто я постоянно сужусь.

— *Ваше состояние после очередной повестки в суд: «Вот, опять...», или Вы понимаете, что задели за живое, а это и было Вашей целью?*

— У меня не бывает цели кого-либо задеть. Задевать таких — это, к сожалению, пачкаться. Очень смешно, когда они орут, что журналист их пачкает. Можно подумать, будто это журналист украл, а потом на министра свалил. Лучше бы они молчали. Когда Вешняков подал в суд, я подумал: ну и дурак. Зачем он себе ищет неприятности. От этого иска мнение народа не изменится. Но вашу избирательную систему будут еще двадцать раз полоскать.

— *Вам самому приходилось обращаться в суд с подобными исками?*

— Да, два с половиной раза. Первый раз я качал авторские права на заре перестройки и гласности. Я написал заметку, она называлась «Еврейское счастье Соломона Михоэlsa». И одна газета согласилась ее напечатать. Это замечательная история, как в 1936 году Михоэлс снялся в фильме «Цирк», потом в 1939 году Сталин с фашистами подписал пакт, и фильм запретили; потом, когда в 1941-м Гитлер напал, фильм разрешили; а когда в 1948-м началась борьба с космополитами, Михоэlsa вырезали; а когда пришел Хрущев, Михоэlsa вклеили обратно, а вырезали Сталина; а когда пришел Брежнев — вклеили Сталина обратно, а Михоэlsa пока еще не вырезали. Заметку взяли, я был очень рад, потому что напечатать такую заметку тогда было трудно, государственный антисемитизм существовал реально. И вот одна газета взяла, и вдруг я узнаю, что они меняют заголовок. Я говорю: не дам, судом запрещаю. Я ужасно огорчился, для меня тот заголовок важнее заметки был. Суть заметки не меняли, слов не меняли, они просто убрали этот заголовок, который им казался слишком вызывающим. Слово «еврей» тогда лучше было не употреблять вообще. Иска я не подавал, конечно, но мне удалось добиться — заголовок уцелел.

Дважды я подавал иск, оба раза ответчиком была «Российская газета». Один раз она одна, поскольку материал был без подписи. У «Российской газеты» я выиграл. Суд решил, что «Российская газета» должна извиниться и уплатить мне пять тысяч рублей. Правительственная «Российская газета» не сделала ни того, ни другого. Второй раз ответчиком «Российской газеты» был автор статьи Полторанин, знаменитый демократ, вице-премьер Правительства России, он был министром печати и друг и приятель царя по Кремлю и по бане. Полторанин написал, что я наемный журналист, что действую по указке каких-то своих хозяев. Для меня это было ужасно. И два года я добивался, чтобы он явился в суд, и он так и не явился, трус.

— *Дело не закрыто?*

— Я не знаю, я устал.

— *И Вы тоже не обращались к лингвистам?*

— Нет.

— *Вы сами себя защищали?*

— Нет, там меня Генри Резник защищал.

— ***И все-таки, нужен лингвист или нет, или Вы считаете, что суд всегда сам может правильно понять фразу?***

— Не считаю, что суд всегда может разобраться. Судья, а тем более заседатели вовсе не обязаны быть высокопросвещенными, высокообразованными людьми. Заседателей выбирают по другому принципу, это пенсионеры, имеющие свободное время. Слесарю или пекарю по своей профессии не приходилось разбираться в языковых тонкостях, и для них мнение эксперта, наверное, важно. Для судьбы же экспертиза представляет собой некую опору при вынесении решения. Если подсудный текст дает простор для толкований, то судье трудно, профессионально и морально, согласиться с одним из толкований. Как стать на ту или иную сторону? Получится, что судья оказывает одной из сторон предпочтение, а на основании чего? На основании своих взглядов или симпатий?

— ***Как Вы свободу слова понимаете?***

— В настоящее время как избыточную и недопустимо распространенную вещь.

— ***Вы считаете, что она должна быть ограничена?***

— Да, безусловно. Свобода слова, она, видите, какая безразмерная? Ее получили и растлители, и прочие уроды. А поскольку никакие моральные нормы их не сдерживают, они вытеснили с экранов и страниц почти все умное, духовное, пристойное. Не столько от ненависти, сколько просто потому, что им всегда мало места и они умеют его покупать. Выходит, свободу слова, безусловно, надо ограничивать, пользуясь в том числе и законом о свободе слова, и конституцией, если она наносит страшный вред обществу и невообразимый вред детям.

— ***Газеты такой же вред наносят, как телевидение.***

— Меньший. Когда вы в газете читаете заметку, ее ни разу не прерывает никакая проститутская реклама. Вы читаете мою статью с начала до конца, а на ту страницу, где проститутская реклама, вы даже не заглядываете. А если бы мне пришлось те же взгляды излагать по телевизору, то двадцать раз за это время меня бы прервали, с ухмылкой — «реклама на канале...», и тут же с экрана поперли бы похабные сюжеты, похабные ухмылки, прокладки, секс за конфетку.

«И в голову пришли мне две, три мысли / Сегодня их я набросал», — Моцарт говорит Сальери. Однажды в сто двадцатый раз читаю «Моцарта» и вдруг осознаю: мысли в голову действительно приходят, то есть снаружи входят, а вовсе не из головы рождаются. И моментально возникает ощущение, будто что-то понял про язык, и про жизнь, и про устройство, которое называется человек. Приходят! — а значит, дверь должна быть открыта, и должно быть хоть немножко места. А значит, что эта негодяйская суета, в которую входит как составная часть и пресса, — все это нечеловеческое занятие, это какой-то морок, дурь какая-то.

— ***Так нужны ли лингвисты-эксперты или не нужны?***

— Лично мне лингвисты нужны как читатели, кроме них мало кто способен оценить некоторые удачи.

Записала Ю. Волхонская

Цена слова... на языках Российской Федерации

Ахат Мушинский, исполнительный директор
Татарского ПЕН-центра

Мало кто по-настоящему ведает, «как слово наше отзовется», не только в аудитории любителей изящной словесности, но и в судебной, когда мысль, изложенная на бумаге, вдруг начинает трактоваться как оскорбление чьего-то достоинства. Писатель, журналист сказал одно, а ему вменяется в вину совершенно другое. И здесь квалифицированная экспертиза текста очень велика. Бывает, от нее зависит не только престиж автора публикации, но и дело, которому он служит.

Буквально до последнего времени судебные разбирательства по поводу текстологических споров, можно сказать, были предоставлены сами себе. В качестве экспертов зачастую выступали либо самодеятельные организации, либо не всегда подготовленные к серьезной экспертно-лингвистической работе «специалисты». Не было системы, не было и той базовой, авторитетной организации, чьи экспертные заключения не вызывали бы сомнения в своей квалифицированности.

Рождение на бескрайних и пересеченных правовых просторах России Гильдии экспертов-лингвистов по информационным и документационным спорам — явление труднопереоценимое. Ее главный организатор и руководитель, известный ученый и журналист Михаил Горбаневский, смог объединить в единую организацию с единой конструктивной идеей различные формирования, различных энтузиастов и специалистов, в общем-то на эту идею уже работавших и каждый в меру своих возможностей воплощавших ее в жизнь. Но, повторяю, все это носило спонтанный и беспорядочный характер.

Сегодня мы можем говорить о первых итогах работы Гильдии. Тому засвидетельствованное печатным образом доказательство — книга «Цена слова»: очень полезный для журналистов, судей, адвокатов, следователей, преподавателей сборник судебно-лингвистических экспертиз, проведенных группой экспертов. Не вдаваясь в детальный анализ безусловно интересного и поучительного материала книги, хочется лишь одного: чтобы это начинание (и сама Гильдия, и публикация проделанного) не оказалась сиюминутной, единовременной акцией, не выдержавшей российских объемов и рутины судебных разбирательств.

И еще одно предложение для обсуждения членами Гильдии. Татарский ПЕН-центр в своей судебно-экспертной практике не раз сталкивался с проблемой различных языков, задействованных в одном информационном споре. В частности — татарского и русского, которые оба в Татарстане являются государственными. В многонациональной Российской Федерации эта проблема не так мала, как может казаться в Москве. Вероятно, с этой проблемой в Гильдии пока не сталкивались. Но при полномасштабной деятельности во всей многоязыковой России эта про-

блема на пути Гильдии все равно возникнет. И к ней надо быть готовым. На наш взгляд, следует подумать о создании в Гильдии секции перевода или национальных языков (название придумать — не проблема) с привлечением к работе специалистов, владеющих, кроме русского, и другими языками России. Нам кажется, будет интересно и полезно узнать мнение о целесообразности такого направления работы лингвистов-экспертов от коллег из других республик и регионов России.

Судебные процессы о защите чести и достоинства начинаются с лингвистической экспертизы

М.В.Горбаневский, доктор филологических наук

Свобода слова имеет границы, очерченные как минимум здравым смыслом и правилами приличия. Когда они нарушаются, тогда дело может дойти даже до суда. В книге «Цена слова», выпущенной Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), собрано 33 экспертизы, выполненные в ходе судебных процессов по обвинению в унижении чести и достоинства, оскорблении и клевете. Председатель правления Гильдии, доктор филологических наук Михаил Горбаневский — наш собеседник!

— *Михаил Викторович, дружит ли наша журналистика с родной речью?*

— Судя по количеству судебных процессов и исков, можно сказать, что есть две большие проблемы. С одной стороны, существует предвзятое отношение власти к журналистам, когда иск совершенно необоснован и упирается в одно-единственное слово. С другой стороны, у журналистов в последнее время совершенно отсутствует представление о самоцензуре — они нарушают нормы литературной русской речи, этические нормы. Такое невнимательное отношение к русскому языку в средствах массовой информации ведет даже к суду.

— *Неужели действительно за одно слово можно попасть под арест?!*

— Да. Вот случай с журналистом из Ставропольского края, редактором негосударственной газеты. В запросе об экспертизе, пришедшем к нам в Гильдию, речь шла о критической заметке в адрес губернатора Ставропольского края. Спор возник из-за слова «недееспособный». Журналист употребил его по отношению к губернатору, имея в виду, что тот не всегда справляется со своими обязанностями. Власти, видимо, поняли по-другому, и журналист был арестован по ст. 129 Уголовного кодекса РФ «Клевета». По моему мнению, это неадекватная реакция на публикацию. Классический пример того, что называют «пресса под прессом». Проведя тщательную экспертизу, мы доказали невиновность ставропольского журналиста.

¹ Интервью было опубликовано «Российской газетой» на тематической полосе «Родная речь» в рубрике «Авторитетное мнение». «Российская газета», по-видимому, единственное центральное издание, заботящееся о наличии в своих номерах регулярной тематической полосы, посвященной русскому языку; эта деятельность редакции заслуживает всяческого уважения.

— *Хорошо, когда журналист прав, но ведь бывает и наоборот...*

— К сожалению, довольно часто журналисты забывают об элементарных этических нормах. Создается впечатление, что родная речь из любимой дочери превратилась в нелюбимую падчерицу. Включаю я как-то на днях радио «Эхо Москвы», которое, кстати, вместе с «Российской газетой» сделало очень много для пропаганды, распространения норм русской литературной речи и научных знаний о русском языке. И на волнах этой же радиостанции слышу Андрея Черкизова, который позволяет себе в эфире (!) нецензурную лексику.

— *Как же бороться?*

— Серьезно и жестко. Я, человек, который все время говорит о необходимости развития демократических основ государства, вынужден сказать, что нужно не выдумывать новые законы, а постараться заставить работать старые. Ведь мы имеем дело с мелким хулиганством — так по действующему законодательству характеризуется нарушение общеэтических норм. Если пьяный бомж начнет в вагоне метро материться и покрывать всех бранной лексикой, его выведут, задержат и определяют наказание в виде общественно полезных работ. Почему же журналисты, такие же граждане, как и все остальные, могут позволять себе подобное?

— *Как Вы считаете, нужен нам новый свод правил русского языка и почему вокруг него так много шума?*

— Новый свод, конечно, нужен! Ведь в языке уже произошли изменения. Тот свод, который был принят в 1956 году, безнадежно устарел. А по поводу шума я полностью разделяю мнение моего соавтора Юлии Сафоновой: была очень плохая информационная поддержка проекта нового свода со стороны Института русского языка им. В.В. Виноградова. Это принципиально важно. Нужно было разъяснять людям, о чем идет речь. В результате нехватки информации произошла подмена: вместо словосочетания «новый свод правил орфографии и пунктуации» некомпетентные журналисты стали использовать слово «реформа», на страницах газет и по телевидению стали эмоционально обсуждать, как писать «парашют» — через Ю или через У. Мне кажется, что это просто некорректно по отношению к лингвистам.

— *Каким должен быть первый шаг на пути к новому своду правил русского языка?*

— Самое главное, самый первый шаг на пути решения проблем со сводом новых правил — повышение зарплаты учителям средних школ, которые преподают словесность. Они, так же, как и работники РАН, получают за свою высокопрофессиональную работу мизерную плату, над которой смеются все куры во Франции. Мы ведь часто апеллируем к опыту заграничцы. Не хватает средств, чтобы привлечь в школу компетентных, ответственных словесников. Голодный учитель — не самый лучший проповедник великого, могучего, правдивого и свободного русского языка.

*Беседовала Мария Агранович
(«Российская газета», 26 апреля 2002 г.)*

Часть 4

*Е.И. Галяшина,
доктор юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент*

НАЗНАЧЕНИЕ, ПРОИЗВОДСТВО И ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

(Методические рекомендации)

ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ:

Необходимость написания данных методических рекомендаций вызвана тем, что в заключениях экспертов-лингвистов, не являющихся штатными экспертами государственных судебно-экспертных учреждений и не имеющих подготовки по юридическим дисциплинам, часто встречаются довольно досадные ошибки и неточности, приводящие к тому, что по формальным основаниям их заключения часто не принимаются судами в качестве доказательств или оцениваются как недопустимые доказательства при рассмотрении дела в судах высших инстанций в кассационном или надзорном производстве.

С трудностями назначения лингвистической экспертизы нередко сталкиваются и суды (следователи), не зная, как правильно сформулировать вопросы эксперту в пределах его компетенции, куда, в какое учреждение направить определение (постановление) о назначении экспертизы, как проверить компетентность и квалификацию эксперта, оценить сделанное им заключение.

В данной работе мы даем разъяснение основных понятий и терминов, порядка назначения и производства судебной лингвистической экспертизы, обращаем внимание читателя на типовые ошибки и даем рекомендации по их устранению. Тем не менее хочется еще раз особо подчеркнуть, что судебная лингвистическая экспертиза — это еще только формирующаяся отрасль судебно-экспертной деятельности, в основе которой лежат специальные познания в филологии (лингвистике), поэтому в любой ситуации, когда возникает потребность в их процессуальном или непроцессуальном использовании в интересах установления истины по делу, всегда полезно проконсультироваться со специалистами. Лингвист-эксперт (специалист) может очертить весь круг вопросов, который целесообразно вынести на разрешение экспертизы, определить перечень необходимых материалов, их доброкачественность и полноту, достаточность для решения конкретной экспертной задачи, проинформировать о

сведущих лицах в конкретной области или направлении филологической науки, подобрать справочные материалы и литературные источники, действовать в случае иных затруднений.

Термин «экспертиза» (эксперт от лат. Expertus — «опытный, сведущий, испытанный») обозначает исследования, проводимые сведущими лицами при решении вопросов, касающихся интересов государства, общественных организаций, отдельных граждан.

Экспертизы проводятся практически во всех сферах человеческой деятельности. Они могут быть как судебные, так и внесудебные (например, патентная экспертиза, лингвистическая экспертиза законопроекта и т.д.).

Судебная экспертиза — это самостоятельная процессуальная форма получения новых и уточнения (проверки) имеющихся доказательств.

Судебные экспертизы проводятся государственными и негосударственными судебными экспертами в целях оказания содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретным уголовным и гражданским делам, делам об административном правонарушении.

Действующим законодательством в понятие судопроизводства включаются не только рассмотрение и разрешение судом дела по существу, но и досудебное производство, производство по делу во всех стадиях уголовного и гражданского процесса, разрешение вопросов исполнения приговоров и решений по уголовным и гражданским делам.

Суды общей юрисдикции при рассмотрении уголовных и гражданских дел, дел об административных правонарушениях руководствуются соответственно Уголовно-процессуальным кодексом (УПК РФ), Гражданским процессуальным кодексом (ГПК РСФСР), Кодексом об административных правонарушениях (КоАП РФ), а арбитражные суды — Арбитражным процессуальным кодексом (АПК РФ).

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА — это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором. По результатам исследования сведущее лицо — эксперт — составляет заключение эксперта, которое является одним из предусмотренных законом источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, — доказательствами.

***ВНИМАНИЕ!!!** Если экспертиза произведена на основании определения суда или постановления следователя, эксперт составляет документ, называемый ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА или ЗАКЛЮЧЕНИЕ (КОМИССИИ) ЭКСПЕРТОВ. В этом случае данный документ имеет процессуальное значение — ис-*

точника доказательств, а факты, в нем содержащиеся, являются — доказательствами. Оформляется он в точном соответствии с правилами, описанными в последующих разделах, определенных соответствующим процессуальным законом.

Если лингвистическое исследование проводится по письму (запросу) юридического или физического лица (адвокатского бюро, адвоката, гражданина и т.д.), то по результатам исследования составляется документ, который может иметь любое другое наименование, например: «Акт экспертного исследования», «Лингвистическое заключение», «Филологическое исследование», «Заключение специалиста», «Компетентное мнение сведущего лица», «Консультационное заключение специалиста» и т.д. В этом случае документ оформляется как развернутый обоснованный ответ на поставленные вопросы без жесткой регламентации правил его составления и оформления.

Признаки, отличающие судебную экспертизу от внесудебной:

подготовка, назначение и проведение экспертизы с соблюдением специальной процедуры, предусмотренной соответствующим процессуальным законом (УПК РФ, ГПК РСФСР, АПК РФ, КоАП РФ), определяющей права, обязанности и ответственность эксперта, лица, ее назначающего, а также иных участников уголовного или гражданского судопроизводства;

проведение исследования, основанного на использовании специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла и дача соответствующего заключения экспертом в письменной форме с соблюдением определенных правил его подготовки и оформления;

заключение эксперта и его показания имеют статус источника судебных доказательств (ст. 74 УПК РФ)¹.

Таким образом, если выносится постановление следователя или определение суда о назначении экспертизы, то экспертное исследование приобретает процессуальный характер и требует обязательного выполнения целого ряда определенных законом правил. Во всех остальных случаях, когда исследование проводится на основании письменного обращения адвоката, физического, юридического лица, общественного объединения или иного субъекта — инициатора исследования, требующего использования профессиональных знаний, оно не является судебной экспертизой, а потому порядок действий и форма заключения жестко не регламентирована. Это одна из непроцессуальных форм использования специальных познаний, которая, впрочем, не исключает в дальнейшем возможности приобщения полученных таким способом результатов к материалам дела².

Традиционно под специальными знаниями понимают знания, выходящие за рамки общеобразовательной подготовки и простого житейского

¹ Е.Р. Россинская. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996.

² Непроцессуальные формы использования специальных филологических познаний будут рассмотрены далее более подробно.

опыта, приобретаемые в процессе профессиональной деятельности в той или иной области науки, техники или ремесел, основанные на теоретических, методологических положениях соответствующих областей знаний и подкрепленные навыками, полученными в ходе специального обучения или опыта профессиональной деятельности. Правовые знания, которыми обладают судьи, прокуроры, следователи и иные лица юридических специальностей в контексте рассматриваемого вопроса к специальным познаниям, как правило, не относят. Таким образом, решение правовых вопросов к компетенции судебных экспертов на данном этапе развития общественных отношений не относится.

Деятельность экспертов государственных экспертных учреждений и лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, регламентируется Федеральным законом №73 от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и соответствующим процессуальным законодательством.

В настоящих методических рекомендациях рассматриваются вопросы процессуального использования специальных познаний в области лингвистики в рамках 1) производства судебной лингвистической экспертизы; 2) участия специалиста-лингвиста (филолога) в судопроизводстве, а также некоторые аспекты и возможности их непроцессуального использования в интересах правосудия и установления истины по делу.

Цели, задачи, предмет и объекты судебной лингвистической экспертизы

Цели судебной лингвистической экспертизы — установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу на основе специальных филологических познаний.

Задачи судебной лингвистической экспертизы — в широком смысле слова толкование текстов, интерпретация, перевод, объяснение употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения, установление и подтверждение авторства текста, выявление плагиата и т.д.

Предмет судебной лингвистической экспертизы — факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей существования и функционирования естественного или искусственного языка.

Объекты судебной лингвистической экспертизы — материальные объекты, содержащие информацию, необходимую для решения экспертной задачи, — документы, содержащие произведения устной или письменной речи, зафиксированные на том или ином материальном носителе. Объектами исследований являются вещественные доказательства, документы, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому проводится судебная экспертиза³.

³ Статья 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ.

Порядок назначения судебной лингвистической экспертизы

Основания и порядок назначения судебной лингвистической экспертизы по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях определяются соответствующими кодексами России (УПК РФ, ГПК РСФСР, АПК РФ, КоАП РФ). Эти кодексы устанавливают права и обязанности лиц, принимающих участие в производстве судебной экспертизы, их правоотношения, содержание составляемых при этом основных процессуальных документов.

В соответствии с процессуальным законодательством (ст. 57 УПК РФ; ст. 75 ГПК РСФСР; ст. 67 АПК РФ; 25.9 КоАП РФ) в качестве судебного эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее специальными познаниями, необходимыми для дачи заключения. Таким образом, закон не требует, чтобы судебная экспертиза в обязательном порядке выполнялась сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений. Судебные лингвистические экспертизы обычно проводятся экспертами-лингвистами — сотрудниками государственных⁴ и негосударственных экспертных учреждений, специалистами государственных неэкспертных учреждений либо иными специалистами. Организация производства экспертиз в экспертном учреждении (государственном или негосударственном) существенно облегчает для органов расследования и судов подбор экспертов и проверку их компетентности. Подбор экспертов осуществляется руководителем этого учреждения, а компетентность эксперта гарантируется существующей системой подготовки кадров.

Потребность в производстве судебной лингвистической экспертизы наиболее часто возникает:

- в юрисдикционной деятельности компетентных органов по раскрытию и расследованию преступлений (клевета, оскорбление, национальная рознь, вымогательство, нарушение авторских и смежных прав и т.д.),
- в судебном разбирательстве уголовных и гражданских дел (иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, авторских прав и т.д.), арбитражных споров (нарушение авторских и смежных прав, толкование договоров, протоколов, документов хозяйственного оборота и т.д.).

Нередко судебные лингвистические экспертизы производятся при рассмотрении дел в Конституционном суде Российской Федерации⁵.

Гражданский процессуальный кодекс регламентирует назначение и проведение экспертизы следующим образом. Ст. 74 ГПК РСФСР — на-

⁴ Государственными судебными экспертами являются сотрудники государственных судебно-экспертных учреждений. Государственная судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации в настоящее время осуществляется сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства здравоохранения, Министерства обороны, Государственного таможенного комитета, Федеральной службы безопасности, Федеральной службы налоговой полиции.

⁵ Федеральный конституционный закон о Конституционном суде Российской Федерации от 21 июля 1994. № 1-ФКЗ, ст. 63.

значение экспертов судом — гласит, что для разъяснения при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных познаний в области науки, искусства, техники или ремесла, суд назначает эксперта. В случае необходимости может быть вызвано несколько экспертов. Каждое лицо, участвующее в деле, вправе представить суду вопросы, которые должны быть разъяснены экспертом. Окончательно круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать. В случае уклонения стороны от участия в экспертизе (неявки на экспертизу, непредставления экспертам необходимых предметов исследования и тому подобного), когда по обстоятельствам дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым⁶.

В п.11 Постановления «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции»

№ 10 от 1 декабря 19983 г. Пленума Верховного суда разъяснено, что в определении о назначении экспертизы должно быть указано, какие вопросы, представленные лицами, участвующими в деле, и их представителями, отклонены, каковы мотивы их отклонения. Суд не вправе заменить определение о назначении экспертизы другим документом, не предусмотренным законом.

Согласно новой редакции главы 14 ГПК РСФСР судебная экспертиза может быть назначена судьей единолично при подготовке дела к судебному разбирательству. В ст. 141 ГПК РСФСР среди других задач подготовки дела к судебному разбирательству выделяются п. 3 — разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле (в том числе о необходимости участия эксперта) и п. 4 — определение доказательств, которые каждая сторона должна представить в обоснование своих утверждений (например, заключений экспертов). Согласно п. 7 ст. 142 ГПК РСФСР судья назначает экспертизу, экспертов для ее проведения в порядке подготовки дела к судебному разбирательству.

NB!!! Гражданский процессуальный кодекс предоставляет суду право определения окончательного круга вопросов. Таким образом, суд может только либо принять, либо мотивированно отклонить вопрос, представленный стороной. В действующей редакции закон не предоставляет ему права окончательно определять содержание вопросов, формулировать новые или переформулировать предложенные без изменения их смысла⁷.

На практике при назначении судебной лингвистической экспертизы в судах общей юрисдикции по гражданским делам часто возникают затруднения

⁶ Часть третья введена Федеральным законом от 30.11.1995 №189-ФЗ.

⁷ Как будет далее показано, УПК РФ, АПК РФ и КоАП РФ предоставляют инициатору экспертизы более широкие возможности в постановке и формулировании экспертного задания.

при выборе принимаемых и мотивировке отклоняемых вопросов. В таком случае суд вправе привести в определении все вопросы, предоставленные сторонами, предоставив право выбора тех из них, которые относятся к его компетенции, самому эксперту.

В соответствии со ст. 75 ГПК РСФСР — Порядок проведения экспертизы — экспертиза производится экспертами соответствующих учреждений либо иными специалистами, назначенными судом. В качестве эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми познаниями для дачи заключения. При назначении эксперта суд учитывает мнение лиц, участвующих в деле. Как следует из статьи 74 и п. 7 ст. 142 ГПК РСФСР, экспертиза может быть назначена судом в судебном заседании или единолично судьей в порядке подготовки дела к судебному разбирательству, если есть необходимость разъяснения вопросов, требующих специальных познаний. Экспертиза может быть назначена не только по инициативе суда, но и по ходатайству лиц, участвующих в деле, в любой стадии гражданского процесса.

NB!! Предпочтительнее назначать лингвистическую экспертизу до начала рассмотрения гражданского дела судом общей юрисдикции, поскольку назначение ее во время судебного заседания неизбежно приведет к откладыванию слушания дела иногда на значительный срок, если материал, подлежащий экспертизе, объем и сложен. Замена определения суда, например, письмом, перечнем вопросов недопустима⁸.

В арбитражном суде обязанность доказывания лежит на лицах, участвующих в деле (ст.ст. 53 и 54 АПК РФ), поэтому они должны представить арбитражному суду вопросы, подлежащие разъяснению экспертом, могут предложить кандидатуры экспертов или экспертных учреждений (ч. 2 ст. 66 АПК РФ).

NB!! Арбитражный суд вправе, формулируя окончательную редакцию вопросов, изменять их формулировки, не изменяя их смысла; мотивированно отклонять некоторые вопросы; по собственному усмотрению ставить новые (ч. 3 ст. 66 АПК РФ). Согласно ч. 6 ст. 112 АПК РФ экспертизу в арбитражном процессе судья имеет право назначить и в стадии подготовки дела к слушанию.

Определение о назначении экспертизы по гражданскому делу состоит из трех частей: вводной, описательной и резолютивной и принципиально не отличается от определения суда или постановления следователя, выносимых по уголовному делу.

В уголовном судопроизводстве лингвистическая экспертиза может быть произведена как в стадии предварительного расследования, так и судебного разбирательства. В стадии предварительного расследования экспертиза назначается дознавателем, следователем, прокурором

⁸ Здесь и далее использован Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», проф., д. ю. н. Е.Р. Россинская, М., 2002.

(ст. 195, 37, 38, 41 УПК РФ). Признав необходимым производство экспертизы по делу, субъект, назначающий экспертизу, выносит мотивированное постановление, которое является процессуальным основанием для ее проведения. Постановление оформляется в соответствии с законодательной формой (Приложение 62 к УПК РФ).

В постановлении о назначении экспертизы указываются: основания назначения судебной лингвистической экспертизы, ее наименование (род и вид экспертизы — комиссионная, комплексная, дополнительная повторная), фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная лингвистическая экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; перечень материалов, представляемых в распоряжение эксперта.

Нередко возникает вопрос: если в постановлении следователя, определении суда формулировка вопроса некорректна или неграмотна, вправе ли эксперт переформулировать поставленные вопросы и если да, то в каких пределах это допустимо? Не изменится ли при этом существо и основной смысл вопроса? Не будут ли при этом нарушены права участников гражданского или уголовного процесса, что в дальнейшем может привести к отмене или пересмотру вынесенных приговоров и решений суда? Ни в одном процессуальном кодексе, равно как и в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», судебному эксперту не предоставляется право переформулировать вопросы, выносимые на его разрешение. Он может только обратиться к следователю или суду с ходатайством о предоставлении дополнительных материалов.

NB!!! Эксперт обязан привести в своем заключении вопросы из постановления (определения суда) буквально, оформив их в кавычках как дословное цитирование с сохранением исходной орфографии и пунктуации. Если вопросы поставлены некорректно, неграмотно или содержат грамматические или орфографические ошибки, в дальнейшем эксперт вправе указать свое понимание формулировки вопроса. Например, в постановлении о назначении лингвистической экспертизы сформулирован вопрос: «Содержатся ли в тексте газетной статье клеветнические измышления в адрес гр-на Х?». Приведя дословную формулировку вопроса, далее эксперт вправе написать, что данный вопрос им понимается, например, следующим образом: имеются ли в тексте статьи утверждения о фактах, носят ли эти слова характер негативной информации о гр-не Х, содержат ли они негативную оценку его деятельности и т.д. Если в формулировке вопроса содержится цитата из исходного текста, оспариваемого сторонами, но сама цитата приведена неточно, содержит ошибки (например, вопрос сформулирован: «Есть ли в статье С.Ю. Сададьского “Прези-гра смерть, или Скандальские откровения Азизы в крещенную ночь” отрицательная информация?»), то после того как вопрос процитирован дословно, в точном соответствии с постановлением (со всеми ошибками и неточностями

⁹ Название выбрано условно в иллюстративных целях.

ми), эксперт далее должен указать, что сравнение с исходным текстом показало, что в действительности исследованию подлежит статья С.Ю. Садылского под названием «Презируя смерть, или Скандальные откровения Азизы в крещенскую ночь». В сложных случаях, когда исходный источник может иметь неоднозначное происхождение (например, одна и та же статья опубликована в разных изданиях с текстуальными расхождениями), эксперт обязан обратиться к инициатору экспертизы (следователю, суду) с ходатайством о предоставлении ему точного текста, подлежащего экспертизе.

ОЧЕНЬ ВАЖНО ПОДЧЕРКНУТЬ, что ни при каких условиях эксперт не вправе самостоятельно добывать исследуемые материалы (например, сам делать хорошо читаемую ксерокопию исходного текста в библиотеке). Даже если представлен плохо читаемый текст, с дефектами, неточностями или ошибками, эксперт обязан сообщить инициатору экспертизы о том, что материал неполон или недоброкачествен, запросить дополнительные материалы. Факт (дата) запроса и получения новых либо дополнительных материалов обязательно отражается в тексте экспертного заключения.

По уголовному делу лингвистическая экспертиза может быть назначена и в ходе судебного разбирательства по ходатайству сторон или по собственной инициативе суда. Согласно ст. 283 УПК РФ председательствующий предлагает сторонам представить эксперту в письменном виде вопросы, которые должны быть оглашены, и по ним заслушаны мнения участников судебного разбирательства. Суд своим определением или постановлением отклоняет те из них, которые не относятся к делу или компетенции эксперта, формулирует новые вопросы. Для вынесения определения о назначении экспертизы суд обязательно удаляется в совещательную комнату.

Лингвистическая экспертиза может быть назначена также согласно ст. 365 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке или кассационном порядке согласно ст. 4 ст. 377 УПК РФ¹⁰.

NB!!! Лингвист может участвовать в процессе в качестве специалиста (ст. 58 УПК РФ).

Специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки во-

¹⁰ При рассмотрении дела в надзорном порядке суд не вправе назначить экспертизу. Если для вынесения приговора проведенная экспертиза имела существенное значение, но впоследствии возникли обоснованные сомнения в ее состоятельности, суд в надзорном порядке может отменить приговор, определение или постановление суда и все последующие решения и прекратить производство по делу либо отправить его на новое рассмотрение, внести изменения в приговор, определение или постановление суда (ст. 408 УПК РФ). В случае направления дела на новое рассмотрение в суд первой, апелляционной или кассационной инстанции назначается новая, дополнительная или повторная экспертиза на общих основаниях.

просов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его компетенцию. Следователь, суд, защитник (адвокат) могут привлечь эксперта-лингвиста в качестве специалиста в соответствии со статьей 58 УПК РФ¹¹. Защитник может собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей статьи 86 УПК РФ¹².

Привлечение к участию в судопроизводстве специалиста позволяет значительно расширить круг научных и технических средств, применяемых при производстве следственных действий для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств.

Предложения о введении в производство по гражданским делам и делам об административных правонарушениях специалиста¹³ как участника процесса нашли свое отражение в проектах новых ГПК и КоАП, где уже предусмотрены статьи, регламентирующие участие специалиста в производстве по делу¹⁴.

ПОДГОТОВКА И НАПРАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ИЛИ ИНЫМИ ЛИЦАМИ, ИМЕЮЩИМИ НЕОБХОДИМЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОЗНАНИЯ

Если принято решение о производстве судебной лингвистической экспертизы в экспертном учреждении, например, ГЛЭДИС, следователь, дознаватель, прокурор направляет руководителю этого учреждения (сопроводительным письмом на имя, например, председателя правления ГЛЭДИС профессора М.В. Горбаневского) постановление о назначении судебной лингвистической экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

Судебная лингвистическая экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

NB!!! Судебные экспертизы по уголовным делам назначаются обычно в государственные экспертные учреждения. Закон не ограничивает следателя

¹¹ П. 3. ч. 1. ст. 53 УПК РФ.

¹² П. 2. ч. 1. ст. 53 УПК РФ.

¹³ См., например, Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. — М.: ГОРОДЕЦ, 1999; Россинская Е.Р., Россинский Б.В. Проблемы процессуального статуса эксперта и специалиста, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении // Российское право № 9, 2000, с. 29–35.

¹⁴ Действующие ГПК, АПК и КоАП не содержат статей, прямо указывающих на участие специалиста в рассмотрении дел. В то же время при производстве осмотров на месте (ст. 179 ГПК; ст. 55, 64 АПК; ст. 231 КоАП), представлении доказательств (ст. 49, 50 ГПК; ст. 52, 53, 54 АПК; ст. 247 КоАП) применение технических средств и специальных знаний, видимо, возможно.

в выборе экспертного учреждения, однако уже сложилась практика выполнения судебных лингвистических экспертиз как по уголовным, так и гражданским делам в негосударственных экспертных учреждениях (например, в ГЛЭДИС и ее региональных представительствах) или государственных неэкспертных учреждениях (например, силами преподавателей филологических факультетов вузов), персонально учеными, имеющими большой авторитет в той или иной области филологии. Действующее законодательство не требует, чтобы экспертное учреждение было государственным. В п. 60 ст. 5 УПК РФ указывается, что экспертное учреждение — это государственное судебно-экспертное учреждение или иное учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы в порядке, установленном УПК РФ.

Для производства судебной лингвистической экспертизы орган или лицо ее назначившие должны предоставить в распоряжение эксперта объекты исследований и материалы дела, необходимые для проведения исследования и дачи заключения. Объекты лингвистической экспертизы — это тексты, произведения устной или письменной речи, чаще всего на русском языке.

По гражданским делам нередко на экспертизу представляется гражданское дело в подлиннике или ксерокопиях в полном объеме. По уголовным делам материалы дела представляются только те, которые имеют непосредственное отношение к предмету экспертного исследования.

Объекты, представляемые на экспертизу, должны быть надлежащим образом упакованы, снабжены пояснительными надписями и ярлыками; они должны быть опечатаны так, чтобы исключить возможность их подмены.

NB!!! В тех случаях, когда объектами исследований являются письменные тексты (например, газетные или журнальные публикации), на экспертизу должно быть представлено само издание или вырезка из него, содержащая помимо текста статьи, подлежащего экспертизе, и выходные данные, позволяющие идентифицировать конкретный экземпляр издания (например, газета «Известия» от 25 января 2000 г.). Допустимо представлять ксерокопии исследуемых текстов, достоверность которых подтверждена подписями надлежащих должностных лиц (инициаторов судебно-экспертного исследования). Здесь надо отметить, что ксерокопии должны быть хорошего качества, хорошо читаемыми, без изъятий или купюр.

Если объектом экспертизы является книга (например, при подозрении в плагиате или контрафактной продукции), то на экспертизу она представляется в упаковке, опечатанной печатями лица или органа, назначившего экспертизу.

Если объектом экспертизы является звучащая речь (например, выступления на митинге, на собрании, интервью и т.д.), то на лингвистическую экспертизу представляется фонограмма или видеофонограмма, зафиксированная на аудио- или видеокассете, приобщенная к материалам дела в упакованном и

опечатанном виде. Нередко на лингвистическую экспертизу представляется не оригинал, а рабочая копия, специально изготовленная для того, чтобы избежать случайного повреждения и порчи оригинала — вещественного доказательства. В таких случаях факт изготовления копии и представления ее на экспертизу должен быть отражен в постановлении (определении) о назначении экспертизы. Изготовленная копия фонограммы должна быть процессуально оформлена и приобщена к делу в качестве производного вещественного доказательства. Это необходимо для устранения возможных недоразумений при производстве повторных или дополнительных экспертиз, например, в случае, если эксперт ошибочно неправильно воспринял на слух зашумленный или искаженный текст, что вызвало расхождение с исходным текстом и текстом в протоколе прослушивания фонограммы.

ОЧЕНЬ ВАЖНО!!! При назначении лингвистической экспертизы устного текста представление на экспертизу самой фонограммы обязательно. Недопустимо проводить лингвистическую экспертизу только на основе так называемой расшифровки или распечатки стенограммы, составленной следователем или иным лицом, проводившим прослушивание фонограммы. Даже если в материалах дела имеется текст, составленный другим специалистом или экспертом (например, при производстве экспертиз иного рода или вида, например, фоноскопической экспертизы), сама фонограмма все равно обязательно должна быть представлена на лингвистическую экспертизу, и эксперт-лингвист должен проверить правильность отражения звучащего текста в письменном виде с точки зрения его лингвистической целостности и связности, семантической правильности передачи нюансов интонации и просодии знаками препинания и иными символами и обозначениями.

Особую сложность для лингвистов-экспертов могут составить зашумленные фонограммы, фонограммы, полученные в необычных условиях. В силу ограниченности объема данных методических рекомендаций здесь мы не будем подробно останавливаться на всех тонкостях их исследования в рамках лингвистической экспертизы, посвятив этому вопросу наши будущие публикации и рекомендуя обратиться к другим специальным источникам¹⁵.

Для решения многих вопросов судебной лингвистической экспертизы могут потребоваться сравнительные материалы.

Подбор образцов для сравнительного исследования¹⁶ является частью процедуры подготовки проведения лингвистической экспертизы. Все образцы, направляемые на экспертизу, должны быть необходимого качества и количества.

¹⁵ См., например, Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза. М., 2001; Галяшина Е.И. Прикладные аспекты судебной фоноскопической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. С-Пб., 2002.

¹⁶ См. подробнее, например: Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности». — М.: Право и закон, 2002; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. М., 1996;

Образцы для сравнительного исследования могут потребоваться для решения таких вопросов, как установление авторства спорного текста, решения диагностических вопросов (например, установления факта необычных условий порождения письменного или устного текста, определения необычного эмоционального состояния его автора, патологии и т.д.). Зачастую образцы могут потребоваться для установления факта плагиата, когда сравнивается несколько произведений (различных авторов) и устанавливается степень их текстуального совпадения.

Сравнительные образцы могут быть как свободными, так и экспериментальными. Свободными образцами являются такие письменные (или устные) тексты, которые образовались до возбуждения уголовного дела, до начала производства по гражданскому делу, до составления протокола об административном правонарушении (например, по делам, связанным с изготовлением контрафактной книжной продукции) и вне связи с ними.

Такие образцы получают при производстве обыска, выемки, осмотра, а также от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей в порядке ст. 86 УПК РФ, когда следователь может истребовать от учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц, граждан предоставления необходимых документов, например, собственноручно исполненных писем, дневников, заявлений, жалоб, автобиографий и т.д. В гражданском и арбитражном процессе свободные образцы представляются сторонами (ст. 69 ГПК РСФСР «Порядок истребования и представления вещественных доказательств» и ст. 54 АПК РФ «Представление и истребование доказательств»). Например, свободными образцами могут быть статьи, книги автора, вышедшие в свет до начала производства по делу.

Особое значение имеет достоверность происхождения образцов от конкретного лица. Сравнительные образцы при назначении лингвистической экспертизы — это обычно тексты, авторство которых не вызывает сомнений, оно достоверно установлено.

ВНИМАНИЕ!!! Распространенной ошибкой является представление в качестве сравнительных образцов книг или иных литературных произведений (в основном по гражданским делам, связанным с защитой авторских прав, выполненных в соавторстве, литературно обработанных или отредактированных другим лицом). В результате сравнение с письменными текстами, являющимися предметом спора, будет недостоверным, так как исходные сравнительные образцы изначально содержат совокупность индивидуальных стилистических приемов и особенностей разных лиц, а проявление индивидуального стиля автора может маскироваться редактированием текста.

Экспериментальные текстовые образцы собираются в определенных условиях, специально в связи с подготовкой судебной лингвистической экспертизы на основании статьи 202 УПК РФ. Например, на практике нередко возникают сомнения, что текст так называемого «Чистосердечного признания», написанного при явке с повинной, был выполнен под

диктовку сотрудников правоохранительных органов или переписан с текстов допросов других фигурирующих в деле лиц. Об отборе сравнительных образцов для сравнительного исследования составляется специальное постановление. Изъятие сравнительных образцов текстов сопряжено со значительными трудностями получения сопоставимых материалов.

В необходимых случаях эксперт-лингвист может быть привлечен в качестве специалиста для оказания содействия следователю (суду) в постановке задачи на выполнение текста требуемого содержания, жанра и формы, доля получения максимально близких по функционально-стилистическим характеристикам материалов для сравнительного исследования.

NB!!! *Эксперт-лингвист вправе отказаться от дачи заключения, если поставленные ему вопросы выходят за пределы его специальных знаний, или представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения (статьи 16, 17 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Эксперт действует по поручению суда (следователя) и исследует только те материалы, которые предоставлены в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным или гражданско-процессуальным законодательством, и не наделен правом самостоятельно собирать доказательства. Указанное положение относится и к ситуации получения экспериментальных образцов, которые также должны быть предоставлены в процессуальном порядке и не могут добываться экспертом самостоятельно.*

NB!!! *В некоторых случаях для решения конкретной задачи лингвистической экспертизы необходимы сравнительные образцы, отбор которых является частью самих экспертных исследований (например, для установления факта фиктивного соавторства, когда по существу литературное произведение составляет только одним автором, а фамилия второго механически добавляется на титульном листе при издании). Закон не запрещает участия эксперта-лингвиста для содействия сборанию объектов и образцов. Более того, если получение образцов — это часть экспертного исследования (например, когда необходимо проведение лингвистического эксперимента в рамках решения конкретной экспертной задачи), то оно производится самим экспертом. Однако при этом эксперт должен обязательно отразить в тексте своего заключения не только факт получения образцов таким способом, но и описать всю процедуру проведенных экспериментов.*

Образцы могут быть и условно свободными, которые возникли уже после возбуждения уголовного дела, начала производства по гражданскому делу, но не в связи с подготовкой к назначению судебной экспертизы. В качестве таковых на лингвистическую экспертизу по установлению автора анонимного текста (или текста, авторство которого оспаривается сторонами) могут представляться, например, письменные ходатайства, заявления, жалобы, имеющиеся в материалах дела.

ВВ!!! Если в постановлении (определении) о назначении экспертизы указывается фамилия, имя, отчество эксперта (например, поручить производство судебной лингвистической экспертизы доктору филологических наук, профессору Иванову Ивану Ивановичу), то соблюдаются правила части 4 ст. 199 УПК РФ. Постановление (определение) под расписку вручается лично эксперту, о чем делается соответствующая отметка и одновременно отбирается подписка о том, что ему разъяснены права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК РФ и он предупрежден об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения. Отметка об этом делается экспертом собственноручно на самом постановлении (определении).

Если в постановлении (определении) о назначении экспертизы указывается название экспертного учреждения (например, поручить производство судебной лингвистической экспертизы сотрудникам ГЛЭДИС), то соблюдаются требования части 1 статьи 199 УПК РФ. То есть постановление и материалы направляются руководителю учреждения (например, Председателю правления ГЛЭДИС). Руководитель экспертного учреждения в силу части 2 ст. 199 УПК РФ после получения постановления (определения) своим письменным распоряжением поручает производство экспертизы одному или комиссии экспертов соответствующей специализации и уведомляет об этом инициатора экспертизы. Одновременно он же разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 УПК РФ. Подписка в этом случае, как правило, оформляется в верхней части первого листа экспертного заключения до вводной части. Смешение части 1 и части 4 ст. 199 УПК РФ недопустимо. При этом эксперт обязан принять постановление (определение) и материалы только от руководителя экспертного учреждения, но не от инициатора экспертного задания (следователя).

В случае, когда экспертиза поручается сотрудникам неэкспертного учреждения, например, ученым и преподавателям вузов, в постановлении (определении) указывается фамилия, имя, отчество конкретного сотрудника (например, поручить производство лингвистической экспертизы заведующему кафедрой Общего языкознания Н-ского университета профессору Иванову Ивану Ивановичу). В этом случае выполняются требования части 4 статьи 199 УПК РФ.

КВАЛИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СУБЪЕКТАМ, ПРОИЗВОДЯЩИМ СУДЕБНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ

Понятие специальных познаний судебного эксперта-лингвиста одно из фундаментальных в общей теории судебной экспертизы. Использование современных достижений филологической и других наук — основа производства судебной лингвистической экспертизы и приобретения сведущим лицом процессуального статуса — эксперта в уголовном и гражданском судопроизводстве, производстве по делам об административных правонару-

нениях¹⁷. Поэтому теоретическое и практическое значение такой понятийной категории, как «специальные познания эксперта-лингвиста», в общей теории и практике современной судебной экспертизы трудно переоценить. Это тот базис, на котором формируются компетентность и компетенция судебного эксперта-лингвиста, формируются теоретические и практические основы судебной лингвистической экспертизы.

Специальные познания эксперта-лингвиста используются в процессуальной форме при производстве судебной лингвистической экспертизы. Судья, прокурор, следователь, дознаватель теоретически могут иметь филологическое образование и обладать некоторыми специальными познаниями в области лингвистики. В то же время судебная экспертиза назначается независимо от того, обладают ли они специальными познаниями, поскольку фактические данные, полученные путем экспертного исследования, не могут быть отражены ни в каком процессуальном документе, кроме заключения эксперта.

Тем не менее точной дефиниции, что такое «специальные познания» и «экспертная специальность», ни в одном процессуальном законе не содержится. Толкования этих понятий в методических пособиях различных родов судебных экспертиз сводятся к кругу разрешаемых вопросов в их пределах¹⁸. В юридической литературе под этим термином, как правило, понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного или гражданского судопроизводства¹⁹.

Большинство авторов, базируясь на формулировках соответствующих статей УПК, ГПК, АПК, КоАП²⁰, к специальным познаниям не относят

¹⁷ См. также статью 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» №73-ФЗ от 31 мая 2001 года, где сказано: судебная экспертиза — процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

¹⁸ Основы судебной экспертизы. Общая теория. Часть 1, РФЦСЭ, 1997, с. 148.

¹⁹ В словаре основных терминов судебных экспертиз (1980) дано следующее определение: «Специальные познания — профессиональные знания в области науки, техники, искусства или ремесла, используемые соответствующими сведущими лицами, действующими в уголовном или гражданском процессе в качестве специалистов или экспертов, а также производящими специальные исследования или ведомственные проверки по поручению государственных органов» (с. 71–72).

²⁰ См., например, Эйсман А.А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). М.: Юрид. лит., 1967; Давтян А.Г. Экспертиза в гражданском процессе. М.: СПАРК, 1995; Додин Е.В. Доказательства в административном процессе. М.: Юридическая литература, 1973; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юристь, 1995 и др.

юридические познания²¹. Хотя прямо в законе такого положения нет, но такое мнение превалирует в комментариях к соответствующим статьям на основании действующей много лет в советском процессуальном праве презумпции: «судьи знают право»²² и соответствующего разъяснения Пленума Верховного Суда СССР. «Суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов как не входящих в его компетенцию (например: имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т.п.)»²³.

В современных условиях становления судебной реформы, по мнению ряда юристов, к специальным познаниям можно отнести и юридические знания. Это подтверждается и практикой рассмотрения дел в Конституционном суде Российской Федерации, куда на основании ст. 63 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»²⁴ в качестве экспертов вызываются высококвалифицированные юристы (доктора и кандидаты юридических наук) и на их разрешение ставятся вопросы чисто правового характера²⁵, касающиеся трактовки и использования отдельных норм материального и процессуального права²⁶.

Действительно, как показывает уже первая практика лингвистических экспертиз, лиц, сведущих не только в филологии, но и в отдельных отраслях права, привлекают для консультаций о возможностях экспертизы и перспективах судебно-экспертного исследования конкретных письменных текстов. Эти консультации часто представляют собой по существу предварительное лингвистическое исследование, даются письменно и оформляются в виде консультативного заключения. Данный документ может приобщаться к материалам дела в качестве иных документов или письменных доказательств по ходатайству сторон.

Круг специальных познаний и узкая специализация экспертов-лингвистов определяется не только свойствами изучаемого объекта, но и экс-

²¹ См., например, Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. — М.: Мегатрон XXI, 2000.

²² Треушников М.К. Судебные доказательства. — М.: ГОРОДЕЦ, 1997.

²³ Постановление № 1. Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам».

²⁴ В ст. 63 названного закона указано, что на заседание Конституционного суда Российской Федерации может быть вызвано в качестве эксперта лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела.

²⁵ См., например, Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 19 мая 1998 г. № 15-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации «О нотариате»; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 12-П по делу о проверке конституционности пункта «г» статьи 18 закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А.Б. Смирнова и др.

²⁶ Федеральный конституционный закон о Конституционном суде Российской Федерации от 21 июля 1994, № 1-ФКЗ.

пертными методами, позволяющими эксперту решать конкретные экспертные задачи.

NB!!! В то же время вопрос об отнесении к числу специальных и юридических познаний пока является дискуссионным, а процесс формирования юрислингвистических экспертиз вряд ли будет простым и быстрым²⁷. На данном этапе целесообразно именовать данное направление судебно-экспертной деятельности — судебно-лингвистической экспертизой.

Квалификационные требования к экспертам, являющимся государственными судебными экспертами, определены статьей 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Определение уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляется экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень профессиональной подготовки экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет.

Нормативные документы, регулирующие деятельность государственных судебно-экспертных учреждений, содержат положения об аттестации экспертов. Пункт 3 положения «О лабораториях судебной экспертизы системы Министерства юстиции Российской Федерации», утвержденного приказом Министра юстиции Российской Федерации «Об учреждениях судебной экспертизы системы Министерства юстиции Российской Федерации» от 17 января 1995 года № 19-01-95, содержит указание, что для проведения аттестации работников, занимающих экспертные должности, приказом начальника соответствующей лаборатории создаются аттестационные комиссии. Утверждено и специальное положение об аттестации работников судебно-экспертных учреждений Минюста России на право самостоятельного производства судебной экспертизы²⁸.

Аналогичная практика присвоения квалификационных разрядов и аттестации экспертов существует и в государственных судебно-экспертных учреждениях других ведомств, а также в ГЛЭДИС.

²⁷ Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права, № 5, 2001, с. 32–44.

²⁸ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации «Об утверждении положения об аттестации работников на право самостоятельного производства судебной экспертизы в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» от 23 января 2002 г. № 20.

Так, распоряжением председателя правления ГЛЭДИС профессора М.В. Горбаневского создана экспертно-квалификационная комиссия: на каждого эксперта-лингвиста, который прошел аттестацию на право самостоятельного производства лингвистической экспертизы, заполняется Карточка судебного эксперта-лингвиста и выдается Свидетельство об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы. Свидетельство подписывается председателем и секретарем комиссии и заверяется печатью ГЛЭДИС. Учет свидетельств осуществляется в Журнале регистрации выдачи свидетельств об аттестации на право самостоятельного производства лингвистических экспертиз.

При аттестации судебного эксперта-лингвиста на право самостоятельного производства лингвистических экспертиз в экспертно-квалификационную комиссию ГЛЭДИС направляются следующие материалы: сведения об эксперте-лингвисте (копия диплома о высшем образовании, копии дипломов о присуждении ученой степени, ученого звания с указанием тематики и профиля диссертационных исследований, список научных публикаций), сведения о трудовой деятельности (опыт работы), пять копий экспертных заключений лингвистических экспертиз или внесудебных экспертных исследований, выполненных по конкретным уголовным, гражданским делам, сведения об участии в научно-практических конференциях и семинарах ГЛЭДИС. По поручению председателя комиссии представленные материалы рецензируются наиболее квалифицированными экспертами-лингвистами, имеющими опыт практической экспертной работы не менее 5 лет.

Обязанности и права судебного эксперта-лингвиста

Согласно статье 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт обязан:

- принять к производству порученную ему руководителем государственного судебно-экспертного учреждения судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным вопросам;
- составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили экспертизу, если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследования и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить

конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;

— обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также выполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

— принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;

— осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта;

— вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;

— самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;

— сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначившего;

— уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначившего судебную экспертизу.

Права эксперта определены статьей 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Эксперт вправе:

— ходатайствовать перед руководителем соответствующего государственного судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;

— делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;

— обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначившего экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

В УПК РФ, вступившем в силу с 1 июля 2002 года²⁹, значительное место отведено роли и месту научных и технических средств, используемых в целях собирания (закрепления и исследования), проверки доказательств.

²⁹ Федеральный закон «О введении в действие уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г., № 177-ФЗ.

Отдельные статьи нового УПК РФ посвящены деятельности эксперта и специалиста в качестве субъектов применения специальных познаний. Так, в ст. 57 УПК РФ указано, что эксперт — это лицо, обладающее специальными познаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства экспертизы и дачи заключения. Аналогичная норма имеется в ГПК РФ (ст. 76), где говорится, что лицо, назначенное экспертом, обязано явиться по вызову в суд и дать объективное заключение по поставленным ему вопросам. В УПК РФ вообще отсутствует упоминание об обязанностях эксперта. В ст. 57 УПК РФ указано, что эксперт делать вправе (часть 3), а что не вправе (часть 4). Отсутствует упоминание об обязанностях эксперта и в АПК РФ (ст. 45 Эксперт). В то же время в УПК РФ права эксперта по сравнению со ст. 82 УПК РСФСР 1960 г. расширены. Так, законодатель предоставил эксперту право не только ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, но и о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов. Данная новелла применительно к судебной лингвистической экспертизе имеет большое практическое значение, поскольку сегодня далеко не все государственные и даже негосударственные экспертные учреждения имеют специалистов, обладающих всем необходимым комплексом специальных знаний во всех направлениях лингвистики. Нередко привлечение к лингвистической экспертизе экспертов, являющихся сотрудниками вузов или иных неэкспертных учреждений, позволяет успешно решать поставленные экспертные задачи.

Существенно расширены и возможности экспертной инициативы. Теперь судебный эксперт-лингвист вправе по своей инициативе, но в пределах своей компетенции, давать заключение и по вопросам, которые не поставлены в постановлении о назначении экспертизы, но имеют отношение к предмету экспертного исследования. Так, например, при производстве лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, если в постановлении (определении) поставлен один вопрос «Содержатся ли в публикации утверждения о нарушении гр-ном Ивановым И.И. действующего законодательства или моральных принципов, если да, то в каких фразах, предложениях?», то эксперт вправе дать, например, заключение о наличии в исследуемом тексте инвективной или обценной лексики, привести ее соответствующее толкование в исследуемом контексте и т.д.

Эксперт-лингвист вправе участвовать с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы. Данная позиция также значительно расширяет возможности успешного решения задач судебной лингвистической экспертизы. На практике при установлении авторства анонимных текстов (или текстов, где авторство спорно) особое значение имеет наличие в распоряжении эксперта сравнительных образ-

цов письменной речи не только достаточных по объему и удовлетворительных по качеству, но и сопоставимых по форме и текстовому содержанию с текстом, чье авторство оспаривается. Следователь (суд) в процессе получения сравнительных образцов письменной речи, не обладая специальными познаниями, нередко не могут добиться требуемой сопоставимости, не нарушая правовых норм. Эксперт же, задавая необходимые вопросы, предлагая составить текст определенного жанра и функционально-стилистической направленности, скорее сможет получить необходимый для сравнения речевой материал³⁰.

В соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации в диспозиции данной статьи закреплена норма, позволяющая эксперту отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения, современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы.

Однако на практике встречаются ситуации, когда заключение о низком уровне развития науки, сделанное экспертом, носит субъективный характер, определено его недостаточной подготовкой, малым опытом работы, узостью научного кругозора. Либо сама экспертная методика находится в стадии разработки. В этом случае по согласованию с инициатором экспертизы руководитель экспертного учреждения может привлечь к производству лингвистической экспертизы ученых, занимающихся данной проблематикой, но не являющихся сотрудниками данного учреждения.

NB!!! Эксперты, не являющиеся сотрудниками государственных экспертных учреждений, вправе, но, вообще говоря, не обязаны производить экспертизу и давать заключение. Принуждение лиц, обладающих специальными познаниями, к производству экспертизы против их желания противоречит статье 37 Конституции России, в силу которой принудительный труд в Российской Федерации запрещен, а также ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации — «Запрещение принудительного труда».

Рассматривая здесь специальные познания, хотелось обратить внимание и на новации, ограничивающие права эксперта, регламентирующие процессуальную сферу его компетенции. Эксперт не вправе (без ведома следователя и суда) вести переговоры с участниками судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы (ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Фактически эксперт не вправе вообще вступать в какой-либо личный контакт с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела, а также сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за ис-

³⁰ В анонимных письменных текстах нередко встречается обценная лексика, которая отсутствует в свободных или экспериментальных сравнительных образцах, полученных следователем или судом. В то же время эксперт, используя свои специальные познания, может так сформулировать вопрос или тестовое задание, что в силу привычки и устойчивости навыка данное явление неизбежно проявится и при отборе сравнительных образцов.

ключением органа или лица, ее назначивших (ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Эксперт — это участник процесса, содействующий осуществлению правосудия. Поэтому основания для его отвода определяются спецификой его процессуального положения и определены ст. 61, 70 УПК РФ, ст. 18, 20 ГПК РСФСР; ст. 16, 17 АПК РФ³¹.

При наличии оснований для отвода согласно, например, ст. 62 УПК РФ эксперт обязан уклониться от участия в производстве по уголовному делу. Отвод может быть заявлен подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, защитником, а также государственным обвинителем, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или их представителями. В гражданском процессе отвод может быть заявлен лицами, участвующими в деле³². Отвод должен быть мотивированным, содержать аргументированное требование, подтвержденное доказательствами доводов об отводе эксперта.

СОСТАВЛЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Заключение эксперта — это одно из источников доказательств, перечисленных в уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы и поэтому заключение эксперта не обладает какими-либо преимуществами перед другими доказательствами. В заключении эксперта доказательственное значение имеет умозаключение эксперта, его выводы, к которым он пришел по результатам исследования.

Содержание заключения эксперта регламентировано, например, ст. 204 УПК РФ. В Законе написано, что после производства необходимых исследований эксперт составляет заключение, в котором должны быть отражены следующие сведения: когда, где, кем (фамилия, имя и отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность), на каком основании была произведена экспертиза, кто присутствовал при производстве экспертизы, какие материалы эксперт использовал, какие исследования произвел с указанием примененных методик, какие вопросы были поставлены эксперту и его мотивированные ответы.

Более подробно содержание заключения эксперта регламентировано ведомственными нормативными актами³³.

Так, например, производство экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел определяется специальным Положением, являющимся приложением к приказу МВД России от 1 ию-

³¹ Исключением является отсутствие в ст. 17 АПК РФ пункта об отводе эксперта в случае, когда обнаружится его некомпетентность (ст. 20 ГПК РСФСР).

³² См. ст. 22 ГПК РСФСР в ред. ФЗ от 07.08.2000 № 120-ФЗ.

³³ Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза / Учебник. М.: Право и закон. 2002.

ня 1993 г. № 261 «О повышении эффективности экспертно-криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». В Положении имеется специальный раздел, посвященный заключению эксперта, и приводится примерная форма заключения.

В п. 4.3. названного документа указывается, что заключение состоит из трех частей: вводной, исследовательской и выводов.

Во вводной части указываются:

— номер и дата составления заключения, должность эксперта, наименование экспертного учреждения, фамилия, имя, отчество эксперта, образование, специальность, стаж экспертной работы;

— основания для производства экспертиз (постановление следователя, лица, производящего дознание, прокурора или определение суда);

NB!!! Указывается состав суда в полном объеме (председательствующий, народные заседатели, прокурор, адвокат, секретарь).

— номер уголовного или гражданского дела, изложение обстоятельств и фабулы дела, относящихся к предмету экспертизы и изложенных в постановлении (определении) о назначении экспертизы;

— вид экспертизы (в нашем случае — судебная лингвистическая экспертиза);

— перечень и описание объектов, представленных на экспертизу;

— перечень вопросов, поставленных перед экспертами;

— при назначении повторной или дополнительной экспертизы во вводной части заключения дополнительно приводятся данные о первичной экспертизе и ее выводы, а также мотивы назначения повторной или дополнительной экспертизы.

В исследовательской части заключения эксперт излагает процесс экспертного исследования:

— подробное описание объектов исследования (в случае необходимости снабжая описания фотографиями);

— примененные методики, методы и приемы, полученные результаты, выявленные признаки и их оценка;

— проведенные эксперименты (их цель, содержание, условия, количество, устойчивость полученных результатов, использованные для их фиксации средства и методы);

— выявленные в результате лингвистического анализа существенные признаки и свойства исследуемого объекта;

— способы и приемы сравнительного исследования выявленных признаков, результаты оценки установленных между ними совпадений и различий;

— алгоритмы и правила принятия того или иного решения.

В выводах содержатся ответы на поставленные следователем (судом) вопросы. В приложении, являющемся неотъемлемой частью заключения, приводятся таблицы, иллюстрирующие выявленные признаки. В тексте исследовательской части заключения на приложения делаются ссылки. До-

ступная и наглядная форма представления материалов позволяет следователю (суду) компетентно оценить полноту и правильность сделанных экспертом выводов. В заключении эксперта в обязательном порядке должны быть подробно описаны все стадии процесса экспертного исследования, в частности осмотр экспертом полученных материалов, их предварительное, раздельное, сравнительное исследование, оценка полученных результатов и формирование выводов. Выводы полно и однозначно должны соответствовать поставленным вопросам и не допускать неоднозначного толкования. На каждый вопрос ответ должен быть дан по существу. В случае невозможности решения поставленного вопроса это должно быть надлежаще аргументировано. Каждая страница экспертного заключения, включая приложение, обязательно подписывается экспертом. Подпись эксперта заверяется печатью экспертного учреждения.

Вывод является конечной целью экспертного исследования, фактически он определяет доказательственное значение экспертизы по делу.

Для того чтобы полученные экспертом выводы были признаны судом как научно обоснованные, экспертиза должна опираться на методы и методики, достоверность которых проверена на репрезентативном эмпирическом и экспериментальном материале. Современные судебно-экспертные исследования в области лингвистических технологий сегодня уже невозможны без соответствующей приборной базы и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. Лингвистическая экспертиза должна проводиться на основе апробированных методов, научная достоверность которых сама по себе не вызывает сомнений. Методы лингвистической экспертизы — это система логических или инструментальных операций (способов, приемов) получения языковых данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом. Операции, образующие лингвистические методы, представляют собой практическое применение знаний закономерностей объективной действительности для получения новых знаний в области языковедения. Методика лингвистической экспертизы (экспертного исследования) — это система лингвистических методов (приемов), применяемых для изучения объектов лингвистической экспертизы для установления фактов, относящихся к ее предмету³⁴.

Применяемые в судебной лингвистической экспертизе методы должны быть апробированы и научно обоснованы, что подразумевает надежность метода с точки зрения возможности получения с его помощью достоверных результатов. Результаты применения метода должны быть очевидны и наглядны для всех участников судопроизводства, поскольку обосновывающая часть экспертного заключения содержит изложение научной базы, на которой данный метод создавался, и достоверное представление о результатах его применения³⁵.

³⁴ Энциклопедия судебной экспертизы. М., 1999, с. 224.

³⁵ Основы судебных экспертиз. Часть 1. Общая часть. М.: РФЦСЭ МЮ РФ, 1999.

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Заключение эксперта входит в число доказательств, которое, как и любые другие, не имеет заранее установленной силы. Оно оценивается наряду с другими доказательствами и подвергается для этого тщательной, всесторонней и критической оценке. К числу элементов формального характера относятся: выяснение соблюдения установленного процессуального законом порядка назначения и проведения экспертизы, правильности оформления заключения и не подлежит ли эксперт отводу³⁶.

NB!!! Обозначим основные моменты, которые необходимо учитывать при оценке заключения экспертизы:

— *проверяется соблюдение процессуального порядка назначения и проведения лингвистической экспертизы;*

— *проверяется правильность оформления заключения, наличие всех необходимых реквизитов, указанных в законе (например, ст. 204 УПК РФ);*

— *оценивается компетентность эксперта по данным, указанным во вводной части заключения, где отмечается стаж экспертной работы, образование, специализация эксперта;*

— *оценивается отношение к делу с точки зрения заинтересованности или незаинтересованности эксперта в исходе дела;*

— *проверяется допустимость объектов, исследованных экспертом, их процессуальная доброкачественность (законность их получения, соблюдения процессуального порядка изъятия и приобщения к материалам дела, условий хранения, исключающих порчу или подмену);*

— *определяется достоверность заключения, обоснованность выводов эксперта, их аргументированность, соответствие проведенным исследованиям; с этой целью выясняется надежность методики и валидность методов;*

— *проверяется, проводилась ли апробация программы для ЭВМ, примененная при производстве экспертизы, ее утверждение, кем она была разработана, когда и каким учреждением рекомендована к применению;*

— *оценка научной обоснованности заключения эксперта включает соответствие и логическую связь выводов эксперта с произведенным исследованием, использованием надлежащих научных методов; научная обоснованность включает соответствие заключения эксперта общей теории судебной экспертизы, языкознания, криминалистики. Если проведенное исследование, используемые понятия не соответствуют общим положениям теории, то заключение может быть признано научно необоснованным;*

— *полнота представленных эксперту материалов.*

После оценки заключения эксперт может быть допрошен (ст. 205 УПК РФ, может быть назначена дополнительная (в случае недостаточной ясности первичного заключения) или повторная (в случае сомнений в обоснованности первичного заключения) экспертиза (ст. 207 УПК РФ).

³⁶ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995.

Часть 5

Ю.А. Бельчиков,

доктор филологических наук, профессор

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ...

В книге представлены экспертные заключения по спорным в том или ином отношении текстам, которые были предложены для лингвистической экспертизы в запросах юридических учреждений, общественных организаций, органов СМИ, фирм, следователей, адвокатов и др. в связи с исками по защите чести, достоинства, деловой репутации «персонажей» журналистских материалов и публичных выступлений; в «Приложениях» (в настоящем издании) даны некоторые экспертные заключения и в связи с арбитражными разбирательствами.

В экспертных заключениях рассматриваются, анализируются варианты использования языковых средств, построения отдельных фраз, фрагментов текста, которые чаще всего вызывают неудовольствие, возражение, несогласие «пострадавших» от упомянутых материалов и выступлений. Соответственно экспертные заключения являются развернутым ответом в результате обстоятельного, детального, с лингвостилистическим и лингвотекстологическим (имеется в виду анализ языковых средств, их организации внутри текста в увязке с его композицией) обоснованием — на запросы судебных инстанций, адвокатов, общественных организаций относительно юридической корректности (оскорбление/неоскорбление, моральный ущерб личности, соответствие Конституции и т.п.), моральной выдержанности (прилично/неприлично) отдельных слов, выражений в конкретных опубликованных (обнародованных) материалах, о построении фраз, фрагментов текста и текстов в целом с точки зрения их смыслового содержания и экспрессивно-эмоциональной направленности. Иными словами: содержится ли в предложенном для лингвистической экспертизы тексте (или в какой-нибудь его части, в отдельных фразах, словах, выражениях) какой-либо моральный ущерб личности «героя» такого материала или ущерб деловой репутации лица, о котором идет речь в данной публикации, публичном выступлении, равно как можно ли *усмотреть* таковой ущерб в рассматриваемом тексте.

Наблюдения над лингвистическими экспертизами показывают, что больше всего вопросов в обращениях о проведении такой экспертизы, которые поступают от юридических учреждений, от лиц, посчитавших себя пострадавшими в результате конкретной публикации или публичного выступления, от авторов такого рода материалов, ищущих «защиты» от обвинения в нарушении прав личности, вызывают слова и выражения, их

употребление, «не устраивающие» истцов судебных заявлений относительно защиты чести и достоинства и/или деловой репутации.

На втором месте стоят вопросы, в которых истца, суд (вообще — юридическое учреждение) интересует смысловое и/или экспрессивно-эмоциональное содержание определенной фразы как самой по себе, так и в контексте известного фрагмента текста (или данного текста в целом), равно как отдельного слова, выражения, фрагмента текста.

На третьем месте — вопросы, связанные со смысловым содержанием и/или экспрессивно-эмоциональной характеристикой некоторых грамматических форм, производных слов и, соответственно, с оценкой их семантики (значения) и стилистической стороны в контексте рассматриваемого в экспертном заключении текста (или его фрагмента).

Чтение, а тем более изучение лингвистических экспертиз, собранных в этой книге, — занятие весьма полезное и поучительное в первую очередь для журналистов и ответственных редакторов печатных изданий и электронных СМИ, а также ораторов, лиц, выступающих по радио и телевидению (не сотрудников электронных СМИ). Затем, конечно, для юристов, которые посылают «запросы на лингвистическую экспертизу» (вообще для авторов таких запросов), для адвокатов, выступающих по делам о защите чести, достоинства, деловой репутации (на стороне «пострадавших» или журналистов). Да и для самих экспертов не бесполезен «взгляд со стороны» как своего рода обмен опытом с коллегами.

Какие же уроки полезно извлечь журналисту из этих экспертиз? Конечно, эти «уроки» известны из учебных курсов по стилистике, литературному редактированию, наконец, из личного авторского опыта (из опыта коллег) вдумчивого, наблюдательного литератора. Между тем, во-первых, повторенье — мать ученья. Во-вторых, в этих экспертизах показано на «живом», оперативном материале, в ходе анализа конкретного текста с точки зрения точного, мотивированного использования языковых единиц (прежде всего слов и выражений), правильного, коммуникативно оправданного построения текста (его фрагментов), фраз, к каким «нежелательным» (в том числе — подсудным) последствиям приводит недобдуманное, невнимательное отношение к слову, стремление к хлесткой (но не точной!) фразе, в конечном итоге — пренебрежение к «азбучным истинам» профессионального журналистского мастерства. Так что читатель получает в готовом виде рекомендации: лучше, целесообразней делать так и не делать так.

Итак, уроки для журналиста:

- 1) всякий журналистский материал, публичное выступление — цельное речевое произведение, следовательно,
- 2) составляющие его языковые единицы, приемы, способы их использования, организации в рамках данного речевого произведения, т.е. текста, взаимосвязаны и соотношены друг с другом, а речевая структура текс-

та в целом, отдельные ее компоненты тесно увязаны с композицией этого же текста, поэтому

3) каждая языковая деталь текста воспринимается и оценивается в контексте целого текста (его содержания, стилистического оформления и композиции), а также в рамках микроконтекста (непосредственного фразового, абзацного окружения слова, словосочетания, грамматической формы, конкретного предложения).

Все это важно учитывать при создании (и анализе!) текста, потому что языковые единицы (особенно слова, выражения) в контексте с другими языковыми средствами данного текста приобретают, могут приобретать дополнительные осмысления и стилистические оттенки (коннотации) под влиянием микро- и макроконтекста данного речевого произведения в развитие тех смысловых и стилистических значений, которые они (языковые единицы) имеют в языке. Такие значения отражены в словарях (в первую очередь — в толковых), в академической грамматике, в разного рода филологических справочниках.

Вот почему и в работе над текстом, и в ходе его стилистического анализа

4) при особом, необычном употреблении слова, грамматической формы, фонетического варианта слова, словоформы (слова в падежной форме с предлогом или без предлога), при оригинальном построении фразы и т.п. архиважно всегда иметь в виду общий контекст (или речевую ситуацию) всего журналистского материала (текста) и уж непременно — микроконтекст употребления языковой единицы или особого стилистического приема.

Книга «Цена слова», анализ текстов печатных и электронных СМИ, публичных выступлений, экспертных заключений лингвистов, представленных в книге, убеждают, что журналисту — не только и не столько в целях «вербальной, или речевой, безопасности» (но тоже и в этих целях!) весьма полезно и жизненно необходимо — как одно из фундаментальных условий профессионализма! — задумываться над словом, над словами, их взаимном соединении во фразе, в тексте, вникать в их словарные значения и те дополнительные осмысления («созначения», как говорят лингвисты), которые они приобретают, могут приобретать в том или ином контексте, ситуации, в ходе общелитературного или специализированного их употребления, как они соотносятся с другими словами, употребленными в данном тексте и не употребленными, но потенциально подразумеваемыми в силу смыслового содержания и экспрессии слова, сказанного или написанного. Особого внимания требуют так называемые прецедентные тексты (цитаты из художественных произведений, кинофильмов, из таких текстов, как Библия, высказывания «исторических личностей», вообще известных людей и т.п.), а также метафоры, так как они (и прецедентные тексты, и метафоры) могут быть поняты, восприняты ина-

че по сравнению с замыслом автора рассматриваемого в лингвистической экспертизе текста.

Вот почему в наше время, в начале XXI столетия, актуальны мысли, высказанные в прошлом, о важности вдумчивого, осмотрительного употребления слов, использования всех языковых средств и их целесообразной организации в высказывании, в предложении, в тексте для ясного, точного, однозначно воспринимаемого, убедительного выражения мысли и четко, определенно сформулированного отношения автора к тому, о чем (или о ком) он пишет, говорит.

В Древней Руси существовало мудрое правило: «Не омочив языка в уме, много согресишь в слове». Оно, как очевидно, действительно и сейчас.

Рене Декарт, великий французский мыслитель, сказал: «Верно определяйте слова, и вы освободите мир от половины недоразумений». Не случайно А.С. Пушкин напомнил своим современникам эту глубокую мысль. В самом начале XIX века один из замечательных русских филологов, рано умерший и забытый потомками, С.Г. Салорев проникновенно писал: «Желательно, чтобы все скорее вышли из заблуждения, будто все равно, то или другое слово, чтобы все уверились, что хорошо говорить и писать, значит хорошо мыслить — дело трудное и великое».

И еще об одном аспекте журналистской деятельности побуждают сказать лингвистические экспертизы.

Некоторые экспертизы убеждают в том, какое громадное, принципиальное значение для профессиональной доброкачественности журналистского материала (а также и устного публичного выступления) имеет этическая установка создателя текста.

«Как слово наше отзовется» — этот исходный принцип всякой речи, любого пишущего, говорящего (даже в бытовой ситуации), а тем более профессионального литератора — предполагает не только заботу об общественной морали и нравственном комфорте адресата речи, текста (за исключением, конечно, филиппики, создаваемой с действительно благородными целями), но в не меньшей степени — и элементарную порядочность, гражданскую честность журналиста. Лозунг «Газету надо делать чистыми руками», родившийся на факультете журналистики МГУ в конце 50-х годов, остается в силе при всех обстоятельствах!

В этом отношении показателен газетный материал, анализируемый в экспертизе № 8. Эксперт наглядно показывает, как автор разоблачительной статьи прибегает к логическим ухищрениям, к разного рода «охранительным» оговоркам, к нечеткому построению предложений, допускающих их неоднозначное толкование и т.п. В связи со сказанным нелишне напомнить «Декларацию принципов поведения журналиста» Международной организации журналистов, особенно ее пункт 7¹.

¹ См. Профессиональная этика журналистов. Т. 1. Документы и справочные материалы. Т. 1. М., 1999, с. 22.

Репертуар запросов относительно лингвистической экспертизы текста, как видно из приложений к книге, не ограничивается тематикой защиты чести, достоинства, деловой репутации истцов судебных заявлений.

К лингвистической экспертизе прибегают и в арбитражных ситуациях при необходимости:

- выявить точное содержание какого-либо пункта, фразы, отдельного слова, выражения, клишированного оборота речи, сложившегося в деловых бумагах и т.п., в тексте инструкции, устава, хозяйственного договора, трудового соглашения и т.д., исходя из лексического состава фрагмента текста, отдельной фразы, их грамматического оформления и стилистической характеристики с учетом общего контекста рассматриваемого документа и/или микроконтекста спорной фразы или того абзаца, слова, выражения, официальной бумаги, которые вызывают их неполное или различное понимание заинтересованными сторонами;

- определить жанровую принадлежность текста, его отношение к тому или иному роду литературы, письменности вообще (например: художественное/нехудожественное произведение) в связи с теми положениями авторского права, от которых зависят юридические последствия для автора при типологической квалификации рассматриваемого текста, а также для ответчика и/или другой стороны;

- установить аутентичность/степень аутентичности перевода на другой язык текста, созданного на языке оригинала;

- экспертиза текста на предмет установления/неустановления плагиата, а также в других спорных, проблематичных ситуациях, требующих лингвистического, лингвостилистического, лингвотекстологического анализа письменных и устных текстов (имеются в виду главным образом материалы печатных и электронных СМИ, публичные выступления), вызывающих судебные разбирательства.

Нужно сказать, что судебная практика по рассмотрению разного рода споров, недоразумений по поводу словесного текста, нечетко сформулированной в нем фразы, неточного, ошибочного выбора слов, неудачно подобранного выражения или возможности неоднозначного восприятия написанного (сказанного), от чего зависит понимание текста (журнального материала, книги, документа, публичного выступления), равно как и разбирательства по поводу слов, выражений, которые были поняты адресатом речи (текста) как инвектива — как оскорбление его (адресата) личности или как клевета, имеет многовековую историю. Однако отрицательный опыт авторов такого рода текстов прошлых эпох почему-то так и не учитывается последующими поколениями, поставляющими все новые и новые материалы и поводы для лингвистической экспертизы спорных в том или ином отношении текстов.

Потребность в лингвистической экспертизе текста в связи с судебным разбирательством возникала уже в античную эпоху. Так, в передаче академика Я.К. Грота — законодателя русского правописания второй половины XIX века — в Древнем Риме имел место следующий юридический казус: богатый римлянин в своем завещании указал, чтобы после его смерти была отлита из золота его статуя со стрелой в руке («поставить статую золотую стрелу несущую»). Завещатель оставил для этой цели необходимое количество «драгметалла». Старший сын как основной право-наследник выполнил наказ отца оригинальным способом: он сделал статую из камня, в руке которой была золотая стрела. Младшие братья потребовали, чтобы оставшееся золото было поделено между всеми наследниками. В ответ старший брат ссылается на завещание, которое он толкует таким образом: «Поставить статую, *золотую стрелу несущую*» — мол, отец и оставил золото только на стрелу. Латинский текст давал возможность и такого толкования этой фразы в завещании, поскольку и *statua* (статуя) и *sagitta* (стрела) — женского рода, поэтому причастная форма может быть отнесена и к тому и к другому существительному.

Если обратиться к России, то всем памятен знаменитый гоголевский сюжет «о том, как поссорились Иван Иваныч с Иваном Никифоровичем»:

«Известный всему свету своими богопротивными поступками, дворянин Иван, Никифоров сын, Довговчун, — писал Иван Иванович Перерепенко в суд, — сего 1810 года, июля 7 дня учинил мне смертельную обиду... Оный дворянин... назвал меня публично обидным и поносным для чести моей именем, именно: *гусаком*, тогда как известно всему Миргородскому повету, что сим гнусным животным я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намерен»...

Изучение материалов лингвистических экспертиз, собранных в этой книге, приводит к принципиально важному выводу, имеющему прямое отношение к экспертам-лингвистам.

Речь идет о том, что лингвистическая экспертиза как особый вид (или жанр) филологического исследования непосредственно относится к той области филологии, которая объединяется *герменевтикой* (греч. *hermeneutikē* от *herméiō* — «испытываю», «комментирую», «разъясняю»). Эта древнейшая отрасль филологии, как известно, занимается критикой текста, его комментированием, анализом речевой и композиционной структуры текста в связи с его содержанием, идейным и идейно-эстетическим (если это художественное произведение) и авторским замыслом; истолкованием композиционно-речевой структуры текста и его содержания, находящего свое воплощение в этой структуре, на фоне и в контексте культурно-исторического наполнения и своеобразия соответствующей эпохи (включая и историко-лингвистический контекст). Герменевтика устанавливает подлинный, канонический, вариант известного текста, ав-

торство анонимных и псевдонимных словесных произведений; в ее рамках сложилась филологическая интерпретация текстов. Принципы герменевтики находят свою реализацию в таких филологических дисциплинах, как текстология, источниковедение, наука о языке художественной литературы, палеография, эвристика.

В начале XX в. бытовало мнение, что при филологической работе над текстом, в частности — при разрешении сложных вопросов интерпретации отдельных мест текста, атрибуции тех или иных языковых единиц и т.п., достаточно доверяться «здравому смыслу». Вместе с тем Г.О. Винокур и Б.В. Томашевский уже в 20-е годы убедительно показали и доказали решающее значение «методологии филологической работы над текстом», необходимость в такой работе прежде всего и больше всего опираться на принцип «осмысленного подхода» к тексту, на филологический подход как на метод, питающий всякое лингвотекстологическое и «чисто» текстологическое исследование. Именно в глубоком, по возможности всестороннем филологическом анализе текста Винокур видел залог правильного прочтения текста (см. *Винокур Г.О. Критика поэтического текста. 1927*), а значит — и его обоснованных (культурно-исторически и с точки зрения стилистики, поэтики, лингвистики текста) истолкования и комментирования.

Отвечая сторонникам упомянутого мнения о бесполезности методологии в филологической работе над текстом, Г.О. Винокур писал: «...касательно бесполезности методологии замечу следующее: пусть и в самом деле филолог не справляется с методологическими выводами и проблемами; значит ли это, что он *существенно* свободен от указаний методологии? Практически ученый решает свои эмпирические задачи без справки в учебнике логики относительно того, что такое силлогизм. Логика не перестает, однако, от этого быть основанием всякого научного знания. У филологической критики текста есть *своя* логика»².

В сфере герменевтических исследований непосредственное отношение к лингвистической экспертизе имеет, как очевидно, интерпретация текста, одной из главных задач которой является раскрытие (и истолкование) понятийно-логической (идейно-эстетической) и эмоционально-экспрессивной стороны рассматриваемого текста на базе всестороннего филологического (лингвистического, лингвотекстологического, текстологического, историко-лингвистического, культурно-исторического) анализа его композиционно-речевой структуры.

Характеристика академиком В.В. Виноградовым интерпретации текста («...это по внутреннему существу своему работа сложная, тонкая, аналитическая и планомерная, кропотливая и динамическая...»³ целиком

² Г.О. Винокур. О языке художественной литературы. М., 1991, с. 70.

³ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 72.

может быть отнесена к сущности работы над текстом в ходе лингвистической экспертизы.

Говоря о принципах эвристики (атрибуции анонимных текстов) по отношению к явлениям художественной литературы XIX–XX вв., академик В.В. Виноградов подчеркивал, что «основным и главным в этой сфере «исследований» является глубокое и точное знание словесно-художественной системы индивидуального стиля писателя»⁴. Соответственно при лингвистической экспертизе «спорных» текстов необходимо глубокое, доскональное и точное знание стилистической структуры современного русского литературного языка (в том числе жанрово-стилевых черт официально-делового, публицистического стилей, устной публичной речи и разговорной речи), современной речевой коммуникации во всех ее узуальных, дискурсных проявлениях, а также исключительно важен исторический подход к процессам современной языковой эволюции.

Непосредственная генетическая связь лингвистической экспертизы по юридическим и документационным спорам с герменевтикой, именно — с филологической интерпретацией текста — предъявляет строгие, жесткие требования к высокопрофессиональному уровню анализа предлагаемых для экспертных заключений текстов деловой, официально-документальной, газетно-публицистической прозы, электронных СМИ, публичных выступлений при соблюдении необходимой юридической корректности в отношении законодательных установлений в соответствующих областях права.

В заключение один совет учреждениям, принимающим запросы относительно проведения лингвистической экспертизы того или иного текста. Как показывают наблюдения над текстами таких запросов, в них встречаются формулировки, некорректные (мягко говоря) с лингвистической точки зрения⁵. Поэтому для пользы дела было бы целесообразно «принимавшей стороне» (если это возможно технически) вместе с запрашивающей стороной — в случае необходимости — выработать окончательную редакцию вопросов, приемлемую с точки зрения лингвистов и вместе с тем полностью отвечающую юридической стороне поставленных вопросов.

⁴ Там же, с. 73.

⁵ Уместно привести замечание академика М.Л. Гаспарова о формулировках таких вопросов: «Интереснее был случай, когда мне пришлось быть экспертом при судебном следствии о стихах Тимура Кибирова. Десять лет назад рижская «Атмода» напечатала его «Послание к Л. Рубинштейну» и отрывок из «Лесной школы». Газету привлекли к суду за употребление так называемых непечатных слов. Мобилизовали десять экспертов: лингвисты, критики, журналисты из Риги и Москвы. Вопросник был такой, что казался пародией. (подчеркнуто нами. — Ред.).

И последнее. Всем, кто работает над публикуемыми текстами, необходимо помнить, что русский язык, будучи средством выражения национальной культуры, действительно представляется важнейшей ее частью, действенным фактором самого ее существования и динамичного развития. Он служит связующим звеном исторических поколений русского народа, обеспечивая преемственность и единство культурной традиции.

⁵ *Какова литературно-художественная (композиционная) характеристика данных стихов Т. Кибирова? Не уверен, что понял вопрос... Идейная концепция поэмы — разложение современного общества, от которого спасет только красота... Эмоциональная концепция — отчаяние, переходящее в просветленную надежду... Система образов — нарочито хаотическое нагромождение видимых предметов времени... Система мотивов — преимущественно стремительное движение, оттеняемое статическими картинками мнимо-блаженного прошлого... Сюжет отсутствует — поэма лирическая. Композиция — по контрастам на всех уровнях... Стиль — столкновение хрестоматийных штампов с вульгаризмами современного бита... Фигуры речи — преимущественно антитетические, с установкой на оксюморон... Стих — 4-ст. хорей с рифмовкой... Фоника — в основном паронимическая аттракция... Наиболее близкий жанровый тип — центон... Можно ли отнести данные произведения к направлению авангардизма? Термин «авангардизм» научной определенности не имеет... Если да, то что об этом свидетельствует? Явное неприятие этих стихов профессионалами традиционного вкуса... Допустимо ли и оправданно ли в пределах этого жанра и направления использование отдельных устоявшихся в обществе понятий (выражений), в том числе нецензурных слов, для литературно-художественного отражения и характеристики общественно-политических и субъективных процессов, событий и личностей? Конкретных событий и личностей, характеризующихся с помощью нецензурных слов, я в поэме не нахожу. Упомянув Сталина, Лосева, Берию, Леви-Стросса, Кобзона, Вознесенского, Лотмана, Розенбаума, Руста, Пригова, Христа, Вегина, де Сада и др., автор имеет в виду не личности, а типические явления и приметы времени; является ли реальным лицом упоминаемый Айзенберг, мне неизвестно... Каково целевое назначение поэмы? Как и всякого художественного произведения — отразить действительность и выразить авторское отношение к ней. Для печатных изданий какого рода и направления данные произведения предназначаются? Полагаю, что для всех, какие пожелают их напечатать. Соответствуют ли литературно-художественные средства, понятия и сравнения (выражения), использованные в этих стихах, для характеристики конкретных процессов, событий и личностей, современным критериям, устоявшимся в литературе, публицистике и журналистике, а также в разговорной и письменной речи определенных слоев общества, трактовке объективных социально-экономических и политических факторов сегодняшнего общества и этапа истории? Не уверен, что понял эту фразу... В устной же речи «определенных социальных слоев общества» употребительность непечатных выражений известна каждому по ежедневному уличному опыту; и, действительно, я и (судя по печати) многие другие слышали такие выражения даже от лиц партийных и начальствующих... — При составлении настоящего экспертного заключения я был должным образом уведомлен, согласно закону, о правах эксперта и о его ответственности, с чем и старался сообразовываться. Приношу благодарность за возможность познакомиться с чрезвычайно интересным филологическим материалом» (Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2000, с. 328–329).*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Из книги «ПОНЯТИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА, ОСКОРБЛЕНИЯ И НЕНОРМАТИВНОСТИ В ТЕКСТАХ ПРАВА И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

Авторы-составители: А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев,
Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; научн. ред. А.Р. Ратинов

М.: Фонд защиты гласности, 1997. — 128 с.

ОЦЕНКА И НЕНОРМАТИВНОСТЬ В МАТЕРИАЛАХ СМИ

Из главы 1. Основные выводы и рекомендации

Что понимается под «неприличной формой»?

... Законодатель никаких определений не дает. А Комментарий к УК РФ — лучше бы не давал. Вот что он говорит: «Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами». (...)

Что оценивают оценочные суждения?

Они могут оценивать либо само событие («первый этаж»), либо факт, т.е. истинное суждение о событии («второй этаж»). (Предупреждая возможное недоумение, уточним: суждение типа Н. — *козел* тоже относится к событию или событиям, а именно к поведению или действиям Н.) Оценочные суждения пользуются различными языковыми средствами, когда относятся к событию или факту: в первом случае это наречие, предикатив, слово категории состояния, во втором случае — модальные высказывания или вообще сложные синтаксические конструкции. События оцениваются эмоционально, факты — как правило, рационально.

Оценки событий и фактов могут быть независимы друг от друга.

Какую роль играет в истолковании речевого акта индивидуальный или коллективный опыт?

Мы бы сказали — гигантскую. Вообще речевой акт нельзя понять и истолковать, не опираясь на общее для участников этого акта предварительное знание — то, что иногда называется «фоновыми знаниями». Если эти фоновые знания, этот опыт у говорящего и адресата речи, говорящего и внешнего «наблюдателя» и т.п. расходятся, то и интерпретация речевого акта будет разной.

А могут быть недоразумения, связанные с неправильным использованием опыта при интерпретации конкретной ситуации?

И даже более того — с сознательно неправильным его использованием. Известный лингвист и семиотик Т.А. ван Дейк (его работы переведены и на русский язык) как-то проанализировал, какими способами в прессе создаются этнические предубеждения. Вот некоторые из них: сверхобобщение, когда свойства отдельных лиц и событий принимаются за свойства всех членов этнической группы (например, всех чеченцев, всех евреев) или всех этнически значимых (этнически маркированных) ситуаций. Или приведение примера, т.е. перенос общих свойств, приписанных группе или ее «типичным» представителям, на частный случай — человека или событие. Или расширение — когда негативное отношение к какой-либо отдельной черте или признаку распространяется на все другие признаки и на их носителей. Или, наконец, атрибуция, когда читателю навязывается нужное причинно-следственное отношение — например, с самого начала ищется «чеченский след», хотя нет никаких прямых оснований для этого.

Что такое ненормативная лексика и фразеология?

Главная проблема в том, что в это понятие вкладываются два различных содержания.

Во-первых, это слова и выражения, употребление которых в общении (в частности, в массовой коммуникации) нарушает нормы общественной морали. Причем это могут быть внелитературные слова (выражения), скажем, взятые из жаргонов или диалектов, а могут быть — вполне литературные; однако употребление этих последних (вроде *подлец*, *мерзавец*) по отношению к конкретному человеку в конкретной коммуникативной ситуации противоречит нормам общественной морали в меньшей степени.

Во-вторых, это слова и выражения только первой группы (жаргонные, диалектные, вообще стоящие вне пределов литературного языка).

Таким образом, термин «ненормативная лексика» двусмысленен и не вполне четок.

Можно ли дать какую-нибудь классификацию инвективной лексики и фразеологии, относящейся к сфере литературного языка?

Можно выделить 8 разрядов такой лексики: 1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит*, *жулик*, *мошенник*. 2. Слова с ярко выраженной негатив-

ной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа*. 3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*. 4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: *кобель, кобыла, свинья*. 5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, ханнуть*. 6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: *гадина*. 7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: *женщина легкого поведения, путана, интердевочка*. 8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: *коммуняки, дерьмократы, прихватизация*.

Правильно было бы осуждать (морально и юридически) все случаи публичного употребления мата?

Морально, вероятно, да. А вот что касается юридической стороны, здесь следует основательно разобраться в каждом отдельном случае. Так, понятие оскорбления не сводится к употреблению неприличной формы: оно предполагает также направленность на конкретное лицо (адресата) и умысленность. Нельзя осудить человека за оскорбление на том только основании, что он публично употребил матерные слова: необходимо для этого доказать, что они относились к истцу (были адресованы ему) и что это употребление было с умыслом унижить и оскорбить истца. Точно так же юридически бессмысленен приговор по делу газеты «Мать», где фигурирует обвинение в злостном хулиганстве, предполагающее умысел на нарушение общественного порядка (кстати, употребление нецензурных слов, равно как приставание к гражданам, квалифицируется законодателем как мелкое хулиганство).

Так что же такое «инвективная лексика» (фразеология) с юридической точки зрения?

Это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме.

К инвективной лексике относятся, в частности:

ругательная нелитературная лексика, чаще всего взятая из жаргонов и диалектов;

обсценная лексика (мат);

грубопросторечная лексика, входящая в состав литературного языка; литературные, но ненормативные слова и выражения 1, 2, 3 и 5 разрядов (см. выше).

Каковы функции мата в речевом общении?

Их несколько. Главная: оскорбить, унижить, опорочить адресата речи. Далее: сигнализировать о принадлежности говорящего к «своим»; проде-

монстрировать собеседнику свою реакцию на систему тоталитарных запретов; показать, каким свободным, раскованным, «крутым» является говорящий; сделать речь более эмоциональной; разрядить свое психологическое напряжение и нек. др.

Что нужно знать юристу и журналисту о лингвистическом статусе инвективной, ругательной, обценной лексики и фразеологии?

Следует различать инвективную и неинвективную лексику, т.е. такую, которая предполагает намерение оскорбить или унижить адресата или третье лицо, и такую, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и/или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает.

Внутри инвективной лексики надо различать литературную (относящуюся к русскому литературному языку) и внелитературную или нелитературную (например жаргонную). Ко второй группе относится и обценная лексика (мат).

В рамках «литературной» инвективной лексики тоже есть различные группы. Во-первых, это книжная лексика с инвективным значением (мошенник, проститутка). Здесь может возникнуть ситуация клеветы (так как, назвав человека таким словом, мы обвиняем его в нарушении законодательства или норм общественной морали; вполне возможно, что это не соответствует действительности). Во-вторых, это эвфемизмы для подобных слов, казалось бы, «щадающие» адресата, но на самом деле несущие такую же инвективную нагрузку (*дама легкого поведения*). В-третьих, это переносное, метафорическое употребление таких слов (ср. бессмертное выражение «*политическая проститутка*»). Оно чаще связано с ситуацией оскорбления. Наконец, в-четвертых, есть группа вполне литературных слов инвективной семантики, однозначно связанных с оскорблением — вроде стерва, мерзавец, подонок (...)

Особый случай (...) — это инвективное употребление слов или словосочетаний, которые не содержат в своей семантике инвективного компонента и в лучшем (худшем?) случае имеют экспрессивную окраску (*мальчики в розовых штанах*), а порой и ее не имеют (*завлабы*). Как ни удивительно, в устах определенной социальной группы людей даже слова профессор, академик могут приобретать инвективный характер. Однако доказать такой инвективный характер почти невозможно, хотя интуитивно каждый из нас (в определенном контексте) его ощущает.

Из главы 2. Анализ основных понятий

Процесс и средства воздействия

(...)

...Сведения можно разделить на следующие классы:

а) сведения о том, что событие произошло/не произошло;

б) сведения, содержащие истинное суждение/ложное суждение о событии. Истинное суждение о событии есть факт или фактологическое суждение;

в) сведения, содержащие только суждения о событии/содержащие оценку этого события (оценочные суждения);

г) оценочные суждения, относящиеся к событию/относящиеся к суждению о событии. (...)

...В какой форме могут выражаться сведения. Эта форма может быть следующей:

1. Открытая вербальная (словесная) форма, когда сведения даны в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний, причем новая информация дана в предикативной части высказывания (является предикатом, логическим сказуемым). Например: (Вор) у вора дубинку украл.

2. Скрытая вербальная форма, когда сведения выражены словесно, но как бы спрятаны, не бросаются в глаза и даются — как что-то уже известное — в группе подлежащего. Например, только что приведенное высказывание содержит не только информацию о краже дубинки у вора, но и информацию о том, что сделавший это — вор!

3. Пресуппозитивная (затекстовая) форма, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена и подразумевается, что и говорящий (пишущий), и слушатель (читатель) ее знают.

4. Подтекстовая форма, когда информация не содержится в самом тексте, но легко «извлекается» из него читателем или слушателем. Здесь могут использоваться различные приемы. Например, прямой оценки нет, но факт дается в таком контексте, что оценка логично из него выводится. Или читателю задается вопрос (типа: интересно, совпадение случайно или нет?, т.е. так называемый риторический вопрос), который на самом деле является скрытым утверждением (конечно, это совпадение не случайно!). (...)

Для оскорбления необходимы два признака: а) факт унижения чести и достоинства, б) неприличная форма такого унижения. Строго говоря, необходим и еще один признак, а именно умышленность оскорбления (что оказывается юридически значимым в ситуации заочного оскорбления, т.е. не в присутствии потерпевшего). Таким образом, даже при наличии определения этого понятия в законодательстве оно остается субъективным, причем, так сказать, в квадрате: субъективно понятие унижения чести и достоинства и субъективно, как мы увидим далее, понятие «неприличная форма». Соответствуют ли сведения, распространяемые при оскорблении, действительному положению вещей, при определении оскорбления принципиально безразлично: важен

факт и важна форма унижения. Что такое в определении клеветы «порочащие сведения» и как они соотносены с понятием «унижения чести и достоинства»? Кроме того, можно ли отождествить «порочащие» и «позорящие» сведения?

По поводу порочащих сведений есть разъяснение, данное в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 18.02.1992: «порочащими являются... не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов... которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». Таким образом, в определение порочащих сведений входят три признака: а) направленность на унижение чести и достоинства либо деловой репутации, б) характер сведений (нарушение законодательства или нарушение общепринятых в обществе моральных принципов), в) ложность этих сведений. Очевидно, что это совсем не синоним «позорящих сведений», как получается в юридической литературе (ср. УК РФ, а также монографию А.Л. Анисимова). Позорящие сведения совершенно не обязательно являются ложными (в отличие от порочащих). Однако у них, как и у порочащих сведений, есть признак направленности на унижение чести и достоинства.

Из главы 4. Оценка и ненормативность в материалах средств массовой информации

Понятие ненормативной лексики

(...) Термин «ненормативная лексика» (под «лексикой» в составе этого и аналогичных терминологических словосочетаний: «бранная, разговорная, инвективная лексика» подразумевается и лексика, и фразеология, т.е. и слова, и словосочетания) можно понимать двояко:

А. Как обозначение того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи (устных и печатных текстах) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии/неприличии.

В этот разряд слов и выражений входят, с одной стороны, лексико-фразеологические единицы из «внелитературной» сферы русского национального языка (т.е. они находятся вне сферы действия норм литературного языка): из просторечия, жаргонов, территориальных диалектов, например: *растащловка, козел, вертухай...*, с другой стороны, слова и выражения, принадлежащие литературному языку, т.е. нормированные, например: *негодяй, подлец, мерзавец, врун...*

В состав ненормативной лексики входят известные разряды слов и выражений, относящиеся к литературному языку, т.е. вполне соответствующие литературным нормам.

1-й разряд составляют констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо, например: *бандит, вор, мошенник, педераст, проститутка, фашист, шпион...* Такие слова к тому же нередко имеют четкую юридическую квалификацию — ср., например, слова-понятия *вор, мошенник, взяточник, сутенер, шулер* в Комментариях к УК РСФСР.

Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначаемых ими лиц) в самом номинативном (основном) значении имеют уже негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатирующей семантики. См., например, толкование некоторых таких слов в современных словарях: **Бандит...** — участник банды, вооруженный грабитель...; **Бандитизм...** — вид преступной деятельности, заключающийся в создании вооруженных банд с участием в них и в организуемых ими нападениях с целью грабежа, насилия, убийств, разрушений чего-либо и т.п. (Словарь русского языка: в 4 т./Под ред. А.П. Евгеньевой, т. I, М., 1981, с. 60); **Жулик...** — вор, занимающийся мелкими кражами (там же, с. 488); **Проститутка...** — женщина, занимающаяся проституцией; публичная женщина (там же, т. III, с. 525); **Педераст...** — тот, кто занимается педерастией (там же, с. 37); **Шпион...** — тот, кто занимается шпионажем; ср. **Шпионаж...** — преступная деятельность, состоящая в секретном собирании сведений или материалов, составляющих государственную тайну с целью передачи их другому государству (там же, т. IV, с. 728); **Фашист...** — сторонник и последователь фашизма, член фашистской партии (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 849).

При переносном, метафорическом употреблении такого рода слова приобретают пейоративную (осуждающую), инвективированную экспрессию и явно негативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительная или клеветническая характеристика. Негативная оценка таких слов при их метафорическом употреблении значительно усиливается. См., например: **Проститутка...** — разг. О продажном, крайне беспринципном человеке (Словарь... под ред. А.П. Евгеньевой, т. III, с. 525); ср.: **Политическая проститутка...** — презр. Беспринципный и продажный политик (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю., с. 621).

2-й разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской публицистического характера. Например: *антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, ренегат, русофоб, юдофоб...* Ср. *враг народа*. В отличие от слов 1-го разряда эти слова перенос-

ного употребления не имеют (видимо, в силу присутствующей уже в номинативном употреблении яркой экспрессивной окраски). Такого рода слова, обращенные к какому-либо лицу без достаточного основания и доказательства, воспринимаются и расцениваются им как клевета.

3-й разряд — это нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, например: *бюрократ, коновал, мясник, чиновник...*, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п. Например: **Бюрократ...** — 2. Неодобр. Должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу; формалист, буквоед... (Словарь... под ред. А.П. Евгеньевой, т. I, с. 131); **Коновал...** — 2. Разг., пренебр. О плохом, невежественном враче (там же, т. II, с. 91); **Мясник...** — Перен., предикат. О жестоком, склонном убивать человеке. *Помню, выслушав историю царствования Ивана Грозного..., Изот сказал: «Скушный царь!»* — «Мясник», — *добавил Кукушкин* (Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. IV. Л., 1984, с. 247); **Палач...** — 2. Перен. Жестокий мучитель, угнетатель (Ожегов и Шведова, с. 489); **Чиновник...** — 2. Перен. Человек, который ведет свою работу равнодушно, без интереса, бюрократически; **Чинуша...** — презр. То же, что чиновник (во 2 знач.) (там же, с. 885).

4-й разряд — зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п.; многие из таких метафор относятся к бранной (инвективной) лексике, оставаясь, впрочем, в рамках литературного языка. См., например: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, сука, сукин сын, свиное рыло...*

5-й разряд — слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо. Среди таких слов есть слова констатирующей семантики (*украсть, убить, мучить, издеваться, насиловать, хулиганить, врать, воровать...*) и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской (*хапнуть, двурушничать, лицемерить, лихоимствовать, прикарманить, вранье...*). Очень часто подобная характеристика действия переносится на самого деятеля. Одно дело, если мы говорим, что *Н. лицемерит* (с этим можно не соглашаться, но здесь нет оснований для правового вмешательства), но совсем другое, если утверждается, что *Н.* — *лицемер* (т.е. лицемерие — его постоянный признак).

6-й разряд образуют слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной же экспрессией. Например: *дурак, гадина, гнусный...* (все они — в рамках литературного языка).

7-й разряд составляют в основном словосочетания, представляющие эвфемизмами по отношению к словам-номинациям 1-го разряда. Тем не менее в эмоционально напряженной речи эти эвфемизмы не в мень-

шей степени оценочны, чем соответствующие «прямые» обозначения адресата. Например: *женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, агент иностранных спецслужб*. Важно подчеркнуть, что словосочетания этого разряда относятся преимущественно к книжной речи.

8-й разряд составляют окказиональные образования (часто построенные на «игре слов», каламбурах), создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п. (...)

Обценная («запретная») лексика

Необходимо внести определенность в восприятие и общественную оценку понятия и употребления термина «обценная», или «табуированная» лексика. Речь идет о так называемом мате.

...Жесткий запрет на публичное употребление обценной лексики и фразеологии, идеографически и семантически связанное с запретной темой секса, сексуальной сферы, вообще «телесного низа», сложился у восточных славян — предков русских, украинцев, белорусов — еще в языческую эпоху как прочная традиция народной культуры и строго поддерживался и поддерживается Православной церковью на протяжении 1000 лет. Так что данное табу имеет в русском народе давнюю традицию, освященную не одним тысячелетием.

Инвективная лексика и фразеология

(..) Прилагательное «инвективный» — производное от существительного «инвектива». Это существительное, означающее «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад», восходит к лат. *investiva oratio* (бранная речь).

Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме (реже прибегают к «приличной» форме — эвфемизмам, вполне литературным). См., например, из писем читателей: «Поганые твари, погань, сволочи, вместе с Ельциным вас, как гнид, надо уничтожать!» (газ. «Не дай Бог!», 1996, № 9).

Основная часть инвективной лексики и фразеологии составляется из лексики бранной, относящейся отчасти к диалектам, но главным образом к просторечию, а также к жаргонам, и характеризуется грубо вульгарной экспрессивной окраской, резко негативной оценкой, чаще всего циничного характера. Например: *говнюк, гад ползучий, дерьмо, засранец, лахудра* (из сибирских диалектов), *падла, обалдуй, сука сраная...*

Значительное место в инвективной лексике занимает та часть бранной лексики, которая относится к табуированным словам и словосочетаниям, к мату. Например: *блядь (-ища)*, *долбоёб*, *ёбарь*, *жопа* (перен.), *курва*, *манда*, *мандавошка*, *мудак*, *мудила*, *мудаёб*, *пизда* (перен.), *пиздюк* и другие производные, *хер* (перен.), *хуй* (перен.) и производные, *хуй на палочке*, *хуй (хер) моржовый...*

Среди инвективной лексики есть и известная часть бранных слов и словосочетаний, входящих в литературный язык. Они относятся к разговорной речи, к разным ее пластам. В основном это слова и словосочетания, принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами. Такого рода слова и словосочетания в своем большинстве образуют так называемую грубо просторечную лексику — «нижний» разряд разговорной лексики литературного языка. Например: *девка* (о распутной женщине, проститутке), *гад* (перен.), *гаденыйш* (перен.), *гадина*, *гнида* (перен.), *подлюга*, *сволочь*, *скотина* (перен.), *стерва*, *сукин сын*, *старый хрен*, *хамово отродье...* Все эти и подобные слова в современных толковых словарях характеризуются как бранные, грубые или презрительные.

Есть и слова, относящиеся к разговорно-обиходной лексике, например *грабёж* (перен.), *мерзавец (-ка)*, *поганый*, *сброд*, *свинья* (перен.), *хам*, *хамье*, *ханжа...*

Единичные лексические единицы, в которых резко негативная оценка человека, его поведения содержится в их значении, имеют констатирующий характер, например: *гаджий*, *негодяй*, *подлец*, *подличать*, *подло*, *подлость*, *хамелеон* (перен.)...

Следует признать, что бранная лексика, в том числе и инвективная, весьма подвижна в своем составе. Из нее могут выходить некоторые лексемы и целые тематические разряды слов, как, например: *барин*, *барыня*, *господин*, *буржуй*, *буржуйский*, *белый*, *белогвардеец*, *кулак*, *тухлый интеллигент*, актуальные в 20-е годы, а потом во многом или почти утратившие негативную оценку и негативную экспрессию. В то же время в последние годы приобрели явную негативную оценку прилагательное *номенклатурный*, производные от слова *номенклатура*: *партноменклатура*, *номенклатурищик*, прилагательное *красный* в составе субстантива *красно-коричневые*. Инвективную, как и в целом бранную, лексику отличает диффузность ее значений, которая обусловлена экспрессивным характером слов и выражений, составляющих этот лексико-фразеологический разряд. Данное обстоятельство создает известные трудности в определении границы между собственно бранными, в том числе и инвективными, единицами и эмоционально-экспрессивными образованиями, передающими определенное состояние говорящего без особых агрессивных интенций, например: *баба* (о робком, слабохарактерном мужчине), *балбес*, *оболтус*

(о подростке, парне), *босяк, балаболка, горлопан, горлодер, хлыщ, шушера, шаромыжник...*

В состав инвективной лексики входят также слова и словосочетания, находящиеся за рамками бранной лексики. Имеются в виду лексико-фразеологические единицы 1, 2, 3, 5-го разрядов в разделе о «ненормативной лексике» (см. выше).

Входя значительной своей частью в состав бранной лексики, инвективная лексика, в свою очередь, состоит в основной массе из лексики «внелитературной» сферы современного русского языка: слов и фразеологии просторечия, жаргонов, отчасти диалектов.

Из сферы литературного языка в ее состав включаются лексико-фразеологические единицы преимущественно разговорной речи, главным образом лексики «грубо просторечной» (или «грубо фамильярной», «вульгарной»), а также из сферы обиходно-бытовой речи.

Фигурируют также некоторые разряды книжной лексики, связанные с квалификационными и оценочными (негативными) характеристиками кого-, чего-либо, в том числе и адресата речи (см. 1, 2 и 3-й разряды лексики из раздела о «ненормативной лексике»).

В состав инвективной лексики (и фразеологии) входит и известная часть обценной лексики (и фразеологии), целиком находящейся за рамками литературного языка.

Обценная лексика наделена в русской речевой коммуникации рядом функций, из которых в рамках инвективной лексики реализуется, по крайней мере, одна: «с целью оскорбить, унижить, опорочить адресата речи».

В этом случае коммуникация является всегда адресной, имеет место персонализация обценной и вообще инвективной лексики и фразеологии. Эта функция мата реализуется и в публичной сфере речевой коммуникации, в том числе может фигурировать в СМИ (в прессе и в электронных СМИ).

Инвактивная лексика относится к сфере речи эмоционально повышенной, аффективной. Для такой речи исключительное значение имеют:

а) ситуация конкретного речевого акта, в котором фигурируют экспрессивно окрашенные слова и выражения или лексико-фразеологические единицы, наделяемые экспрессией под влиянием контекста эмоционально напряженной речи или аналогичной речевой ситуации;

б) намерения (интенции) говорящего (пишущего). Эти интенции могут быть самыми разнообразными: от дружески-грубофамильярных («амикошонских») до явно оскорбительных. Ср., например: *Эк наяривает, собака!* — с восхищением об игре музыканта. Но: *Я тебя, собаку, пристукну, если еще раз появишься здесь!* — с презрением, гневом, угрозой;

в) социальное положение и социальные роли адресата (или объекта инвективы) и говорящего (пишущего).

Эмоциональность такой речи ориентирована на данную ситуацию, поэтому анализ как самих высказываний, так и их лексико-фразеологического состава возможен только в тесной связи с контекстом, ситуацией речевого акта, в том числе в СМИ.

Экспрессивно окрашенная лексика и фразеология, наделенная эмоционально-оценочной коннотацией (дополнительным значением), — именно такие лексико-фразеологические единицы представлены в аффективной, эмоционально напряженной речи (сюда относятся и публицистические тексты, письменные и устные) — как уже отмечалось, характеризуются известной аморфностью значения, подвижностью его оценочных рамок вплоть до противоположных оценок. Такое значение в сильной степени окрашено субъективным отношением говорящего (пишущего) к адресату речи, его поведению, действиям и т.п.

Субъективность значения лексико-фразеологических единиц в контексте аффективной речи (или аффективной, эмоционально напряженной ситуации, а также в условиях яркого публицистического контекста) обуславливается тем обстоятельством, что «предмет речи оценивается эмоционально-отрицательно не потому, что он бесполезен, неморален, антиэстетичен, а исключительно потому, что субъект речи в данный момент с их помощью выражает свое отрицательное эмоциональное состояние или, очень часто, соответствующее отношение к собеседнику» (Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке, с. 22).

Только контекст или анализ ситуации речи может помочь в расшифровке экспрессивной окраски, вернее — эмоционально-оценочного содержания высказывания, экспрессивно окрашенных, оценочных слов этого высказывания (или текста в целом), поскольку такие слова как слогарные единицы могут заключать в своей семантике лишь обобщенное значение отрицательной оценки. Например: *Ну что ты за оболтус у меня такой, не можешь сдать экзамен*, — говорит мать сыну-школьнику; или: *Мой оболтус учиться не хочет; Иду в магазин купить своему оболтусу куртку* — мать о сыне-подростке. Ср.: *Что он — оболтус, что ли? Ситуацию не сечёт, говорит такую чушь!* — о политике, участвующем в телепередаче.

ВЫВОДЫ

Итак, при решении вопроса об оскорблении или клевете целесообразно исходить из квалификации вербальной стороны оскорбления, состава лексики и фразеологии соответствующих текстов на следующей понятийно-терминологической основе.

1. Различаются лексика инвективная и неинвективная.
2. Внутри инвективной лексики целесообразно различать единицы, относящиеся к: а) литературному языку (пусть и представляющиеся резко негативными, оскорбляющими оценками); б) «внелитературной» сфе-

ре русского языка, где сосредоточены наиболее грубые, натуралистические, циничные лексико-фразеологические единицы, в первую очередь обценная лексика и грубые жаргонизмы как негативная, бранная оценка человека, его поведения, действий и т.п.

3. К инвективной лексике, относящейся к сфере литературного языка, тоже целесообразен дифференцированный подход:

а. Книжная лексика констатирующей семантики, а также эвфемизмы таких слов, «щадающие» адресата. В таких случаях речь, видимо, должна идти о клевете, если для негативных оценок такого рода нет достаточно веских аргументов и оснований.

б. Переносное, метафорическое использование книжных слов констатирующей семантики. Здесь важно строго учитывать:

макро- и микроконтекст или речевую ситуацию употребления конкретного слова в переносном смысле;

внутреннее содержание самого переносного, метафорического употребления;

достаточную степень обоснованности конкретной оценки адресата (иначе встаёт вопрос о клевете).

в. Среди инвективных лексико-фразеологических средств в рамках литературного языка есть и такие, которые — при всей приемлемости их как речевой нормы — являются неприемлемыми с точки зрения общественной морали, прямым резким оскорблением или ругательством. Например: *сволочь, стерва, подлец, мерзавец, подонок* и т.п.

Однако, имея дело с такими словами и выражениями, необходимо строго учитывать и ситуацию, контекст, в которых данное слово употребляется, и оценку и эмоциональную окраску, которую вкладывает в данное случае в такое слово говорящий (пишущий) (и его интенцию), и возможные иные варианты восприятия и осмысления конкретного высказывания, реплики и реакции со стороны адресата и др.

Конкретнее: само по себе употребление инвективных, даже обценных слов и выражений еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;

б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;

в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, т. е. дается обобщенная оценка его личности.

Приложение 2

НОРМАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЗАКОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КОДЕКСЫ, ПОСТАНОВЛЕНИЯ (в извлечениях)

Извлечения из Уголовного кодекса Российской Федерации

Статья 129. Клевета

1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, — наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, — наказывается штрафом в размере от ста до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до двух месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

3. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Статья 130. Оскорбление

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, — наказывается штрафом в размере до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок до ста двадцати часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, — наказывается штрафом в размере до двухсот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух месяцев, либо обязательными работами на срок до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Извлечения из Гражданского кодекса Российской Федерации

Статья 150. Нематериальные блага

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя.

2. Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения.

Статья 151. Компенсация морального вреда

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации

1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

Если указанные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.

Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом.

3. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации.

4. Если решение суда не выполнено, суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в размере и в порядке, предусмотренных процессуальным законодательством, в доход Российской Федерации. Уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить предусмотренное решением суда действие.

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

6. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

7. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ от 18 августа 1992 г. № 11

*«О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (в редакции от 21 декабря 1993 г. № 11)
(с изменениями от 25 апреля 1995 г.)*

Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 6 в названии и преамбулярной части настоящего постановления слова «честь и достоинства граждан и организаций» заменены словами «честь и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Обсудив материалы проведенного совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации изучения судебной практики по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц, Пленум Верховного суда Российской Федерации в целях обеспечения правильного и единообразного применения законода-

тельства, регулирующего данные правоотношения, постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что право граждан на защиту чести, достоинства, деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности. Это обязывает суды при рассмотрении споров о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц глубоко анализировать все обстоятельства каждого дела данной категории.

2. Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, о котором указывается в статье 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидеопрограммам, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в иной, в том числе устной, форме нескольким или хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением.

Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица.

3. В порядке, определенном ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, не могут рассматриваться требования об опровержении сведений, содержащихся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других официальных документах, для обжалования которых предусмотрен иной установленный законами порядок.

4. Иски по делам данной категории вправе предъявить юридические лица и граждане, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения.

При распространении порочащих сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных иски о защите их чести и достоинства в соответствии со ст. 48 ГПК РСФСР могут предъявить законные представители. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти (ч. 2 п. 1 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

5. Пунктами 1 и 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а юридическое лицо — сведений, порочащих его деловую репутацию.

При этом законом не предусмотрено обязательного предварительного обращения с таким требованием к ответчику, в том числе и в случае, когда иск предъявлен к средству массовой информации, распространившему указанные выше сведения.

Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, а также юридическое лицо, если опубликованные сведения порочат его деловую репутацию, имеют право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации (пп. 3, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

6. Ответчиками по искам об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство или деловую репутацию, являются лица, распространившие эти сведения.

Если иск содержит требование об опровержении сведений, распространенных в средствах массовой информации, в качестве ответчиков привлекаются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. При опубликовании или ином распространении таких сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации. В случае, если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика должен быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

По искам об опровержении порочащих сведений, изложенных в служебных характеристиках, ответчиками являются лица, их подписавшие, и предприятие, учреждение, организация, от имени которых выдана характеристика.

7. В силу ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике независимо от того, предъявлен ли иск о защите чести, достоинства, деловой репутации либо о возложении на средство массовой информации обязанности опубликовать ответ истца на публикацию. Истец обязан доказать лишь сам факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск.

8. В случае, когда действия лица, распространившего порочащие другое лицо сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130 или ст. 131 УК РСФСР, потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а

также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

Отказ в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства либо деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

9. Наличие обстоятельств, которые в силу ст. 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» могут служить основанием для освобождения от ответственности редакции, главного редактора, журналиста за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащие честь и достоинство граждан, а также деловую репутацию граждан и юридических лиц, не исключает возможности рассмотрения судом иска юридического лица или гражданина об опровержении таких сведений.

При этом к участию в деле должны быть привлечены граждане и организации, от которых поступили такие сведения и которые должны доказать, что они соответствуют действительности. На редакцию средства массовой информации в случае удовлетворения иска может быть возложена обязанность сообщить о решении суда и в случае, если имеются основания, исключающие ее ответственность.

10. На требование о защите чести, достоинства, деловой репутации, заявленное в порядке пп. 1–3, 5–7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, исковая давность в силу ст. 208 первой части этого же Кодекса не распространяется.

11. В силу пп. 5, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию, а также юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением. Компенсация морального вреда виновным должностным лицом или гражданином либо средством массовой информации определяется судом при вынесении решения в денежном выражении.

При определении размера такой компенсации суд принимает во внимание обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

Если не соответствующие действительности порочащие сведения были распространены в средствах массовой информации, суд, определяя размер компенсации морального вреда, вправе также учесть характер и содержание публикации, степень распространения недостоверных сведений и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

При этом следует иметь в виду, что моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной сумме, признается законом вредом неимущественным и, следовательно, государственная пошлина должна взиматься на основании подп. 1 ст. 3 Закона Российской Федерации «О государственной пошлине», а не в процентном отношении к сумме, определенной судом в качестве возмещения понесенного истцом морального вреда. Требование о возмещении морального вреда может быть заявлено самостоятельно, если, например, редакция средства массовой информации добровольно опубликовала опровержение, удовлетворяющее истца.

12. В случае, когда вместе с просьбой о защите чести, достоинства гражданина либо деловой репутации гражданина или юридического лица заявлено требование о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений, суд разрешает это требование в соответствии с пп. 5, 7 ст. 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

13. При удовлетворении иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения порочащих сведений, признанных не соответствующими действительности, и при необходимости изложить текст такого опровержения, где должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены, а также определить срок (применительно к установленному ст. 44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»), в течение которого оно должно последовать.

14. При неисполнении решения по делу о защите чести и достоинства, а также деловой репутации в установленный судом срок он в соответствии со ст. 406 ГПК РСФСР вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в доход государства. При повторном и последующих нарушениях сроков, устанавливаемых судом для исполнения решения, штраф может быть применен неоднократно, причем уплата штрафа не освобождает должника от обязанности выполнить решение суда об опровержении порочащих истца сведений.

15. В связи с принятием данного постановления постановление Пленума Верховного суда СССР от 2 марта 1989 г. «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций» с последующими изменениями и дополнениями на территории Российской Федерации не действует.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (извлечения)

ГЛАВА 27. ПРОИЗВОДСТВО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья 195. Порядок назначения судебной экспертизы

1. Признав необходимым назначение судебной экспертизы, следователь выносит об этом постановление, а в случаях, предусмотренных пунктом 3 части второй статьи 29 настоящего Кодекса, возбуждает перед судом ходатайство, в котором указываются:

- 1) основания назначения судебной экспертизы;
- 2) фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- 3) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 4) материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

2. Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

3. Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением.

4. Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 4 и 5 статьи 196 настоящего Кодекса, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

Статья 196. Обязательное назначение судебной экспертизы

Назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить:

- 1) причины смерти;
- 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью;
- 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;
- 4) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

5) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Статья 197. Присутствие следователя при производстве судебной экспертизы

1. Следователь вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий.

2. Факт присутствия следователя при производстве судебной экспертизы отражается в заключении эксперта.

Статья 198. Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы

1. При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе:

1) ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;

2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

6) ознакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

2. Свидетель и потерпевший, в отношении которых производилась судебная экспертиза, вправе знакомиться с заключением эксперта. Потерпевший пользуется также правами, предусмотренными пунктами 1 и 2 части первой настоящей статьи.

Статья 199. Порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы

1. При производстве судебной экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

2. Руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экс-

пертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 настоящего Кодекса.

3. Руководитель экспертного учреждения вправе возвратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, представленные для ее производства, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат.

4. Если судебная экспертиза производится вне экспертного учреждения, то следователь вручает постановление и необходимые материалы эксперту и разъясняет ему права и ответственность, предусмотренные статьей 57 настоящего Кодекса.

5. Эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Статья 200. Комиссионная судебная экспертиза

1. Комиссионная судебная экспертиза производится не менее чем двумя экспертами одной специальности. Комиссионный характер экспертизы определяется следователем либо руководителем экспертного учреждения, которому поручено производство судебной экспертизы.

2. Если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, то ими составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в производстве судебной экспертизы, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласие.

Статья 201. Комплексная судебная экспертиза

1. Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной.

2. В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
от 20 декабря 1994 г. № 10

*«Некоторые вопросы применения законодательства
о компенсации морального вреда» (с изменениями от 25 октября 1996 г.)*

Обсудив материалы проведенного изучения судебной практики по делам о компенсации за нанесенный моральный вред, Пленум Верховного суда Российской Федерации отмечает, что многообразие законодательных актов, регулирующих отношения, связанные с причинением морального вреда, различные сроки введения их в действие, а также принятие первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая вводится в действие с 1 января 1995 г., порождают вопросы, требующие разрешения.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда, наиболее полной и быстрой защиты интересов потерпевших при рассмотрении судами дел этой категории Пленум Верховного суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

1. Учитывая, что вопросы компенсации морального вреда в сфере гражданских правоотношений регулируются рядом законодательных актов, введенных в действие в разные сроки, суду в целях обеспечения правильного и своевременного разрешения возникшего спора необходимо по каждому делу выяснять характер взаимоотношений сторон и какими правовыми нормами они регулируются, допускает ли законодательство возможность компенсации морального вреда по данному виду правоотношений и, если такая ответственность установлена, когда вступил в силу законодательный акт, предусматривающий условия и порядок компенсации вреда в этих случаях, а также когда были совершены действия, повлекшие причинение морального вреда.

Суду необходимо также выяснить, чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных или физических страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями (бездействием) они нанесены, степень вины причинителя, какие нравственные или физические страдания перенесены потерпевшим, в какой сумме или иной материальной форме он оценивает их компенсацию и другие обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного спора.

2. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на поль-

зование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.

При этом следует учитывать, что статьей 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик установлена ответственность за моральный вред, причиненный гражданину неправомерными действиями, и в том случае, когда в законе отсутствует специальное указание о возможности его компенсации.

Статьей 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, которая введена в действие с 1 января 1995 г., указанное положение сохранено лишь для случаев причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место при наличии указания об этом в законе.

3. В соответствии с действующим законодательством одним из обязательных условий наступления ответственности за причинение морального вреда является вина причинителя. Исключения составляют случаи, прямо предусмотренные законом. Например, когда:

вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности;

вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию (ст. 1100 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 1996 г.).

4. Рассматривая требования потерпевшего о компенсации перенесенных им нравственных или физических страданий, следует иметь в виду, что вопросы возмещения морального вреда, в частности, регулируются: частью 7 статьи 7 Гражданского кодекса РСФСР (в редакции Закона от 21 марта 1991 г.); статьей 62 Закона Российской Федерации от 27 декабря

1991 г. «О средствах массовой информации», введенного в действие с 8 февраля 1992 г. (с 1 августа 1990 г. действовала статья 39 Закона СССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации»); статьей 89 Закона Российской Федерации от 19 декабря 1991 г. «Об охране окружающей природной среды», введенного в действие с 3 марта 1992 г.; статьей 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей», введенного в действие с 7 апреля 1992 г. (ст. 15 того же Закона, действующей с 16 января 1996 г.); статьями 7, 131 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых 31 мая 1991 г., действие которых распространено на территории Российской Федерации с 3 августа 1992 г.; статьями 25, 30 «Правил возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей», принятых 24 декабря 1992 г. и введенных в действие с 1 декабря 1992 г.; частью 5 статьи 18 Закона Российской Федерации от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих», введенного в действие с 1 января 1993 г.; статьями 12, 150–152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенными в действие с 1 января 1995 г.; статьями 1099 — 1101 второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 1 марта 1996 г.

Однако отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда. Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 1 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик к трудовым отношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., может быть применена статья 131 названных Основ, регулирующая ответственность за нанесение морального вреда по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, поскольку отношения, связанные с компенсацией морального вреда, не урегулированы трудовым законодательством. В частности, суд вправе обязать работодателя компенсировать причиненные работнику нравственные, физические страдания в связи с незаконным увольнением, переводом на другую работу, необоснованным применением дисциплинарного взыскания, отказом в переводе на другую работу в соответствии с медицинскими рекомендациями и т.п.

Указанное положение применимо и к трудовым отношениям, возникшим после 1 января 1995 г., так как названными выше незаконными действиями работодателя нарушаются личные неимущественные права работника и другие нематериальные блага (статья 151 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации).

5. Правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию граждани-

на, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица (пункт 6 статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., пункт 7 статьи 152 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г.).

6. Если моральный вред причинен до введения в действие законодательного акта, предусматривающего право потерпевшего на его компенсацию, требования истца не подлежат удовлетворению, в том числе и в случае, когда истец после вступления этого акта в законную силу испытывает нравственные или физические страдания, поскольку на время причинения вреда такой вид ответственности не был установлен и по общему правилу действия закона во времени закон, усиливающий ответственность по сравнению с действовавшим на время совершения противоправных действий, не может иметь обратной силы (пункт 1 статьи 54 Конституции Российской Федерации).

Однако, если противоправные действия (бездействие) ответчика, причиняющие истцу нравственные или физические страдания, начались до вступления в силу закона, устанавливающего ответственность за причинение морального вреда, и продолжаются после введения этого закона в действие, то моральный вред в указанном случае подлежит компенсации.

7. На требования о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется, поскольку они вытекают из нарушения личных нематериальных прав и других нематериальных благ (пункт 2 статьи 43 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., пункт 1 статьи 208 первой части Гражданского кодекса Российской Федерации по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г.).

8. При рассмотрении требований о компенсации причиненного гражданину морального вреда необходимо учитывать, что по правоотношениям, возникшим после 3 августа 1992 г., компенсация определяется судом в денежной или иной материальной форме, а по правоотношениям, возникшим после 1 января 1995 г., — только в денежной форме, независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. Исходя из этого, размер компенсации зависит от характера и объема причиненных истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального вреда, убытков и других материальных требований. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

9. Суд вправе рассмотреть самостоятельно предъявленный иск о компенсации причиненных истцу нравственных или физических страданий, поскольку в силу действующего законодательства ответственность за причиненный моральный вред не находится в прямой зависимости от наличия имущественного ущерба и может применяться как наряду с имущественной ответственностью, так и самостоятельно.

Применительно к статье 29 УПК РСФСР потерпевший, то есть лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (статья 53 УПК РСФСР), вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда при производстве по уголовному делу.

10. При рассмотрении дел о компенсации причиненных нравственных или физических страданий необходимо учитывать, что моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме. Учитывая это, государственная пошлина по таким делам должна взиматься на основании подпункта «д» пункта 1 статьи 3 Закона РСФСР «О государственной пошлине», предусматривающего оплату исковых заявлений неимущественного характера.

При этом следует также иметь в виду, что в предусмотренных законом случаях истцы освобождаются от уплаты государственной пошлины (например, пункты 4, 8 статьи 80 ГПК РСФСР, часть 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»).

Председатель Верховного суда
Российской Федерации

В.М. Лебедев

Секретарь Пленума,
судья Верховного суда
Российской Федерации

В.В. Демидов

АВТОРИЗАЦИЯ ТЕКСТА: ПРИМЕР ЭКСПЕРТИЗЫ¹

А.Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор

Одна из наиболее распространенных областей использования знаний о статистических закономерностях языковых явлений — экспертиза авторства текста. Типологически можно представить следующие базовые ситуации экспертного анализа.

А. Множественная неопределенность. Имеется множество текстов или их фрагментов. Необходимо установить, скольким авторам принадлежат тексты, и атрибутировать каждый текст конкретному автору. Это, разумеется, наиболее сложный случай анализа.

Б. Сравнение по образцу. Имеется пример текста (текстов) некоторого автора X. Необходимо установить, является ли он и автором некоторого другого текста (текстов).

В. Конкуренция образцов. Имеются образцы текстов авторов X, Y, Z... Необходимо установить, кто из них является автором текстов T, T, ..., T.

Приводимая ниже экспертиза² вписывается в рамки случая В. Речь шла о спорном авторстве. В качестве материала для исследования были получены тексты следующих произведений: «Следователь президента»; «Смоленская площадь»; «Безумные глаза»; «В погоне за невидимым убийцей»; «Незнакомец»; «Шакалы»; «Трудное решение».

Тексты были представлены в печатной и машиночитаемой форме (файлы в формате DOS TEXT). Выборочное сравнение файлов и страниц печатных текстов произведений показало, что они полностью совпадают с точностью до разметки гарнитуры и графических выделений в файлах. При компьютерной обработке символы разметки как значки не учитывались.

Исходная проблема экспертизы была сформулирована следующим образом. Автором произведений «Безумные глаза», «В погоне за невидимым убийцей», «Незнакомец» является Э. Плющихин, а произведений «Шакалы», «Трудное решение» — В. Непомнящий. Авторство произведе-

¹ Из книги: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

² Фамилии истца и ответчика, а также названия литературных произведений изменены. Экспертиза проводилась на основании запроса адвокатского бюро «Резник, Гагарин и партнеры». Приводимые материалы, разумеется, нельзя рассматривать как окончательное доказательство. В рассматриваемом случае, кроме лингвистической экспертизы, была проведена также литературная экспертиза, подтвердившая выводы лингвистического анализа. Дискуссия по данному делу более подробно отражена на сайте www.etopol.boom.ru.

ний «Следователь президента», «Смоленская площадь» является предметом спора.

В процессе проведения экспертизы необходимо было подготовить ответ на следующие вопросы:

1. Есть ли специфические языковые особенности, отличающие произведения В. Непомнящего «Шакалы», «Трудное решение» от произведений Э. Плющихина «Безумные глаза», «В погоне за невидимым убийцей», «Незнакомец», а также от спорной группы произведений — «Следователь президента», «Смоленская площадь»?

2. Есть ли специфические языковые особенности, характерные одновременно для произведений Э. Плющихина «Безумные глаза», «В погоне за невидимым убийцей», «Незнакомец» и спорной группой произведений «Следователь президента», «Смоленская площадь», но не присущие произведениям В. Непомнящего «Шакалы» и «Трудное решение»?

3. Можно ли считать, что выявленные языковые особенности являются существенной чертой авторских стилей названных писателей и могут использоваться при установлении авторства художественного текста?

В исследовании по экспертизе использовалась методика количественного анализа квазисинонимичных лексем. Сущность методики заключается в выявлении авторских предпочтений в выборе из группы квазисинонимов — близких по значению слов или устойчивых словосочетаний (фразеологизмов). В литературоведении и структурной поэтике близкие методы привлекаются для характеристики стиля писателя и особенностей его видения мира. Интересную информацию об идеологии писателя дает изучение частотных характеристик служебных и модальных слов. Так, частицы *разве* и *неужели* по-разному распределены в романах М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия»: *разве* значительно чаще встречается в «Мастере и Маргарите», а *неужели* — наоборот. Значение частицы *разве* предполагает более активную, действенную позицию говорящего, подвергающего сомнению некоторое положение дел. В противоположность *разве*, частица *неужели* скорее указывает на то, что некоторое положение дел практически принимается говорящим и он лишь недоумевает, удивляется, почему оно имеет место. Учитывая значение этих частиц, указанные факты распределения *разве* и *неужели* можно интерпретировать как лингвистический коррелят авторской позиции в изображении событий и действий героев: нечто вроде пассивного «изумления», «удивления» автора в «Белой гвардии» и при активном восприятии реальности в «Мастере и Маргарите».

Такие «всплески» распределения частот служебных и модальных слов характеризуют не только отдельные тексты художественной прозы, но и оказываются характерологическими для одного писателя, оказываясь внешним проявлением его идеологической и творческой позиции. Явная

нестандартность распределения частоты некоторых служебных слов наблюдается и в произведениях Ф.М. Достоевского.

В современном русском языке распределение служебных фразеологизмов *по меньшей мере* и *по крайней мере* таково: на 1 употребление *по меньшей мере* приходится 4,1 употреблений *по крайней мере*¹.

В художественных текстах Достоевского мы встречаемся с совершенно иной ситуацией: на одно употребление *по меньшей мере* приходится 342,5 употреблений *по крайней мере* (по *по крайней мере* — 685 вхождений по 35 художественным текстам, *по меньшей мере* — 2 вхождения по 35 художественным текстам). Всего употреблений *по меньшей мере* три, но одно из них приходится на контекст, более подходящий для *по крайней мере* ср. (1).

(1) Точно так же невозможно было бы разъяснить в нем с первого взгляда: любил он свою безответную, покорную жену или нет, а между тем он ее действительно любил, и та, конечно, это понимала. Эта Марфа Игнатьевна была женщина не только не глупая, но, может быть, и умнее своего супруга, *по меньшей мере* рассудительнее его в делах житейских, а между тем она ему подчинялась безропотно и безответно, с самого начала супружества, и бесспорно уважала его за духовный верх.

[*Братья Карамазовы*]

В этом примере *по крайней мере* явно удачнее.

В противоположность *по меньшей мере*, *по крайней мере* с несомненностью относится к словам Достоевского. Конкордансы на это словосочетание занимают более двухсот страниц текста.

Можно было бы подумать, что в русском языке времен Достоевского распределение между *по крайней мере* и *по меньшей мере* было именно таким: частота *по крайней мере* существенно превосходила частоту *по меньшей мере*. Однако это не так. Предварительный анализ корпуса текстов Гоголя (около трех мегабайт) показывает, что различие в частотности этих единиц не так велико, как у Достоевского: на 1 употребление *по меньшей мере* — 83 употребления *по крайней мере*. Весьма вероятно, что в сфере публицистики того времени различие в частоте употребления *по меньшей мере* и *по крайней мере* было еще меньшим и приближалось к современной норме. Здесь тоже можно видеть коррелят авторского видения мира, авторского стиля.

По полученным файлам произведений Э. Плющихина, В. Непомнящего и спорных произведений (для каждого текста в отдельности и по трем группам — «спорная группа», «группа произведений Плющихина»,

¹ *По крайней мере* — 236 вхождений; *по меньшей мере* — 57 вхождений (репрезентативная выборка из корпуса текстов по современному русскому языку, включающая около 10 тыс. страниц разножанровых текстов).

«группа произведений Непомнящего») были составлены словники с указанием абсолютной и относительной частоты употребления (общее количество словоупотреблений по произведениям и по группам см. в приложении к экспертизе). Для компьютерной обработки использовалась программа DIALEX и база данных ACCESS 7 в среде Windows.

Из сферы анализа были исключены слова с предметным значением, частота употребления которых определяется конкретной проблемной областью. Были проанализированы некоторые группы квазисинонимов для следующих слоев лексической системы языка:

- наречия;
- частицы;
- вводные слова и выражения;
- фразеологические выражения (идиомы);
- глаголы речи;
- союзы и союзные слова.

Рассмотрим последовательно примеры квазисинонимов из каждой группы лексем.

Наречия степени. Первая проанализированная группа — наречия со значением неполноты проявления какого-либо свойства, характеристики — *едва* и *немного*. Эти наречия во многих контекстах близки по значению. Однако стилистические предпочтения авторов проявляются в тенденциях выбора этих слов. Относительная частота⁴ *едва* и *немного* для спорных произведений и произведений Плющихина практически идентична, однако она существенно отличается от относительной частоты употребления этих единиц у Непомнящего: *едва* = 0,007% (спорные), 0,006% (Плющихин), 0,018% (Непомнящий); *немного* = 0,002% (спорные), 0,002% (Плющихин), 0,031% (Непомнящий) (см. табл. 1).

Таблица 1

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Едва</i>	6 + 7 = 13	0,007%	12 + 3 + 12 = 27	0,006%	11 + 18 = 29	0,018%
<i>Немного</i>	2 + 1 = 3	0,002%	1 + 2 + 2 = 5	0,002%	25 + 25 = 50	0,031%

Вторая группа исследованных наречий степени характеризует степень ожидания некоторого события. К ним относятся лексемы *вдруг*, *внезапно*, *неожиданно*. Все эти наречия очень близки по значению. Тем самым их

⁴ Относительная частота считалась по всем словам соответствующих текстов. Здесь и далее абсолютные частоты словоупотреблений в конкретном произведении указываются в последовательности, соответствующей порядку перечисления исследуемых текстов в Приложении 1.

частотное распределение может рассматриваться как характеристика авторского стиля. Анализ показывает, что относительные частоты употребления наречий *вдруг*, *внезапно* и *неожиданно* в произведениях «спорной группы» и произведениях Плющихина практически совпадают: *вдруг* — 0,052% (спорные), 0,05% (Плющихин); *внезапно* — 0,001% (спорные), 0,000 (Плющихин); *неожиданно* — 0,007% (спорные), 0,006% (Плющихин) (см. табл. 2). Относительные частоты соответствующих наречий в группе произведений Непомнящего существенно отличаются от первых двух групп: *вдруг* — 0,065%; *внезапно* — 0,005%; *неожиданно* — 0,016%.

Таблица 2

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Вдруг</i>	61 + 30 = 91	0,052%	52 + 16 + 39 = 107	0,05%	79 + 25 = 104	0,065%
<i>Внезапно</i>	1 + 1 = 2	0,001%	0 + 0 + 0 = 0	0,000%	7 + 1 = 8	0,005%
<i>Неожиданно</i>	10 + 2 = 12	0,007%	5 + 0 + 7 = 12	0,006%	12 + 13 = 25	0,016%

Третья группа проанализированных наречий степени — лексемы *очень* и *слишком*. Частотное распределение этих единиц с определенностью указывает на сходство спорной группы произведений с произведениями Плющихина. С другой стороны, относительная частота употребления *очень* и *слишком* в текстах Непомнящего существенно выше — 0,17% для *очень* (0,06% и 0,05% в спорной группе и в группе текстов Плющихина соответственно), 0,06% для *слишком* (0,01% и 0,01% в спорной группе и в группе текстов Плющихина) — см. табл. 3. Тенденция к использованию лексем, имеющих в значении идею «превышения нормы какого-то свойства», характерная для Непомнящего, проявляется и в частоте употребления количественного наречия *много*, ср. 0,06% в текстах Непомнящего (абс. част. 100); 0,01% (абс. част. 26) в спорной группе, 0,02% (абс. част. 42) в произведениях Плющихина.

Таблица 3

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Очень</i>	47 + 49 = 96	0,06%	32 + 36 + 42 = 110	0,05%	103 + 164 = 267	0,17%
<i>Слишком</i>	9 + 4 = 13	0,01%	3 + 3 + 8 = 14	0,01%	43 + 46 = 89	0,06%

Частицы. Из лексико-грамматического разряда частиц были проанализированы единицы *тоже* и *также*, лексема *так* (в разных значениях).

Если по относительной частоте частицы *также* все группы произведений приблизительно равны, то по относительной частоте частицы *тоже* первая и вторая группы (спорные произведения и произведения Плющихина) объединяются и противопоставляются третьей — произведениям Непомнящего. Аналогично по частоте лексемы *так* противопоставлены спорная группа произведений и произведения Плющихина, с одной стороны, и произведения Непомнящего — с другой (см. табл. 4).

Таблица 4

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Тоже</i>	74 + 63 = 137	0,08%	55 + 36 + 66 = 157	0,07%	89 + 129 = 218	0,14%
<i>Также</i>	13 + 29 = 42	0,02%	11 + 5 + 15 = 31	0,01%	5 + 21 = 26	0,02%
<i>Так</i>	208 + 223 = 431	0,25%	166 + 239 + 118 = 523	0,25%	370 + 295 = 665	0,42%

Вводные слова и выражения. Как известно, к числу вводных слов относятся лексемы, в которых говорящий выражает свое отношение к сказанному, в частности оценку достоверности-недостоверности пропозиции. Была исследована частота употребления лексических единиц *конечно*, *разумеется*, *естественно*, связанных с выражением уверенности в истинности утверждаемого (см. табл. 5). Легко видеть, что относительные частоты употребления этих выражений в группе спорных произведений и в произведениях Плющихина практически совпадают, причем из группы квази-синонимов *конечно*, *разумеется*, *естественно* предпочтение отдается *конечно*. В группе произведений Непомнящего относительная частота употребления *конечно* ниже, чем в первых двух группах, что компенсируется использованием вводных слов *разумеется* и *естественно*.

Таблица 5

	Спорные произведения		Произведения Плющихина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Конечно</i>	114 + 86 = 200	0,12%	113 + 55 + 100 = 268	0,13%	88 + 77 = 165	0,10%
<i>Разумеется</i>	0 + 0 = 0	0,00%	0 + 0 + 0 = 0	0,00%	33 + 13 = 46	0,03%
<i>Естественно</i>	2 + 1 = 3	0,002%	0 + 0 + 0 = 0	0,00%	16 + 3 = 19	0,01%

Фразеологизмы. Специфические особенности использования фразеологизмов относятся к числу наиболее характерных стилевых особенностей. Для анализа была привлечена группа бранных идиом с компонентом *черт*,

хер и *хрен* типа *черт/хер/хрен его знает, черт/хер/хрен их знает* и т.д. Было установлено, что эти выражения встречаются только в группе спорных произведений (абс. частота 8) и в текстах Плющикина (абс. частота 17).

Показательно использование довольно редкой идиомы *тем паче*: она не встречается в произведениях Непомнящего, но представлена в текстах спорной группы (5 употреблений) и в произведениях Плющикина (2 употребления).

Глаголы речи. Среди глаголов речи наибольший интерес представляют лексемы, которые используются как авторские ремарки для введения речи персонажей. В имеющемся материале были проанализированы глаголы *сказать* и *возразить*. Несмотря на то, что по законам жанра (исследовались детективные романы) конфликтных ситуаций в спорных текстах и в произведениях Плющикина не меньше, чем в произведениях Непомнящего, *возразить* существенно чаще используется именно в последней группе, что является несомненным признаком авторского стиля — см. табл. 6.

Таблица 6

	Спорные произведения		Произведения Плющикина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Сказать</i>	1059	0,061%	1087	0,51%	919	0,57%
<i>Возразить</i>	2	0,00%	0	0,00%	46	0,03%

Союзы и союзные слова. Анализировались также союзы и союзные слова *поскольку, почему* и *если*. Слово *почему*, кроме собственно союзного употребления, функционирует как вопросительное слово; для данного типа исследования это несущественно. По распределению частоты употребления и в этом случае группа произведений Плющикина существенно сближается с группой спорных произведений, а группа произведений Непомнящего противопоставлена первым двум группам, ср. для *поскольку* 0,03% и 0,03% vs. 0,00%; для *почему* 0,05% и 0,04% vs. 0,13%; для *если* 0,22% и 0,23% vs. 0,31% (см. табл. 7).

Таблица 7

	Спорные произведения		Произведения Плющикина		Произведения Непомнящего	
	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота	Абсолют. частота	Относит. частота
<i>Поскольку</i>	48	0,03%	57	0,03%	6	0,00%
<i>Почему</i>	95	0,05%	95	0,04%	212	0,13%
<i>Если</i>	381	0,22%	493	0,23%	488	0,31%

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что существуют специфические языковые особенности, отличающие стиль произведений Э. Плющихина от стиля произведений В. Непомнящего. Эти особенности проявляются на различных уровнях лексической системы языка — в выборе наречий, вводных слов, частиц, фразеологизмов, союзов и союзных слов, а также глаголов речи. Характерные черты стиля Э. Плющихина прослеживаются в произведениях спорной группы «Следователь президента» и «Смоленская площадь». С другой стороны, характерные языковые черты стиля В. Непомнящего не обнаруживаются в произведениях спорной группы. В рамках данного ограниченного по объему материала (для предложенных текстов двух данных писателей) выявленные особенности авторского языка могут рассматриваться как существенный фактор в пользу признания авторства Э. Плющихина на произведения спорной группы.

Приложение к экспертизе

Общее количество словоупотреблений по произведениям и трем группам:

Группа спорных произведений (I):

«Следователь президента» = 80 498

«Смоленская площадь» = 93 040

Общая сумма = 173 538

Группа произведений Плющихина (II):

«Безумные глаза» = 68 735

«В погоне за невидимым убийцей» = 39 548

«Незнакомец» = 103 872

Общая сумма = 212 155

Группа произведений Непомнящего (III):

«Шакалы» = 68 583

«Трудное решение» = 91 244

Общая сумма = 159 827

Основная литература

1. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
2. *Марусенко М.А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб., 1996.
3. *Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А.* Математическая лингвистика. М., 1977.
4. *Шайкевич А.Я.* Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
5. *Шайкевич А.Я.* Количественные методы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Дополнительная литература

1. *Виноградов В.В.* Лингвистические основы научной критики текста // Вопросы языкознания. 1958, № 2, 3.
2. *Harris Z.S.* From Phoneme to Morpheme // Language. 1955. Vol. 31. № 2. P.190–222.

ЭКСПЕРТИЗЫ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Е. С. Кара-Мурза, кандидат филологических наук,
доцент МГУ

В России возникла новая область социальной коммуникации — реклама, в трех ее основных ипостасях: потребительской, промышленной (как она называлась раньше, теперь предпочитают англицизм BUSINESS TO BUSINESS, B2B) и политической. Реклама функционально обеспечивает важное направление рыночной (маркетинговой) информации, а материализуется в пространстве массовой коммуникации (теперь и в пространстве Всемирной паутины). С психологической точки зрения, реклама обеспечивает воздействие на потребительские и электоральные предпочтения той или иной аудитории за счет как рационального убеждения, так и иррациональных способов обработки сознания, а по синкретизму методов воздействия она стала новым специфическим видом искусства и частью космополитической массовой культуры.

Как и любая сфера общественной деятельности, российская реклама нуждается в регулировании законодательном (международного и национального масштаба), а также корпоративном. В настоящее время профессиональное сообщество российских рекламистов активно вырабатывает правила ведения правдивой, этичной и эффективной рекламы. Основным документом подобного рода является Российский рекламный кодекс (М., 2001 г.), подготовленный Рекламным советом России на основе аналогичных международных, зарубежных и отечественных установлений.

Проблемы в области рекламистики связаны с адекватностью распространяемых сведений, со взаимоотношениями между конкурентами, с необходимостью регулировать распространение рекламы, предназначенной для ограниченной аудитории, со спецификой создания товарных имен и знаков и проч. В ряде случаев решить вопрос можно только с привлечением экспертов различного профиля.

Рекламирование осуществляется преимущественно с помощью естественного языка — т.е. в словесной форме, хотя в рекламных текстах активно работают не только смыслы слов и фраз, но и паралингвистические средства — устные и письменные: звуки человеческой речи с ее интонацией, темпом и тембром голоса и буквы во всем богатстве рисунков и размеров шрифта. Представлены в ней и средства иных культурных кодов: изобразительно-графического, музыкального, драматического (сюжет, персонажи, являющие собой характерные общечеловеческие или национальные типы) и некоторых других. Поэтому к рекламной экспертизе часто привлекают филологов: они владеют инст-

рументами истолкования прямых или переносных, явно выраженных или подтекстовых значений фраз и контекстов, они знают языковые и стилистические нормы оформления текстов того или иного жанра, могут спрогнозировать реакции потенциальных клиентов на то или иное коммерческое имя и его предполагаемую маркетинговую эффективность. Наконец, филологи умеют оценить позитивные или негативные эффекты взаимодействия разноприродных знаковых систем, в совокупности создающих рекламное произведение.

История лингвистической экспертизы в рекламе, в отличие от юриспруденции, еще не велика, однако ее тематика достаточно разнообразна. Здесь, во-первых, анализ рекламных текстов на предмет их соответствия нормам, предписанным в федеральном «Законе о рекламе» и «Законе о защите прав потребителей», а также в Российском рекламном кодексе и ряде других законодательных и корпоративных документов, регулирующих сферу массовой коммуникации, прежде всего относительно рекламы алкогольной и табачной продукции. Во-вторых, это анализ рекламы с точки зрения этических норм: здесь идет речь об ограничении или недопущении некоторых сюжетов или изображений (прежде всего — эротического или агрессивного характера) в рекламе, ориентированной на детскую и юношескую аудиторию, или той, которая предлагает ограниченной (например, женской) аудитории товар интимного употребления, вроде нижнего белья или предметов гигиены, а распространяется неограниченно, например по массовым телеканалам, на магистралях или в метро. В-третьих, экспертизы, связанные с конкурентной борьбой, в частности выражающейся в прямом плагиате или эксплуатации отдельных элементов известного торгового знака или имени. В-четвертых, экспертизы, заказываемые с целью повысить конкурентоспособность товара/фирмы за счет удачного выбора коммерческого имени. В-пятых, это ортологические экспертизы, анализирующие соответствие текстов правописательным, грамматическим и стилистическим нормам, требованиям культуры речи.

Лингвистическая экспертиза в сфере рекламы активно развивается. Ее осуществляют такие корпоративные учреждения, как Рекламный совет России (в частности, его Комитет по рассмотрению обращений и практике применения норм саморегулирования и законодательства) и ГЛЭДИС. Экспертизу осуществляют опытные кадры факультета журналистики МГУ, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Южно-Уральского государственного университета и других научных и учебных заведений.

В данном издании опубликовано несколько видов экспертиз. Отметим здесь, что на обнародование экспертных заключений накладываются особые ограничения из-за наличия сведений, составляющих коммерческую тайну. Поэтому, во-первых, все публикации были санкционированы заказчиками, а во-вторых, подлинные названия некоторых фирм были заменены псевдонимами.

Экспертиза 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

В Комитет по рассмотрению обращений
и практике применения норм
саморегулирования и законодательства

Уважаемый г-н Бадалов!

В ответ на ваш запрос относительно характера рекламной ударной фразы (слогана) «Полный писец/песец», прозвучавшей по радио, сообщаем. Массовокоммуникативные тексты являются важным, хотя и не единственным источником формирования русской речевой культуры. Но именно они в последние годы как бы узаконили употребление грубопросторечных и матерных слов там, где традиционно использовалась только литературная речь. В родной русской речи и в отечественном массовом сознании накопилось столько «грязи», что недопустимо ее умножать тиражированием в средствах массовой коммуникации.

Несомненно, что в основе интересующего Вас выражения — слогана из рекламного спота — лежит *матерная фраза* «Полный пи...ц». Эта фраза выражает крайне негативную оценку некоторой ситуации. Очевидно, что ее негативнооценочная целеустановка не имеет ничего общего с позитивнооценочной коммуникативной установкой слогана как типового «ударного элемента», характерного для рекламных текстов. Почему же стало возможным использование непристойной фразы в качестве модели, образца для придумывания не существовавшей ранее в русской речи фразы «Полный писец/песец»? Потому что это модно в среде молодых русских журналистов, потому что считается «крутым» употреблять такие непристойные намеки и быть уверенным в своей безнаказанности: ведь ни одно слово в этом слогане не имеет запретительной пометки в толковых словарях, равно как вся эта фраза отсутствует в словарях жаргонных, бранных и матерных выражений. Формально к ней не придерешься. Однако всякий русский человек знает, что анализируемая фраза неприлична, основываясь на так называемых фоновых знаниях. Такая скрытая, «застенчивая», но однозначно понимаемая русской аудиторией матерщина в текстах «МК» или на устах русской интеллигенции гораздо хуже, чем неприкрытый мат у пивного ларька. Даже в отсутствие словарных показаний о неприличности составляющих данную фразу слов ее смысл может быть оценен как неприличный (матерный) на основании непристойных

подтекстовых значений (ассоциаций), однозначно идентифицируемых русским языковым сознанием и/или выявляемых с помощью экспертного лингвистического анализа. К таким фразам должно относиться со всей строгостью и не допускать их в эфир.

Декан ф-та журналистики МГУ

профессор

(Я.Н. Засурский)

Зав.кафедрой стилистики русского языка

профессор

(Г.Я. Солганик)

Доцент кафедры стилистики

(Е.С. Кара-Мурза)

Лингвистический комментарий

Задача рекламного текста, как ее понимают некоторые копирайтеры, — любыми средствами привлечь к своему товару внимание аудитории, уже пресыщенной рекламой, идущей по всем каналам. Ради этого они готовы использовать любые «сильнодействующие» средства русского языка. Как правило, основную содержательную и эмоциональную нагрузку в рекламном тексте несет на себе такой элемент, как слоган.

Слоган — это «ударная фраза», которая должна привлечь внимание аудитории, способствовать запоминанию текста и даже приобретению товара. Но лексика слогана может и вовсе не быть тематически связана с основным текстом рекламы или с рекламируемым товаром (как в слогане рекламы одного сорта американских сигарет «Понимание приходит с возрастом», где на плакате изображен молодой мужчина, курящий сигарету рекламируемой фирмы). Слоган в таком случае является просто выражением некоторой положительной эмоции или обобщенным императивом (побуждением). Таким побуждением можно считать, например, употребление в общей речи морской команды «Полный вперед!» Форма этой общеизвестной команды повлияла на форму анализируемого слогана. Еще большее влияние на авторов оказала *матерная фраза* «Полный пи...ц». Экспрессивность выражения «Полный писец» как раз и обусловлена тем, что оно служит игровым заменителем — эвфемизмом — этого словосочетания.

Матерщина в современном русском языке — это рудимент славянских языческих заклинаний, применявшихся в земледельческой магии для повышения плодородия земли и семьи, для отпугивания злых духов, а также в проклинательных обрядах, направленных на изгнание человека из общины или причинение ему какого-либо вреда. Первичная функция этих формул забыта, но одушевлявшая их магическая энергия до сих пор как будто продолжает действовать, выпуская наружу гнев и ненависть говорящего и нанося моральный ущерб адресату брани. Даже в тех случаях, когда матерное выражение десемантизировалось, потеряв ругательный смысл, и превратилось в междометие — словесную оболочку какой-либо эмоции — или даже

в «слово-паразит», неощутительно употребляемое в потоке малограмотной речи, — даже в этих случаях его использование оскорбляет общественную нравственность.

Из прецедента с употреблением слогана «Полный писец!» можно сделать такие выводы. Во-первых, «хитрость» анализируемого слогана и подобных ему выражений заключается в том, что они «заимствуют» шокирующую выразительность у матерных прототипов, притом что в их составе нет ни одного неприличного или нелитературного слова. Поэтому нельзя запретить их, если основываться на словарных данных. Однако современный филологический инструментарий позволяет выявлять истинное значение таких фраз, исходя из коммуникативного намерения (интенции) автора — построить заведомо эффектную фразу (например, рекламный слоган) на нарочитом созвучии (так называемой паронимазии) с непристойным выражением. Дело в том, что смысл любой фразы не выводится «арифметически» из суммы значений составляющих ее слов. Значение любого предложения формируется и понимается носителями языка по правилам «высшего (хотя и стихийного) языкознания», складываясь не только из словарных (предметных и стилистических) значений ее слов, но и из культурных (фоновых) знаний, общих для говорящего и слушающего, а главное — из понимания коммуникативного замысла говорящего: из его намерения относительно мыслей или действий предполагаемой аудитории. Такая сложная смысловая система предложения — научно установленный лингвистами факт, и к нему следует апеллировать при редакторском или экспертном анализе массовокоммуникативных текстов в случае двусмысленности, особенно двусмысленности непристойной.

Во-вторых, из признания фразы непристойной должен следовать запрет на ее употребление в общественных местах, публичных ситуациях и в массовой коммуникации, в присутствии женщин, детей, лиц старшего возраста. За перестроечные годы употребление непечатных слов было обосновано либеральными авангардными журналистами исходя из таких понятий, как свобода слова в СМИ и свобода самовыражения творческой личности. Однако следует различать специфику художественной словесности, которая обращается к табуированной лексике как к сверхсильному выразительному средству, адекватному нашей эпохе с ее запредельными проблемами, и специфику массовой коммуникации, обеспечивающей актуальной информацией и политико-экономическим комментарием огромную аудиторию, в которой есть и стар и млад. Поэтому, никоим образом не допуская возрождения цензуры политической, может быть, надо в СМИ учредить корпоративную этическую цензуру, которая препятствовала бы употреблению слов, оборотов речи, оскорбляющих общественную нравственность. Может быть, следовало бы разработать правила профессионального речевого поведения журналистов и рекламистов, согласно которым не допускалось бы использование в средствах массовой коммуникации (СМК) инвек-

тивной лексики, даже если эта лексика употреблена не с целью оскорбления какого-нибудь частного или официального лица или же общественного института, а в качестве экспрессивного выражения, для своеобразно понимаемой красоты слога. Характерно, что предложение о *декриминализации* оскорбления (при *гражданско-правовой ответственности обидчика*) и сохранении *уголовной ответственности* в случаях использования «*нецензурной*», «*площадной*», проще говоря, *матерной брани* и ее *модификаций*, имеющих всем понятный смысл и конкретного адресата, что легко доказуемо, высказано в книге А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой «Масс-медиа в России. Законы. Конфликты. Правонарушения. 1996-1997» (М., 1998), вышедшей под эгидой Фонда защиты гласности. В одном из законопроектов о русском языке как государственном, подготовленном в Госдуме, также предлагаются различные санкции за неприличные выражения в СМИ — и в этом предложении есть свои резоны. В любом случае нетерпимое отношение к непристойностям в эфире должно быть сформировано у журналистов всех профессий: публицистов, репортеров, рекламистов, редакторов.

Экспертиза 2

ЗАПРОС

Заведующему кафедрой стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ
профессору д.ф.н. Солганику Г.Я.
от директора департамента развития
фирмы «СКАНМАРКЕТ»
Кривошеева А.А.

Уважаемый Григорий Яковлевич!

Обращаюсь на Вашу кафедру с просьбой о лингвистической экспертизе ряда имен, предложенных нашей фирмой для нового продукта электронного издательства ООО «Равновесие-Медиа» — комплекта компакт-дисков. В нем содержатся полные материалы российского и московского законодательства, предназначенные преимущественно для юридической и бухгалтерской аудитории. Список имен с обоснованием прилагается.

16.02.2000

(подпись) А.А. Кривошеев

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Уважаемый Александр Александрович!

Лингвистическая экспертиза вариантов названий для выходящего на рынок продукта ООО «Равновесие-Медиа» была осуществлена доцентом кафедры, кандидатом филологических наук Е.С. Кара-Мурзой под руко-

водством заведующего кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики МГУ, профессора, доктора филологических наук Г.Я. Солганика. Продукт представляет собой комплект из двух компакт-дисков, содержащих полные материалы российского и московского законодательства. Ваша фирма предлагает ряд названий и просит определить наиболее удачное.

Прежде всего хочется отметить высокий уровень профессионализма, с которым сотрудники Вашей фирмы подошли к поставленной задаче и который отразился на уровне представленных на кафедру материалов. Среди нескольких вариантов наименования продукта по своей информационной емкости и эмоциональной насыщенности, безусловно, выделяется вариант «Энциклопедия Российского Права. Федеральный свод» для первого компакт-диска комплекта и «Энциклопедия Российского Права. Московский свод» — для второго. Мы поддерживаем именно это предложение разработчиков, и вот почему.

Во-первых, представляется оправданным двухчастное наименование. Сохранение в его первой части имени предыдущего продукта фирмы «Равновесие-Медиа» — компакт-диска «Энциклопедия Российского Права» («ЭРП») — демонстрирует преемственность данных электронных изданий, обеспечивает узнаваемость и задает масштаб нового продукта фирмы. Во-вторых, вторая часть наименования формирует представление о характере издания — справочника энциклопедического объема и уточняет содержание каждого диска из комплекта.

Ключевым, ударным элементом второй части названия является многозначное слово СВОД. Лингвостилистический анализ данного слова позволяет оценить его предполагаемую маркетинговую эффективность. Богатство его предметного и эмоционально-образного значения делает предложенный вариант именованья самым выигрышным.

Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1997), основное значение слова СВОД — «сведенные в одно целое и расположенные в известном порядке сведения, материалы, тексты», что иллюстрируется примерами «свод законов», «летописный свод». А по «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля (2-е изд., исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М., 1999) «свод законов» объясняется как «соединенье их в одно целое, по смыслу, и в одну книгу». Из русской истории мы знаем, что окончание более чем 200-летней работы над законодательством Русского государства, начатой еще первыми Романовыми, ознаменовалось выпуском в 1830 г. Полного собрания законов Российской империи в 45 томах (с 1649 по 1825 гг.), а по нему под руководством М.М. Сперанского был составлен Свод законов Российской империи в 16 томах, согласно которому страна жила до 1917 г. Так что для русского языкового сознания слово СВОД ассоциируется в первую очередь с совокупностью отечественных законов

во всей их полноте, с основательной, полномасштабной законодательской и издательской деятельностью.

Кроме того, хотя слово СВОД и не имеет ограничительных помет ни в «Толковом словаре» Ожегова — Шведовой, ни в четырехтомном (малом академическом) «Словаре русского языка» (изд. 3-е, стереотип. М., 1988), оно малоупотребительное, ассоциируется со стародавними реалиями, а потому имеет легкий, но отчетливый коннотативный оттенок архаичности, почтенной старины. Концепт (вербализованное понятие) СВОД ЗАКОНОВ в силу исторических ассоциаций возвращает к государственным ценностям имперского периода. Когда читатель и потенциальный пользователь, особенно человек культурный (на какого и рассчитан продукт ООО «Равновесие-Медиа»), берет в руки издание, в заглавии которого присутствует многозначное слово СВОД, в его языковом сознании возникают не контролируемые рационально позитивнооценочные, эмоционально насыщенные коннотации, которые становятся дополнительным аргументом для покупки.

Скажем больше. Стилистические потенции слова СВОД увеличиваются и благодаря тому, что у него есть не только «правовые», но и «архитектурные» аспекты. Еще одно его значение, фиксируемое во всех словарях, — это «дугообразное перекрытие, соединяющее стены, опоры какого-н. сооружения, а также внутренняя верхняя часть чего-н., напоминающая такое перекрытие. *Каменный, деревянный с. Готический с.*» («Толковый словарь» Ожегова — Шведовой). В русском культурном ареале, центром которого является как раз Москва, слово СВОД может вызвать дополнительные позитивные ассоциации с красотой православных храмов, под сводами которых хоть раз в жизни доводилось бывать потенциальному пользователю компакт-дисков «ЭРП. Федеральный свод» и «ЭРП. Московский свод».

Наконец, «архитектурные» ассоциации дают возможность интересно оформительского решения. Фотографии московских храмов с их величественными сводами могут пойти на обложку и всего компакт-диска, и только его московского раздела. Таким способом имя продукта как один из существенных рекламных компонентов можно органично встроить в то «послание», которое несет в себе упаковка — тоже немаловажный фактор продажи.

Итак, наиболее маркетингологически грамотным, т.е. таким, которое наиболее полно отражает содержание электронного энциклопедического издания и максимально насыщено позитивнооценочными ассоциациями, является для данного комплекта название «Энциклопедия Российского Права. Федеральный свод» и «Энциклопедия Российского Права. Московский свод».

Зав.кафедрой стилистики русского языка
проф., д.ф.н.
Доцент, к.ф.н.

(подпись) Г.Я. Солганик
(подпись) Е.С. Кара-Мурза

Лингвистический комментарий

Имянарекение продукта, выходящего на рынок, является делом не менее, если не более ответственным, чем имянарекение младенца. Название товара или услуги является минимальным рекламным произведением, и подходить к его созданию надо как к одному из важных элементов маркетинговой стратегии фирмы. Коммерческое имя, особенно если оно создается для товара, предлагаемого на относительно насыщенном рынке, должно отвечать ряду требований. Прежде всего оно должно отчетливо позиционировать продукт на фоне других предложений данной товарной категории. Оно должно быть ориентировано на определенный сегмент рынка, формируя предполагаемую аудиторию. Кроме того, ему следует быть легко запоминаемым, в частности за счет ассоциативных связей с названиями аналогичных продуктов. Однако ему следует и отличаться от них, обладать отчетливой индивидуальностью. Наконец, желательно, чтобы имя продукта было созвучно эпохе, чтобы в нем отобразились актуальные тенденции российского самосознания.

С этими критериями эксперты подошли к поставленной перед ними задаче — оценить предложенные варианты и помочь выбрать имя для компакт-диска.

На основании ряда лингвистических экспертиз, связанных с коммерческим именотворчеством, мы уже можем сделать выводы и сформулировать рекомендации. Для разработчиков коммерческих имен желательно владеть филологическим инструментарием, помогающим анализировать предметно-понятийные и образно-эмоциональные компоненты значений слов — потенциальных имен. Динамика языковой эволюции последних 15 лет такова, что на первый план выдвигаются не только инновационные процессы, ведущие к обновлению словарного фонда русского языка за счет слов только что созданных (неологизмов) или недавно заимствованных (преимущественно из американского варианта английского языка). Выразительные ресурсы языка пополняются также благодаря социокультурному процессу «возвращения к истокам» за счет так называемой актуализированной лексики — т.е. слов, вышедших из употребления при советской власти в основном по идеологическим причинам и по тем же причинам возвращаемых нашими современниками в активный речевой обиход. Имеются в виду слова вроде «дума», «гимназия», «казаки» и т.д. Как показывает массовая практика имянарекения все новых и новых фирм, учреждений, потребительских товаров, партий продуктов и пр., которая являет себя в городской информационно-рекламной среде: на вывесках, плакатах, щитах и проч., — при создании коммерческого имени продуктивно использование как эффекта новизны, так и эффекта старины. Другое дело, что зачастую именотворцы не умеют соотносить коннотации коммерческого имени и товарной категории, и тогда возникают

такие неудачные названия: рынок «Китеж», банк «Пересвет», типографская фирма «Радуница» (так древние славяне называли день поминовения предков).

Немаловажным свойством потенциального коммерческого имени является также возможность представить его в визуальном образе — шрифтовом и изобразительном, как это можно сделать со словом СВОД. Ведь для рекламных текстов характерен прием полисемииозиса — т.е. создания текста с помощью компонентов разных знаковых систем: словесной, шрифтовой, графико-иллюстративной, изобразительно-символической. При продвижении товара разноприродные приемы рекламной стратегии поддерживают и усиливают убедительность друг друга, обеспечивая мулятивный эффект.

Экспертиза 3

ЗАПРОС

Заведующему кафедрой стилистики русского языка
профессору Солганику Г.Я.
от директора по маркетингу ОАО «САН»
Безручко Г.Г.

Уважаемый Григорий Яковлевич!

Прошу ответить, правильно ли с точки зрения соблюдения литературных норм написан текст рекламной листовки, подготовленной сотрудниками нашей фирмы, в частности предложение «В настоящее время только ОАО «САН», единственный в России, использует технологию литья под давлением». Рекламная листовка прилагается.

С уважением

(подпись) (Г.Г. Безручко)

РЕЗУЛЬТАТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Директору по маркетингу ОАО «САН»

г-ну Безручко Г.Г.

На кафедру стилистики русского языка факультета журналистики МГУ поступил запрос от Вашей фирмы по поводу грамматической правильности предложения «В настоящий момент только ОАО «САН», единственный в России, использует технологию литья под давлением». Эта фраза является частью текста рекламной листовки (оригинал прилагается).

Экспертизу осуществляли заведующий кафедрой стилистики русского языка профессор, доктор филологических наук Г.Я. Солганик и доцент той же кафедры, кандидат филологических наук Е.С. Кара-Мурза.

В анализируемой фразе допущена ошибка, которую эксперты квалифицируют как грамматическую. Здесь нарушена закономерность согласования постпозитивного определения, которое выражено прилагательным с зависимым словом, с подлежащим, которое выражено буквенной аббревиатурой ОАО, расшифровываемой как «Открытое акционерное общество», и которое к тому же имеет приложение «САН» — тоже аббревиатуру. Прилагательное должно иметь форму среднего рода («единственное»), а не мужского, как в листовке, так как оно зависит не от приложения «САН», а от подлежащего — опорного существительного ОАО, относящегося к среднему роду по правилу определения грамматического рода у аббревиатур: род зависит от опорного слова, таковым здесь является существительное «общество». В свою очередь грамматический род слоговой аббревиатуры «САН» определяется аналогично родовым формам у подобных аббревиатур: «вуз», «ТАСС» и др., т.е. по их сходству с существительными мужского рода с нулевым окончанием. Анализируемая фраза нормативно должна иметь такой вид: «В настоящее время только ОАО «САН», единственное в России, использует технологию литья под давлением».

Подводя итоги экспертизы, следует сказать, что грамматические ошибки подобного рода — связанные с выбором согласуемых форм в осложненных синтаксических конструкциях — специалисты по русскому языку называют *стилистическими*. Они не являются грубыми, не влияют на понимание текста, как правило, не фиксируются массовым читателем. Маловероятно, что такие погрешности побудят потенциального потребителя отказаться от покупки рекламируемой продукции, а тем более приведут к дискредитации фирмы, в чьей рекламной продукции подобная ошибка допущена.

Зав. кафедрой стилистики русского языка
профессор, д.ф.н.
Доцент, к.ф.н.

(подпись) Г.Я. Солганик
(подпись) Е.С. Кара-Мурза

Комментарий филолога

При том, что масштаб подобной стилистической ошибки кажется невеликим на фоне ошибок этического характера, связанных с употреблением неприличных выражений и тем более с нарушениями законности при опубликовании рекламы, тем не менее и здесь есть своя «цена вопроса». Речь в данном случае шла о том, нужно ли пускать под нож отпечатанный тираж и тратить на новый еще порядка 1,5 тысячи долларов, а также следует ли «наказывать рублем» сотрудников, не заметивших ошибку в оригинал-макете. Квалификация ошибки как стилистической, т.е. — в данном случае — малозаметной для массового читателя и неспособной дискредитировать фирму, спасла ситуацию.

Лингвостилистическую характеристику эксперты вели на синтаксическом уровне, начав с анализа по членам предложения, а также определив, каковы морфологические и словообразовательные особенности слов, которыми выражены главные и второстепенные члены предложения.

Нормативная стилистика утверждает, что родовая форма сказуемого и/или согласованного определения должна зависеть только от грамматической формы подлежащего и/или определяемого слова и не зависит от грамматического рода приложения — еще одного специфического определения к опорному слову (Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1998; Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997). Однако допущенная стилистическая ошибка носит негрубый характер, поскольку возникла в сложном языковом контексте: согласованное определение оказалось в постпозиции. Кроме того, оно отделено от определяемого слова ОАО, относящегося к среднему роду, существительным «САН» — неологизмом, предположительно (поскольку нет соответствующей словарной фиксации) функционирующим как слово мужского рода. Контактная позиция существительного «САН» обусловила некорректное употребление прилагательного «единственный» в мужском роде. Экспертам было известно, что условия подготовки данной рекламной листовки к печати также не способствовали стилистической точности формулировок. А ведь это важные для осуществления речевой деятельности экстралингвистические факторы, которые также необходимо учитывать в лингвостилистическом анализе.

ДОКУМЕНТАЦИОННЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО АРБИТРАЖНЫМ И ИНЫМ СПОРАМ: ПРИМЕРЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 1

СТАТЬЯ 111 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- **Основание для проведения исследования:** запрос судьи Конституционного суда Российской Федерации Олейника В.И. № К-423-922 от 03.09.1998 в Институт русского языка РАН
- **Исследователи:** Л.П. Крысин, Ю.А. Сафонова

* * *

Согласно словарям русского языка слово *кандидатура* имеет два значения:

1. Лицо, которое предполагается к избранию, назначению или приему куда-н., то же, что кандидат. *Подходящая, неподходящая, возможная кандидатура*. Коротко 1 знач. может быть сформулировано так: кандидат (лицо);

2. чья или кого. Право или возможность кого-н. стать кандидатом, то есть лицом, которое предполагается к избранию, назначению или приему куда-н. *Выставить, выдвинуть, снять чью-н. кандидатуру. Обсуждать чью-н. кандидатуру*¹.

Коротко 2 знач. может быть сформулировано так: право или возможность стать кандидатом.

В тексте статьи 111 Конституции РФ слово *кандидатура* употребляетс-я в ч. 2 (дважды), ч. 3 (дважды), ч. 4, и при этом неясно, какое из указанных значений этого слова имеется в виду:

(1) ч. 2 (первый раз) — *Предложение о кандидатуре Председателя Правительства ... = Предложение о лице, рекомендованном/ претендующем на должность....* или *о чем-либо праве претендовать на эту должность?*

(2) ч. 2 (второй раз) — *либо в течение недели со дня отклонения кандидатуры... = либо в течение недели со дня отклонения лица, рекомендованного/ претендующего на должность...* или *права этого лица претендовать на указанную должность?*

¹ См.: С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997, стр. 263; Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. 1986, стр. 26; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1950–1965, т. 5. М., 1956, стлб. 749–751; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998, стр. 298.

(3) ч. 3 (первый раз) — *Государственная Дума рассматривает ... представленную кандидатуру... = Государственная Дума рассматривает представленное лицо, рекомендованное/ претендующее на должность.. = Государственная Дума рассматривает кандидата, рекомендованного/ претендующего на должность...*

(4) ч. 3 (второй раз) — *Государственная Дума рассматривает... в течение недели со дня внесения предложения о кандидатуре = Государственная Дума рассматривает... в течение недели со дня внесения предложения о лице, рекомендуемом/ претендующем на должность...*

(5) ч. 4 — *После трехкратного отклонения представленных кандидатур... = После трехкратного отклонения представленных лиц, рекомендованных/ претендующих на должность = После трехкратного отклонения представленных кандидатов на должность...*

Как видим, контекст ст. 111 Конституции РФ недостаточен для определения, в каком из значений употреблено слово *кандидатура*.

Неопределенности употребления слова *кандидатура* и его толкования в тексте можно было бы избежать, прямо указав допустимое количество кандидатур, как это сделано, например, в следующем законодательном тексте: «*В случае отклонения предложенной на должность Председателя банка России кандидатуры Президент Российской Федерации в течение двух недель вносит новую кандидатуру. Одна кандидатура не может вноситься более двух раз*».

Резюмируем сказанное.

В тексте статьи 111 Конституции Российской Федерации не содержится достаточных оснований для определенного (однозначного) толкования слова *кандидатура*. В случае, если в дальнейшем текст Конституции будет перерабатываться, формулировки статьи, содержащие слово *кандидатура*, необходимо уточнить.

Заместитель директора ИРЯ РАН
ведущий научный сотрудник
доктор филологических наук

Л. П. Крысин

Старший научный сотрудник
Отдела грамматики и лексикологии
кандидат филологических наук

Ю. А. Сафонова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 2

ПУНКТ 6 УКАЗА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 96 «О ВТОРОМ ЭТАПЕ ПРИВАТИЗАЦИИ В Г.МОСКВЕ» от 6.02.1995

• **Основание для проведения исследования:** запрос адвоката фирмы «Фрешфилдс Брукхаус Дерингер» Н.А. Селякова № 107371-0009 от 23.10.2001 г. в Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам.

• **Исследователь:** М.В. Горбаневский.

* * *

город Москва

25 октября 2001 г.

Я, профессор Горбаневский Михаил Викторович (научный лингвистический стаж — 24 года), председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, на основании запроса адвоката фирмы «Фрешфилдс Брукхаус Дерингер» г-на Селякова Н. от 23 октября 2001 г. № 107371-0009 произвел лингвистическое исследование фрагмента (пункта 6) Указа Президента Российской Федерации № 96 «О втором этапе приватизации в г. Москве» от 6 февраля 1995 г.

В распоряжение специалиста были предоставлены следующие материалы:

Официальные тексты фрагмента (пункта 6) Указа Президента Российской Федерации № 96 «О втором этапе приватизации в г.Москве» от 6 февраля 1995 г., опубликованные в «Российской газете» (№ 30 от 9 февраля 1995 г.) и в «Собрании законодательства РФ» (№ 7 от 13 февраля 1995 г., ст. 510) — *далее в тексте настоящей экспертизы: Фрагмента.*

Тексты фрагмента, опубликованные в обоих изданиях, являются идентичными.

Ниже приведен полный текст фрагмента:

б. Установить, что продажа сданных в аренду объектов нежилого фонда на территории г.Москвы осуществляется по цене, определяемой с учетом рыночной конъюнктуры, в порядке, разрабатываемом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой».

Для заключения эксперта поставлены следующие вопросы:

1. Следует ли из содержания указанного фрагмента, что продажа сданных в аренду объектов нежилого фонда на территории г. Москвы осуществляется в порядке, разрабатываемом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой, и по цене, определяемой с учетом рыночной конъюнктуры?

2. Является ли толкование фрагмента, приведенное в п. 1, однозначным, и допускает ли фрагмент иное толкование?

Анализ фрагмента

Фрагмент представляет собой один из примеров классического сложного предложения — синтаксической единицы, состоящей, по определению академических грамматик, из двух (и более) связанных между собой содержательно и формально частей, каждая из которых обладает категорией предикативности (Русский язык: Энциклопедия. М., 1997, с. 513), т.е. основным ключевым признаком предложения, относящим информацию к действительности и тем самым формирующим единицу, предназначенную для сообщения (Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990, с. 392).

Фрагмент относится к типу сложноподчиненных предложений. Сложноподчиненное предложение есть сложное предложение, которое состоит из простых, связанных между собой зависимыми отношениями: одно из них (главное) подчиняет другое (придаточное), в состав которого обязательно входит союз (или союзное слово), осуществляющий его связь с главным (Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф. Русский язык: Словарь-справочник. Ростов-на-Дону. М., 1997, с. 171). Таким образом, сложноподчиненное предложение состоит из двух неравнозначных предикативных частей, связь которых и выражение отношений между которыми осуществляются с помощью формальных показателей — подчинительных союзов и союзных слов (Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991, с. 354).

Рассматриваемый Фрагмент состоит из главного — инфинитивного по классификационному типу — предложения *Установить* и придаточного изъяснительного предложения *продажа сданных в аренду объектов нежилого фонда на территории г. Москвы осуществляется по цене, определяемой с учетом рыночной конъюнктуры, в порядке, разрабатываемом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой*. Связь главного и придаточного предложений осуществляется при помощи подчинительного союза *что*, перед которым ставится запятая, как того требуют действующие «Правила русской орфографии и пунктуации» (Раздел XXVIII. Знаки препинания в сложноподчиненном предложении. § 107. Запятая между главным и придаточным предложениями) (Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997, с. 145–146).

Придаточное изъяснительное предложение *продажа сданных в аренду объектов нежилого фонда на территории г. Москвы осуществляется по цене, определяемой с учетом рыночной конъюнктуры, в порядке, разрабатыва-*

емом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой по классификационному типу являет двусоставным, простым, полным и распространенным.

Структурная схема любого русского двусоставного предложения организуется двумя главными членами — подлежащим и сказуемым, грамматически координированными, т.е. формально уподобленными друг другу.

В указанном двусоставном предложении существительное *продажа* выполняет функцию подлежащего, а возвратный глагол *осуществляется* выполняет функцию простого глагольного сказуемого. Каждый из этих двух главных членов обладает группой зависящих (грамматически и логически) от него второстепенных членов.

В группу подлежащего входят: косвенное дополнение *объектов*, распространенное определение *сданных в аренду* (относящееся к слову *объектов*), косвенное дополнение *фонда*, согласованное определение *нежилого* (относящегося к слову *фонда*).

В группу сказуемого входят: обстоятельство образа действия *по цене*, распространенное согласованное определение *определяемой с учетом рыночной конъюнктуры* (выраженное обособленным причастным оборотом и относящееся к слову *цене*), обстоятельство образа действия *в порядке* (относящееся к сказуемому *осуществляется*), распространенное согласованное определение *разрабатываемом Правительством Москвы* (выраженное обособленным причастным оборотом) и распространенное согласованное определение *утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой* (выраженное обособленным причастным оборотом). Следует заметить, что поскольку определения *разрабатываемом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой* являются однородными второстепенными членами предложения, относящимися к одному и тому же определяемому слову, то запятая перед сочинительным союзом *и*, их соединяющим, не ставится (Былинский К.И., Никольский Н.Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1970, с. 107–111. XIX. Пунктуация при однородных членах предложения).

Обособление определений *определяемой с учетом рыночной конъюнктуры* (относящегося к существительному *цене*) и *разрабатываемом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой* (относящихся к существительному *порядке*), требующее постановки запятой, происходит в анализируемом предложении по одному и тому же правилу, гласящему, что «обособляются (отделяются запятой, а в середине предложения выделяются с двух сторон запятыми) распространенные определения, выраженные причастием или прилагательным с зависимыми от них словами и стоящие после определяемого существительного или субстантивированного слова» (Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997, с.108).

Таким образом, словосочетание *в порядке* с очевидностью является в анализируемом простом предложении членом группы сказуемого *осуществляется*, зависит от него логически и синтаксически, выполняя роль обстоятельства образа действия и отвечает на вопрос «как?». Словосочетание *в порядке* не относится к обособленному определению *определяемой с учетом рыночной конъюнктуры*, выраженному причастным оборотом, зависящим грамматически и логически от существительного *цене*. Запятая после слова *конъюнктуры* закрывает данный обособленный причастный оборот (определение) в середине предложения в полном соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» (Раздел XXIV. Знаки препинания в предложении с обособленными членами. § 92. Обособленные определения).

В результате проведенного исследования специалист пришел к следующим выводам:

1. Из объективной синтаксической схемы Фрагмента, подтвержденной логическими и функциональными связями его компонентов-слов как членов сложноподчиненного предложения, осложненного причастными оборотами, выполняющими роль распространенных обособленных определений во втором простом предложении, и поддержанной нормативной расстановкой знаков препинания, следует, что продажа сданных в аренду объектов нежилого фонда на территории г. Москвы осуществляется в порядке, разрабатываемом Правительством Москвы и утверждаемом (принимаемом) Московской городской Думой, и по цене, определяемой с учетом рыночной конъюнктуры.

2. Толкование Фрагмента, приведенное в п. 1, является однозначным. Фрагмент не допускает иного толкования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 3

СЛОВО «ПРЕМИУМ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

• **Основание для проведения исследования:** запрос юриста закрытого акционерного общества «Группа компаний Премиум», кандидата юридических наук А.В.Ролика от 06.06.2002 г. в Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

• **Исследователи:** Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, Е.С. Карамурза, А.С. Мамонтов

* * *

г. Москва

21 июня 2002 г.

Комиссия специалистов в следующем составе:

— действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук,

профессор Бельчиков Юлий Абрамович (научно-исследовательский лингвистический стаж — 49 лет),

— председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Горбаневский Михаил Викторович (научный лингвистический стаж — 25 лет),

— действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, кандидат филологических наук, доцент Кара-Мурза Елена Станиславовна (научно-исследовательский лингвистический стаж — 22 года),

— действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, доктор филологических наук, профессор Мамонтов Александр Степанович (научный лингвистический стаж — 25 лет)

на основании запроса юриста закрытого акционерного общества «Группа компаний Премиум», кандидата юридических наук А.В.Ролика от 06.06.2002 г. произвела лингвистическое исследование слова ПРЕМИУМ в современном русском языке.

Исследование начато 7 июня 2002 г.

Исследование закончено 21 июня 2002 г.

На разрешение специалистов поставлены следующие вопросы:

1. *Существует ли в современном русском языке слово «Премиум»?*

2. *Допустимо ли интерпретировать его значение как указание на вид, качество, количество, свойства, назначение, ценность товаров, а также на место и время их производства или сбыта?*

В результате проведенного исследования специалисты пришли к следующим выводам:

Вопрос 1.

Специалистами был проведен анализ толковых словарей современного русского языка (*последних по времени издания*) и словарей иностранных слов, в которых фиксируются особенности значения слова, указываются особые словарные пометы, сигнализирующие о сферах и целях употребления, и приводятся примеры использования слов в свободных и устойчивых сочетаниях.

Наиболее полными и авторитетными словарями русского языка на сегодняшний день являются: «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1999, 4-е изд., дополненное. 80 тыс. слов), «Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения» (СПб., 1998, около 5,5 тыс. слов, возникших за 1985–1997 гг.), «Большой толковый словарь русского языка» (СПб., 2000, около 130

тыс. слов), «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (М., 2001 г., второе изд., стереотипное, более 136 тыс. слов). Ни в одном из указанных толковых словарей слово ПРЕМИУМ не зафиксировано. Это слово отсутствует и в словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 1980-х годов «Новые слова и значения» (СПб., 1997, около 6100 новых слов).

Данный факт может свидетельствовать лишь о том, что даже если слово ПРЕМИУМ и встречается в отдельных русских текстах (например, делового характера), то оно еще только начало осуществлять первые, начальные этапы вхождения в русскую речь (чему в принципе может способствовать его этимологическая и, следовательно, ассоциативная связь со старым и привычным русскому языковому сознанию, общественно-языковой практике заимствованием из европейских языков — словом ПРЕМИЯ), но носители русского языка в массе своей к нему еще не привыкли, а специалисты-лексикографы не успели зафиксировать слово ПРЕМИУМ в словарях русского языка.

Поскольку мы имеем дело с явным лексическим заимствованием из других языков, для экспертизы были привлечены самые последние и полные словари заимствованной, иноязычной лексики: «Толковый словарь иноязычных слов. Изд. 3-е, стереотипное» (М., 2001, 19 тыс. слов) Л.П. Крысина и «Современный словарь иностранных слов (М., 2001, ок.20 тыс. слов). Ни в одном из указанных словарей иностранных слово слово ПРЕМИУМ не зафиксировано.

Члены комиссии специалистов предприняли обращение в терминологический отдел Всероссийского научно-исследовательского института классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ) с просьбой проверить наличие слова ПРЕМИУМ в крупнейших базах данных русской терминологической и специальной лексики. Данный запрос экспертов ГЛЭДИС был связан, в частности, с фиксацией в текстах рекламных видеороликов на ТВ, в некоторых рекламно-информационных текстах печатных СМИ и др. факта существования ряда сортов импортного и отечественного пива, в названии которых присутствует искомое слово. Это, например, «Bavaria Premium» или «Faxe Premium», а также «Столичное Премиум». Согласно информации специалистов терминологического отдела Всероссийского научно-исследовательского института классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ), проверивших списки стандартизованных и справочных терминов ГОСТ и ИСО, включая специальную терминологическую сферу, связанную с ключевым понятием «ПИВО», в перечнях отечественных терминологических и специальных понятий, в том числе в сфере производства ПИВА, в частности в разделе сортов пива (крепкое, оригинальное, светлое, темное), понятие и слово ПРЕМИУМ также отсутствует.

Отсутствие слова в толковых словарях русского языка, в специализированных терминологических базах данных, а также в словарях заимствованных слов русского языка свидетельствует о том, что это слово отсутствует в русском языке, хотя при этом оно может употребляться в русской речи. Этот вывод не есть противоречивое высказывание или лингвистический парадокс, а суждение, основанное на одном из основных лингвистических постулатов. Речь идет о взаимозависимости и одновременно о сущностной разнице между языком как специфическим абстрактным механизмом передачи информации, в системе которого ученые выявляют иерархически организованные единицы и правила их взаимодействия и функционирования, и речью как реализацией этого системного механизма, а именно — речевой деятельностью и речевыми продуктами (текстами).

Поэтому можно утверждать, что слова ПРЕМИУМ в современном русском языке нет, но оно присутствует в русской речи на правах недавно заимствованной и еще не освоенной лексической единицы. В случае со словом ПРЕМИУМ подобная грамматическая и семантическая неосвоенность проявляется в: 1) отсутствии словарной фиксации этого слова в словарях общеупотребительной и специальной лексики и, следовательно, 2) в отсутствии определенного, единообразно толкуемого значения; 3) в узкой, ограниченной сфере его употребления (а именно — как нового, инициируемого рекламными текстами СМИ понятия в области производства и потребления пива), 4) в двойственном написании этого слова (применительно к импортному пиву — на латинице, применительно к отечественному — на кириллице); 5) в отсутствии форм изменения (которых это слово не имеет в отличие от других слов аналогичного происхождения и морфемного состава вроде слова *аквариум* (существительного мужского рода 1-го склонения).

Вопрос 2.

Согласно еще одному лингвистическому постулату, «значение слова есть его употребление». Специалисты изучили *контекст употребления* варваризма ПРЕМИУМ/PREMIUM в русской речи, а также информацию о его происхождении, т.е. о его *этимологических связях*.

Слово ПРЕМИУМ пришло в русскую речь из латыни. Это можно определить по его словообразовательному составу (финальному элементу -УМ, как в слове *аквариум*). Это слово созвучно слову ПРЕМИЯ — и действительно родственно ему. Точнее, русское слово ПРЕМИЯ, пришедшее в наш язык из немецкого языка, как о том свидетельствует ряд словарей, произошло от латинского слова PRAEMIUM, обозначающего, согласно уже упоминавшемуся нами словарю Т.Ф.Ефремовой («Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный»,

М., 2001 г., второе изд., стереотипное, более 136 тыс. слов) «1. Денежное или иное материальное поощрение в награду за что-л. Дополнительное вознаграждение к заработной плате за превышение производственных норм, снижение себестоимости и т.п. 2. Бесплатная придача, прибавление при покупке какого-л. товара, какого-л. количества товара. 3. Вознаграждение одной из сторон, заключающих сделку, за выгодное для контрагента изменение ею условий сделки». У слова ПРЕМИЯ есть производные: *премиальный, премиальные, премировать, премирование, премированный, премировочный*. В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина слово ПРЕМИЯ толкуется так: «ПРЕМИЯ (нем. Praemie из лат. Praemium — награда). Денежное или иное материальное поощрение в награду за что-н. Премиальный — являющийся премией, предназначенный для премии. Премиальные — деньги, являющиеся премией». Эксперты ГЛЭДИС делают вывод, что в русском языке у слова ПРЕМИЯ как ближайшего родственника слова ПРЕМИУМ нет специфического словарно зафиксированного компонента значения «высокое качество», «хорошее свойство» или «большое количество». Однако у слова ПРЕМИЯ есть несомненная позитивно-оценочная коннотация (дополнительное значение, появляющееся у слова в результате его употребления в специфических контекстах и различаемое большинством носителей языка): понятно, что премия — вещь очень хорошая.

Поскольку слово ПРЕМИУМ — латинизм, а латинизмы являются основой так называемого интернационального словарного фонда, постольку следует обратиться к словарям основных европейских языков. В «Большом англо-русском словаре» под ред. проф. И.Р. Гальперина (М., 1972, около 150 тыс. слов) слово PREMIUM зафиксировано. Оно обозначает: 1. награда, премия, вознаграждение; 2. страховая премия, фин. Премия, надбавка, лаж; 3. бирж. приплата к номинальной стоимости; 4. плата за обучение и нек. р. Устойчивое выражение AT A PREMIUM означает «пользующийся большим спросом (особенно ввиду нехватки); очень модный; в моде; в большом почете». Как видим, ряд значений этого многозначного слова близок аналогичным значениям у русского многозначного слова ПРЕМИЯ. Обращаем внимание на наличие у этого английского слова узкоспециальных, терминологических значений и на специфические позитивно-оценочные словарные значения «в моде, в почете». Во «Французско-русском словаре» под ред. проф. К.А. Ганшиной (М., 1971) нет ни слова PREMIE, ни слова PREMIUM. В «Большом немецко-русском словаре» (М., 2001, изд. 8-е, стереотип.) есть слово PRAEMIE, означающее «награда, премия, страховой взнос, дополнительный выигрыш в лотерее», но слова PREMIUM нет.

Это обстоятельство говорит, на наш взгляд, о том, что слово ПРЕМИУМ, ставшее предметом экспертизы, пришло в русскую речь из сфер уз-

копрофессионального употребления и в русском языке в настоящее время используется также в специфической профессиональной области производства пива, по своему лингвистическому статусу являясь иноязычным словом, — ВАРВАРИЗМОМ.

Каково же значение слова ПРЕМИУМ в русской профессиональной речи, если основываться на данных употребления (узуса) и на очевидных этимологических и семантических связях с позитивно-оценочным словом ПРЕМИЯ? Судя по позиции слова ПРЕМИУМ в единственном отмеченном в русской речи номинативном комплексе — фирменном наименовании пива, слово ПРЕМИУМ обозначает не сорт (светлое, янтарное) и не крепость (крепкое) напитка, а именно его качественную характеристику пива. «СТОЛИЧНОЕ ПРЕМИУМ» — это означает «пиво марки «Столичное» высшего сорта, наилучшего качества».

Итак, отсутствие слова ПРЕМИУМ в отечественных реестрах позволяет основывать его семантизацию лишь на узком контексте употребления и на коннотациях, которые имеет слово ПРЕМИУМ в разных европейских языках, включая русский. На наш взгляд, слово ПРЕМИУМ, употребляемое в современной русской речи на правах недавно заимствованной и еще не освоенной лексической единицы (варваризма) имеет отчетливые позитивно-оценочные коннотации (означает качественную характеристику пива) и указывает на качество и ценность товара, применительно к которому это слово употребляется (в настоящий период это связано с различными марками пива).

Поскольку слово ПРЕМИУМ уже находится на первом (но достаточно активном) этапе вхождения в русскую речь, чему способствует его этимологическая и, следовательно, ассоциативная связь со старым и привычным русскому языковому сознанию, общественно-языковой практике заимствованием из европейских языков — словом ПРЕМИЯ, можно прогнозировать, что в обозримом будущем носители русского языка, являющиеся объектом массового воздействия тестов рекламы пива в СМИ (особенно — через ТВ), смогут привыкнуть к слову ПРЕМИУМ, и оно постепенно начнет употребляться в русском языке в качестве освоенной лексической единицы с отчетливыми позитивно-оценочными коннотациями, указывающими на качество и ценность разных товаров и услуг.

**НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ,
РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ПО ТЕМЕ КНИГИ «ЦЕНА СЛОВА»**

Статьи и книги

Составитель: Н.Д. ГОЛЕВ, д. филол. н., проф.

Аверьянова Т.В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источник и основа новых методов судебной экспертизы. М., 1994.

Актуальные проблемы права СМИ: Мат-лы российско-американской конференции / Под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., 1997.

Александров А.С. Юридическая техника — судебная лингвистика — грамматика права // Проблемы юридической техники: Сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.

Аллен Дж.Р., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании // НЗЛ. Вып. 17. М., 1986.

Алпатов В.М. 150 языков и языковая политика 1917—1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997.

Американское диффамационное право и судопроизводство. Обзор законодательства и практики судебной защиты чести и достоинства // Законодательство и практика СМИ. 1997, № 1.

Аналитический обзор результатов мониторинга нарушений, связанных с деятельностью средств массовой информации в Российской Федерации (октябрь — декабрь 1995). М., 1996.

Андреев В.В. Национальный вопрос: Проблемы языковой политики // Политическое управление: теория и практика. М., 1997.

Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: Уч. пос. М., 2001.

Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М., 1994.

Антонов В.Г. Правовая логика: формирование и определенность правовых модальностей // Волгоградский юридический институт МВД России. Волгоград, 1998.

Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники. Нижний Новгород, 2000.

Арапова Г.Ю. Дело IV. Курск // Гласность -2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симонова. М., 2001.

Арбатский Л.А. Толковый словарь русской брани. М., 2000.

Список словарей и справочников см. в Части 2 «Вопросы и ответы», с. 218—219.

- Артемяк Н.Д. Пособие по юридическому переводу. М., 1998.
- Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Аспекты речевой конфликтологии / Под ред С.Г. Ильенко. СПб., 1996.
- Бабаева Э.У. К проблеме отождествления личности по признакам письменной речи // Правоведение. 1968, № 6.
- Базылев В.Н. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000.
- Базылев В.Н. Политический «театр» и «театральная» политика // Политический дискурс в России-4: Мат-лы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 г.) // Под ред. В.Н.Базылева и Ю.С. Сорокина. М., 2000.
- Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
- Баранов В.М. О правовой демагогии. // Нижегородские юридические записки. Сб. науч. тр. Вып. 3. Нижний Новгород, 1997.
- Баранов В.М., Сырых В.М. Законотворческие ошибки: понятие и типология // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст.: В 2 т./ Под ред. В.М. Баранова. Т. 1. Нижний Новгород, 2001.
- Баркалова О.Н. Соотношение диалога и монолога в устной и письменной речи в гражданском судопроизводстве. АКД. М., 1989.
- Баркалова О.Н. Некоторые аспекты соотношения устной и письменной речи в гражданском судопроизводстве. М., 1989.
- Барт Р. Война языков // Барт Р. Изб. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Безлепкина Б.Т. Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. М., 1997.
- Беликов В. Рецензия на книгу: Мокиенко В.М. Словарь русской бранной лексики // Русистика сегодня. 1996, № 3.
- Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.
- Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь (словарь разговорных выражений). М., 1994.
- Белянин В.П. Языковые средства выражения иронии в русском языке // Вестник Центра российской культуры. 1996, № 3.
- Белянин В.П. Ирония в речевом поведении русских // Тез. докл. и сообщений научно-метод. конф. «Современный русский язык: описание и преподавание». Будапешт, 1996.

Белянин В.П. Идеологический язык: социальное и психологическое // Евразия на перекрестке языков и культур. Типология языков и культур. М., 1999.

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М., 2000.

Белянин В.П. Как журналисты играют с именами // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Белянин В.П. Патопсихолингвистический анализ идеологического текста // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Белянин В.П. Психолингвистический аспект вербальной угрозы // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Бердашкевич А. Русский язык как объект правоотношений // Российская юстиция. 2000, № 4.

Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996, № 3.

Бережная Т.Н. Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием. АКД. М., 1986.

Бернацкая А.А. Проблемы экологии языка в современной Германии // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч.-метод. бюл. Вып. 2. Красноярск — Ачинск, 1997.

Блюменкранц М.А. Введение в философию подмены. М., 1994.

Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.

Бодуэн де Куртене И.А. «Блатная музыка» В.Ф. Трахенберга // Бодуэн де Куртене И.А. Изб. тр. по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.

Бойко А.И. Язык проекта УК: проблемы лингвистической культуры // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Ростов-на-Дону, 1996.

Бойко Л.М. Теоретические проблемы законодательной техники: Проблемы совершенствования современного законодательства. М., 1997.

Бойцов А.И. Толкование уголовного закона // Вестник ЛГУ. Сер.6. Вып.3. Л., 1991.

Борисов Ю., Борисова А. Словесное порно // Аргументы и факты. 1998, № 41.

Борисова С.А., Карнаухова М.В. К вопросу о семантическом пространстве политического дискурса // Политический дискурс в России — 4... М., 2000.

Бочарова Т. Кто есть ху? // Законодательство и практика СМИ. 1998, № 6.

Бровкина Ю.Ю. Юрислингвистические аспекты рекламной коммуникации // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Бродская И. Конфиденциальные сведения: способы использования. Правовой смысл понятия «разглашение» // Законодательство и практика СМИ. № 7–8 (59–60), 1999.

Бродская И. Современное состояние законодательства РФ о защите чести и достоинства // Законодательство и практика СМИ. 1999, № 5 (56).

Брушлинская Н.В. Реальное эхо виртуального насилия (по следам выступлений «Московского комсомольца») // Межд. конф. «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития». М., 2001.

Бублик И.Ф. Семиотика вербальной агрессии // Человеческий фактор в правоохранительных системах. Мат-лы межд. научно-практ. конф. «Языки мозга и тела человека: проблемы и практическое использование в деятельности органов внутренних дел». Орел, 1996.

Бугаец А.А. Клевета и оскорбление: почему молчит Уголовный кодекс // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Буданцев Ю.П. Социологические образы. Метод. пос. М., 1977.

Булгакова Л.Н., Захаренко И.В., Красных В.В. «Пиар»: миф или реальность, или Кто кем виляет // Политический дискурс в России-4... М., 2000.

Булгакова Н.Е. К вопросу о классификации языковых ярлыков в диахронии (20-е — 90-е годы XX века) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник России. Риторическая ассоциация. Вып. 1 (8). Красноярск, 1989.

Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как фактор языкового насилия (лингвоэкологический аспект) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Вып. 2. Красноярск-Ачинск, 1997.

Булыгина Е.Ю., Стексова Т.И. Проявление языковой агрессии в СМИ // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Быков В. Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994.

Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

Вайтрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1957.

Васильев А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.

Васильева О.И. Взаимосвязь агрессивного побуждения и отношения к телевизионной рекламе // Проблемы медиапсихологии: Мат-лы секции «Медиапсихология» Межд. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития» М., 2001.

- Васильковский А.** Беспредел // Литературная газета, 12 января, 1990.
- Вежбицка А.** Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // ВЯ, 1993. № 4.
- Вежбицка А.** Речевые акты // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Вендлер З.** Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1997.
- Вепрева И.Т.** «Мы их в сортире замочим», или Штрихи к риторическому портрету В.В. Путина // Политический дискурс в России-4... М., 2000.
- Верховский А., Михайловская Е., Прибыловский В.** Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления политиков. Роль церкви. М., 1999.
- Вешняковская Е.** Можно ли украсть слово? // Наука и жизнь. 1997. № 11.
- Виноградов В.В.** Лингвистические основы научной критики текста. // Вопросы языкознания. 1958. № 2—3.
- Виноградов В.В.** Проблемы авторства и теория стилей. М. 1961.
- Винокуров Г.** Сила закона или нравственный императив // Законодательство и практика СМИ. № 10, 1996.
- Витгенштейн Л.** Философские исследования // НЗЛ. Вып. XVI. М., 1985.
- Власенко Н.А.** Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники: Сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.
- Власенко Н.А.** Язык права. Иркутск, 1997.
- Воеводин Л.Д.** Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Сер. 11. Право, №3, 1997.
- Воинов А.** Юридический аспект защиты чести и достоинства. Теория и практика // Законодательство и практика СМИ. № 1, 1997.
- Волгин И.** Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания // Литературная газета, 25 августа 1993.
- Волкова Н.А.** Современный молодежный жаргон как лингво-экологическая проблема: Тез. докл. Всероссийской межвуз. науч. конф. «Речь города». Омск, 1995.
- Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вопросы реализации Федерального закона «О наименованиях географических объектов»** Постановление Правительства Российской Федерации // Российская газета 24 декабря 1997; продолжение 4 марта 1998.
- Вопросы судебно-психологической экспертизы:** Тематический сб. науч. тр. / Отв. ред. М.М. Коченов. М., 1978.
- Воркачев В.В.** Зависть и ревность: К семантическому представлению моральных чувств в естественном языке // Известия ОЛЯ. 1998. Т. 57. № 3.
- Ворожейкин И.Е.** и др. Конфликтология. М., 2000.

Гаврилов Э. О литературном псевдониме // Законодательство и практика СМИ. 1998, № 12 (52).

Галиева Д.А. К проблеме изучения концептуальных типов значений слов // Вестник Уф. юр. ин-та (МВД России). Уфа, 1999.

Галашина Е.И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве // Цена слова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Галашина Е.И. Теоретические и прикладные основы судебной фоноскопической экспертизы. АДД. Воронеж, 2002.

Галашина Е.И., Комиссаров А.Ю., Боровиков Д.С., Шашкин С.Б. Правовые и методологические аспекты установления факта предварительной подготовки письменных и устных текстов // Криминалистика. 21 век. Мат-лы науч.-практ. конф. 26–28 февраля 200 г. М., 2001.

Герменевтический анализ: филологические аспекты понимания: Уч. пос. / Под общей ред. Н.В. Халиной. Барнаул, 1998.

Глаголев Н.В. Ложная информация и способы ее выражения в тексте // ФН. 1987, № 4.

Гласность -2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симонова. М., 2001.

Гловинкая М.Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е.А. Земской. М., 1998.

ГЛЭДИС нам поможет (Интервью Г. Трофимовой с М.В. Горбаневским) // Дружба (орган Российского университета дружбы народов), 7 декабря 2001 г., № 20 (1186).

Годердзишвили Ц.М. Эволюция государственно-правового оформления статуса языков в истории России и Советского государства // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1992, № 6.

Гойхман О.Я., Надеждина Т.М. Основы речевой коммуникации. М., 1997.

Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» — оскорбительно ли это звание? (о двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 1999.

Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимоотношения с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 2. Новосибирск, 1998.

Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика -2... Барнаул, 2000.

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина) // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Голев Н.Д. Юрислингвистика // Формат: Орган журналистов и полиграфистов. 2002. №1 (5).

Голев Н.Д., Пищальникова В.А. Еще раз о глубине лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую сферу (на материале судебного разбирательства) // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Голева Т.С. Русский язык. Научный стиль речи. Юридический профиль. Академия управления МВД России. М., 1997. 302 с.

Голик Ю.В., Энгвер Н.Н. Национальный вопрос: проблемы языковой политики // Политическое управление: теория и практика. Москва, 1997.

Горбаневский М.В. Выбор слова, суды и экспертиза // Профессия — журналист. 2001, № 9.

Горбаневский М.В. Притча о ... языках. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990.

Горбаневский М.В. Судебные процессы о защите чести и достоинства начинаются с лингвистической экспертизы (интервью М.Агранович) // Российская газета. 2002. 26 апреля.

Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ. М., 1999.

Горбачева Е.В. Лингвистические средства как интеллектуальный компонент информативно-правовых систем // Правовая информатика. Вып. 2. М., 1997.

Горбачева Т. Праздник вербальной свободы (по поводу иностранных заимствований в русском языке) // Независимая газета. 2000. 28 октября.

Грайс Г.В. Логика и речевое общение. //ИЗЛ. Вып. 16. М., 1985.

Грачев М.А. Арго и менталитет русских деклассированных элементов // Лексика, грамматика, текст в свете антрополингвистической лингвистики. Екатеринбург, 1995.

Грачев М.А. Язык из мрака. Блатная музыка и феня. Нижний Новгород, 1992.

Греймас А. Договор вердикции // Язык. Культура. Философия. Вильнюс, 1986.

Григорьев В.П. Культура языка и языковая политика // Русская речь. 1990. № 1.

- Григорьев М.С. «Спецтехнологии в избирательных кампаниях // CD - диск «Психоллингвистика», 2001.
- Григорян Э.А., Харисова Л.Р. Формы государственного устройства и национально-языковая политика // Русский язык как государственный. Материалы международной конференции (Челябинск, 5–6 июня 1997 г.). Москва — Челябинск, 1997.
- Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.
- Гришина Н.В. Психология конфликта. Сбп., 1999.
- Громова О.Н. Конфликтология. М., 1998.
- Грось Л. Еще раз о свободе мнения и защите чести и достоинства // Российская юстиция. 1998. № 9.
- Грось Л. Защита деловой репутации // Хозяйство и право. 1996. № 12.
- Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.
- Губаева Т.В. Грамматико-стилистические особенности юридических терминов (процессуальные документы). АКД. Баку, 1994.
- Губаева Т.В. Прагматика речевого общения в правовой сфере // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994.
- Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. Уч. пос. Казань, 1995.
- Губаева Т.В., Пиголкин А.С. Лингвистические правила законодательной техники // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.
- Губаева Т.В., Шакирова Д.И. Принцип определенности правовой нормы и лингвистическая экспертиза законопроектов // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.
- Гудков Д.Б. Функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России-4... М., 2000.
- Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы филологии. 1989. № 11.
- Гусейнов Г.Ч. Речь и насилие // Век XX и мир. 1998. № 8.
- Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в сфере концепции языковой личности). АКД. Казань, 1994.
- Давыдов Г. Очищение: В защиту русского языка // Литературная Россия, 1995, 6 октября (№ 40).
- Даньковский Х. Словесная агрессия // Наука и жизнь. 1995. № 6.
- Девкин В.Д. Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функционирования стилей. М., 1986.
- Дегтева Е.В. Ягубова М.А. Оценочное слово в языке газеты // Вопросы стилистики. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.
- Дело № 1. Грачев против В.Поэгли. Ст. 131 УК РСФСР. М., 1996.

Дементьев В.В. Ирония как система коммуникативных интенций // Проблемы теории и практики изучения русского языка. Вып. 1. М.; Пенза, 1998.

Дементьев В.В. Косвенная ссора в русской и польской речевых культурах // Язык и общество. Вып. 10. Саратов, 1995.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.

Демьянков В.В. Прагматические основы интерпретации высказывания. // Известия ОЛЯ. Т. 40, 1981.

Демьянков В.В. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия ОЛЯ. 1983. № 4.

Дённенхаус С. Под флагом искренности (лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство») // Жанры речи — 2. Саратов, 1999.

Диксон Ч. Конфликт. Спб., 1997.

Дмитриев А.В., Кудрявцев В.П., Кудрявцев С.В. Юридическая конфликтология. Ч. 1. Введение в общую теорию конфликтов. М., 1993.

Дмитриев А., Латынов В. Брань как второй государственный язык // Общая газета. 16–22 февр., 1995.

Доказательство и понимание/Отв. ред. М.В. Попович. Киев, 1981.

Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы и защита. М., 1996.

Дубровский Д.М. Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994.

Дымарский М.Я. Где находится порог языкового конфликта // Аспекты речевой конфликтологии / Под ред. С.Г. Ильенко. СПб., 1996.

Елистратов В.С. Арго и культура // Словарь московского арго. М., 1994.

Емельянова О.Н. Стилистическая помета в толковом словаре русского языка: к постановке проблемы // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестн. Российск. Риторич. Ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск-Ачинск, 1999.

Енгальчев В.Ф. Юридическая психоллингвистика // Прикладная юридическая психология. М., 2001.

Енгальчев В.Ф. Авторство анонимного текста // CD-диск «Психоллингвистика». 2001.

Ениколопов С.Н. Средства массовой информации и насилие // Проблемы медиапсихологии: Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития» М., МГУ, 2001.

Енина Л.В. Катаргический характер речевой агрессии в сверткесте лозунгов и источники ее смягчения // Вопросы стилистики. Вып. 28... Саратов, 1999.

Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995.

Ермолаев А.К. О лингвистической экспертизе текстов (квалификация половой принадлежности их автора) // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Ефанова Л.Г. К названию закона о вероисповедании // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Ждакаев С. «С языка слетает — на вору не виснет» // Известия. 21 ноября, 1995.

Жельвис В.И. Бранный тезаурус как орудие классовой борьбы // Политический дискурс в России: Мат-лы рабочего совещания. М., 1998.

Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Жельвис В.И. Проблемы проникновения табуированной обсценной лексики в текст художественного произведения // Художественный текст: проблемы изучения. М., 1990.

Жельвис В.И. Психоллингвистическая интерпретация инвективного воздействия. АДД. М., 1992.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психоллингвистическая интерпретация речевого воздействия. Уч. пос. Ярославль, 1990.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Жеребин В.С. Правовая конфликтология. Владимир, 1998.

Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.

Журавлев В.К. Экология русского языка и культуры // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюз. науч. конф. М., 20–23 мая 1991. Доклады. Ч. 1. М., 1991.

Законы и практика СМИ в Европе, Америке и Австралии. М., 1995.

Залевская В.В. «Конфликтогенный» текст как источник судебных исков к СМИ // Человек — коммуникация — текст. Вып. 2. Ч. 1. Барнаул, 1998.

Заяц И.В. Использование лингвистических познаний при расследовании преступлений. АКД. Саратов, 2000.

Златоустова Л.В. Универсальное, групповое и индивидуальное в речи (лингвокриминалистический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность. Межд. конгресс исследователей русского языка. Труды и мат-лы. М., 2001.

Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М., 1993.

Золотарев В. Конституция и свобода слова // Медиа и право. 1996. № 2.

Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста: Уч. пос. М., 1997.

Иваницкий В. Фундаментальный лексикон // Знание — сила. 1994. № 3.

Ивин А.А. Логика норм. М., 1973.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.

Ильенко С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии / Под ред С.Г. Ильенко. СПб., 1996.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.

Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Казанцев В., Коршунов Н. В каких случаях компенсируется моральный вред // Российская юстиция. 1998. № 2.

Как слово наше отзовется // Российская юстиция, № 4, 1998; № 5, 1998; № 6 1998, № 7, 1998 (обзор книги «Понятия чести и достоинства...»).

Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы (на примере работы Правового управления аппарата Государственной Думы Федерального собрания). Науч.-практ. пос. М., 1997.

Капленко В.Н. Инвективность открытая и скрытая // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Каримова Р.А. Текстовое представление в СМИ смысла «сопротивление / несопротивление власти» // Политический дискурс в России-4... М., 2000.

Кестер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика — Russistik. 1993. № 2.

Кирилин К.А. Опровержение и ответ как механизм реализации информационных прав личности: «де-юре» и «де-факто» // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Клемперер В. Язык III рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

«Клонирование» СМИ: хороший результат при минимуме затрат // Законодательство и практика СМИ. 1998. № 11 (51).

Клушина Н.И. Мифологизация речевых средств в языке современной газеты // Русская речь. 1996. № 5.

Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки СМИ // Публицистика и информация в современном обществе / Под ред. Г.Я. Солганика. М., 2000.

Клюканова И.Э. Семиотический фетишизм в межкультурном общении // Политический дискурс в России-4... М., 2000.

Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии — три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1987. № 3.

Ковалев Е.А., Шевчук В.Д. Защита чести, достоинства и деловой репутации в суде // Именем закона. М., 1995.

Колдин В.Я. Экспертиза как инструмент права // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.

Колесников Н.П., Корнилов Е.А. Поле русской брани: Словарь бранных слов и выражений в русской литературе (от Н.С. Баркова и А.С. Пушкина до наших дней). Ростов-на-Дону, 1996.

Колыско Т. Лед тронулся? // Семья. 1990. №7.

Комиссаров А.Ю. К вопросу о криминалистический экспертизе речи // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы: Сб. науч. тр. М., 1997.

Комлев Н.Г. Доведет ли язык до Киева? Судьба языкового и общественного союза // Книжное обозрение. 1998. 18 августа; продолжение — 25 августа 1998.

Комлев Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта // Тез. VI Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1978.

Кормилицына М.А. Есть ли у журналиста право на ошибку? Речевая культура журналистов // Русский язык и культура общения для государственных служащих. Саратов, 1998.

Королева И.И. Имя человека не есть пустой звук // Русская речь. 1997. № 6.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 1999.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001.

Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.

Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних. Науч. редактор проф. А.Р. Ратинов. Москва, 1971.

Кочубей Н.Ю. Лингвистические средства пропагандистского воздействия (на материале правовой прессы Франции). АКД. Киев, 1989.

Крейдлин Г.Е. Таксономия, норма, оценка // Знак. — М., 1994.

Кречетов Д.В. Честь и достоинство (исторический аспект) // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Кротов Я. Оборотни в мире слов // Московские новости. 20 декабря, 1992.

Круг П. Диффамация в российском законодательстве // Законодательство и практика СМИ. № 2, 1994.

Крусс В.И. Юридическая техника — юридическая герменевтика — конституционный порядок // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Куайан У.О. Референция и модальность // НЗЛ. Вып. XIII. М., 1982.

Куватов Э.Ф. Воздействие правовой демагогии на юридическую технику // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.

Кудрявцев М. Способы защиты чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации в современном российском праве // Законодательство и практика СМИ. 1998. № 9—10.

Кузнецов Б.А. Защита чести и достоинства (опыт, проблемы, стратегия и тактика защиты). М., 1996.

Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Купина Н.А., Енина Л.В. Три ступени речевой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Лазарева Э.А. Реклама // Речевая агрессия и гуманизация общения... Екатеринбург, 1997.

Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. Сегед, 1990; то же 3-е изд. М., 2001.

Лебедева Н.Б. Об аспектах юрислингвистики // Актуальные проблемы филологии. Тез. докл. Барнаул, 1998.

Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Лебединская В.А. Шельмование противника как риторический прием // Тез. докл. науч. конф. «Риторика в развитии человечества и общества». Пермь, 1992.

Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1998. № 10.

Лейчик В.М. Идентификация личности по речевому стилю // CD-диск «Психоллингвистика», 2001.

Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Базов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1997.

Личность, речь и юридическая практика. Сб. ст. Волгоград, 1999.

Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.

Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.

Локов И.В. Защита чести и достоинства граждан и организаций в гражданском судопроизводстве: АКД. Л., 1989.

Лунев П.А. От свободы хамства к свободе слова // Журналист. 1992. № 1.

Лысакова И.П. Пресса перестройки. СПб., 1993.

Любимов А.П. Законодательные требования для проведения экспертизы законопроектов // Представительная власть — 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. 2000. № 1.

Любимов Н.А. Конституционное право России: лингвистический аспект. М., 2002.

Любимов Н.А. К вопросу о правовой коммуникации в законотворчестве // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Мазур Т.В. Судебные прения по уголовным делам в суде I инстанции как речевое событие // Уч. зап. Якутского филиала Академии труда и социальных отношений. Вып. 2. Якутск, 1997.

Майданова Л.М. Качество общения через средства массовой информации // Речевая агрессия и гуманизация общения... Екатеринбург, 1997.

Майданова Л.М. Агрессивность и речевая агрессия // Речевая агрессия и гуманизация общения... Екатеринбург, 1997.

Майданова Л.М. Агрессивные положительные портреты // Речевая агрессия и гуманизация общения... Екатеринбург, 1997.

Майданова Л.М., Амиров В.М., Федотовских Т.Г. Агитационные тексты // Речевая агрессия и гуманизация общения... Екатеринбург, 1997.

Макаренко В.А., Погадаев В.А. Языковая ситуация и языковая политика в юго-восточной Азии. Вестник Московского ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1999. № 2.

Макловский Т., Кляйн М., Щиплов А. Жаргон-энциклопедия московской тусовки. М., 1997.

Малеина М.Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации предпринимателя // Законодательство и экономика. 1993. № 24.

Малеина М.Н. Право на имя // Государство и право. 1998. № 5.

Мальцева Р.И. Словарь молодёжного жаргона. КубГУ, 1998.

Мальшева А.Ж. Дело № 5. Ирина Чернова против УВД Волгограда. М., 2000.

Мансурова В.Д. Инстанция истины: о соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Мароголова И.Л. Защита чести и достоинства. М., 1998.

Марусенко М.А. Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание. СПб, 1996.

Мастерская практического опыта: примеры судебных дел, выигранных СМИ в 2000 году // Гласность-2000: Доклад, комментарии, очерки / Под ред. К. Симонова. М., 2001.

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986.

Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности, формируемые в сфере естественной коммуникации // Юрлингвистика-2... Барнаул, 2000.

Международный словарь непристойностей. Путеводитель по скабрёзным словам и неприличным выражениям в русском, итальянском, французском, немецком и английском. М., 1992.

Милославская Д.И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста // Юрлингвистика-2... Барнаул, 2000.

Мирошниченко А.А. Толкование речи: Основы лингво-идеологического анализа. Ростов-на-Дону, 1995.

Михальчук П.П. Прагматический аспект функционирования форм несовершенного вида в законодательных текстах. АКД. Москва, 1993.

Мокиенко В.М. Словарь бранной русской лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями). Берлин, 1995.

Мокиенко В.М. Субстандартная фразеология русского языка и некоторые проблемы ее лингвистического изучения // Динамика русского слова. СПб., 1994.

Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика — Russistik. 1994. № 1–2.

Москаленко Т.А. Информационно-поисковый тезаурус Парламентской библиотеки РФ как интегральное лингвистическое средство обработки документов // Правовая информатика. Вып.2. 1997.

Москаленко Ю.В. Агрессивность в тексте криминальной направленности // Тез. докл. Первой областной конф. Калужского отделения Российского психологического общества. Калуга, 1999.

Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике: Уч. пос. для студентов гуманитарных фак. М., 1996.

Москалькова Т.Н. Честь и достоинство: как их защитить? Уголовно-правовой аспект. М., 1992.

Мульганова Т.Б. Стилистическая принадлежность и жанровые особенности текстов судебно-медицинской экспертизы // Филологический поиск. Вып.2. Волгоград, 1996.

Муравьева Н.В. Риторическая компетенция в профессиональной деятельности журналиста. М., 1999.

Муравьева Н.В. Риторика СМИ. М., 1999.

Муравьева Н.В. Язык конфликта. М., 2002.

Муратов П. Запретные слова // День. 1993. № 21.

Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // ФН. 1978. № 1.

Мыркин В.Я. Текст, подтекст и контекст // ВЯ. 1976. № 2.

Мясников М. Язык мой — враг твой (Общее образовательное пространство: реальность и перспективы) // Российская Федерация. 1995. № 17.

Насилие. Личность. Общество: Тез. науч.-практ. конф. М., 2000.

Некляев С.Э. СМИ в структуре информационно-психологических технологий локального военно-политического конфликта // Проблемы медиапсихологии: Мат-лы секции «Медиапсихология» Межд. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития». М., 2001.

Нерознак В.П. Современная этноязыковая ситуация в России // Известия ОЛЯ. 1994. Т. 53. № 2.

Никитин А.В. Правовой символ как прием юридической техники // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.

Николаева Т.М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980.

Николаева Т.Н. «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1998.

Николина Н.А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество. М., 1996.

Никольский Л.Б. Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.

Никорцов М.Г. Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом. М., 1978.

Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1986.

Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.

Новости от Интерфакса: Пресненский суд Москвы отклонил иск Дмитрия Васильева к НТВ и Евгению Киселеву, назвавшему лидера «Памяти» антисемитом // Законодательство и практика СМИ. 1999. № 4 (56).

Новиков В. Ноблесс оближ: о нашем речевом поведении // Новый мир. 1998. № 1.

Нуждается ли в защите свобода слова: Мат-лы пресс-конф. // Законодательство и практика. 1994. № 2.

О толковом толковании // Поиск. 2001. № 46 (инф. о Лаборатории юрислингвистики и развитии речи Алтайского госун-та)

Огорелков И.В. Современное состояние диагностических исследований в автороведении // Криминалистика. 21 век. Материалы научно-практической конференции 26–28 февраля 2001 г. М., 2001.

Орлова О.В. К вопросу о роли коммуникативного подхода в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Осипов Б.И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Осипов Б.И. Речевое мошенничество — вид уголовного преступления? // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Осмонов А. Уголовная ответственность за оскорбление. АКД. М., 1972.

Остин Дж. Л. Избранное: Как совершать действия при помощи слов? Смысл и сенсibilität. Чужое сознание. Истина. Значение слова. М., 1999.

Остин Дж. Л. Слово как действие // НЗЛ. Вып. XIII. М., 1982.

Островский А. Пример из практики ведения допроса о защите чести и достоинства: нестандартные ходы // Законодательство и практика СМИ. 1992. № 1.

Ответим за базар? (Интервью А. Барабаш с проф. Н.Д. Голевым) // Вечерний Барнаул. 7 ноября 2001 г., № 172 (1498).

Ощепкова Е.С. Идентификация пола по письменному тексту // CD-диск «Психоллингвистика», 2001.

Ощепкова Е.С. Об установлении особенностей автора по тексту // CD-диск «Психоллингвистика», 2001.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.

Палиева З.И. Лингвистическая экспертиза текста публикации «Прощай билет за 7 лет» в газете «Причудлымский вестник» от 15 апреля 2000 г. // Гласность-2000... М., 2001.

Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство. М., 2001.

Пантелев Б.Н. Экспертиза текстов массовой информации — необходимое условие подлинного правосудия // Цена слова... 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Панченко П.Н. Юридическая техника как фактор совершенствования уголовного законодательства // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.

Панько К.К. Техничко-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России... Нижний Новгород, 2001.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1998.

Петренко В.Ф. Психосемантика ментальности: коммуникативный аспект // Проблемы медиапсихологии... М., 2001.

Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности // Язык закона. М., 1990.

Пиголкин А.С., Студеникина М. Всяк суций в ней язык ... (Анализ республиканских законов о языках) // Народный депутат. 1992. № 9.

Пишина С.Г. Интерпретационные ошибки, возникающие при осуществлении грамматического способа толкования // Проблемы юридической техники... Нижний Новгород, 2000.

Плотников В. Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты // *Хозяйство и право*. 1995. № 11.

Плотникова С.Н. Неискренность говорящего как лингвистическая проблема // *Когнитивный аспект языкового знака 2. Говорящий и наблюдатель*. Иркутск, 1999.

Подчасов А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах // *Русская речь*. 2000. № 3.

Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.

Право и культура. Ростов-на-Дону, 1996.

Придворов Н.А. Институт достоинства личности в советском праве. АДД. Харьков, 1986.

Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996.

Проблемы информационно-психологической безопасности: Сб. ст. и мат-лов конф. М., 1996.

Проблемы медиапсихологии: Материалы секции «Медиапсихология» Межд. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития». М., 2001.

Проблемы юридической техники: Сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород, 2000.

Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран = Language problems of the Russian Federation and foreign states: Материалы к 13 Всемир. конгр. социологов / РАН. Отделение лит. и яз. М., 1994.

Прокофьев Г.С. Анализ юридического текста: некоторые вопросы теории // *Вестник МГУ. Сер. 11. Право*. М., 1995. № 2.

Прокофьев Г.С. Онтологическая и гносеологическая функции языка в правовых нормах // *Вестник МГУ, сер. 11. Право*. 1999. № 3.

Пронина М.Г., Романович А.Н. Защита чести и достоинства граждан. М., 1976.

Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Пряничников Е.О. О языке правовых актов // *Ученые записки ВНИИСЗ*. Вып. 6. М., 1996.

Психолингвистическая экспертная система ВААЛ // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.

Рао С. Оценка с помощью кавычек (о языке прессы) // *Русская речь*. 1996. № 3.

Рассел Б. Человеческое познание. М., 1954.

Рассел Б. Дескрипции // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XIII. М., 1982.

Ратинов А.Р. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 37. М., 1982.

Рафиева Л.К. Гражданско-правовая защита чести и достоинства личности в СССР. АКД. М., 1996.

Рахимов Р.А., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. СПб., 1999.

Рахимов Р.А., Хабибулина Н.И. Проблемы семиотического анализа государственной власти и языка закона // Проблемы юридической техники. Нижний Новгород, 2000.

Ревазян Г.В. Криминалистическая экспертиза как объект лингвистического анализа // Филологический поиск. Вып. 2. Волгоград, 1996.

Репина Е.А. Агрессивный текст как вид текста // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Репина Е.А. Текст как средство негативного воздействия // CD -диск «Психолингвистика», 2001.

Репина Е.А. Эпатажный текст как вид текста // CD -диск «Психолингвистика», 2001.

Рецкер Я. Плагиат или самостоятельный перевод? (об одной судебной экспертизе) // Тетради переводчика. М., 1963.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления события. СПб., 1994.

Розин И.Н. Об оскорблении чести. Томск, 1907.

Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.

Роман Л.В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и речевые аспекты его реализации. Краснодар, 1998.

Романов А.А. Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России-4... М., 2000.

Романов А.А., Воеводкин Н.Ю., Романова Л.А. Дискурс как иерархия целевых программ изменения суггестором личностных установок реципиента: Опыт психотерапевтической коммуникации // Динамический дискурс в познавательном и педагогическом процессах. Липецк, 1999.

Романов А.А., Романова Л.А. Специфика воздействия резонансной информации в актах политической коммуникации // Политический дискурс в России-5: Мат-лы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. М., 2001.

Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. Тверь, 1998.

Ругайтесь правильно, или Довольно толковый словарь русской брани // Книжное обозрение. 1999. № 21.

- Русский мат.** Толковый словарь / Сост. Т.В. Ахметова. М., 1997.
- Русский язык** как государственный. Тез. док. конф. Челябинск, 1998.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995).** М., 1996.
- Рычкалова Л.А.** Лингвистические методы анализа звучащей речи в криминалистике // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.
- Рябинин Ю.** Какие мы по национальности? (О чистоте русского языка) // Книжное обозрение. № 37 (1998, 15 октября).
- Савельев В.С.** Жанровая система древнерусской юридической письменности. М., 1994.
- Савельева Л.В.** Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997.
- Савицкий В.М.** Язык процессуального закона. Москва, 1991.
- Саржина О.В.** Русская инвективная лексика в свете межъязыковой эквивалентности (по данным словарей) // Речевое общение. Вып. 4 (12). Красноярск, 2002.
- Сафонова Ю.А.** Русский язык, властные структуры и электорат // Русский язык на рубеже тысячелетий. 26–27 окт. 2000. Мат-лы докл. Ч. 1. СПб., 2001.
- Свинцов В.И.** О дезинформации // Текст как психолингвистическая реальность. М., 1982.
- Свинцов В.И.** Полуправда // Вопросы философии. 1990. № 6.
- Свинцов В.И.** Смысловой анализ и обработка текста. М., 1979.
- Седов К.Ф.** Типы языковых личностей и строение речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Вып. 26. Саратов, 1996.
- Селезнев М., Уорсноп Р.** Казнить нельзя помиловать // Российская юстиция. 1995. № 6.
- Сергеев А.П.** Право на защиту репутации. Л., 1989.
- Серль Дж. Р.** Что такое речевой акт? // НЗЛ. Вып. 17. М., 1986.
- Серль Дж. Р.** Классификация иллокутивных актов // НЗЛ. Вып. 17. М., 1986.
- Серль Дж. Р.** Косвенные речевые акты // НЗЛ. Вып. 17. М., 1986.
- Ситковская О.Д.** Новые направления судебно-психологической экспертизы // Прокурорская и следственная практика. Орган генеральных прокуроров стран СНГ. М., 2000. № 1–2 (12–13).
- Символика тюрем: нравы уголовного мира всех стран и народов.** Минск, 1996.
- Симльдмяэ И.** Знания (когнитология). Таллинн, 1987.
- Скворцов Л.И.** Что угрожает русскому языку? (размышления о состоянии современной речи) // Русский язык в школе. 1994. № 5.
- Скворцов Л.И.** Язык, общение и культура (экология и язык) // Русский язык в школе. 1994. № 1.

Сквородников А.П. Вопросы экологии русского языка: Уч. пос. Красноярск, 1993.

Сквородников А.П. Об экологии русского языка // ФН. 1992. № 5–6.

Сквородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. Вып. 2. Красноярск — Ачинск, 1997.

Словарь жаргона преступников (блатная музыка) / Сост. С.М. Потапов. М., 1927.

Словарь обидных слов / Сост. Л.В. Дуличенко. Тарту, 2000.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.

Смолян Г.Л., Зараковский Г.М., Розин В.М. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). Препринт. М., 1996.

Снегов С.А. Философия блатного языка // Даугава. Рига. 1990. № 11.

Снегов С.А. Язык, который ненавидит. М., 1994.

Солганик Г.Я. Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения. — М., 2002.

Сорокин Ю.А. Статус факта (события) и оценки в текстах массовой коммуникации // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Сорокин Ю.А. Каким не должен быть суггестивный текст? // Политический дискурс в России-5: Материалы постоянно действующего семинара (Москва, 22 апреля 2001 года) // Под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова — М., 2001.

Сперанская А.Н. «Стиль ссоры» // Русская речь. 1993. № 5.

Сперанская А.Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Стернин И.А. Проблема сквернословия. Туапсе, 2000.

Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980.

Сугачев Л.Н. Ответственность за оскорбление. М., 1966.

Суздаев Е.Н. Теория аргументации: перспективы анализа правовых контекстов // Уч. зап. юридического факультета. СПб., 1996.

Суперанская А.В. За английское слово — штраф: Как правильно говорить по-русски // Учительская газета. 1998. 13 января.

Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6.

Сулова О.Ю. Шизосемиозис коммуникативного пространства в постсовременности // Коммуникации в культуре. Петрозаводск, 1996.

Сыпченко С.В. Из опыта судебной лингвистической экспертизы публицистических произведений (о проблемах лингвистической экспертизы как прикладного направления юрислингвистики) // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Сыпченко С.В. О типах инвективных текстов как объекте лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Татарникова Н.М. Юридический протокол как вторичный речевой жанр // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Техника юридической безопасности для журналиста. М., 2000.

Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М., 1994.

Тихонравов Ю.В. Основы философии права. М., 1997.

Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.

Толстик В.А. Технично-юридические приемы выявления, установления и преодоления формально-логических противоречий // Проблемы юридической техники. Нижний Новгород, 2000.

Тошович Б. Язык в конфликте // Проблемы языковой жизни в Российской Федерации и зарубежных странах. М., 1994.

Тренин Е.В. О некоторых положениях российского законодательства о языках // Российский юридический журнал. 1995. № 4.

Третьякова В.С. Прагматика речевого конфликта // Проблемы лингвистического образования школьников: Материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург 25–26 марта 1999 г. Екатеринбург, 1999.

Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Трубачев О.П. Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории и практики перевода // ВЯ. 1987. № 6.

Трубичина Л.В. Средства массовой информации и психологическая травма // Проблемы медиапсихологии: Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития». М., МГУ, 2001.

Трубников П.Я. Судебная защита чести и достоинства // Социалистическая законность. 1989, № 6.

Тумания Э.Г. Законы о языках и возможность их реализации // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. М., 2000.

Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды. Т. II. М., 1994.

Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

Ушакин С.А. Речь как политическое действие // Полис. 1995. № 5.

Ушаков А.Л. О языке законов и законодательной стилистике // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь, 1983.

Ушаков А.Л. Очерки советской законодательной стилистики. Ч. 1, 2. Пермь, 1967.

Ушаков А.Л. Язык советского закона // Русская речь. 1968. № 1.

Ушакова Т.Н., Латынов В.В. Оценочный аспект конфликтной речи // Вопросы психологии. М., 1995. № 5.

Фаер С. Приемы, стратегии и тактики предвыборной борьбы. Семьдесят три стратегии. СПб., 1998.

Фатыхова Л.А. Процесс оценочного проецирования как функционирование языкового сознания человека // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газеты). Uppsala, 1994.

Флегон А. За пределами русских словарей. Лондон, 1973.

Фонетика и лингвокриминалистика (интервью с Г.Е. Кедровой с проф. Л.В. Златоустовой) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 3.

Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права. АКД. М., 1996.

Хараш А.У. Психология коммуникативного воздействия. М., 1986.

Харлицкий М.С. Новые явления в лексике современной масс-медиа (язык периодики) // Язык и социум. Ч. 1. Минск, 1998.

Хижняк С.П. Правовая терминология и проблема ее упорядочения // Правоведение. 1994. № 3.

Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов, 1997.

Хитина М.В. Специфика анализа данных при исследовании изменения эмоционального состояния говорящего в криминалистической экспертизе // CD-диск «Психолингвистика», 2001.

Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1998.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2001.

Цена слова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Цурганова Е.А. Герменевтика — наука о смысле текста // Вестник Российской академии наук, 1994, т. 64, № 12.

Человеческий фактор в правоохранительных системах: Материалы международной научно-практической конференции «Языки мозга и тела человека: проблемы и практическое использование в деятельности органов внутренних дел». Орел, 1996.

Чепкина Э.В. Код иронии в журналистских текстах // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.

Чепкина Э.В. Формы общения с читателем в современной газете // Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.

Черданцев А.Ф. Можно оспорить и мнение // Российская юстиция, 1997. № 11.

Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999.

Чернышова Т.В. Ложная аргументация (псевдоаргументация, ложное делопроизводство) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вестник российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.

Чернышова Т.В. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Там же.

Чернышова Т.В. Узуально-стилевой комплекс как механизм порождения инвективного высказывания в сфере газетной публицистики // Юрислингвистика-1... Барнаул, 1999.

Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Чернышова Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Черняк В.Л. Зоны выбора и зоны риска в лексиконе современной языковой личности // Аспекты речевой конфликтологии. СПб., 1996.

Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте. Результаты исследования и материалы конференции / Отв. ред. А.К. Симонов. М., 1998.

Честь и доброе имя. О конфликте журналистики и юриспруденции // Российская юстиция. 1997. № 3.

Четчикова З.В. Судебная защита чести и достоинства — конституционное право советских граждан. М., 1980.

Чинаряев Е.О. Законодательный стиль как самостоятельный стиль литературной речи // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения при Верховном совете РФ. 1993. № 52.

Чистые перья: Сборник журналистских расследований (1999—2001). М., 2001.

Чудновский Л.С., Минаев В.А. Речевые технологии в криминалистической фоноскопии: Уч. пос. Ч. 1. Красноярск, 1997.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque. Юриспруденция // Вестник Красноярского государственного университета. 2000. № 2.

Шарифуллин Б.Я. Лингвистическая экология: национальные и региональные проблемы // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск — Ачинск, 1996.

Шарифуллин Б.Я. Языковая экспрессия, языковая агрессия, языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры. Томск, 1997.

Шарифуллин Б.Я. Языковая политика в городе: право языка vs. Языковые права человека (право на имя) // Юрислингвистика-2... Барнаул, 2000.

Шарифуллин Б.Я. «Полет русской души»: опыт несостоявшейся юрислингвистической экспертизы одного рекламного текста // Юрислингвистика-3... Барнаул, 2002.

Шатуновский И.Б. Анализ юридического текста: некоторые вопросы теории // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1995.

Шатуновский И.Б. Можно оспорить и мнение // Российская Юстиция. 1995. № 11.

Шатуновский И.Б. О некоторых лингвистических особенностях нового УК РФ // Вестник Московского университета. Сер. 11. М., 1997.

Шахнарович А.М. Общая психоллингвистика. М., 1995.

Шаховский В.Н. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // ФН. 1998. № 2.

Шевченко Н.В. Устная речь в судебно-психологической экспертизе. Саратов, 1987.

Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград. 2000.

Шейгал Е.И. Смысловая неопределенность как фактор политического дискурса // Политический дискурс в России-4... М., 2000.

Шеломов А. «Птичий язык» трудового права (фундаментальное исследование) // Государство и право. М., 1999, №3. С.115-116. (Рец. на кн. Головина С.Ю. «Понятийный аппарат трудового права»). Екатеринбург, 1997).

Шмелев А.Д. Апелляция к реальности как демагогический прием // Московский лингв. журнал. Т. 2. М., 1996.

Шпаковская Е.Е. Научный юридический текст: от создания до публикации: Уч. пос. Челябинск, 1999.

Шугрина Е.С. Техника юридического письма. М., 2000.

Щербакова О.И. Об основных функциях языка уголовной среды // Язык и социум. Ч. 1. Минск, 1998.

Эрдальевский А.М. Утверждение о факте и выражение мнения — понятия разного рода // Российская юстиция. 1997. № 6.

Эрдальевский А.М. Компенсация морального вреда. М., 1996.

Юридическая техника: природа, основные приемы, значение: Ретроспективный библиографический указатель // Сост. и автор предисловия В.М. Баранов. Нижний Новгород, 1999.

Юридическая техника: Рабочая программа для студентов дневного отделения юридического факультета / Автор-составитель Р.В. Насыров. Барнаул, 2001.

- Юридическая энциклопедия.** М., 1997.
- Юридические понятия и язык права в современном зарубежном исследовании.** Научно-аналитический обзор. М., 1996.
- Юридический конфликт: процедуры разрешения.** Москва, 1995.
- Юрлингвистика-1: проблемы и перспективы:** Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.
- Юрлингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии:** Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.
- Юрлингвистика-3: проблемы юрлингвистической экспертизы:** Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
- Язык закона /** Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
- Язык и массовая коммуникация.** М., 1984.
- Языковое манипулирование общественным сознанием: Методическая разработка и рабочая программа для студентов заочного отделения юридического факультета /** Сост. О.Н. Быкова. Красноярск, 1999.
- Языковые проблемы РФ и законы о языках //** Материалы Всероссийской конференции (1–3.11.1994; РАН. Отделение литературы и языка. Научный совет «Язык и общество». Институт языкознания. РАН. Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям). М., 1994.
- Язык как средство идеологического воздействия.** Сб. обзоров. М., 1993.
- Augst I., Faigel P.** Von der Reihung zur Gestaltung: Unters zur Ontogenese der schriftliche Fachigkeiten von 13-23 Jahren. Franf. a. M., Zang 1986.
- Baumgarten A.** Wissenschaft und Sprache // Rechtsphilosophie auf dem Wege, 1987.
- Bergmann C.** Sermantische Destruktion als Methode der Manipulation // Sprachen in Konflikt: zur Rolle der Sprachen in sozialen, politische und militarische Auseinandersetzung. Berlin-NewYork, 1995.
- Bix B.** Law: Language and legal determinacy. Oxford, 1993.
- Brochamp H.** Die Tatvollendung bei den Beleidigungsdelikten. Inaug Diss...Munster. 1967.
- Busse D.** Juristische Semantik: Grundlagen Interpretationstheorie in sprachwissenschaftliche Sicht. Berlin, 1993.
- Cover R.M.** Narrative, violence, and the law: The essays of Robert Cover / Ed. by Minov M. et. al. — Ist paperback ed. — Ann Arbor: Univ. Of Michigan press, 1995.
- Endros A.** Rechtsprechung und Computer in der neunzieger Jahren: Am Beispiel von Begriff und Typologie der Korpersehaft des off Rechts — B. etc.: Springer— Verl. 1998, 19, 129s. (Informatik — Fachber. Vol. 174).
- Gardners S.** Stalking //Law quart. Rev. L., 1998, vol. 114. Jan. P. 33-39. Оскорбление действием: анализ судебной практики (Источник: Правоведение и политика, 1998, №9).

- Gibbons I. Language and the law. N.Y. Longman, 1994.
- Grasnick W. Uber Schuld, Strafe und Sprache: Systematische Studien zu den Grundlagen der Punktstrafen — und Spielraumtheorie — Tübingen 1987.
- Helberg-Hirn T. Запретные темы и устное слово // Studia slavica finlandensia. T. XI. Helsinki. 1994.
- Jolan L.M. The language of judges. Chicago; L., The univ. of Chicagopress 1993.
- Language and the law. XIV. Longman, 1994.
- Law, language, and narrative structure // Law and literature. N.Y., L, 1996.
- Fillmore Ch.J. Of generativity // The Goals of Linguistic Theory Peters S (ed). Prentice-Hall, 1972.
- Kierner H. Zur Juristensprache // Verständlichkeit. Verstehenbarkeit. Übersetzbarkeit. Neubert A. and Ruziska 1975.
- Ricœur P. Zu einer Hermeneutik des Rechts, Argumentation und Interpretation // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. Jg.42. H.3. Berlin, 1994.
- Sprachen in Konflikt: zur Rolle der Sprachen in sozialen, politische und militärische Auseinandersetzung. Berlin-NewYork, 1995.
- Tenckhoff I. Die Bedeutung des Ehrbegriffs für die Systematik der Beleidigungstatbestände. B., 1974.
- Wennstrom B. The lawyer and language / Transl. By Caroll R., Harrison D., Uppsala: Uppsalauniv., 1994.
- Weinzich H. Linguistic der Zyge. Heidelberg, 1974.

Принятые сокращения

- АДД — автореферат диссертации на соискание степени доктора наук
АКД — автореферат диссертации на соискание степени кандидата наук
ВЯ — журнал «Вопросы языкознания»
НЗЛ — Новое в зарубежной лингвистике
ФН — журнал «Филологические науки»

Интернет-публикации

Составитель: Ю. А. Сафонова, канд. филол. н., доцент

Алешко Д.Э. «Интернет-парламент: Сосед, так же приходил-то?». <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.

Алтунян А. Апология демагогии. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.

Барулин А.Н. Семантико-лингвистическая экспертиза текста Сергея Доренко // Библиотечно-издательская система Userline: <http://lib.userline.ru/768?page=34> (16.10.2002).

Богодухова Е.Д. Материалы средств массовой информации как объект экспертного психолого-криминалистического исследования // Веб-сайт: www.expertizy.narod.ru.

Ильин М.С. Импичмент в прессе. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.htm>.

Какой должна быть аудио экспертиза записей офицера Мельниченко? // Сайт «Украинское право»: <http://www.ukrpravo.com/Comment/expertise.shtml> (16.10.2002).

Крагер М.Д. Лексический анализ статей А. Проханова. <http://www.elections.ru/cgi-bin/ip/show.cgi?101/101.html>.

Комментарии УкрПрава к выводам аудио «экспертизы», проведенной IPI/FreedomHouse // Сайт «Украинское право»: http://www.ukrpravo.com/Comment/comment_vienna.shtml (16.10.2002).

О необходимости различения обиходных и официальных именовании (Заключение Ю. А. Сафоновой, Б. С. Шварцкопфа об употреблении именовании Татария и Татарстан) // Портал «Русский язык»: <http://www.gramota.ru/expertiza.html?02.htm> (17.10.2002).

Разжигание розни — проблема экспертизы // Сайт «Права человека в России»: http://www.hro.org/editions/pg/02_08_02.htm (18.10.2002)

Хорошо забытое старое, или Русисты предупреждали: Президент всегда прав! (Заключение Ю. Н. Караулова, В. В. Лопатина, Ю. А. Сафоновой об аббревиатурах ГАИ и ГБДД) // Портал «Русский язык»: <http://www.gramota.ru/expertiza.html?gai.htm> (17.10.2002).

ЧАС: БЗС — уголовного дела в связи с объявленным издательством Vieda конкурсом не будет // Сайт «Ежедневная газета Латвии “Час”»: <http://www.chas-daily.com/win/news/on-line.html?kod=2918> (16.10.2002).

ОБ АВТОРАХ-СОСТАВИТЕЛЯХ КНИГИ И ЛИНГВИСТАХ-ЭКСПЕРТАХ

БАНКОВСКИЙ Александр Николаевич — главный редактор газеты «Старая Русса», руководитель отделения Медиасоюза по Новгородской области (г. Старая Русса)

БАРАНОВ Анатолий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (ИРЯ РАН) (г. Москва)

БЕЛЬЧИКОВ Юлий Абрамович — доктор филологических наук, профессор факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

ВЕНГРАНОВИЧ Марина Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славянского языкознания Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти)

ГАЛЯШИНА Елена Игоревна — доктор юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, зам. начальника отдела фоноскопических экспертиз Государственного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел РФ», полковник милиции (г. Москва)

ГОЛЕВ Николай Данилович — доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией юрислингвистики и развития речи Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ГОЛОВИНА Элеонора Дмитриевна — кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Вятского государственного педагогического университета (г. Киров)

ГОРБАНЕВСКИЙ Михаил Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (г. Москва)

ГОРБАЧЕВИЧ Кирилл Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)

ГУБАЕВА Тамара Владимировна — доктор юридических наук, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой общетеоретических дисциплин Казанского филиала Российской академии правосудия (г. Казань)

ДМИТРИЕВ Владимир Николаевич — главный редактор газеты «Новгородские ведомости», член правления Медиасоюза, руководитель Гильдии районных газет (г. Великий Новгород)

ДОРОНИНА Светлана Валерьевна — кандидат филологических наук Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

ИВАНОВ Леонид Юрьевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЯ РАН (г. Москва)

КАРА-МУРЗА Елена Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики факультета журналистики МГУ (г. Москва)

КИРИЛЛОВА Лариса Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и методов журналистики Института массовых коммуникаций Дальневосточного государственного университета (г. Владивосток)

КРЫСИН Леонид Петрович — доктор филологических наук, профессор, заместитель директора ИРЯ РАН (г. Москва)

КУЗНЕЦОВ Сергей Александрович — доктор филологических наук, ученый секретарь Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)

ЛЕВОНТИНА Ирина Борисовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник ИРЯ РАН (г. Москва)

МАМОНТОВ Александр Степанович — доктор филологических наук, профессор кафедры методики, педагогики и психологии Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва)

МАТВЕЕВА Ольга Николаевна — аспирант, методист-исследователь лаборатории юрлингвистики и развития речи Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

МИНКИН Александр Викторович — журналист, обозреватель газеты «Московский комсомолец» (г. Москва)

МУШИНСКИЙ Ахат — исполнительный директор Татарского ПЕН-центра (г. Казань)

ПАНТЕЛЕЕВ Борис Николаевич — научный сотрудник отдела юридической психологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, советник юстиции 2 класса (г. Москва)

ПИЦАЛЬНИКОВА Вера Анатольевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

РАТИНОВ Александр Рувимович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России (г. Бостон, США)

САФОНОВА Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент, ст. научный сотрудник ИРЯ РАН, зав. кафедрой Государственной академии славянской культуры, главный редактор интернет-портала «Русский язык» /«ГРАМОТА.РУ»/ (г. Москва)

СЕЛЮТИНА Ирина Федоровна — судья Ленинского районного суда (г. Оренбург)

СИМОНОВ Алексей Кириллович — президент Фонда защиты гласности, профессор Высшей школы экономики (г. Москва)

СЛАВКИН Владимир Вячеславович — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОЛГАНИК Григорий Яковлевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой стилистики факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОРОКАЛЕТОВ Федор Павлович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)

ФАТЕЕВА Наталия Александровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка художественной литературы ИРЯ РАН (г. Москва)

ШВАРЦКОПФ Борис Самойлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культуры речи ИРЯ РАН (г. Москва)

ШАКЛЕИН Виктор Михайлович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов, зам. председателя правления Гильдии по документационным и информационным спорам (г. Москва)

ШИРЯЕВ Евгений Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом культуры речи ИРЯ РАН (г. Москва)

ЯКОВЕНКО Игорь Александрович — генеральный секретарь Союза журналистов России (г. Москва)

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)

Инициаторы создания ГЛЭДИС полагают, что Гильдия может и должна стать важным общественным координирующим органом по собиранию и оптимизации лингвистического экспертного опыта, а также организацией, представляющей интересы экспертов-лингвистов в государственных, коммерческих и общественных структурах, в частности в деле защиты их прав и в деле развития профессиональной репутации лингвистов-экспертов в обществе и государстве, в СМИ и общеобразовательных учреждениях, в важном деле воспитания у молодого поколения россиян уважения к русскому языку как величайшему национальному достоянию и гибкому, но ответственному инструменту развития государственных, экономических и общественных отношений.

Становится все более очевидно: проведение многочисленных лингвистических экспертиз спорных текстов, осуществляемых профессиональными учеными-русистами (лингвистами-экспертами), в частности в связи с постоянно увеличивающимся количеством гражданских исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, уголовных исков об оскорблении и клевете, арбитражных исков о толковании разделов текстов и отдельных слов и словосочетаний, нуждается как в теоретическом осмыслении и обобщении практического опыта лингвистов-экспертов (через совместные конференции, семинары, методологические исследования), так и в объединении их усилий по унификации методик лингвистических экспертиз. Необходима дальнейшая разработка многих лингвотеоретических принципов, которые могли бы быть положены в основание законодательных актов, лингвистической экспертизы конкретных документационных и информационных споров, судебных решений.

Квалифицированные российские эксперты-языковеды, кандидаты и доктора филологических наук, объединившиеся в 2001 г. в Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (сокращенно — ГЛЭДИС), уже имеют значительный самостоятельный (который предстоит перевести в корпоративный) опыт по таким лингвистическим экспертизам, как, например: подробное разъяснение значения и происхождения слов, словосочетаний и фраз; исследование случаев, связанных с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации (в частности, анализ спорных публикаций и выступлений в СМИ); исследование структуры текстов, анализ основного и дополнительного содержания текстов, их авторства и т.п.; толкование отдельных положений законодательства, подзаконных актов и иных документов с точки зрения того, как их должен понимать обычный грамотный носитель современного русского литературного языка и др. Объективность и строгая аргументированность присущи всем экспертным заключениям, представляемым нами в официальные инстанции. Они оформлены в полном соответствии требованиям современного российского делопроизводства.

Учредителями Гильдии выступили конкретные физические лица — лингвисты, юристы, библиографы.

Учитывая резкий рост числа исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, предъявленных к сотрудникам российских СМИ физическими и юридическими лицами, мы смогли уже в первые два месяца своей работы при эффективной поддержке Фонда защиты гласности выпустить в свет книгу «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации», вызвавшую большой интерес у сотрудников СМИ, следователей, судей, адвокатов, студентов и преподавателей факультетов правоведения, филологии и журналистики, у правозащитников.

Участие в работе Гильдии и членство в ней связывается десятками квалифицированных специалистов с надеждами на оптимизацию проблем, связанных с социальным статусом эксперта и деятеля лингвистической науки в современном российском обществе, на получение эффективного инструмента пополнения профессионального багажа знаний, координации методики экспертной работы и получения защиты от возможного произвола государственных структур.

Гильдии необходима независимая от российских государственных структур финансовая поддержка ее деятельности и проводимых ею общероссийских мероприятий (в частности, для организационных и научно-практических семинаров). Гильдия с признательностью примет спонсорскую помощь и заключит перспективные договоры о сотрудничестве с российскими коммерческими, некоммерческими и государственными структурами, организациями.

Членство в Гильдии носит в основном индивидуальный характер; организации (центры, кафедры, лаборатории и пр.) могут выступать официальными партнерами Гильдии. В своей организационной работе Гильдия исповедует принцип «отбора, а не набора». Вступительный взнос — 50 у.е. в рублях по курсу ЦБ РФ банковским переводом на счет Гильдии. Ежегодный взнос — 20 у.е.

Члены Гильдии бесплатно получают все издания ГЛЭДИС, методические пособия, за счет Гильдии участвуют в научно-практических, методологических конференциях и семинарах, получают лингвистическую, юридическую и организационную поддержку в своей экспертной деятельности от Правления Гильдии и его ведущих консультантов. Всем аккредитованным и действительным членам Гильдии выдается диплом, а также удостоверение общероссийского образца.

Гильдия ведет активную издательскую деятельность. В настоящее время вышли в свет три издания книги «Цена слова». Начата работа над справочно-методическим изданием Гильдии «Лингвистические экспертизы текстов СМИ: Пособие для журналистов, юристов и филологов», которая будет напечатана в 2003 году.

В сети Интернет работает сайт Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам: www.rusexpert.ru и www.expertizu.narod.ru. Его основные разделы: «История Гильдии», «Публикации о Гильдии», «Образцы экспертиз» (с подразделами «Типовая научная справка», «Типовое экспертное заключение», «Запрос юридического лица на проведение экспертизы»), «Научные партнеры», «Вступление в Гильдию», «Книжная полка» (полные электронные версии четырех книг), «Полезные ссылки», «Фотоархив Гильдии», «Семинары», «Наши реквизиты». Многие ответы на свои вопросы вы найдете на сайте Гильдии.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Свидетельство о регистрации общественного объединения
№ 14127 от 15 февраля 2001 г.,
выдано Главным управлением Министерства юстиции
Российской Федерации по г. Москве.

Гильдия учреждена физическими лицами —
лингвистами, юристами, библиографами.

Руководящий орган — правление;
председатель правления — доктор филологических наук,
профессор Михаил Викторович Горбаневский;
зам. председателя правления — доктор филологических наук,
профессор Виктор Михайлович Шаклеин.
Адрес для переписки — 129164, Москва, а/я 110.

Телефон: (095) 201-32-42.

Факс: (095) 201-49-47, 283-10-90. Пейджер (095) 232-00-00, аб.№ 3285.

E-mail: mivigo@dol.ru. Веб-сайт: www.expertizy.narod.ru и www.rusexpert.ru

ИНН: 7717118908

Банковские реквизиты:

Р/с 40703810400000000048 в АКБ «Масс Медиа Банк»
БИК 044583739 к/с 30101810200000000739

ОКПО — 56500068; ОКОГУ — 61300; ОКАТО — 45280552000;
ОКОНХ — 98400, 95630, 84300, 72200, 82000, 92200, 87100, 96190;
ОКФС — 53; ОКОПФ — 83

*Экспертизы выполняются на договорной основе
по официальным запросам судов, следственных органов,
адвокатских контор, редакций СМИ,
юридических и физических лиц.*

Гильдия с благодарностью принимает от юридических и физических лиц
благотворительные (спонсорские) взносы на развитие уставной деятельности.

The Guild of Linguistic Experts for Documentation and Information Disputes (GLEDID)

As a new public association, the Guild sees it as one of its major goals to contribute — through expert studies carried out by professional linguists — to preserving and optimizing the use of the Russian language in domestic media and modern Russian society as the basic instrument for the citizens and their associations to freely express their views and ideas, produce and circulate information, and preserve Russian as a phenomenon of the cultural, scientific, political, educational and information environment.

GLEDID's organizers believe that the Guild can and must serve as an important social instrument of coordinating the accumulation and generalization of linguistic expert experience, and as an entity to represent the interests of linguistic experts in various government, commercial and public organizations, specifically, by defending their rights, adding to their high professional standing in the eyes of citizens and government agencies, promoting their contacts with the mass media and educational establishments, and fostering the younger generation's respect for the Russian language as the most valuable national asset and a flexible and effective means of furthering the development of public, economic and social relations.

The current social and linguistic situation in Russia is marked by special stress on issues at the junction of linguistics, jurisprudence, journalism and social psychology. The development of glasnost, with focus on human rights, has increased society's demand for the legal regulation of people-to-people relations in the light of the Russian language's uses in politics, the economy (documentation disputes), print and electronic media (information disputes), and everyday life.

Considering the growing number of orders for linguists' expert opinions concerning texts that underlie numerous claims in defense of dignity, honor and business reputation, lawsuits initiated on charges of insult and libel, and arbitration court requests for professional comments on the meaning of separate written passages, phrases and words, it is obviously time to draw some theoretical conclusions and make some generalizations with respect to linguistic experts' practical experience (e.g., by way of organizing joint conferences, seminars, and methodological studies), and help them in pooling their efforts to produce some unified sets of methods of linguistic analysis and work out some theoretical principles that may lead to better legislative acts in the relevant area, sounder expert conclusions on specific documentation and information disputes, and fairer court rulings.

The qualified Russian linguists (holding the degrees of Candidates and Doctors of Philology) who founded the Guild of Linguistic Experts for Documentation and Information Disputes in 2001 have already acquired impressive individual experience (which should now be made corporate) in providing expert opinions on a variety of matters, including interpretation of the meaning and etymology of words, word combinations and phrases; analysis of materials pertaining to cases

involving honor, dignity and business reputation protection claims (e.g., analysis of controversial publications or TV/radio addresses); structural analysis of texts, with focus on primary meanings and connotations, authorship, etc.; interpretation of separate legislative provisions, sub-laws and other documents from the viewpoint of how they can be expected to be perceived by the ordinary literate carriers of the modern Russian literary language, etc.

The Guild was founded by a group of linguists, lawyers and bibliographers, all of them physical persons. Just two months after the Guild's inauguration, in view of the rapidly growing number of claims in defense of honor, dignity and business reputation filed against domestic media by various legal entities and individuals, we managed, with active support from the Glasnost Defense Foundation, to release a book entitled «The Word's Value: Linguistic Expert Opinions Requested in Connection with Honor, Dignity and Business Reputation Defense Claims Against the Media». The book caused enormous interest on the part of media professionals, investigators, judges, lawyers, teachers and students of law, philology and journalism, and human rights activists.

Dozens of qualified specialists are viewing their activities within, and membership of, the Guild as a way of translating into a reality their hopes for optimizing the social status of a linguistic expert and scholar in today's Russia, and an efficient instrument of expanding their professional knowledge, coordinating their linguistic performance, and getting an opportunity to be protected in real terms against government arbitrariness which still seems quite possible.

The following organizations are listed among the Guild's active partners: the Law Linguistics Laboratory of Altai State University (laboratory head: Professor N.D. Golev); the Reference Information Portal «The Russian Language» (editor-in-chief: Associate Professor Y.A. Safonova); the Public Association «Business World and Security» (President: FSB Lt.-Gen. [retired] V.V. Kashirskikh); BFG Group (advisor: M.A. Gurevich); the state institution «Forensic Laboratories Center of Russia's Interior Ministry» (deputy head of the Phonoscopic Studies Division: Police Colonel E.I. Galyashina, Cand. of Philology); the Journalists' Union of Russia (General Secretary: I.A. Yakovenko); the Glasnost Defense Foundation (President: A.K. Simonov); the Legal Service Department of the Moscow Chamber of Commerce and Industry (department head: S.P. Nemanov); Temiks Security Services (Board member: V.V. Krasilnikov); the Russian Language Department of Moscow State University (department head: Associate Professor E. S. Kara-Murza); the Information/Political Journalism Resource Facility «Say NO To Drugs» (General Director: A. G. Kormilitsyn); the international law firm «Freshfields Bruckhaus Deringer» (lawyer: N. Y. Selyakov); the Forensic Laboratories Center of the Justice Ministry of Kazakhstan (head of the Psychological Studies Division: E.D. Bogodukhova), the open-end joint-stock company «Convent Climate» (General Director: A.Y. Zolotarev), and others.

The Guild would welcome independent (non-governmental) support for its everyday activities and its programs of national importance (in the first place, the organizational and scientific/practical seminar scheduled for December 2002, which is expected to involve Guild experts and partners from Barnaul, Velikiy Novgorod, Vladivostok, Volgograd, Saratov, Petrozavodsk, Kazan, Kirov, Krasnodar, Naltchik, Togliatti, Tomsk, Chelyabinsk and other Russian cities and regions). It would appreciate any sponsor assistance and be ready to conclude long-term agreements of cooperation with Russian commercial, non-commercial and state-run institutions and organizations.

Guild membership is strictly individual; organizations (centers, university departments, laboratories, etc.) may perform as the Guild's official partners, but not members. In its activities, the Guild will adhere to the principle of «selection, rather than collection». Its initial membership fee, which amounts to an equivalent of USD 50, is to be transferred to the Guild's bank account in Russian rubles. The annual membership fee is USD 20.

The Guild members shall be entitled to receive all of the GLEDID publications and methodological recommendations free of charge; participate in all scientific/practical and methodological conferences and seminars at the Guild's expense; receive linguistic, legal and organizational support for their expert studies from the Guild's Board and leading consultants. Each Guild member shall be issued a diploma (format A4) with a color photograph and a holographic stamp, as well as an ID card acceptable throughout Russia.

The Guild has actively engaged in publishing activities. Currently, we are about to release the third (revised and expanded) edition of the book «The Word's Value», and have commenced work on a reference/methodological handbook «Linguistic Expert Analysis of Media Texts: A Guidebook for Journalists, Lawyers and Philologists». Both books will be released in 2002–2003.

**REFERENCE INFORMATION, BANK REQUISITES, POSTAL ADDRESS,
AND E-MAIL/INTERNET COORDINATES**

Public Association Registration Certificate # 14127 of February 15, 2001, issued by the Main Directorate for the City of Moscow of the Russian Federation Justice Ministry.

The Guild has been founded by a group of physical persons, including linguists, lawyers and bibliographers.

The Guild's performance is directed by the Board;
the head of the Board is Professor Mikhail V. Gorbanevskiy, Ph.D. (Philology).

Postal address — P.O.B. #110, 129164 Moscow, Russia

Telephones: (095) 201-3242, (095) 283-1090.

Fax: (095) 283-1090. Pager: (095) 232-0000, subscriber #3285.

E-mail: mivigo@dol.ru. Web site: www.expertizy.narod.ru and www.rusexpert.ru

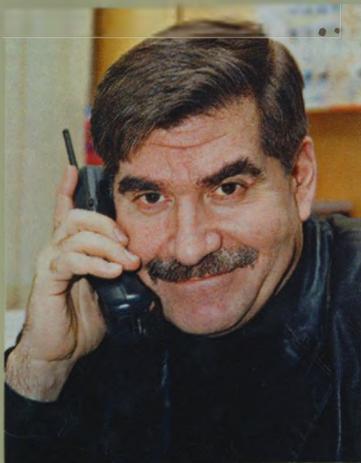
INN: 7717118908

Bank requisites:

Settlements acc. # 4070381040000000048 with AKB Mass Media Bank
BIK 044583739 Corresp. acc. # 30101810200000000739

OKPO — 56500068; OKOGU — 61300; OKATO — 4528052000;
OKONKH — 98400, 95630, 84300, 72200, 82000, 92200, 87100, 96190;
OKFS — 53; OKOPF — 83

Expert opinions are provided on a contractual basis
at the request of courts of law, procurators' offices, mass media, legal entities and individuals.

Русский язык есть основной инструмент в осуществлении гражданами РФ и их объединениями права свободно выражать мнения и идеи, передавать, производить и распространять информацию. Основная цель нашей

Гильдии - содействие через экспертную деятельность профессиональных лингвистов сохранению и развитию русского языка в отечественных СМИ и современном российском обществе. Мы реально помогаем защите родной русской речи как части информационной среды, культуры, науки, политики, образования. В своих экспертных заключениях мы стремимся к полной беспристрастности, основанной на строгих и точных научных аргументах.

Михаил Воробанов

председатель правления
Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным
и информационным спорам,
доктор филологических наук,
профессор